ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 7

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 7

Москва
Академия исторических наук
2006

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4
О-80
7

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 7. — М.: Академия исторических наук, 2006.- 533 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6689 (on-line)

ISBN 5-903076-03-3 (т.7)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в Москве и Московской области.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

Начиная с 7-го тома, открыта подписка на Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук, где размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования из любой точки земного шара, в том числе в школе, университете, войсковой части, офисе, поезде, самолёте или квартире.

Издание тома осуществлено на средства Читипаховяна Петра Степановича

ISSN 1818-6688 (print) УДК82-92”1941/45”
ISSN 1818-6689 (on-line) ББК 84Р7-4

ISBN 5-903076-03-3 (т.7)
ISBN 5-903076-05-X
© Академия исторических наук, 2006

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие к изданию	7
	Предисловие к 7-му тому	12
1	**Аншутов Александр Афанасьевич**	
	Первым делом самолёты	15
2	**Астудин Иван Ильич**	
	Воспоминания сапёра-разведчика	20
3	**Бабенко Мария Васильевна**	
	У войны не женское лицо	25
4	**Баров Соломон Соломонович**	
	Танки по башню зарывались в чернозём	43
5	**Беликин Валентин Иванович**	
	Крылатые воины Второй Отечественной	51
6	**Белов Дмитрий Семёнович**	
	Ты помнишь, товарищ, дороги войны	70
7	**Белоусов Николай Иванович**	
	Возвращение из тыла противника после авиакатастрофы	80
8	**Блудов Николай Павлович**	
	Стали ефрейторами по приказу Сталина	96
9	**Бойко Иван Минович**	
	В тылу и на огневых рубежах	103
10	**Вахитов Абдулахат Бареевич**	
	Вперёд не высовывался и сзади не отставал	109
11	**Винник Павел Борисович**	
	От роты осталось девятнадцать человек	118
12	**Вишняков Павел Константинович**	
	Путь от штурмана экипажа до штурмана полка	128
13	**Воронков Виталий Петрович**	
	В тылу врага	142
14	**Головач Александр Семёнович**	
	Река чуть не становилась розовой от крови	146
15	**Графчев Пётр Иванович**	
	Голод заглушали куревом	154
16	**Ермолаев Виктор Андреевич**	
	Кромсали их в мясо	171
17	**Иванова Зинаида Константиновна**	
	Дочь полка	186

18 **Климентов Леонид Васильевич**
Населения в городе не было 199
19 **Клюев Борис Дмитриевич**
Долго хранил эту счастливую шинель 208
20 **Комов Михаил Иванович**
Молодость и война 214
21 **Коровушкин Александр Иванович**
Уходит в ночь разведка 219
22 **Кравченко Пётр Ефимович**
Цена победы 232
23 **Кудимов Фёдор Петрович**
Молния попала прямо в кокарду 239
24 **Кузнецов Юрий Дмитриевич**
Воспоминания солдата, пропадавшего без вести 244
25 **Кузько Иван Васильевич**
Война и человек – понятия несовместимые 264
26 **Лавренов Иван Тихонович**
Воспоминания юнги 277
27 **Максимова (Могилатова) Ольга Митрофановна**
Переводчица в штабе 284
28 **Мишин Лев Николаевич**
Балтийские будни 297
29 **Мруг Василий Пантелеевич**
Огненный таран 302
30 **Мусаэлян Эрик Суренович**
Таким образом, жизнь моя была спасена 316
31 **Нехорошев Юрий Михайлович**
Время между боями в прибалтийских странах проходило неспокойно 324
32 **Ночевкин Николай Васильевич**
Реку Висла форсировали под дымовой завесой 337
33 **Остапенко Михаил Кириллович**
Это было моим первым по-настоящему боевым крещением! 345
34 **Петропавлова Зоя Васильевна**
Я перебинтовывала, зажав один конец бинта в зубах… 365
35 **Плешаков Виктор Викторович**
Как рождались летчики-штурмовики 378

36 **Попов Михаил Александрович**
Неописуемая психологическая атака 390
37 **Примак Николай Тимофеевич**
Загремело в воздухе «УРА!» 400
38 **Рябчуков Василий Николаевич**
Война, жестокая и беспощадная 408
39 **Сапетко Андрей Семёнович**
Комсомолец – на самолёт! 423
40 **Ситников Николай Яковлевич**
Теперь для нас с Вами будут другие экзамены… 432
41 **Соловьёва Александра Григорьевна**
В окружении 443
42 **Стахеев Василий Сергеевич**
Без портянок, сапог и казённой лошадки! 448
43 **Стукалов Алексей Дмитриевич**
Борьба за жизнь 460
44 **Сысоев Иван Егорьевич**
Окапываться мы не стали 468
45 **Таборко Светлана Александровна**
Четыре года жизни, которые определила война 479
46 **Таиров Константин Дмитриевич**
Память Ивана Петровича Черенкова 484
47 **Уланов Василий Григорьевич**
Я добровольно согласился произвести разведку 493
48 **Фёдоров Борис Михайлович**
На Морзе без обеих кистей рук 502
49 **Хорошилов Яков Фёдорович**
Каждый день на каждый квадратный метр падало до четырёх снарядов 514
50 **Чуденков Александр Васильевич**
Нас ведь мало осталось в живых 525

Благодартность Оргкомитета издания 531

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом, Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундамен-

тальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить про-

шлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с настоящего тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских органи-

заций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

В результате этой работы, кроме изданных и настоящего, подготовлены материалы воспоминаний еще для девяти томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания - за один осенний семестр подготовлены материалы 70 ветеранов. Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Московской и Смоленской областей и Краснодарского края. Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 7-му тому

Великая Отечественная… Ныне не десятилетия, а более полувека отделяет нас от событий тех времен. Герои фронта и тыла, известные и безымянные, не щадя себя, приближали победный май 1945 года, когда наконец-то взвился, зареял над поверженным Рейхстагом алый стяг. Это была Великая Победа Великого Народа.

О Великой Отечественной написано много. Но не все. К счастью, еще живы многие из непосредственных участников событий – ветераны. В силу естественных причин до наших дней дожили в основном самые молодые из них – те, кто родился в 20-е годы прошлого столетия. Ныне живущим и получившим свое боевое крещение в званиях рядового, сержанта, старшины или лейтенанта есть что вспомнить и рассказать. Ведь именно их взгляд на войну из окопов и кабин самолётов, через смотровые щели танков и оптические прицелы снайперских винтовок – самый правдивый, самый верный. И именно их воспоминания – это единственное, что мы еще можем собрать, обработать, сохранить и издать.

В настоящее время в результате взаимодействия ряда ветеранских организаций и факультетов (кафедр) военного обучения четырнадцати российских высших учебных заведений оказалось возможным издать шесть томов солдатских мемуаров.

В октябре 2003 года к участникам проекта присоединилась и кафедра истории Московского авиационного института (МАИ). Профессорско-преподавательский состав её к этому времени уже имел богатый опыт работы по организации конкурсов студенческих рефератов, посвященных юбилейным датам в истории России. Поэтому привлечение студентов к содействию ветеранам в подготовке их воспоминаний не встретило затруднений в организационном плане. Тем не менее, в этом проекте есть существенные отличия. Если до сих пор ребята использовали только готовые опубликованные материалы, то теперь их приходилось перенацеливать на общение с живыми людьми и участие в создании новых знаний в форме мемуаров. Подобное обстоятельство обусловило внесение корректив в методологию работы. Как показал опыт, подготовка воспоминаний ветеранов шла продуктивно в тех случа-

ях, когда общение проходило не в форме монолога ветерана, а в форме диалога между ветераном и студентом. Это, в свою очередь, потребовало от студента более углубленных знаний как по истории войны в целом, так и по истории локальных фронтовых операций, в которых ветеран принимал участие. Таким образом, ребята должны были быть подготовлены к общению с ветеранами в научном плане в ходе многочисленных консультаций, проводимых их научными руководителями – преподавателями кафедры.

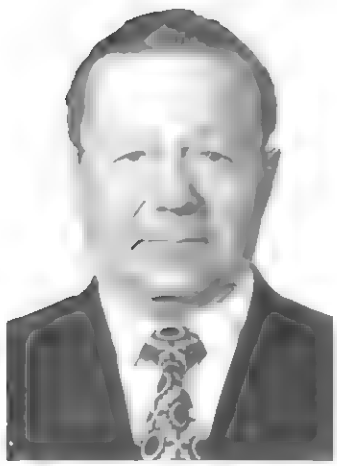
Анализ опыта участия студентов в написании ветеранских воспоминаний выявил еще один фактор. Студенческий реферат, имеющий своей базой лишь готовые материалы, в большинстве своем носит компилятивный характер и лишен многих недостатков с точки зрения знания студентом норм русского языка. Обработка воспоминаний ветеранов студентами стала первым опытом по написанию авторской работы, как в научном, так и в литературном плане. В связи с этим преподавателям кафедры очень часто приходилось выступать в роли не только научных руководителей, но и редакторов.

В целом, в настоящее издание вошли воспоминания 50-ти участников боевых действий Великой Отечественной войны в авторской редакции, подготовленные студентами МАИ в 2005 году. Эта книга является результатом совместного труда ветеранов, студентов и преподавателей кафедры истории МАИ – заведующего кафедрой Порохни Виктора Сидоровича, профессоров Батениной Виолетты Семеновны и Боечина Владимира Петровича, доцентов Айрапетяна Роберта Мелитоновича, Андреевой Ирины Николаевны, Балыши Андрея Николаевича, Барминой Анны Валентиновны, Вельможко Ирины Николаевны, Рузской Светланы Борисовны, Султыговой Лайлы Ахмедовны, Тетюшевой Светланы Анатольевны, Чириковой Ольги Борисовны и Шлыковой Людмилы Анатольевны, старших преподавателей Михеева Владимира Викторовича и Юрченко Ивана Юрьевича, учебно-вспомогательного персонала кафедры в лице Серебряковой Ирины Николаевны и Архиповой Натальи Владимировны.

Необходимо отметить, что в 2005 году, в преддверии 60-летия Великой Победы, кафедрой истории МАИ был также организован конкурс студенческих рефератов, посвященных юбилею. Многие из студентов, оказавших содействие ветера-

нам в подготовке их воспоминаний, стали его победителями. Несомненно, огромную позитивную роль сыграли здесь не только те знания и впечатления, полученные первокурсниками во время встреч с ветеранами, но и тот настрой, то отношение к теме, сформировавшиеся у ребят в процессе изучения отечественной истории и общения со старшим поколением. Это обстоятельство со всей очевидностью указывает на то, что привлечение студентов для оказания помощи при подготовке солдатских мемуаров таит в себе огромные возможности не только в познавательном плане, но и в использовании в университетах новой, перспективной формы учебного процесса, а также в воспитании у студентов патриотизма и высоких морально-нравственных качеств.

Коллектив кафедры истории Московского авиационного института (государственного технического университета)



Аншутов Александр Афанасьевич

Первым делом самолёты

Я родился в Архангельской области, в деревне Наволок 14 марта 1917 года. В 30-м году уехал в Ленинград, в фабрично-заводское училище, но, к сожалению, из-за отсутствия прописки я его не закончил и уехал обратно к себе в деревню. Там я закончил 6-й и 7-й классы. На тот момент мне было 13 лет. В том же году, после окончания школы, я снова вернулся в Ленинград и поступил на рабочий факультет при Ленинградском ветеринарном институте. Закончив его, я сразу пошёл учиться в Лётное училище, которое находилось в городе Балашов. Через два года моей учёбы в училище к нам приехали представители Читинской военной школы, и нас отправили на прохождение медкомиссии для обучения на военных лётчиков, но по состоянию здоровья данную комиссию я не прошёл, и меня отправили учиться на авиационного техника в Харьковское техническое училище.

О начале войны я узнал, когда в июне 1941 года был в отпуске и уехал на отдых в Белую Церковь к своей сестре. Отдохнуть удалось только один вечер, а утром 22 июня сестра разбудила меня и сказала, что началась война. Конечно же, сначала я ей не поверил, а в 11 часов после выступления Молотова я понял, что все сказанное моей сестрой было правдой, и срочно поехал в Москву. В июне 1941 года я уже окончил

Харьковское военное училище, и год отслужил в армии. Из моей большой и дружной семьи, которая состояла из пятнадцати детей, служил только я.

Одним из первых мест моей службы был город Подольск, где я служил в 134-м авиационном полку. Аэродром находился в деревне Кузнечики, и жили мы в бывшем имении князя Голицына в Дубровице. Кстати, здесь со мной служил старший сын Н.С.Хрущева. Я с ним был мало знаком, но те, кто общался с ним, говорили, что это был очень приветливый и добродушный человек. В мае поступил приказ, и мы вылетели на фронт. Здесь я познакомился с Андреем Семеновичем Малафеевым, который стал моим другом. На тот момент он был механиком на двенадцатом самолёте, а я техником на одиннадцатом. Именно он стал мне опорой на всю жизнь. В первых числах июля наш полк полетел на Западный фронт под Ржев. Как только мы приземлились на аэродроме и еще не успели замаскировать самолёт, нас впервые начали бомбить немцы. Так произошло мое первое боевое крещение. В это время я все больше стал задумываться, для чего нужна война, ведь столько хороших людей погибало в то время на фронте. Война ужасала и пугала всех нас, и мы часто с друзьями говорили о том, что эта война - просто бедствие для всего русского народа. В Ржеве наш полк отвоевал только два месяца. Наша армия несла большие потери. Боеприпасов катастрофически не хватало, из восьмидесяти самолётов осталось только пять или шесть. Для пополнения продовольствия, оружия, техники и медикаментов наш технический состав отправили в Ростовскую область, на станцию Пролетарская. Здесь же нас переучивали на новые самолёты Пе-2. Между учебой мы иногда ходили на танцы, но праздничного настроения ни у кого не было: все беспокоились за наших ребят на фронте. После тренировок меня распределили в 16-ю воздушную армию. Необходимо было срочно переучиваться на новые пикирующие самолёты, чтобы соответствовать всем требованиям. Но доучиваться нам пришлось уже в Астрахани, так как, когда немцы взяли Ростов, наш полк перекинули именно туда. Город оставил в моей памяти очень неприятное впечатление. На каждой улочке было как-то неуютно и не гостеприимно.

В мае 1942 года нас отвезли в Иркутск для получения новых военных самолётов, их мы получили довольно-таки быст-

ро. Следующим этапом моей биографии была служба в городе Лебедянь. Перелёт был очень сложным, так как самолёты были маленькими, а помимо нас перевозили много солдат. Часто люди были так сдавлены, что глоток свежего воздуха казался чем-то невероятно недостижимым. В это время в окрестностях Лебедяни шли бои, свободного времени было мало, но иногда у нас все-таки получалось выкроить час-полтора для отдыха. В такие минуты мы предпочитали гулять в окрестностях деревни. На одной из таких прогулок я со своими друзьями-однополчанами набрел однажды на поместье Троекуровых. Мы были знакомы с повестью Пушкина «Дубровский» и подумали, что это именно то поместье, о котором упоминалось в повести. Но местные жители разубедили нас в этом.

В ходе боев немецкие войска захватили Лебедянь, и нашему полку срочно нужно было передислоцироваться в Липецк. В Липецке меня распределили в 223-ю дивизию, в бригаду по ремонту самолётов. Это была тяжелая работа, поскольку сбитые самолёты порою находились очень далеко от ремонтных боксов и их приходилось перевозить на большие расстояния. Часто просили помощи у местных жителей. Они же помогали нам вытаскивать самолёты на поля или на какую-нибудь твердую или сухую почву, и там мы ремонтировали самолёт. Наша бригада не была очень большой, так что требовалось немало времени, чтобы отремонтировать самолёт. А, кроме того, наша работа осложнялась тем, что в процессе ремонта мы подвергались нападениям немецко-фашистских самолётов. Работа так нас изматывала, что порою мы, придя домой, засыпали, как только наша голова прикасалась к подушке.

Всю зиму провели мы в землянках под Воронежем. Условий для проживания почти не было, да и просто смешно даже подумать, какие условия могут быть в землянке! Когда мы жили там, один очевидец рассказал, что с местного аэродрома взлетел на самолёте техник и разбомбил мост через переправу, который до этого ни один солдат не мог взорвать, но, к сожалению, сам техник погиб. Вот какие отважные и смелые люди боролись за спасение своей Родины! Здесь же, в землянках, мы надели погоны вместо петлиц.

После Воронежа я попал в 95-ю отдельную эскадрилью и служил в Нижних Деревеньках, под Львовом. Здесь мы ремон-

тировали самолёты По-2 или просто «кукурузники». На данном этапе наши пути с Андреем Семеновичем разошлись, и я надолго потерял с ним связь. Но я до сих пор вспоминаю, как хорошо мы с ним ладили, ведь у нас никогда не возникало с ним никаких трений. В это время шла Курская битва, и мы часто видели, как немцы летали на Курск. Мы все понимали, что помощь нашей бригады была особенно нужна. Каждый из нас хотел сделать как можно больше, чтобы помочь своей Родине. Но все-таки это было очень сложно, рабочих рук было очень мало, а работы, наоборот, много.

После Нижних Деревенек наш состав отправили в 970 городище Сталинградский авиационный полк. Мы прибыли в Белосток, и я получил приказ проверить уплотнительные кольца. А после проверки был обязан доложить начальству о том, что сделал. Утром меня вызвали в штаб, но, когда я туда пришёл, там уже никого не было. Мне сказали, что поступило срочное распоряжение, и все уехали на аэродром. Конечно же, я скорее помчался туда. Прихожу я на стоянку, и мне говорят, что нашего механика отвезли в больницу. Я поинтересовался, почему его отвезли туда. Оказывается, при подвеске авиабомбы весом 500 килограммов (Фап-500), она сорвалась с замков и упала на землю. Когда ее подвешивали, наш механик Дусманов Владимир Ильич проверял надежность крепления замков. И, когда бомба упала, она задела его левую ногу. Причина была в том, что он нарушил правила техники безопасности: при подвеске запрещается находиться в кабине самолёта, а командир звена Лайков Владимир Семенович залез в кабину, чтобы проверить свою работу, и таким образом бомба сорвалась с петель и упала. По сути дела, вина должна была лежать на мне, но, так как я не присутствовал во время инцидента на месте, то вина не была моя. В больнице Дусманов пролежал очень долго, и писем от него не было. А когда были сборы 4-й воздушной дивизии, я узнал, что Дусманов выздоровел, но ногу ему пришлось ампутировать. Здесь же я познакомился с Васильевым Владимиром Александровичем, с которым мы вместе обслуживали самолёты. После войны мы с ним по-прежнему очень хорошо общались.

С 970-м полком я проделал путь из Белостока в Торунь, потом в Познань, а уж потом и в Меркиш Фридленд, все время мы летали на Кёнигсберг. Мы не задерживались в этих горо-

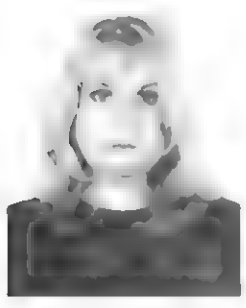
дах подолгу, так как, как только наши войска брали территорию, где были аэродромы, наше командование переводило нас на этот аэродром. Я даже толком не запомнил места, в которых я был, в конце концов, они все спутались в моей голове.

После победы над немецко-фашистскими оккупантами наш полк перевели для ведения военных действий в Китайскую Народную Республику, которая в это время вела военные действия с Японией, но в этих действиях я не участвовал, так как был демобилизован из рядов Красной Армии. После демобилизации я был представлен к правительственным наградам - медалям «За победу над фашистской Германией» и «За взятие Кёнигсберга». Из-за бюрократических проволочек и несогласованности действий наградного отдела медаль «За взятие Кёнигсберга» я не получил.

В послевоенные годы мы встречались со своими однополчанами в День Победы и вспоминали те дни, которые принесли много горечи и радости нашему народу. Каждый День Победы - это своеобразное воспоминание об ушедших годах, а тем более, что с каждым годом моих товарищей становится все меньше и меньше, но по-прежнему минуты общения и воспоминаний приносят огромную радость. Раньше мы даже встречались в Ленинграде, но сейчас это, к сожалению, уже невозможно.

За время войны я повидал очень многое, и многое еще не стерлось в моей памяти. Но единственное, что меня огорчало и огорчает, это то, что люди, пройдя эту войну, не вынесли для себя самого главного урока: война - это не самый верный путь решения проблемы. Я очень надеюсь, что мы когда-нибудь это поймем и будем пытаться решать всемирные вопросы мирным путем.

Декабрь 2003 года



*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Спорыхина Юлия Сергеевна**, студентка 1-го курса факультета иностранных языков Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Астудин Иван Ильич

Воспоминания сапёра-разведчика

Я родился 30 августа 1921 года в Кемеровской области, Ленинск-Кузнецкого района, в селе Ново-Покасьма. По национальности - русский.

До войны окончил в 1940 году среднюю школу.

10 октября 1940 года был призван в ряды Красной Армии и направлен для прохождения службы на Дальний Восток, в Приморский край, село Краскино, в 40-ю ордена Ленина дивизию, где был зачислен курсантом по подготовке офицерского состава. Проходил службу там; 22 июня 1941 года нам объявили о начале войны. В феврале месяце 1943 года часть курсантов была направлена на фронт. В апреле месяце 1943 года прибыл в 135-ю дивизию, ст.Хомяково, возле г.Тула. Начинал участвовать в боевых действиях в звании старший сержант в составе 157-го отдельного сапёрного батальона 135-й стрелковой дивизии в должности командира взвода разведки под командованием командира части майора Неретина.

28 мая 1943 года дивизия маршем двинулась на Брянский фронт, где 20 июля 1943 года вступила в бой в районе с.Мойлово, Орловской области. После битвы 26 октября 1943 года железнодорожными эшелонами дивизия отправилась на левый берег реки Днепр. Разгрузилась в районе Бровары и Дарницы, где ее ввели в состав 21-го стрелкового корпуса 38-й

армии.

Совершив марш на север, дивизия в 16 км севернее Киева переправилась через Днепр, откуда 4 ноября 1943 года начала наступление на Святошино и Фастов, в обход Киева с запада. 6 ноября 1943 года войсками 38-й армии был освобожден Киев, Тернополь - в марте 1944 года, Лодейное Поле - в июне 1944 года, Выборг - в июле 1944 года, Краков - в январе 1945 года, Катовице - в январе-апреле 1945 года, Бреслау - в апреле-мае 1945 года. Это был славный, но долгий и тяжелый путь. Дивизия воевала на 6-ти фронтах в составе 11 армий. Летом 1945 года 135-ю Краковскую Краснознаменную дивизию расформировали. Боевые действия закончил в г.Бреслау в должности командира взвода разведки, воинское звание – лейтенант; командиром батальона был майор Вдовин Н.Г.

После службы в 135-й дивизии был направлен для прохождения военной службы в 56-ю инженерно-сапёрную бригаду (Центральная группа войск) под Вену. Из Вены направлен (с апреля 1948 года по январь 1953 года) в Туркестанский военный округ, в части Семипалатинского полигона. 26 января 1953 года прибыл служить в в/ч №31600, в г.Загорск. Уволен 1 февраля 1968 года по ст. 59, пункт «б» по болезни.

Ранения: 18 августа 1944 года – осколочное ранение обеих ног (повреждены бедренные кости).

Февраль 1945 года – штыковое ранение спины.

Март 1945 года – осколочное ранение челюсти, носа.

Инвалид войны – удостоверение XVII № 505097 от 11 марта 1993 года.

Награды

1. Медаль «За отвагу» № 623378, 09.09.1943 г., приказ №35/н.
2. Орден Красной Звезды № 638209, 14.06.1944 г., приказ №0350/н.
3. Орден Красной Звезды № 152596, 12.01.1945 г.
4. Орден Красной Звезды № 3510991, 30.12.1956 г.
5. Орден Отечественной войны 2-й степени, № 47148, 05.1945г. приказ 180/н.
6. Медаль «За боевые заслуги» б/н.
7. Орден Отечественной войны 1-й степени, № 358343, книжка, номер ордена 598349 от 11.03.1985 г.

8. Орден Мужества № 47679 (Указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2000 г.), удостоверение к награде №091083 за первые испытания ядерного оружия.

Награжден 16-ю медалями (юбилейные, ветеранские, за города).

Награжден правительственными наградами за боевые подвиги. Выполняя воинский долг, в составе подразделений особого риска принимал непосредственное участие в испытаниях ядерного оружия в атмосфере на Семипалатинском полигоне в условиях, связанных с риском для жизни, проявив при этом самоотверженность, мужество и отвагу, смелость и решительность.

Годы работы: с апреля 1948 года по 26 января 1953 года.

В войне погибли родственники: дяди - Астудин Г.Д., Астудин А.Д. в боях за Москву;

Астудин Е.Д. – в составе Сибирской дивизии А.П.Белобородова.

Остались живы родственники:

отец Астудин И.Д. - ранен в ногу, умер в 1950 г.

брат Астудин П.И. 1918 года рождения, летчик, умер от ран в 1961 г.

Особенно запомнившиеся эпизоды войны

Я командовал взводом инженерной разведки. Разведчики занимали и занимают особое место среди других воинских специалистов. Это глаза и уши армии. Задача их – поиск, засада. Активные действия разведки на переднем крае, но особенно в тылу врага. В кино показывают рукопашные схватки, для которых приглашают каскадеров. В мое время было не так. Никто в то время не знал приемов самбо или каратэ. Надо сказать, что немцы в своем большинстве были крупнее, физически сильнее и тренированнее. Не так-то легко было справиться с ними, помогали изворотливость, сметка и храбрость. Много было бесстрашных в бою солдат, а и они сторонились попасть в разведку, и никто их за это не осуждал: сюда берут только добровольцев. Я вспоминаю сапёров своего взвода - Овчинникова Ф. и Литвиненко В., известных как опытных разведчиков. Много раз они ходили в разведку под огнем противника. Получив приказ произвести инженерную разведку реки перед

передним краем наших подразделений, чтобы наметить проходы нашим бойцам, ночью тронулись они в путь. Противник систематически обстреливал подступы к реке, освещая местность ракетами. Смелые разведчики достигли реки и произвели разведку (это ширина реки, глубина, грунт). Выполнив основное задание, они продвинулись дальше и разведали противотанковые препятствия, им удалось обнаружить 3 дзота противника. С ценными данными возвращались сапёры-разведчики в свое расположение, и на обратном пути они столкнулись с вражеским заградотрядом. Но, отстреливаясь, они ушли от врага, при этом был тяжело ранен Литвиненко В. Овчинников не оставил в беде товарища, на себе ползком вынес с поля боя. Отважные разведчики получили правительственные награды.

«Огненная дуга»

20 июля дивизия вступила в бой около села Моилово, Хвостовического района, Орловской области. Эти бои вошли в историю составной частью Курской битвы, известной, как «Огненная дуга». Я был назначен на должность командира 747-го взвода инженерной разведки. До боев мы ставили мины (противотанковые и противопехотные), перед наступлением делали проходы для танков и личного состава, сопровождали танки. Бои были жестокие, казалось, горит земля. Противник атаковал непрерывно, на участке шириной около километра шли танки - до 120 «тигров» и «пантер», которые вели смертоносный огонь. С воздуха пикировали самолёты. Гул, треск, вой падающих бомб, ад. Как тут уцелеть человеку! Наши танкисты, умело маневрируя, дрались с большим упорством. Помогали артиллерия и все рода войск. 5 августа был взят Орел, потери были большие.

Вспоминается еще один интересный эпизод, который произошёл в районе Выборга.

Моей группе было приказано взорвать финские доты. При разведке переднего края был взят пленный, который согласился перевербоваться. Его взяли в разведку, включили в группу на поиск и взятие «языка». Он пошёл с группой из 6 человек.

На переднем крае их обнаружили и открыли огонь. Он начал кричать на немецком языке, чтобы не стреляли. Группа была вынуждена вернуться, а он отстал. В расположение части группа вернулась без него, решив, что он сбежал. А ночью он вернулся и привел с собой еще 27 вооруженных солдат, не желавших воевать против русских и добровольно сдавшихся в плен.

В суровые годы войны мы честно выполнили свой патриотический долг, достойно несли службу в доблестных войсках, заслуживших своими ратными подвигами всеобщую любовь нашего народа.

Январь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Филиппенкова Анастасия Шамиловна****, студентка 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Бабенко Мария Васильевна

У войны не женское лицо

Помните! Через века,
Через года - помните!

Р. Рождественский

«У войны не женское лицо» - так пишут в художественных произведениях. Но … Увы, слишком много было лиц, именно женских на полях сражений Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

В воскресенье 22 июня мы собрались с друзьями отметить день рождения нашего друга. Зашли в фотосалон, сфотографировались, в какой-то момент к нам подошли два товарища. Наши друзья были летчиками. За городом дислоцировалось их летное военное училище - «Острая могила», это название дано было еще во времена Гражданской войны. Подошедшие друзья отозвали в сторону ребят, шедших с нами, и начали что-то возбужденно говорить. Последовал ответ: «Мы этого не простим» и другие подобные высказывания. В это время громкоговорители на улице начали передавать выступление В.М.Молотова, наркома иностранных дел. Так мы не понаслышке узнали, что на нашу страну напала нацистская Германия. Естественно, ни о каких именинах и речи быть не могло. Наши друзья распрощались с нами и уехали в училище.

Я вернулась домой. В то время я была студенткой фельдшерско-акушерской школы, и в понедельник должен был быть экзамен по терапии. Надо было готовиться. В доме, естественно, уже знали о начале войны.

Кратко о себе: Климович Мария Васильевна, родилась 12 августа 1924 года в городе Ворошиловграде (Луганске), на Украине. В 1939 году закончила семилетку. Поступила в медтехникум. Проучилась 2 года. Началась война. Отец – белорус по национальности, участник Русско-японской войны 1904-1905 годов, был ранен под Харбином. После возвращения из лазарета работал на паровозостроительном заводе имени «Октябрьской революции». Проработал более 35 лет вальцовщиком прокатного цеха. К началу войны был уже пенсионером.

Мама умерла в 1940 году. Я у мамы была поздней дочерью, еще до моего рождения она взяла на воспитание девочку. В 1924 году у её воспитанницы родился сын Александр. Детство мы проводили вместе. Война нас разлучила. На фронте он проявил мужество, и ему было присвоено звание Героя Советского Союза. На Поклонной горе в списках героев выгравировано его имя - Рай Александр Михайлович.

Мой муж, Бабенко Петр Павлович, 1914 года рождения. Участвовал в войне с 22 июня 1941года. Служил в районе города Львов, на Украине в звании старшего политрука. Был ранен в ногу 22 июля 1941года. Далее служил в 353-й стрелковой дивизии, в звании подполковника вышел в отставку в 1956 году по состоянию здоровья, инвалид II группы. Награды: три ордена Красной Звезды, два Отечественной войны 1-ой степени, орден Отечественной войны 2-ой степени, медаль «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и все юбилейные. Умер в 1997 году.

Начало войны всколыхнуло всю страну. Начался призыв в армию. Мы, комсомольцы, побежали в райком комсомола, но мобилизация шла через военкомат. Было организовано много призывных пунктов. Мне, конечно, отказали сразу: по возрасту я не подходила. Подсказали пойти в городской комитет Красного Креста. Там меня направили в городской штаб МПВО (местной противовоздушной обороны). Начальник штаба направил меня в Артемовский штаб МПВО с определенным заданием. Надо было создать санитарную дружину, подготовить ее к работе в очаге поражения. В городе было че-

тыре района. На территории Атемовского района находился железнодорожный вокзал. Я собрала девчат с прилегающих улиц. Штаб района находился в казарме. И вот мы днем занимались, а на ночь уходили домой. А фронт все приближался. И вот 10 октября 1941 года, это было воскресенье, на городской рынок пролетавший немецкий самолёт сбросил несколько бомб. Были жертвы. Это было первое боевое крещение. Немецкие самолёты и раньше пролетали над городом, и зенитная артиллерия стреляла, но бомбежек не было. Город эвакуировался. С запада приходили эшелоны с ранеными и эвакуированным населением. Вокзал был загружен составами. Участились налеты немецкой авиации. Это уже был 1942 год. Бомбили прилегающие к вокзалу территории и вокзал. Естественно, были раненые среди мирных жителей. Немецкие самолёты – пикирующие бомбардировщики – сыпали бомбы, как груши из мешка. Штаб был расположен близко к вокзалу, и самолёты, заходя в пике над нашими казармами, высыпали бомбы. Они не попадали в казарму. Но наше состояние было ужасное. Очень тяжело было разгружать санитарные летучки, приходящие с фронта. Фронт уже был в районе села Дебальцево, это в 70 км от города. С каждым днем он приближался все ближе и ближе. Уже стоял вопрос о том, что город придется оставить. И где-то 10-12 июля нам разрешили сходить домой попрощаться с родными. Я не сказала, что если вначале была сформирована сандружина, то после бомбежки был сформирован медсанвзвод, и я была командиром. Когда стал вопрос об отступлении, личный состав не был военнообязанным, и заставить уходить из дома не могли. Но я и два командира отделения - Иваненко Ефросинья и Мария Терехова ушли вместе со штабом. Нам троим суждено было пройти через всю войну. Терехова - в санчасти стрелкового полка, Иваненко - в артиллерийском, там они и встретили день Победы. Сейчас живут в родном городе Луганске (Ворошиловграде).

Отступление

В ночь на 15 июля мы вышли из города. Щемящее чувство охватило нас, когда с «острой мглы» посмотрели на пылающий со всех сторон город. Промышленные предприятия были взорваны. Что нас ждало впереди? Трудно сказать. Немцы

бросали светящиеся ракеты, а мы шли в темноте. Прошли ближайшие населенные пункты: Новосветловка, Краснодон и дальше на юго-восток. Днем уже встречались повозки с ранеными. Начштаба нашего МПВО договорился с начштабом 1169-го стрелкового полка о том, чтобы оставшийся личный состав зачислили в полк. Так трое девчат и несколько человек мужчин стали воинами Красной армии, это было в районе селения Аксай (июль 41-го).

Дальше через реку Дон, станицы Ольгинская, Усть-Лабинская, в общем, сплошное отступление по Донским степям. Целый день налеты немецких самолётов, обстрел с «мессершмидта». Стреляли по каждому человеку. Это были последние дни июля. Впереди были кубанские степи с черкесскими аулами, реки Пшишь, Псикупс, а аулы Гат-Лукай, Пчитат-Лукай и большая река Кубань. Население аулов - черкесы сразу как-то миролюбиво были настроены и воду давали из своих колодцев, и даже пускали в комнаты. Но после того как увидели, что старшина привез зарезанную свинью для приготовления обеда, все. Воды нет, тарелок нет. Идите к Кубани за водой, а там вода бурная и очень грязная. Так и не дали воды.

7 августа оставили Краснодар. Сильные бои были на подступах к станице Саратовская. Раненых было много. Старший врач полка Борис Платинский и командир медроты врач Морнов, чтобы не оставлять раненых, нагрузили две повозки и отправили их с санитарами вперед, вдали уже виднелся лес, там меньшая вероятность обстрела и того, что повозки с ранеными будут бомбить. Прошло много лет, но тот день отступления перед глазами. Дорога пылилась, ничего не видно, я разглядела едущую повозку, подбежала к ней и на ходу бросилась на лежащие ящики. Уже когда въехали в лес, мне ездовой говорит: «Ты видела, куда прыгаешь? А если бы осколок попал?» Ведь по нам вела обстрел артиллерия, а я лежала на ящике со снарядами. Суждено жить.

После станицы Саратовской мы подошли к селению Горячий Ключ. В районе Горячего Ключа мы развернули свой ПМП (полковой медицинский пункт) - палатку для обработки раненых, поступающих с поля боя, из батальонов. Дальше их отправляли в медсанбат.

Бои продолжались в районе станицы Хребтовой и Фанагорийской. Там вела бои 353-я стрелковая дивизия. После Горя-

чего Ключа мы отступили в район Хребтовой, и там пришёл приказ о передаче 349-й стрелковой дивизии в 353-ю. Командовал дивизией комбриг Колчук Ф.С. Часть личного состава передали в запасной полк. Нас, четырех девчат, передали в медсанбат 424 ОМСБ (отдельный медико-санитарный батальон). Меня сразу определили в операционно-перевязочный взвод, в котором я прослужила до окончания войны. Жизнь в санроте проходила в зависимости от обстановки. Были тихие вечера, когда было затишье на переднем крае и не было поступления раненых. В районе Хребтовой был выстроен большой блиндаж, в котором спал весь личный состав роты. Вечером в блиндаже пели песни.

Знаете, при отступлении меня все время одолевала тяжелая мысль. Как далеко я ушла от своего дома? Как долго надо будет возвращаться?

Вышел приказ Сталина «Ни шагу назад». Но после этого мы еще какой-то период отступали. И вот нас на повозках отвезли в 353-ю стрелковую дивизию. Командный состав 349-й стрелковой дивизии был отправлен на формирование и далее на иранскую границу. Там тоже было неспокойно. Село Тхамаха, где располагались штаб дивизии и медсанбат 353-й стрелковой дивизии, находилось недалеко. И стрелковые полки также вели бой у станицы Фанагорийская, только с другой стороны. На помощь пехотным войскам прибыли «катюши». Они стреляли в нашем расположении по немцам, в поддержку нашей пехоты с противоположной стороны станицы Фанагорийская. Об этом мы узнали уже, когда приехали в Тхамаху. Так в боях прошёл август и сентябрь.

В начале октября дивизия на машинах была переброшена в район Туапсе. Впервые увидела море. В Туапсе не заезжали, а проехали севернее. Приехали в населенный пункт Георгиевское, там простояли несколько дней. Нас бомбили. Немецкие самолёты летали стаями, как черные вороны. Однажды черная стая налетела из-за горы и сбросила бомбы, у нас была ранена в ногу фельдшер Стоянова Нина.

Стрелковые полки заняли оборону на горах Семашко, Каменистая, Индюк, Два брата, на господствующей высоте. Наша дивизия прибыла вовремя и этим остановила продвижение немцев к Туапсе. Немецкие артиллерия и авиация непрерывно

обстреливали и бомбили город и нашу оборону. Но спуститься с гор им не дали.

22 октября мы развернули медсанбат в ущелье Георгиевское. Нам оборудовали блиндаж под операционную и перевязочную. Первое время мы работали в палатках. Для нетранспортабельных раненых была натянута двухкупольная палатка, в ней были поставлены железные бочки для обогрева. Так уж случилось, что в октябре, сразу после приезда, у нас от железной печурки загорелась палатка, а на столе лежал раненый, которому ампутировали ногу. Хирург Вагапов схватил этого раненого и скорее вынес из горящей операционной. Палатка сгорела, пострадавших, к счастью, не было.

Большой бедой был педикулез. Раненые с поля боя были все им поражены. К нам тоже добирались. Стоишь во время операции в стерильном халате, а по тебе ползет вошь. Позже уже, когда смогли организовать бочки для дезинфекции, тогда начали обработку оборудования, обмундирования, но человека ведь в бочку не засунешь, а необходимость быстрого оказания помощи не позволяла тщательно обрабатывать раны. Мы, сестры, выходя из операционной, брали чайник с водой и обливались над тазиком, чтобы не занести в свою постель насекомых.

Так продолжалось до 16 января 1943 года. Как встретили новый год, не помню, наверное, при исполнении своих обязанностей. ОМСБ передислоцировался в район горы Индюк. Но из-за отсутствия дорог шли пешими, неся на плечах все необходимое для работы и перевязочный материал. Была выделена группа во главе с политруком медроты лейтенантом Ляхом. Я тоже была в этой группе. Так как шли уже по освобожденной от немцев территории, угроза подорваться на мине не давала возможности ни ускорить шаг, ни обогнать впереди идущего. Шли шаг в шаг. На пути река Пшиш, горная, быстрая. Надо ее форсировать. К нашему счастью, через реку перебросили подвесной мост из отдельных досочек, с высоко натянутой проволокой. И вот первым пошёл политрук. Прошёл удачно, мы со страхом пошли следом, спешили друг за дружкой. Последним шёл санитар Пудиков. По закону подлости, уже подходя к берегу, он сорвался в воду. Помогли выбраться из воды, развели костер, его раздели, нашли у кого-то лишнее белье и пошли дальше.

Наступление

Хутор Гойтх (январь 1943 года). Но на месте хутора была только пустая полуразрушенная конюшня, в ней мы нашли нашего раненого летчика. Он был сбит и заполз в конюшню. Оказали ему помощь, сделали носилки, и мужчины понесли его.

Гунайка (конец января 1943 года). Идти было тяжело. Горы хоть и невысокие, но их нужно было преодолеть. Пришли в станицу Георгий-Афибскую, обработали раненых и опять вперед. Переправились через Кубань. Освободили железнодорожную станцию Энем (февраль 1943 года).

Старокорсунская, Мипгрельская, хутор Яблоновский (март 1943 года). Бои шли на подступах к станице Троицкой, когда ее освободили, омсб соединился вместе, а бои продолжались за станицу Крымскую, теснили немцев к Темрюку.

В конце марта 1943 года нас перевезли к железнодорожной станции Сосыка, где уже двигались наши железнодорожные составы, и перевезли в Миллерово для переформирования. МСБ был расквартирован в селении Жеребковка (апрель 1943-август 1943 года).

Пополнение дивизии продолжалось с 10 апреля примерно по июль месяц, затем дивизия была переброшена в район Старобельска, в населенный пункт Половинкино. Пробыли там около месяца, и далее нас перебросили к Харькову.

Вторая половина августа, район населенных пунктов Марефа, совхоз «Борки», Тарановка. Располагался мсб в лесу. Но до нас на этом месте была расположена танковая часть. Немецкий «фокке–вульф» это засек, но танкисты уже ушли с этого места. И вот 23 августа 1943 года немцы сделали не один заход «юнкерсов» на наше расположение. Была ранена сестра госпитального взвода Зоя Жадан, ее отправили в госпиталь.

Мсб был развернут в районе Тарановки (24-25 августа 1943 года).

Район Харькова (25 августа).

Оборона Кавказа

В середине октября освободили районный центр Петраковку (сентябрь 1943 года).

Уже в октябре мы оставили Петраковку и двинулись ближе к Днепру, шли бои за плацдарм на правом берегу реки. Поступил приказ организовать передовую группу и отправиться за Днепр, в селение Аулы. Переправа была на лодках. На правом берегу Днепра нас ждали раненые, которые не могли сами переправиться. Стояли груженые повозки и несколько солдат во главе с майором. Только мы вышли из лодок, майор распорядился, чтоб груз с повозок перенесли и разместили в лодке. Но в это время пришвартовалась лодка, в которой была наша комбат. Моментально подскочила к майору и столкнула его в воду. Была сильная перепалка между майорами, но Ирина Николаевна не допустила, чтобы в лодку загрузили трофеи вместо раненых. Стоявшие рядом солдаты не поддержали майора, а помогали грузить раненых.

25 октября 1943 года был освобожден город Днепродзержинск. Нашей дивизии присвоили звание Днепродзержинская и прозвучали салюты в нашу честь. Из состава Юго-Западного фронта мы перешли в состав 3-го Украинского фронта. А командира дивизии наградили орденом Суворова 2-й степени.

Дальше селение Кринички. В Криничках мы отмечали 26-ю годовщину Великой Октябрьской Революции.

В конце ноября, по чьей вине не известно, но машина медсанбата попала на передний край (сплошной линии обороны не было). Немцы тоже нас не ждали, но, когда мы выехали из этого населенного пункта, не знаю, как он назывался, нас обстреляли минометы. Мы были на машине ЗИС, загруженной нашими укладками. Что-то низко пролетело и тут же разорвалось, оказывается, это была мина. Меня оглушило. Сразу не обратила внимание. Потом оглохла на левое ухо.

Проехали несколько километров от дороги и приехали в хутор 5-6, разместились в нескольких домиках. Но нам там было удобно. Все-таки помещение, а не лес и палатки, не блиндажи, и главное - живые люди. Сельчане нас приняли очень любезно. Каждая хозяйка звала к себе на постой. Но времени было у нас свободного очень мало.

Впереди была Софиевка. В районе Софиевки мы простояли почти до конца декабря и январь 1944 года. Дислоцировались в разрушенных одноэтажных домах. Крыш не было почти ни на одном доме. Мы в этих стенах вместо крыш покрывали плащ-накидки и шинели, хотя был декабрь месяц. Самое теплое место - это была конюшня. В ней было много сена и соломы, туда поместили раненых и выздоравливающих.

Однажды, не помню точно день, но собрали весь свободный личный состав штаба дивизии, привели оркестр, и мы разучивали новый гимн СССР «Союз нерушимый республик свободных сплотила на веки великая Русь».

31 января 1944 года. Софиевка, реки Ингул, Ингулец.

23 февраля - Кривой Рог. Город металлургической промышленности. За освобождение города дивизия была награждена орденом Красного Знамени, мы стали называться 353-й Днепродзержинской Краснознаменной стрелковой дивизией. В Кривом Роге мы простояли до 8 марта, все время были бои, были раненые. Отметили женский праздник и опять вперед.

Мы наступали не одни. Нас сопровождали танковая часть под командой генерала Пушкина, кавалерийский корпус под командованием Кириченко. По дороге на Казанку, которую освободили 9 марта 1944 года, командир танкового соединения погиб.

Впереди был населенный пункт Екатериновка. Нам нужно было до него добраться, ведь там собирали раненых с переднего края. Добрались в одиночку, прячась за домиками. Хорошо, что они были целы. Домик, в котором развернули операционный блок, с одной стороны был прикрыт колхозной конюшней. И вот мы целый день и до полуночи обрабатывали раненых. Выносили одних и рассредоточивали в ближних хатах. Так до утра. А утром команда собраться, и дальше. Оставили раненых, врача Гоголадзе К.Н., сестер, санитаров. Нас предупредили, что передний край начинается за крайней хатой, а нашей обороны так и нет. Мы ночью работали и себя успокаивали, что все обойдется. Мы ведь совершенно не защищены, у нас никакого оружия не было. Все время ждали, что войдет фриц и скажет «хэнде хох». На рассвете гуськом, друг за дружкой вышли из села. Местность холмистая, мы благополучно вышли.

Спустя какое-то время в армейской газете было напечатано стихотворение. Я долго носила с собой ту газету, но потом потеряла. Начиналось оно так: «Сады расцветают и рощи шумят, а птицы поют на просторе. Сидит у дороги безусый солдат, в глазах его радость и горе… О чем ты грустишь, дружок боевой…» Он ответил: «Грущу я о тех, кто ушёл без возврата - о павших героях, о лучших друзьях, о песнях, что пели когда-то».

Населенный пункт Память Ильича (с начало ноября до 30 января 1944 года).

Новый Буг освободили 11 апреля 1944 года. Шли вдоль железнодорожного полотна. Раньше тоже приходилось идти по разрушенным железнодорожным путям со взорванными рельсами, вывернутыми шпалами. Но тут было нечто новое – шпалы были выкорчеваны каким-то приспособлением и стояли торчком. В эти сутки мы прошли 60 километров. Этот переход закончился. Мы шли на Новую Одессу. Это было 20 апреля 1944 года. К концу перехода у меня поднялась температура, по-видимому, где-то простыла. Меня оставили с больными, а мсб пошёл вперед.

В населенном пункте Березовка я догнала своих.

Населенные пункты Слободзяя, Русское. Остановились в селе Коротное, Глиное. Сразу расположились и развернули операционный блок у самой реки Турунчук (это рукав Днестра).

Первые числа апреля, отмечали Пасху. В церкви была служба, святили яйца. А забор между клубом и церковью небольшой. Те раненые, которые могли ходить, естественно, подошли к изгороди. А жители села угощали их освященными продуктами. Зрелище было приятное. Но, как только закончилась служба, немцы начали артиллерийский обстрел.

На днестровском плацдарме (до 21 августа 1944 года) большой бедой была малярия. Солдаты в окопах сплошь с приступами малярии лежали. Эпидемиолог дивизии Добрушина Ревекка находилась в полковых санротах, в блиндажах, на переднем крае, медработники тоже все время обслуживали больных. Их вывезти невозможно было, лечили на месте. В штабе дивизии, а он находился на берегу Днестра с левой стороны, тоже было много больных. Начсандив распорядился, чтоб меня отправили туда. Приходилось целый день разносить

таблетки по блиндажам. Вот в один из таких походов меня остановил майор вопросом, что я делаю в распоряжении их части. Ответила, что их фельдшер больна, и мне пришлось прийти к их больным. Разговорились, нашли общих знакомых, знакомую литературу. В дальнейшем при случае проявляли интерес друг к другу. После окончания войны он стал моим мужем.

На берегу Днестра дивизия занимала оборону и вела бои до 21 августа. А 21 августа началась Ясско-Кишиневская операция, освободили село Раскайцы на правом берегу Днестра и пошли в наступление.

Село Сарата, принимала пленных румынских солдат, их было очень много. Зрелище было неописуемое. Я находилась при штабе дивизии. Больных малярией было очень много. Раненых не было. Продвигались к Дунаю все пешим ходом. Дошли до Дуная, переправа на лодках.

Высадились на правый берег Дуная. Сплошные виноградники. Естественно, солдаты начеку. Мало ли кто может быть в кустах? Солнце жгло сильно - август месяц. Жажда мучила всех. Да к тому же у многих начались приступы малярии. У меня в том числе. Меня уже вели под руки, сумку с медикаментами передали солдату. И вдруг колодец на пути, но вода в глубине. Начальник штаба распорядился, чтоб воду не пили. Легко отдать распоряжение, труднее выполнить. Он подходит ко мне: «Доктор, делай анализ». Я ответила: «Пусть достанут воду». Связали ремни, опустили флягу, достали воды. Я взяла флягу, поднесла ко рту и сказала, что если я умру, значит, вода отравлена. Пить нельзя. Не знаю, сколько прошло времени, но жажда преодолела страх. Начали связывать ремни, доставать воду и пить, к счастью, все обошлось благополучно.

Вышли к румынскому городу Тулча. Подобрали добрых разведчиков, машину, пару пулеметов (правда, их замаскировали). И вперед. Подробно об этом пишу, потому что присутствовала, когда снаряжали эту машину, и с каким нетерпением ждали сообщения, как встретят болгары. Договоренность уже была. По рации сообщили, что встреча произошла на высшем уровне. На румынско-болгарской границе болгары с хлебом-солью и кувшином вина, с болгарским приветствием «Добре дошли, братушки» начали обнимать наших солдат.

Болгария

Ехали самостоятельно. Я уже выше говорила, что болгары нас встретили очень дружелюбно.

Это было 9 сентября 1944 года. Города Шумен, Пирдоп. В Пирдопе было много русских эмигрантов еще с 1918 года. Они были из Днепропетровска и других городов Украины. Интересовались, как живут на Украине. Порадовать было нечем.

При въезде в Софию, дело было к вечеру, нас остановили болгары и предложили ночлег. Мы согласились, оставив часового. Побывали в апартаментах какого-то болгарина; правда, его не было, он уехал в Англию, а оставался сын. Он нас и встречал. Главное, нам предложили баню впервые за все годы войны. Утром завтрак, обслуживала прислуга.

За Софией мы нагнали своих. Я - в медсанбат, а машина - в штаб дивизии. Комбат приказала мне опять следовать со штабом дивизии.

В Болгарии дивизия несла гарнизонную службу. Полки были расквартированы по отдельным населенным пунктам. Медсанбат был в селе Суходол. Штаб дивизии - в Филипповцах. Позже переехали в Горную Баню. И медсанбат, и все дивизионные подразделения: - сапёры, связисты, разведчики. Болгарская армия ушла на север изгонять немцев с севера Болгарии. Для нас война уже почти закончилась. Служба, учеба, повседневная работа стационара для больных. Если во время войны больных почти не было, одна грыжа и один аппендицит, то теперь появились, кроме малярийных больных, еще и хирургические. Были заведены карточки малярийного больного, и их лечили по циклам. Меня опять посылают в полк для проверки карточек. В одной из поездок в полк я встретилась со знакомым майором. Он был в должности заместителя командира полка. Это был май 1945 года. Уже отгремели салюты в честь взятия Берлина. Все болгары говорили о скорой победе, да мы и сами знали, что так будет. Майор Бабенко Петр Павлович предложил мне руку и сердце. Я, конечно, отказала до окончания войны. Так мы расстались.

Фокшаны

Город Бельцы (27 сентября 1945 года). Нас вначале разместили в одной из казарм. Весь личный состав, подлежащий демобилизации, прошёл через военкомат, и нам предложили оставить казарму и искать жилье в городе, но мы работали вольнонаемными: привыкли к рабочему месту. В штабе дивизии был клуб офицерского собрания, там проводились танцы, концерты. Там я вновь встретилась с майором Бабенко Петром Павловичем и уже осталась с ним на всю оставшуюся жизнь. Но судьба распоряжается по-своему. В ноябре отправили Ирину Николаевну в Москву рожать. Она была уже уволена из армии. В декабре Петра Павловича отправили в округ. Идет расформирование дивизии. Я продолжала работать в медроте старшей сестрой. В марте 1946 года за мной приехал мой муж Петр Павлович, его направляли в город Рени на Дунае. 16 марта 1946 года я оставила свое любимое детище - омсб и уехала в Рени. Там служба мужа длилась до июня, а после его перевели в 53-ю стрелковую дивизию, в город Тирасполь, а 26 октября 1946 года переехали в Бендеры. Война для меня закончилась.

Награды

Медаль «Жукова» №865900,выдана 19.02.1996 года.

«Отличник здравоохранения СССР», №87280, выдана 30.10.1959 года.

Медаль «За победу над Германией», выдана 2.04.1947, капитан а/с Ефременко.

Орден отечественной войны 2-й степени, №1270456, выдан 11.03.1985 года.

«Отличник санитарной обороны СССР», №2, выдана 23.03.1958 года.

Медаль «За оборону Кавказа», №037508, выдана в мае 1945 года командиром Карашановым.

«Ветеран труда», выдана 25.12.1979 года.

«Защитнику Отчизны», награждена 14.10.1999 года.

Юбилейные медали.

Город Луганск

Пришёл поезд с ранеными. Началась бомбежка вокзала. Как позже выяснилось, начальник вокзала был предателем. Он поддерживал связь с немцами. И всякий раз, когда приходил поезд, начиналась бомбежка. Захожу в вагон, чтобы помочь выбраться выжившим людям, и вижу: на верхней полке сидит мальчик лет шести. Я спрашиваю его: «Где твоя мама?» Он отвечает: «Мама умерла». Тогда я, с детства не умеющая лазить по деревьям, поднялась наверх, взяла мальчика на руки и стала выбираться из вагона. Чтобы дойти до укрытия, мне надо было пролезть под рампой высотой около метра. При этом я несла раненого мальчика на руках. До сих пор не понимаю, как мне удалось выбраться. Никогда не забуду, как мальчик прижался ко мне и сказал: «Не бросай меня!»

Гат-Лукай

Когда мы вошли в черкесский аул, то увидели жуткую картину. На площади лежали убитые - и солдаты, и гражданские. Это наши разведчики попали в окружение, их всех зверски убили. Кто это сделал, нетрудно предположить. Во всяком случае, точно не немцы. На всем пути наступления мы такого не встречали. При подходе к станице Северская мы видели наших солдат, убитых во время атаки. Они висели на проволочном заграждении. Но в Гат-Лукае у убитых были вывернуты конечности и многочисленные ножевые ранения. Видно было, что их сюда специально принесли напоказ.

При эвакуации раненого в госпиталь в районе Туапсе не могла перейти через ручей, так как была обута не по форме из-за болезни (в тапочках). Машина с раненым уехала, а я осталась у ручья. За ручьем стояли три командира в бурках и папахах. Видя неловкость моего положения, один из них отделился от остальных, подошёл к ручью, взял меня на руки и перенес через ручей. Подъехавший водитель Савин Леонид спросил меня, знаю ли я человека, который помог мне. Ответила, что не знаю. Тогда он сказал мне, что это был Гречко.

***

7 ноября 1942 года мы встретили за работой в операционной, было много раненых. Накануне выдали нам новое белье и мыло. До нас кем-то был сооружен шалаш с небольшим углублением, мы там спали. Сложили полученное белье и мыло, ночь работали. Утром пришли и увидели плавающее в мыльной пене белье. Всю ночь шёл дождь, и, конечно, мыло размокло. Погоревали, посмеялись.

***

Станица Ходыженская (Кубань). Работали в операционной бывшей районной больницы. На операционный стол положили раненого с осколочным ранением левого плечевого сустава. Я дала ему наркоз - хлорэтил. Решив, что раненый уже уснул (поднятая вверх его правая рука опустилась - так проверяли, подействовал ли наркоз), я сказала хирургу: «Он спит». Хирург Розмарин мастерски удалил из сустава осколок. Собираясь разбудить раненого после наркоза, я похлопала его по щеке. И вдруг он отводит правую незафиксированную руку, смотрит на меня и говорит: «Если бы не твои глаза, я бы тебе показал «спит»!»

Март 1944 года

ОМСБ был расположен в селе Память Ильича. Дежурила ночью. Под утро привозят майора в бессознательном состоянии. Положить больше негде, кроме операционного стола. С ним фельдшер из полка. Оказывается, шустрые солдатики нашли емкость с чем-то. Решили, что это водка. Ну, по солдатской щедрости комбату налили полную кружку. Себе чуть поменьше. Пять человек, никого не обидели. Первым себя плохо почувствовал комбат, потом все остальные ощутили недомогание. Что мы только ни делали с этим майором: и кровь переливали, и пытались кровезаменителями частично заменить кровь. Ничего не помогало. Майор на столе скончался. Все остальные ослепли, будучи в сознании: яд действовал на сетчатку глаза. А затем и они тоже ушли из жизни. Жутко было на них смотреть. Оказывается, они отравились антифризом, взяли его на, стоявшем у дороги, подбитом немецком танке.

Населенный пункт Память Ильича

Утром меня вызывает командир медроты доктор Агзибегов, дает распоряжение собрать ящик с перевязочным материалом для хозвзвода. Я пришла, смотрю – стоит командир приемосортировочного взвода Мрост И.М., а рядом две лошади. Смеется, поедем, говорит, спрашиваю: «Куда и зачем?» Он показывает – на этих двух рысаках. Я ответила, что никогда не ездила на лошади. А комбат подошла сзади и говорит, что надо ехать. А у меня брюк не было, я их не носила. Нашли мне брюки, усадили на лошадь. Она без седла, сделали какое-то приспособление, дали мне уздечку, и мы втроем поехали: Саруханова, она была лихая наездница, всегда на лошади, и мы с Мростом на своих клячах. Ехали долго и нудно, лошади привыкли ездить в повозке, а в одиночку не хотят, но приехали в Екатериновку. Добравшись до места назначения, выяснили обстановку. Надо ехать в Николаевку, найти начсанарма (начальника санитарной службы армии), чтоб договориться об эвакуации раненых. Ехали дотемна. Приехали в эту Николаевку, а она забита войсками. Мне пришлось сойти с лошади и заглядывать в каждую избу, чтоб найти тех, кто нам нужен. Нашла начсанарма Требко, армейского хирурга, армейского гинеколога. Они обрадовались нам, а мы им. Хозяйка согрела нам чай, определила лошадей в конюшню. Мы до утра провели в тепле. А утром новая забота: кто меня посадит на лошадь? Вышла во двор, смотрю: у порога столб, на котором сушат ведра, и лестница стоит у дома. Я вывела свою кобылку, привязала ее к столбу и стала подниматься на нее по лестнице. В это время выходит весь начальствующий состав и начинает надо мной смеяться, но все, конечно, в меру, когда поняли, почему я прибегаю к такой посадке. Распрощались с начальством и в путь. Выехали в поле. Кукуруза стоит неубранная. Едем потихоньку. Вдруг показались два самолёта и стали кружить над нами. Ну, думаем, нам конец. И вдруг один из самолётов повернулся так, что мы увидели звезды. Обрадовались, но тут же сразу радость исчезла. Из-под крыльев самолёта шёл дым. Потом выпрыгнул летчик с парашютом, его отнесло в сторону. Следом за ним второй парашютист, но его взрывной волной потянуло под самолёт. Ирина Николаевна пришпорила свою Галку (так звали ее лошадь) и вперед к летчику, а он ей

навстречу, вынув пистолет. Она окликнула его, и он понял, что упал на своей территории. Все вместе подошли к упавшему самолёту. Мрост и я осмотрели другого летчика, к сожалению, он был уже мертв. Это был командир корабля. Мы отошли от самолёта, потому что знали, что будут взрываться снаряды. Летчик сказал нам, что не слышал выстрела, и он не понимает, что могло бы быть причиной катастрофы. Мы сообщили ему, что так же, как и он, ничего странного не заметили. Тем более, что мы находились на освобожденной территории. Проезжали наши машины и забрали штурмана, тело погибшего летчика, парашюты. А мы поехали в свой дорогой медсанбат.

***

Находились на днестровском плацдарме. Между населенными пунктами Незавертайловка и Раскойцы был большой лиман - от Турунчука до Днестра. Этот промежуток страшно было проходить, особенно в одиночку. Немецкие батареи находились на правом берегу Днестра, и каждый проходивший по лиману человек был мишенью. Преодолевать это пространство было очень опасно (страшно чисто по-человечески). Но в силу служебных обстоятельств приходилось ходить по лиману каждый день. И каждый раз с мыслью - зацепит или нет?

***

Сейчас, когда все вспоминаешь, кажется, что все это было не с тобой. А тогда было страшно, но в то же время чувство ответственности заставляло думать не о себе, а о поставленной перед тобой задачей.

Весна. В лимане много рыбы. Сапёры ходили с гранатами и глушили рыбу. Нас, естественно, тоже угощали. Кухни не было, готовили на костре в палатке. Однажды Куча развел костер, а хворост сырой, дымится. В это время в палатку заходит полковник, начальник штаба дивизии. Растерялась: то ли становиться по стойке смирно, то ли раздувать пламя костра. Он подошёл и спросил: «Ты откуда, дочка?». Я ему ответила и объяснила, почему нахожусь в палатке. Он тут же дал распоряжение комбату сапёрного батальона, чтобы сапёры нам сделали блиндаж и взяли на свое довольствие. Впоследствии так я и осталась для него «дочкой», или еще называл «доктор». Вода

в лимане ушла, наладилась переправа раненых, мы вернулись в Коротное к своим.

Война закончилась. Но мне хочется верить, что воспоминания о ней будут жить вечно.

И никогда не забудут о тех, кто ушёл без возврата:
О павших героях, о лучших друзьях,
О песнях, что пели когда-то…

Ноябрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Холопова Вера Николаевна,*** *студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Баров Соломон Соломонович

Танки по башню зарывались в чернозём

Я родился 23 сентября 1924 года в г.Москве, на Арбате, член КПСС с 1943 год по 1993 год. В 1932 году я поступил в школу №9, расположенную в Староконюшенном переулке. В тот период страна находилась на подъеме, и делалось все, чтобы новое поколение выросло сильным, образованным, культурным, любящим свою Родину.

Наряду с учебой мы увлекались шахматами (кружок вел старшеклассник - будущий гроссмейстер Юрий Авербах), занимались спортом, участвовали в олимпиадах МГУ, посещали все выставки и музеи и очень много читали

Шёл 1941 год, после окончания 9-го класса нас распустили на каникулы. 22 июня я занимался в читальном зале Московской областной библиотеки, в то время находившейся в здании современного ресторана "Прага". Неожиданно через открытые окна мы услышали взволнованный голос Молотова. Я выскочил из зала, прибежал домой (Арбат, дом 5, что напротив "Праги"), где мне сообщили, что только что выступил Молотов и объявил, что фашистская Германия напала на Советский Союз и началась война. Я прибежал в читальный зал и произнес только одно слово: "Война!". Мгновенно все военные, а их было довольно много, так как рядом на Арбатской площади

располагался Реввоенсовет, а теперь Министерство обороны, встали, стали сдавать книги. Зал опустел.

Началась война, комсомольцы нашей школы уехали под Смоленск строить линию обороны. По инициативе трудящихся в Москве было создано народное ополчение, в которое принимали добровольцев непризывных возрастов - до 17 лет и свыше 45 лет.

6 июля 1941 года я и еще двенадцать учеников 9-х классов нашей школы вместе с учителем по черчению добровольно вступили в ряды народного ополчения (21-я дивизия Киевского района). Наше подразделение формировалось в дачном поселке Перхушково. Здесь мы получили обмундирование и вооружение, как правило, это были трофеи, захваченные во время войны с Польшей в 1939 году. Прозанимавшись примерно 2 недели, дивизия начала перемещаться в район Медынь, Юхнов. Поход был тяжелый, так как днем и ночью с полной выкладкой в течение 5 суток прошли 250 км. Многие не выдерживали и падали. Придя на место, срочно стали строить противотанковую оборону. Отдельные подразделения вступали с немецкими десантниками в непосредственные бои в июле и августе 1941 года, ополчение не вступало. Наряду со строительством обороны, постоянно шла боевая подготовка. В начале сентября 1941 года в дивизию пришло распоряжение из Киевского РВК г.Москвы об освобождении учащихся школ от дальнейшей службы для окончания 10-го класса.

В октябре месяце 1941 года школы были распущены, и я уехал к матери на Урал, куда она была эвакуирована с моим братом, которому в то время было 5 месяцев. В 1942 году я работал в г.Троицке, Челябинской области на авиационном заводе, который в октябре также был эвакуирован из Москвы, а уже в январе 1942 года был пущен на "голом месте" и начал давать продукцию. Рабочий день был 12 часов, а очень часто из цехов не выходили по несколько суток.

В январе 1943 года по инициативе трудящихся Свердловской, Челябинской и Пермской областей и с разрешения Центрального Комитета ВКП(б) был создан Уральский добровольческий танковый корпус.

Танки и самоходные орудия были выпущены сверх плана безвозмездно, во внеурочное время.

В феврале 1943 года в г.Троицке начал формироваться батальон, я подал заявление, и был зачислен добровольцем 11 марта 1943 года. Батальону было присвоено наименование 743-й ОСБ (отдельный сапёрный батальон). 1 мая батальон принял присягу, ему было вручено знамя от трудящихся Урала и г.Троицка. Батальон формировался в составе 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса (30удгк).

10 июня 1943 года батальон, в составе танкового корпуса, сосредоточился в танковых лагерях - в районе Кубинка, Московской области и вошёл в состав 4ТА, а 19 июня - в состав действующей армии Брянского фронта.

В боевых действиях я начал участвовать во время Орловской операции, с 26 июля 1943 года. В этот период я был рядовым 2-го взвода, 2-й роты 743осб. Командовал взводом лейтенант Ручкин, бывший учитель, командиром роты был кадровый офицер старший лейтенант Очурок Даниил Васильевич, батальоном командовал капитан Лукьянов Василий Семенович, которого мы все любили и уважали. В тяжелое время формирования батальона, когда мы находились на 3-й норме снабжения, он всегда был в гуще красноармейцев и на свои деньги покупал махорку.

Во время операции я вместе со всеми строил переправы, наблюдательные пункты, разминировал дороги, делал проходы в минных полях.

Как-то, в конце Орловской операции, ко мне подошёл командир взвода лейтенант Ручкин и приказал вместе с ним, начштаба батальона старшим лейтенантом Хайдаровым и его адъютантом, красноармейцем Буряком, выехать срочно на задание, я согласился. Задание заключалось в следующем: в районе Шабишкина 1 гв. ТА осуществляла прорыв глубоко эшелонированной обороны немцев, и после боя нужно было сделать проходы в минных полях, чтобы вытащить технику. Когда мы прибыли на место назначения - в район деревни Кресты, перед нами открылась страшная картина - мертвое поле. На участке примерно в 200 метров стояло на минном поле несколько десятков танков Т-34. Перед ними ряды колючей проволоки и окопы полного профиля. Кругом лежали наши бойцы, погибшие во время наступления. На колючей проволоке лежал пулеметный расчет, за ним стоял пулемет "Максим". Несколько танков проскочили минное поле, но были подбиты

артиллерией противника. Мы стали обследовать минные поля, и по внешнему виду травы скоро пришли к выводу, что мины расставлены строго в шахматном порядке. Чтобы пройти к проволочным заграждениям, надо было пройти 8 рядов мин, при этом мы дважды попадали на мину. К нашему счастью, не было пехотных мин, а установлены были противотанковые немецкие мины ТМ-35. После тщательной проверки нескольких мин мы пришли к выводу, что на минах установлены только основные взрыватели. Ни боковых, ни тем более донных не было. Мы разошлись на значительное расстояние друг от друга и парами стали снимать мины. Я осторожно снимал мину, а командир взвода выкручивал взрыватель. Прошло некоторое время и, понадеясь на судьбу, я и старший лейтенант Хайдаров взяли лопаты и стали снимать мины. За нами шли Ручкин и Буряк. Вдруг раздался страшный взрыв. Мы упали на землю, инстинктивно закрыв голову руками. Прошло несколько секунд, и я услышал голос Буряка: "Где начальник штаба?" Мы вскочили. Примерно в метрах двадцати лежало изуродованное тело начальника штаба. Мой взгляд запечатлел картину, когда я увидел начальника штаба в момент удара лопатой по мине и взрыв. Осмотрев место взрыва, мы поняли, что танк прошёл по мине, надрезал чеку, и она держалась на волоске. Тело начальника штаба мы завернули в палатку, прекратив работу, вернулись в батальон. Начальника штаба похоронили с почестями. В этой операции нам удалось сделать ряд проходов, через которые впоследствии вытаскивали танки. Участники данной операции были отмечены командованием, и я стал первым в батальоне, кому вручили знак "Отличный минер".

26 октября 1943 года, приказом народного комиссара обороны СССР, батальону было присвоено наименование "Гвардейский", и он был преобразован в 131-й гвардейский отдельный сапёрный батальон (131осб). В декабре 1943 ода. я вступил в члены ВКП(б).

В январе 1944 года батальон передислоцировался в район Киева и там в составе войск 4ТА вошёл в состав 1-го Украинского фронта.

Со 2 марта 1944 года я участвовал в составе батальона в Проскуровско - Черновицкой операции.

Наступление началось в условиях весенней распутицы и бездорожья. Танки по башню зарывались в чернозем. Все ко-

лесные машины с продовольствием и медикаментами застряли. Мотопехота и артиллерия перешли на конную тягу. Лошадей реквизировали у местного населения. Выйдя в прорыв в районе Ямполь, танковые соединения корпуса, а с ними сапёры батальона, 6 марта ворвались на станцию Фридрихов, перерезав важную железнодорожную магистраль. В течение 3-х суток танкисты и сапёры выдерживали многочисленные контратаки противника, пока не подошли наши основные силы.

В 1944 году тактика войны изменилась. После артподготовки танковый корпус уходил в прорыв. Танковым бригадам придавалось подразделение сапёров нашего батальона, которые размещались на передовых танках. Сапёры обязаны были обеспечивать переправы и разминировать дороги.

Мне неоднократно приходилось участвовать в прорывах в составе отделения сапёров головной походной заставы (ГПЗ) 63-й гвардейской танковой бригады. Отделение, как правило, размещалось на броне первого или второго танка с задачей пропустить первые 3 танка. Танки весили более 30 тонн, и не каждый мост в сельской местности мог выдержать такую нагрузку. Решение принимали совместно командир отделения сапёров и командир танкового взвода. Танки разгонялись и на максимальной скорости проскакивали мост. Бывали случаи, когда командир машины требовал гарантии: "Лезь под мост, и я проскачу". После взятия Фридрихов соединения продолжали двигаться на Каменецк-Подольский с задачей "перерезать пути отхода немецкой корсунь-шевченковской группировки. На подступах к городу и в самом городе невозможно было передвигаться, так как дороги и поля были заполнены брошенными машинами и военной техникой. Чтобы проехать, мы вынуждены были сбрасывать машины в реку. К исходу 27 марта в городе создалась чрезвычайно сложная обстановка. Группировка противника стремилась выйти из окружения. Наши войска в городе были отрезаны. Батальон стал на оборону города. Вокруг города были установлены минные поля. Подготовили к взрыву Турецкий мост. Так продолжалось несколько дней, пока не подошли основные силы корпуса и общевойсковые соединения.

После Проскуровско-Черновицкой операции меня назначили комсоргом батальона, и во Львовско-Сандомирской и

Висло-Одерской операциях я участвовал в боях в новой должности. В батальоне было более 130 комсомольцев. Основная масса комсомольцев была награждена правительственными наградами. Комсомольцы всегда находились в первых рядах при выполнении боевых заданий. Они, как правило, добровольно ходили в разведку в тыл, минировали дороги. Я, как и прежде, оставался сапёром и после артподготовки находился на одном из передовых танков прорыва в составе ГПЗ сапёрного отделения. Из крупных рек непосредственно участвовал в захвате мостов через р.Нейсе, форсировал Одер. В Берлинской операции я ушёл с комсомольской работы и был назначен командиром отделения взвода разведки батальона. В этой должности я закончил войну в Праге. Как встретили нас жители Праги, никто и нигде нас так не встречал. Все население вышло на улицу. Крики «Ура!», «Да здравствует Красная Армия!», слезы на глазах, на всех балконах красные полотнища.

За время боев батальон, за особые заслуги, был награжден орденами Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды.

Мой боевой путь отражен в благодарностях Верховного Главнокомандующего.

За время военных действий был трижды ранен:

15 августа 1943 года - слепое осколочное ранение левой стопы,

16 февраля 1945 года - сквозное пулевое ранение правой кисти,

19 апреля 1945 года - слепое осколочное ранение в области левой лопатки.

В медсанбате не задерживался и возвращался в свою часть.

Демобилизовался 14 марта 1947 года как имеющий три ранения. Сдал экстерном на аттестат зрелости (до войны окончил 9 классов) и поступил в МАИ на моторный факультет, который закончил в 1953 году. В институте, помимо учебы, занимался спортом, наукой. В одной из научных работ был произведен расчет, построен стенд, сняты характеристики двигателя М-11-ФР-1 с использованием газообразного кислорода для установления мировых рекордов высоты и скорости на самолёте Як-18 (Труды МАИ. №43 Оборонгиз. 1955г.).

В течение учебы был парторгом курса, наша студенческая дружба стала вечной. Вначале ежегодно, а впоследствии через 5 лет, мы встречаемся. В этом году встреча была "золотой" - 50 лет окончания.

После окончания МАИ был направлен на завод 500 в н/в ОАО «ММП им. В.В.Чернышева», как молодой специалист. Работал на сборке старшим технологом, затем начальником центральной измерительной лаборатории, начальником конструкторского отдела товаров народного потребления. До сих пор выпускается и можно встретить на реках и озерах страны лодочный мотор "Нептун-23", созданный нашим отделом. В 1978 году был назначен Главным метрологом. В настоящее время работаю главным специалистом, советником главного инженера по вопросам метрологического обеспечения. На заводе у нас сложился очень хороший коллектив, как и раньше, помимо работы мы увлекаемся спортом, особенно люблю водно-моторный. Вместе со своими друзьями, на моторных лодках, мы ходим по маршрутам: Москва - Архангельск – Москва, Брест – Москва, Москва - Онежское озеро, Ладога – Ильшень, Селигер – Москва, по Лене до Алдана, по периметру Байкала.

За время работы на заводе неоднократно награждался ценными подарками и грамотами министерства и завода.

Награды

1. "Отличный минер". 23.08.1943 г.
2. Медаль «За боевые заслуги», 473878, приказом 30 ДУГК, 10.09.1943 года. 07/н.
3. Медаль «За отвагу», 1170495, приказом 1028 ДУТК, 23.04.1944 года. 012/н.
4. Слава 3-й степени, 267445, 03.09.1944 года. 052/н.
5. Орден Отечественной войны 2-й степени, 382883, 02.02.1945 года. 08/н.
6. Орден Отечественной войны 1-й степени, 513222, 11.03.1985 года. Указ президиума Верховного Совета СССР.
7. Знак «Отличный разведчик», 1 мая 1944 года. Украинский фронт.
8. «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». Указ президиума Верховного Совета от 9 мая 1945 года.

9. «За освобождение Праги». Указ президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 года.

10. «За взятие Германии». Указ президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 года.

11. «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». 16.12.1966 года.

12. «50 лет Вооруженных сил СССР». 20.02.1969 года.

13. «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». 01.04.1970 года.

14. «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». 06.05.1975 года.

15. «60 лет Вооруженных сил СССР». 23.02.1989 года.

16. «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». 02.05.85 года.

17. «70 лет Вооруженных сил СССР». 19.04.1979 года.

18. «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». 22.03.1995 года.

19. Медаль «Жукова» 19.02.1996 года.

20. «850-летия Москвы». 26.02.1997 года.

21. Медаль «Ветеран труда». 29.02.1984 года.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Вандыш-Бубко Елена Николаевна****, студентка 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Беликин Валентин Иванович

Крылатые воины Второй Отечественной

Я родился 19 ноября 1922 года в г. Москве. Русский, вероисповедание православное, беспартийный, член ВЛКСМ с 1942 по 1948 год. До войны окончил десять классов 364-й средней школы г. Москвы. В сентябре 1941 года закончил аэроклуб Железнодорожного района г. Москвы. Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в девять часов утра во дворе дома №14 по Огородной улице (3-я Рыбинская) г. Москвы от родного дяди Беликина Николая Ефремовича, инженера аэрофлота.

После окончания аэроклуба пошёл добровольцем в армию. Военкоматом направлен в Армавирскую военную школу пилотов. В начале 1942 года весь состав школы участвовал в обороне города Армавира, в том числе и я, курсант школы пилотов. После окончания Тамбовской военной школы пилотов в мае 1944 года был направлен на фронт в 622-й штурмовой Севастопольский Краснознамённый авиационный полк 214-й штурмовой Керченской авиационной дивизии, 15-й воздушной армии (15 ВА), 2-го Прибалтийского фронта в качестве лётчика-штурмовика на самолёте Ил-2 в звании младшего лейтенанта в подчинение командира 1-й эскадрильи Ивана Беляева.

Боевой путь проходил через город Армавир (октябрь-декабрь 1941 года) в качестве пулемётчика-зенитчика в звании младшего сержанта командира отделения (январь 1942 года), город Старая Торопа (июнь 1944 года), город Идрица

(июль1944 года), посёлок Столбово, граница Белоруссии с Латвией (июль1944 года), посёлок Вицмуйжа, Латвия (август 1944 года), посёлок Биржи, Латвия (сентябрь 1944 года.), город Рига (сентябрь-октябрь 1944 года), Чехословакия, район города Скутеч (февраль-май 1945 года).

Освобождал город Ригу (октябрь 1944 года) в составе 2-го Прибалтийского фронта под командованием маршала Баграмяна, 214 шкад под командованием генерал-лейтенанта Рубанова, 622 шаскп, под командованием подполковника Героя Советского Союза Ивана Алексеевича Емельянова, первой эскадрильи под командованием старшего лейтенанта Дубенко.

Боевые действия закончил в городе Скутеч, Чехословакия (13 мая 1945 года) в составе партизанского отряда «Скутеч» в должности заместителя партизанского отряда, младшим лейтенантом, под командованием командира партизанского отряда капитана Николаева Леонида.

Имел ранения: 27 сентября 1944 года во время воздушного боя в районе города Сунтажи (Латвия) на временно захваченной немцами территории. Мой самолёт Ил-2 был сбит истребителями противника. Получил тяжёлую контузию и ранение в голову и правую ногу. Покинул самолёт на парашюте на малой высоте. Местные жители, при захоронении погибших лётчиков и других бойцов, в том числе и меня, которого сначала приняли за погибшего, обнаружили, что я ещё жив, и передали немцам. Второе ранение - контузию получил в партизанском отряде 6 апреля 1945 года. Лечился в партизанском отряде «Скутеч», с 14 мая продолжил лечение в госпитале 8-й воздушной армии. Управление кадров ВВС направило меня в июне 1945 года на продолжение службы в мой прежний 622-й штурмовой авиаполк на должность лётчика. После прохождения лётной медицинской комиссии был признан по состоянию здоровья негодным к лётной работе из-за потери зрения в результате последствий контузии и ранений в голову. Демобилизовался в апреле 1946 года из города Елгава (Латвия) в город Москву. Прибыл в Москву 1 мая 1946 года.

Награды

Орден Красной Звезды, №763993, номер орденской книжки В№741198, 29 марта 1948 года, секретарь Президиума Вер-

ховного Совета СССР А. Горкин. Дата вручения ордена - август 1944 года, аэродром Вицмуйжа, Латвия, вручил перед строем полка подполковник Иван Алексеевич Емельянов, Герой Советского Союза, командир полка. Орден вручен за первые 10 боевых успешных вылетов. Орден Отечественной войны 2-й степени, номер ордена 1050406, номер орденской книжки А№862169, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Указ президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года. Секретарь президиума Верховного Совета СССР.

Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Вручил медаль командир 622-го штурмового Севастопольского Краснознамённого авиационного полка подполковник Ермолаев.

Медаль «Жукова». Указ Президиума РФ от 19 февраля 1996, удостоверение ГЖ№0876357.

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года, вручена 23 февраля 1966 года военкомом Краснопресненского РВК города Москвы, удостоверение А№4621009.

Знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Приказ министра обороны маршала Гречко.

Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года. Вручён 9 мая 1975 года военкомом РВК Краснопресненского района города Москвы.

Медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума ВС СССР от 12 апреля 1985 года. Вручена военкомом РВК 7 мая 1985 года Свердловского района г. Москвы полковником Козловым.

Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума ВС СССР от 22 марта 1995 года. Удостоверение №11480337.

Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 7 февраля 1997 года.

Медаль «50 лет Вооружённых сил СССР». Указ президиума ВС СССР от 26 декабря 1967 года. Вручена 2 ноября 1968 года.

Медаль «60 лет Вооруженных сил СССР». Указ президиума ВС СССР от 28 января 1978 года. Вручена 31 октября 1979 года.

Медаль «70 лет Вооруженных сил СССР». Указ президиума ВС СССР от 28 января 1988 года. Вручена 23 февраля 1988 года.

«Знак 214-я штурмовая авиационная Керченская дивизия». За боевые заслуги ВОВ 1941-1945 годов.

В войне погиб мой двоюродный брат - Бунаков Дмитрий Семёнович, 8 мая 1945 года от немецкого снайпера в городе Берлине. Он - сержант полковой разведки, награжден многими боевыми орденами и медалями, уроженец деревни Лукерьино Коломенского района, Московской области, 1920 года рождения. Ушёл добровольцем на фронт в 1941 году, до этого работал на Коломенском паровозостроительном заводе, имел бронь от призыва в армию.

Остался в живых двоюродный брат - Беликин Аркадий Александрович, инвалид ВОВ первой группы, 1921 года рождения. Родился и работал в городе Москве, ушёл на фронт добровольцем в июне 1941 года. На фронте воевал в качестве рядового, затем старшего сержанта пехоты. Награждён орденами Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и многими боевыми медалями. После войны проживал в городе Москве. Умер в 2002 году.

Неопубликованные произведения: военные мемуары, мемуары о работе в авиационной промышленности, об испытаниях авиационной техники, о деловых встречах с генеральными конструкторами А. Н. Туполевым, М.Л. Милем, академиком Б. Н. Петровым, академиком В. Н. Челомеем, министром авиационной промышленности П. В. Дементьевым и др. Текущее состояние готовности к публикации 1-1,5 года. Планов на публикацию нет.

Публикации обо мне в газетах:

С. Паршенков. Память о героях не меркнет. «Советская Латвия», №43 (5636) от 20 февраля 1963 года, 3-я страница.

А. Грек. За круглым столом редакции. Солдат - всегда солдат. «Голос Риги», №234 (2155) от 2 октября 1964 года, 5-я страница.

В. Н. Опалев. Герой Советского Союза. Удары штурмовиков, За Родину. Газета «Краснознамённого Прибалтийского военного округа», №245 (10140) от 18 октября 1974 года, 3-я страница.

О других публикациях в газетах у меня не сохранились названия СМИ, даты и номера их.

Первый бой

Октябрь 1941 года. В этот день я курсант Армавирской военной школы пилотов дежурил на аэродроме у зенитного пулемёта. Погода ясная, тёплая, ни облачка. Вдруг с северо-востока появилась группа немецких бомбардировщиков «Хейнкель-111» на высоте 500-700 метров. Тревога не объявлялась, и вскоре немецкие бомбардировщики были уже над аэродромом. Взлетели наши истребители И-15, пилотируемые лётчиками-инструкторами, но догнать бомбардировщиков не смогли, так как скорость наших истребителей была заметно меньше скорости немецких бомбардировщиков. Застрочили наши зенитные пулеметы, установленные по периметру аэродрома. Я также открыл огонь по немецким самолётам, но трассы явно не достигали их. Бомбардировщики сбросили свой смертоносный бомбовый груз на городской рынок. Было много жертв среди мирного населения. Военные объекты не пострадали.

Первый штурмовой боевой вылет

Аэродром под городом Идрица. Наконец-то я включён в группу на выполнение боевого задания - на штурмовку передовых боевых порядков противника в составе первой эскадрильи 622 шап. Я должен был лететь в паре с помощником командира эскадрильи старшим лейтенантом Александром Дубенко, опытным и отважным лётчиком. Он провёл со мной не большой инструктаж, который в основном сводился к тому, что мой самолёт должен быть рядом с его самолётом при всех маневрах во время штурмовки, огонь вести я должен одновре-

менно с ведущим пары. Бомбы нужно было сбрасывать на цель также одновременно с ведущим пары, то есть с Александром Дубенко. Боевая задача поставлена, время выполнения боевого задания ещё не установлено. Вот этот период - с момента получения боевого задания до момента взлёта - самое волнительное время. Это подтвердилось и в дальнейшем за все четыре десятка штурмовых боевых вылетов и более 11-ти боевых вылетов на свободную охоту. Первый боевой вылет прошёл успешно, без потерь с нашей стороны.

После боевого вылета Дубенко похвалил мои действия во время штурмовки, но сделал замечание, что я пикировал круче, чем он сам. На это я ответил, что я выполнял его указание быть рядом, а чтобы быть рядом, я должен его видеть, а чтобы видеть при пикировании, я должен находиться по отношению к его самолёту немного ниже. После первого боевого вылеты появилось какое-то особое чувство: чувство уверенности и даже желание как можно больше летать на штурмовки. Чувства страха не было до самого конца войны, а было чувство опасности различной степени в зависимости от сложности боевого задания. И самое главное - я понял, что страх демобилизует потенциальные возможности воина-бойца, а чувство опасности позволяет ему реализовать их для выполнения боевого задания с наименьшим риском для себя и доверенной ему боевой техники.

Шесть или пять

Однажды для выполнения боевого задания по штурмовке немцев, укрывшихся в лесу вместе с боевой техникой, бомболюки наших самолётов были загружены кассетами, заполненными жидкостью, которые при ударе о землю раскалывались и жидкость самовоспламенялась. И вот, выйдя на цель, наша группа из шести самолётов Ил-2 в строю правого пеленга. С левым разворотом группа начала пикировать, дав залп РС (реактивные снаряды), затем открыли беглый огонь из пушек и пулемётов, а достигнув кромки леса, сбросили кассеты с зажигательной смесью. Сразу же в лесу начались взрывы, вверх взметнулись столбы дыма. К штурмовикам потянулись огненные трассы от эрликонов (это немецкие зенитные 20-мм скорострельные пушки) и пулемётов. Мы уже летели на неболь-

шой высоте, примерно 400-500 метров. Ведущий группы капитан Беляев с левым разворотом повёл группу домой на базу. Я вышел из атаки, отпустил гашетки пушек и пулемётов, но... пушки сами продолжали стрелять! Со стреляющими пушками я не мог лететь за группой. Продолжая лететь на запад, я нажал на клавиши перезарядки пушек (ВЯ 23-мм.). Стрельба прекратилась. Я отпустил клавиши перезарядки и... пушки снова стали самопроизвольно стрелять. Я опять нажал на клавиши перезарядки и не отпускал их, продолжая лететь в дыму и уже не видя своей группы. От того что я так увлекся в атаке стрельбой из пушек, они накалились до такой степени, что порох в патроне от высокой температуры самовзрывался без нажатия на гашетку. Вскоре я вылетел из этого дыма, и тут мой самолёт попал в зону зенитного огня противника. Делая противозенитный маневр, я никак не мог определить курс своего полёта по компасу, так как картушка компаса бешено крутилась, показывая все стороны света. И тут я обратил внимание на солнце, оно находилось слева. Значит, я лечу на запад! Немедленно разворачивая самолёт на 180°, теперь солнце справа, лечу на восток. Горящий лес остался слева. Зенитки больше не стреляют. Восстановил ориентировку и направил самолёт прямо на аэродром базирования. Вскоре увидел, что группа уже производит посадку на аэродром. Я поддал газу и, немного опоздав, совершил посадку на свой аэродром. Зарулив на свою стоянку, я вылез из кабины самолёта, и ко мне подошли два авиамеханика нашей эскадрильи – сержанты Бедненко и Брызгалов. У них возник спор. Один из них уверяет, что с задания вернулось пять самолётов, а другой говорит: сам считал, что сели шесть самолётов. Я им ответил, что оба правы, не объяснив в чём дело. Они оба были в недоумении после такого ответа. Так никто до сих пор и не разрешил этот спор.

Гибель комэска

Разрешение на взлёт, и вот я уже в воздухе, пристраиваюсь к группе и занимаю своё место в строю. Проходим над аэродромом в строю пеленг из пяти самолётов, и ведущий берет курс на аэродром истребителей сопровождения, где мы должны встретиться, а затем на заданную цель, в заданное время. Группа прибыла на место встречи, но истребителей сопровож-

дения не обнаружила. Летим на задание без сопровождения. Отработав над целью пять заходов, берём обратный курс, и вот внезапно, со стороны солнца, на нас сваливается группа «Фокке-Вульфов 190». С первой атаки истребители противника сбивают три самолёта. Я выходил из атаки последним и всё видел. Самолёт камэска перевернулся вверх колесами. Капитан Беляев и его стрелок покинули неуправляемый самолёт на парашютах, но высота полёта была недостаточной для полного раскрытия парашютов, и они оба погибли. Оба упали на нейтральную полосу. Самолёт командира звена Виктора Савцова задымил и резко пошёл вверх, оказавшись позади меня, и больше я его не видел, третий самолёт быстро снижался и почти касался земли. Впереди меня самолёт Юрия Бивойно расстреливался «фоккером». От его хвостового оперения отлетали куски обшивки. И вот неожиданно между моим самолётом и самолётом Бивойно в глубоком вираже появляется «фоккер». Очень удобная мишень. Жму на все гашетки... но выстрелов из пушек нет, только короткая пулемётная очередь: весь боекомплект израсходовал при штурмовке. Указания комиссара полка: «Весь боекомплект использовать при штурмовке позиции противника». Указание обернулось для нас потерями от истребителей. В этот боевой вылет со мной летел воздушный стрелок Пустовалов Алексей, очень опытный стрелок. Имел много боевых вылетов в боях под Сталинградом, на Кавказе, в Крыму и теперь в Прибалтике. Он был стрелком в экипаже Дубенко. У меня в это время стрелка не было. До этого был стрелок Соловьёв, сделал со мной всего два боевых вылета. Да и боевыми эти вылеты назвать нельзя. Оба боевых вылета я возвращался без Соловьёва. В первый раз, когда пропал Соловьёв, мы все терялись в догадках. Но к вечеру всё прояснилось: он появился в расположении части с парашютом через плечо. Он объяснил, что покинул самолёт, когда почувствовал запах гари и подумал, что самолёт горит. Ему объяснили, что покидать летящий самолёт можно только по команде командира самолёта. А гарь на линии фронта подымается вверх на высоту более километра. Соловьёв заверил командование полка, что всё понял. Но во второй раз всё повторилось. Формально Соловьёва командование должно было отдать под трибунал, но оно перевело его на наземные работы, где он старательно и добросовестно продолжал служить без замечаний. Но вернём-

ся к этому злополучному бою. По СПУ (самолётное переговорное устройство) Пустовалов кричит: «В хвост заходит «фоккер»!». Я мгновенно бросаю самолёт влево, и тут же справа сноп трасс пушек и пулемётов. Слышу стрельбу пулемёта стрелка, и снова его крик: «Сзади справа!». Бросаю самолёт вправо вниз. Трассы летят слева вверху. «Фоккер» ещё несколько раз атаковал мой самолёт, но благодаря опытному стрелку и его сообщениям о начале атаки и с какого ракурса все атаки «фоккера» успеха не имели. Вскоре стрельба стрелка прекратилась, но сообщения от него продолжали поступать. Я понял, что у него, как и у меня, боеприпасы кончились. Мы уже находились на своей территории, и наши зенитчики стали бить по «фоккерам», и это нам сильно помогло. Осталось два штурмовик – мой и Бивойно. Самолёт Бивойно шёл со снижением. В это время неожиданно слышу стрелка: ««Фоккер» сзади слева!». И тут я его увидел. Он пристроился ко мне слева, крыло в крыло, раскрашенный как оса. Консоли крыльев – жёлтые, передняя часть капота жёлтая. На крыльях и фюзеляже фашистские кресты, а из кабины лётчик «фоккера» повернул ко мне голову и смотрит в мою сторону, я тоже смотрю в его сторону. Вероятно, это продолжалось не более 3- 5 секунд. Но в памяти этот эпизод остался на всю жизнь, затем он резко отвернул влево и скрылся с моих глаз. У него, видимо, тоже кончился боекомплект. Я посмотрел вниз и увидел, как Бивойно, оставляя за собой пыльный след, сажает самолёт на поле, не выпуская шасси. Я остался один и без дальнейших приключений сел на своём аэродроме. Когда я зарулил на стоянку, ко мне подошёл помкомэска Дубенко с вопросом: «Ты почему один вернулся?». «Остальных немцы не пустили», - ответил я. Я и Пустовалов пошли в столовую на обед. Только сели за стол, как к нам быстро подходит командир полка Иван Алексеевич Емельянов и приказывает следовать за ним. Около столовой стоит полковой трофейный «Оппель». Садимся в «Оппель», и только теперь комполка объясняет нам, что его и нас срочно вызывает командующий 15 ВА (воздушная армия) генерал-лейтенант Науменко. Прибыли на командный пункт 15 ВА, который располагался в каком-то старинном замке. Емельянов доложил командующему и представил нас. Командующий сразу задал мне вопрос: «Почему полетели на задание без сопровождения истребителей?» Я ответил, что истребите-

ли сопровождения нас не встретили, и мы взяли курс на цель без их сопровождения. «Почему не вернулись на базу?» Я ответил, что такое решение принял ведущий группы капитан Беляев. «Где капитан Беляев?» - спросил Науменко. Я ответил, что в этом бою он погиб. Весь разговор проходил в большой комнате, в которой было несколько стульев и большой стол, уставленный телефонами в кожаных чехлах. Присутствовавший здесь же и заместитель Науменко генерал-майор Попов во время разговора молчал. Все стояли, Науменко быстро ходил по комнате взад-вперёд и, останавливаясь перед нами, задавал вопросы: «Где проходил воздушный бой? Где упали или приземлились самолёты? Как проходил бой?» Затем стал звонить, выясняя подробности сложившихся обстоятельств при выполнении боевых заданий нашим полком. Закончив разговор по телефону, начал отчитывать комполка Емельянова в недисциплинированности лётного состава и сообщил, что только что группа штурмовиков, ведомая старшим лейтенантом Архиповым, приземлилась на чужой аэродром, также потрёпанная истребителями противника. Эта группа выполняла боевое задание без сопровождения истребителеми. Науменко тут же задал вопрос Емельянову: «Кто командир эскадрильи?» Емельянов ответил: «Старший лейтенант Догаев». «Это тот недисциплинированный, которого я приказал наказать?» - спросил Науменко. «Да, тот!» - тихо сказал Емельянов.

Я хочу пояснить, что вчера днём на наш КП (командный пункт) полка прибыл командующий 15 ВА Науменко, чтобы познакомиться с лётным составом нашего полка. Так как наша 214-я Керченская штурмовая авиационная дивизия входила в резерв Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) и направлялась по мере военной необходимости в различные воздушные армии и принимала участие в боях под Москвой в 1941 (полк 190-й), под Сталинградом, на Кавказе, в Крыму в составе 4-й и 8-й воздушных армий и в Прибалтике в составе 15-й воздушной армии. Поэтому Науменко мало знал о составе и боевых качествах 214 шад и не считал её своей. Отсюда и плохое снабжение обмундированием, обделение наградами и пр. Во время представления Емельяновым лётного состава Владимир Догаев задал командующему вопрос: «Почему мы часто летаем на боевые задания без сопровождения истребителей, не рискуем ли мы потерями лётного состава и техники?»

«Не рискуем, авиация противника, особенно истребительная, почти вся уничтожена», - ответил командующий. Догаев возразил: «До поры до времени. Немцы не упустят своей возможности когда-нибудь подловить нас». Науменко явно был раздражён и приказал Емельянову наказать Догаева за недисциплинированность. И вот сегодня, как только Науменко услышал, что группа штурмовиков Ил-2 села на чужой аэродром и что эта группа из эскадрильи, которой командует Догаев, разразился бранью в адрес нашего полка за плохую боевую подготовку и т.п. Объективно это не соответствовало действительности. Командующий тут же приказал генералу-майору Попову отозвать представление на присвоение нашему 622-му штурмовому Севастопольскому Краснознамённому авиационному полку звания «гвардейский». Пока Науменко бегал по комнате и ругался, Емельянов тихо на ухо мне сказал: «У сильного слабый всегда виноват!» Так наш полк и не получил звание «гвардейского».

Немного о Владимире Догаеве. Старший лейтенант Догаев – грамотный, опытный и смелый лётчик-штурмовик. К концу войны стал Героем Советского Союза. В апреле 1945 года во время «свободной охоты» уничтожил с небольшой высоты большой склад боеприпасов. От взрыва склада огромной силы его самолёт был сильно повреждён, и мужественный лётчик Догаев погиб. На месте его гибели в Латвии был установлен памятник.

Всего, к концу войны, 33-м лётчикам 214 шад было присвоено звание Героя Советского Союза. Из них 14 погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Герой Советского Союза лётчик Лугавской из 502 шап во время воздушного боя был сбит, ранен и попал в плен. Возвратившись из плена, попал в разряд неполноценных граждан. В плену погибли лётчики: капитан Мордовцев – комэск первой эскадрильи 622 шап, лейтенант Борис Щёголев, лётчик из 502 шап, погиб при попытке побега из плена, Виктор Савцов – лётчик из 622 шап. При освобождении Севастополя его самолёт был сбит зенитным огнём, и он попал в плен. Из плена бежал. И снова попал в наш 622 шап и стал неполноценным лётчиком в звании сержанта на должности командира звена, награждён двумя боевыми орденами и медалями. В январе 1945 года в воздушном бою в Прибалтике погиб в звании сержанта. Другие лётчики –

офицеры, получившие инвалидность вследствие военной травмы на территории, занятой противником, и не лечившиеся в наших госпиталях и соответственно не получившие справок из наших госпиталей, не могли по закону оформить пенсию по инвалидности вследствие военной травмы. И только через сорок восемь лет после Победы указами Президента №521 от 25 мая 1992 года и №596 от 05 мая 1993 года им было предоставлено от Минобороны право на получение пенсии вследствие военной травмы.

В связи с пятидесятилетием Победы в Великой Отечественной войне инвалидам вследствие военной травмы Федеральный Закон №72-Ф от 7 мая 1995 года предоставил право на получение одновременно двух различных пенсий – пенсии по инвалидности вследствие военной травмы и пенсии по старости на основании статьи 5 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР». Но до сих пор исполнительная власть Москвы не исполняет этого Закона в отношении офицеров, получающих пенсию по инвалидности вследствие военной травмы от Минобороны. И не выплачивают им заслуженную, законную пенсию по старости. Вот так Родина, вернее, исполнительная власть, благодарит патриотов Родины, многие из которых ушли из жизни, а оставшиеся погибают в органах социальной защиты населения от инфарктов и инсультов, борясь за свои законные пенсионные права.

Между боями

У лётчиков и на фронте бывали часы и даже дни, относительно свободные от войны, от давления на психику. Это дни нелётной погоды в какой-то мере и для лётчиков «свободной охоты» и каждый день невзирая на погоду и боевые дни для всех – ужин. Ужин как бы подводил итог дня. Если это был боевой день – пили законные сто грамм, «охотники» двести грамм за успешный боевой вылет и за погибших, если они были в этот день. В нелётную погоду иногда к нам приезжали артисты, давали концерты, которые всем нравились и помогали частично снять, в какой-то мере, напряжение. Иногда приезжала кинопередвижка, как правило, с комедийными фильмами. А если поблизости оказывался эвакогоспиталь, то туда направлялся представитель полка с приглашением к медпер-

соналу на танцы и кино. К нам девушки, свободные от дежурства, приезжали охотно. Если бао (батальон аэродромного обслуживания) было хорошим, то их угощали хорошим ужином. Нас навещали и писатели, журналисты, военные фотографы и кинодокументалисты. Однажды писатель Чекин, посетивший наш полк, согласился на предложение Генриха Гофмана, лётчика из 3-й эскадрильи, отведать мёда прямо из ульев. Приехали на легковушке на брошенную пасеку. Генрих, быстро вытащив из одного улья рамку с мёдом, побежал с ней к машине и в открытою дверь бросил рядом с Чекином, а вместе с рамкой в машину влетел рой пчёл. В результате оба любителя мёда попали в госпиталь. Другой журналист, фамилии не называю, договорился с лётчиками написать о их боевых вылетах. Договорились встретиться за ужином в столовой. Старший лейтенант Аркадий Иванович Гришин где-то раздобыл бутылку спиртного, и мы решили отметить будущее литературное произведение фронтовыми ста граммами. Аркадий налил полстакана спиртного и предложил выпить журналисту первым. Ужин ещё не принесли, и на закуску он налил в другой стакан воды и подвинул журналисту. Мы пожелали ему успеха, он залпом выпил фронтовые сто граммов. И тут случилось непредвиденное: наш журналист открыл рот и стал задыхаться. Аркадий дал ему стакан воды и кричит: «Запей водой!» Но наш журналист пить не стал и с трудом пришёл в себя. Мы его спросили, почему он спирт не запил водой? А он ответил: «Я же не знал – вода кипячёная или сырая?»

Однажды вечером, в конце августа, мы приехали с аэродрома к месту отдыха лётного состава, это было недалеко от города Вицмуйжа, на одном хуторе, который хозяева покинули до прихода наших войск. У входа в дом, где обычно размещался лётный состав, стоял часовой и никого в дом не пускал, объясняя нам, что дом заминирован и уже вызваны сапёры. Временно мы разместились в сарае, где хранилось сено. Вскоре мы узнали, что тревогу поднял наш полковой сапожник – пожилой солдат. Он услышал в своей сапожной комнатке: что-то тикает, наверное, бомба с часовым механизмом! О чем и поспешил доложить дежурному сержанту. Тот тоже услышал какое-то тиканье и позвонил оперативному дежурному полка. Тот в свою очередь вверх по инстанции, и в результате сверху дали команду: «Очистить помещение от людей, выставить ох-

рану и ждать сапёров». Сапёры прибыли ночью и быстро нашли «мину» в полу сапожной комнаты . . . червя-древоточца.

Удар по танкам

Конец августа. День приближался к концу. Вылетов больше не ожидалось. Боевых задач к оперативному дежурному не поступало, и лётчики уже расслабились. Нервное напряжение ожидания на вылет пошло на убыль. И как-то неожиданно, но привычно прозвучал негромкий, но чёткий голос комэска первой эскадрильи Дубенко: «Лётчики первой эскадрильи, ко мне!» Быстро собрались возле своего командира: «Есть задача, цель, время», - объявил Дубенко. Быстро на карте отметили цель, проложили курс, выслушали от комэска задачу и ряд оперативных указаний и побежали к газику, который быстро доставил нас к самолётам. Выслушав доклад авиатехника самолёта, лейтенанта Казакова, о готовности самолёта к вылету, быстро забираюсь в кабину Ил-2, запускаю двигатель и начинаю выруливать на стартовую площадку. Впереди меня уже выруливают Дубенко, Семенюк, Савцов и Сериков. Взлетели, встали на курс 270°. Перед нашей группой была поставлена задача: задержать и обрушить бомбовый удар на танковую группу немцев, теснивших наши боевые передовые порядки, выдвинувшиеся на оперативный простор в направлении Риги. Вот мы уже над целью, перед нами панорама воздушного боя наших истребителей с истребителями противника. Горят истребители: два немецких и один наш. Внизу видны стреляющие немецкие «тигры». Работаем по точечным целям, сбрасываем 250-килограммовые бомбы с пикирования. Разворачиваемся и уходим. Бензина в баках в обрез, так как от аэродрома до цели расстояние предельное. В этот боевой вылет я уничтожил танк «тигр» прямым попаданием. Это подтвердили стрелки с моего и других Ил-2 нашей группы. Солнце уже заходило за горизонт. На обратном курсе 90° по тому же маршруту, уже в сумерках, наши самолёты были обстреляны из скорострельных пушек. У ведущего Дубенко был повреждён самолёт, отказала радиосвязь, ограничена управляемость самолётом. Я стал замечать, что наш маршрут отклоняется от курса на базу на север. Ведущий группы, очень опытный лётчик, я не мог понять, почему он немного изменил курс влево.

Запас горючего в баках приближался к нулю. Я перевёл режим работы двигателя на экономный. Начало темнеть, и я уже стал плохо различать линию горизонта, так как в последнее время я заболел так называемой куриной слепотой. Это болезнь возникает от недостатка некоторых витаминов в организме и выражается потерей остроты зрения в темноте. По рации я попросил включить навигационные огни на самолётах группы. Моя просьба была выполнена, и мне легче стало держаться в строю и выдерживать самолёт в необходимом для нормального полета положении. Вскоре Дубенко и с ним два самолёта произвели вынужденную посадку в поле без выпуска шасси, не долетев до базы около 20 км. Остальные три самолёта, в том числе и я, долетели до своей базы в полной темноте, ориентируясь по компасу на город Резекне, где наши некоторые зенитчики приняли нас за немцев и произвели по штурмовикам несколько безрезультативных выстрелов. Наконец-то мы увидели сигнальные ракеты с земли, а затем и огни, обозначающие посадочную полосу. Полоса очень узкая и короткая. На ней очень сложно взлетать и садиться даже днём, а уж в темноте тем более сложно. Недавно, при взлёте, лётчик Михаил Коротких отклонился влево на 3° и врезался в наблюдательную вышку и другие строения, стоящие вдоль полосы. К несчастью, были жертвы среди военнослужащих наземных служб. Лётчик и стрелок почти не пострадали, если не считать, что лётчика судил трибунал в присутствии лётного состава полка. Свидетелем выступил комполка Емельянов. Трибунал обвинял лётчика в преступном нарушении техники пилотирования. Но Емельянов объяснил трибуналу, что по нормам техники пилотирования определены оценки в зависимости от угла отклонения от направления взлёта самолёта. Так, отклонение самолёта при взлёте на 5° - отлично; 10° - хорошо; 15° - удовлетворительно. А лётчик Коротких отклонился всего на 3°, что соответствует оценке «отлично». Трибунал, учитывая сложность взлёта по данной полосе, а также жертвы в результате аварии самолёта, приговорил лётчика Михаила Коротких к десяти годам лишения свободы с заменой на десять штурмовых боевых вылетов. Такое решение всех удовлетворило, так как мы все и без наказания летали на штурмовки немцев.

И вот нам предстояло с ходу да еще в темноте садиться на такой «аэродром» без права в случае ошибки при посадке ухо-

дить на второй круг. Баки с горючим пустые. Сложность усугублялась ещё и тем, что при подходе на посадку справа росли высокие сосны, а перед самой полосой - глубокая канава, заполненная водой, и всё это в темноте, да еще и с куриной слепотой у меня. Если приземлиться до канавы – катастрофа в канаве, если после канавы, но с перелётом более ста метров в конце полосы - в развалинах домов. Иду на посадку и снижаюсь до предельно низкой высоты перед полосой, лечу, уже не планируя, а на газу на малых оборотах и, как только мелькнула вода в канаве, убираю газ и касаюсь колесами земли. Напряжение сразу спало. В конце полосы сворачиваю на стоянку и, не дорулив до стоянки 50 метров, кончился бензин. За этот боевой вылет я и ещё два лётчика, прилетевшие вместе со мной, получили благодарность от командования.

Бои на подступах к Риге

В сентябре 1944 года усилилась активность воздушной разведки нашего полка лётчиками из числа «свободных охотников», способных летать в нелётную погоду и самостоятельно выбирать цели. «Охотники» назначались командованием дивизии. Я летал на «свободную» в паре с комэском Александром Дубенко, который был опытным боевым лётчиком. Особенно были эффектными его рейды по тылам противника во время «свободной охоты». И совершенно заслуженно Александру Дубенко 1945 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

27 сентября, после успешной «охоты» накануне, Дубенко и мне командование предоставило «выходной день». Но, как обычно бывает, лётчик располагает, а командование определяет. В 11 часов дня ко мне подходит Анатолий Петрович Семенюк из третьей эскадрильи и предлагает лететь с ним в паре на задание, так как его напарник, капитан Сучков (стажёр), из-за сложности задания отказался от полёта. Я согласился. И мы пошли в штаб полка для получения задания и некоторых уточнений боевого вылета. В штабе подполковник Емельянов поставил нам задачу: двумя штурмовиками на участке железной дороги Эргли–Рига уничтожить немецкий разрушитель железнодорожного пути. Тем временем погода прояснилась, и появилась реальная опасность встречи с истребителями против-

ника, так как для поиска цели нужно было лететь над железной дорогой, а немецкие службы оповещения могли засечь и немедленно оповестить свои ПВО, тем более, что аэродромы истребителей противника расположены в городе Огре и Риге, на расстоянии 30-50 км от нашего маршрута. Учитывая сложившуюся обстановку, лейтенант Семенюк попросил придать нашей паре штурмовиков пару истребителей сопровождения. Присутствовавший при этом начальник штаба полка подполковник Лебедев, не дожидаясь ответа Емельянова, резко скомандовал: «Вами задание получено, выполняйте!» Мы молча повернулись и пошли на стоянку к самолётам. По дороге Семенюк сказал: «Хороший командир посылает на задание, а плохой - на смерть». Мы подошли к самолётам: Семенюк к своему, я к самолёту стажёра. Семенюк вытащил из своих карманов документы, ножичек и ещё кое-что, чего я не разглядел, и стал их раздавать своим подчиненным: механику, оружейнице, оставив себе только партийный билет. Его подчиненные стали возражать и отказались брать его вещи. Тогда он приказал: «Сохраните!» Я отвёл его в сторону и сказал, что с таким настроением выполнить задание будет трудно, тем более сохранить самолёты и свои жизни. Предложил ему, в случае нападения истребителей, согласованно применять маневр ножницы или другие маневры, смотря по обстановке. На это он ответил, что Лебедев приказал снять с самолётов рации под тем предлогом, что болтаете много лишнего, оставив рации только у комэсков, и добавил: «У нас ничего не получится».

Мы уже в полёте, подходим к линии БС (боевое соприкосновение). Облачность 4-5 баллов, высота 500-600 метров. Мы идем на высоте 1100 метров. Впереди по курсу видна железная дорога. Начинаем противозенитный маневр. И вот первые разрывы зенитных снарядов среднего калибра. Интервал между самолётами 30-50 метров для свободного противозенитного маневра. Суть маневра состоит в том, что нельзя лететь строго по прямой и на одной и той же высоте. Это не дает возможности зенитчикам противника корректировать огонь по самолётам. Достигается это беспрерывным маневрированием самолёта относительно разрывов зенитных снарядов. Для этого лётчик учитывает действия зенитчиков при наводке орудия на самолёт: определение направления самолёта, высоту полета и скорость. Направление полета определяется по осевой линии

самолёта, высота - по дальномеру, скорость - по типу самолёта. Чтобы затруднить зенитчикам вести прицельный огонь и корректировать его, лётчик изменяет направление полёта относительно осевой линии самолёта, путём скольжения самолёта вправо или влево. С земли этот маневр не заметен. Зенитчики на следующий выстрел вносят поправку, а лётчик уже переводит самолёт в скольжение в другую сторону. Если разрывы снарядов вперед по курсу, то самолёт меняет курс и скорость, высоту полета. Учитывая всё, даже высоту полета, выбираем высоты 1100, 1300, 1500, так как шкала на прицелах и взрывателях на снарядах размечена через 1000, 1200, 1400 и т.д., что затрудняет противнику точно устанавливать прицельную высоту. Вскоре зенитный огонь прекращается, и мы летим над железный дорогой в сторону города Рига. Пролетев станцию Сунтажи, замечаем на следующем разъезде паровоз и за ним платформу, укрытую маскировочной сеткой. Укрытая техника на платформе и выступающая сзади часть напоминают разрушитель пути с огромным плугом. Семенюк заходит на цель с крутым планированием и сбрасывает бомбы, я иду за ним, фотографирую и тоже сбрасываю бомбы. Разворачиваемся влево и берём курс на базу. В это же время слышу в наушниках по СПУ (самолётное переговорное устройство) голос своего стрелка Владимира Дыгина, который совершал со мной 25-й штурмовой вылет: «Фоккера! Фоккера! Пять штук». До линии боевого соприкосновения оставалось около 20 км. Это много. Я держусь с правой стороны от Семенюка с дистанцией 20-30 метров. Заработал пулемёт Дыгина. Вижу что открыл огонь и стрелок Семенюка Иван Загумённый. Дыгин молчит. Сожалею, что со мной за стрелка летит не Пустовалов. Тот непрерывно докладывал обстановку позади самолёта, а Дыгин молчит. Резко бросаю вправо, и тут же трассы пушек и пулемётов слева. Лечу на бреющем полете над лесом. Впереди небольшая поляна, бросаю самолёт вниз и вовремя. Сверху огненные трассы. Поляна кончается, взмываю вверх и тут дробь разрывов по броне задней стенки кабины. Дыгин молчит и не стреляет. Связи с Семенюком нет. В мозгу проносятся слова начальника штаба полка Лебедева: «Много болтаете». Сколько прошло времени? Кажется много, но в действительности, наверное, не так уж и много. Дыгин, не стреляет, вероятно, убит, зато трассы от «фоккеров» летят со всех сторон. Увёртываюсь

от прицельного огня истребителей, но их преимущество очевидно. Самолёт вспыхнул, горит снизу, снаряд, похоже, попал в маслорадиатор, дым в кабине, за кабиной слева и справа снизу бушует пламя, гудит как в большой форсунке. Перебиты тяги управления. Огонь истребителей прекратился. Самолёт неумолимо снижается к земле. Прыгать с парашютом бесполезно, так как высота 100-150 метров. Возникла мысль: «Это еще не конец». Левой рукой взял рукоятку триммера, крутанул на себя, и самолёт взмыл вверх. Теперь можно прыгать с парашютом. Я с трудом покинул самолёт, сразу открыть парашют не смог, так как, покинув самолёт, несколько секунд летел в пламени горящего самолёта и раскрытый парашют мог сгореть. Высота, с которой я покинул самолёт, была недостаточной, чтобы парашют полностью раскрылся, в результате приземление было жёстким, и я получил ранения головы и ног.

На этом моя лётная карьера закончилась.

Декабрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Рубин Михаил Юрьевич,*** *студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Белов Дмитрий Семёнович

Ты помнишь, товарищ, дороги войны...

Я родился 21 октября 1921 года в селе Выползово, Рязанской области. По национальности русский. По вероисповеданию православный.

В июне 1941 г. я и мои друзья по школе, которую мы только что закончили, собрались отпраздновать организованно это событие. Устроили на собранные деньги прекрасный стол, который ломился от всевозможных яств: было много виноградного сока, было даже вино – кагор. Гуляли всю ночь. Были организованы театрализованные представления по сценариям некоторых учеников, танцевали русские пляски и западные танцы. Музыка в основном была представлена пластинками, озвученными граммофоном с трубой. Были мандолина, гитара, балалайка. В углу зала у окна стоял рояль. Одним словом, "бесились", а утром следующего дня нас известили о нападении на нас Гитлера и бомбардировке города Киева. В эти и последующие дни на улицах были установлены репродукторы. Музыка была в основном характера маршей. Время от времени диктор, знаменитый Левитан, укреплял нашу уверенность в победе над врагом словами из речи Сталина: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами". На стволах деревьев, телефонных столбах, заборах были расклеены плакаты

и лозунги с призывами к организованному отпору врага, преданности своей Родине и защите ее от фашизма, а также о возможном шпионаже врага. Появились очень едкие и изобретательные карикатуры на Гитлера, Геббельса и других вождей Германии. По месту жительства каждый из нас, бывших школьников, входил в организованные группы по борьбе с зажигательными бомбами. Дежурили посменно на крышах домов. При встречах со своими товарищами каждый из нас высказывал желание чем-нибудь помочь фронту. Те, кто собрался продолжить учебу в институте, планировали свою будущую профессию с расчетом как можно быстрее принять участие в оказании помощи своему народу и стране. Настроение мое и моих товарищей было уверенное и непоколебимое. Мы были убеждены в победе над врагом. Мотивировка у нас была одна: коммунистам нечего терять, значит, надо бороться упорно, до победы. Мы все были преданы своему вождю Сталину. И никто не допускал даже мысли становиться Иудой для Родины и народа. Я не был коммунистом, дальше "октябрят" не пошёл, но основа моей убежденности состояла в вере в нашу Православную церковь. Мне тайный голос говорил, что мы победим, и мое убеждение сохранялось и на фронте, и после демобилизации. Через месяц после начала войны немецкие самолёты стали сбрасывать на Москву зажигательные бомбы. В район, где я жил, бомбы не долетали, но каждый вечер и ночь я дежурил на крыше своего дома, это была школа, где я проживал с папой, сестрой и её малолетним ребенком – Толей. Девятого августа мне пришло извещение из военкомата явиться на медицинский осмотр. Признали годным к службе в Красной армии. Одиннадцатого августа мне было предложено явиться с вещами на сборный пункт. Поздно вечером всех призывников Москвы разместили в вагонах товарного поезда. Настроение у большинства было бодрое. Пели песни, частушки под балалайку и гитару, читали стихи. Одним словом, никто не плакался, что едем на фронт. Утром, следующего дня, в вагон явился человек в военной форме с одним кубиком в петлице гимнастерки. Он предложил для тех, кто изъявит желание учиться в школе связистов и аэрофототригонометрическом училище обратиться к нему. Я решил учиться в этом училище.

Поезд двигался очень медленно. Среди нас даже нашлись шутники, которые заметили нашему сопровождающему, что

так и война может закончиться, а мы будем киснуть в вагоне. И, действительно, в вагоне было душно. Кормили сухим пайком. Горячую воду приносили в баке. Пока были свои домашние припасы, было хорошо, но как только они закончились, стало голодно. На остановках поезда в пределах станции мы подходили к дверям вагона в ожидании сочувствующих местных жителей, чтобы они подали что-нибудь из съестного. Так мы доехали до станции Туймазы. Там нам разрешили выйти из вагонов группами по три-четыре человека и, по возможности, купить себе продуктов. Деньги были не у каждого, у меня, например, их не было. Я вежливо попрошайничал у прохожих и у магазина, указывая на сумку, где был довесок к порции хлеба, просил угостить меня. Таким путём, за два с половиной часа стоянки, я набрал полные карманы кусков хлеба. В этот период времени на гражданке существовала карточная система снабжения продовольствием. Некоторые из новобранцев накупили картошки, которую кушали в сыром виде. Каждый старался поделиться друг с другом приобретенными продуктами. Обращались мы между собой по фамилии.

Наконец, эшелон покатил, ритмично постукивая колесами на стыках рельсов.

Сопровождающий нас военный, с тремя треугольниками в петлице гимнастерки, объявил, что мы направляемся в город Уфу. Ехали до места назначения медленно и долго. По прибытии в Уфу нас строем повели в баню. Хорошо погревшись в парной и сменивши после мытья свое гражданское белье на казенное обмундирование, мы строем и с песней “Эх винтовочка...” двинулись в столовую. Обед был вкусным и обильным. Посудой служили миски, кружки, тарелки, изготовленные из глины. Поверхность их была без глянца. Ложка была из свинца и поэтому была тяжелой. Напитались вдоволь, а вечером, на перроне вокзала, нас построили в одну шеренгу. Командир громко произнес: “Смирно!”, а потом добавил вкрадчивым голосом: “И не шевелись”. У меня такая команда “не шевелись” вызвала усмешку. Командир сделал мне замечание, что я не на гражданке, а в Красной Армии. Если повторится подобное, то получу наряд, т.е. наказание. Перед строем командир долго читал списки фамилий людей, которых собрали и отправили в сторону города. Я остался невызванным и вместе с остальными продолжил путь. Утром мы были уже далеко

от Уфы, а через день прибыли в город Челябинск и на автомашинах добрались до селения Чебаркуль. Нас разместили в двух очень длинных землянках, где были устроены двухъярусные нары. Было ясное и слегка морозное осеннее утро. Трава, земля, крыши землянок – все было покрыто белым налетом инея, деревья казались тщательно припудренными. Красота удивительная! Невозможно описать этих величественных лесов и тех чувств, которые они навевали. С одной стороны это чувство восторга и легкого мальчишеского радостного настроения, а с другой – ощущение отдаленности от всего мира, полного обособления от него со всеми его делами и интересами. В таком заповеднике нам предстояло обучаться военному делу, как сражаться с врагом.

Утром следующего дня нам сообщили, что никаких работ и учебных занятий сегодня не предвидится, и я со своим товарищем Эмилем, с которым познакомился, следуя в Чебаркуль на автомобиле, отправился за пределы проволочного ограждения училища. Мы с ним около двух часов прогуливались по лесу и вернулись к окончанию выдачи завтрака. Кормили нас с передвижной кухни из двух котлов для первого и второго и отдельного котла для кипятка. Топливом были дрова. Вечером построили и объявили распорядок: в 6 ч 30 мин – подъем, в 7.00 – завтрак, в 8.00 – политзанятия, в 11.00 – изучение стрелкового оружия, в 12.00 – обед и отдых до 14.00, потом свободное время до 21.00 и отбой в 21.00. За время нашего переезда из Москвы в Чебаркуль я потерял счет времени, числам и дням недели. Мы ждали смены обуви, которая была порядком изношена. Наша верхняя одежда также имела очень ветхий вид. Вечером на улице было холодно, воздух в землянках был влажным, пахло сыростью, одеяла были байковые – легкие, ветхие и дырявые. Стали часто в ночное время появляться костры для обогрева. У некоторых призывников после такого обогревания ботинки становились истлевшими и скоро разваливались. У некоторых появились серьезные ожоги. В санчасти не хватало медикаментов. Надежным средством от ожогов была собственная моча, для чего использовали тряпки с подкладок верхней одежды. Холода с каждым днем усиливались, просушиться полностью было невозможно, верхняя одежда от сырости и просушки над костром становилась совсем ветхой. Находились смельчаки, которые выражали в едкой форме свое

неудовольствие. Командиры успокаивали, что обмундирование должно скоро поступить. Временно всем выдали лапти и ветхие портянки. Мы быстро привыкли к этой удобной обуви, в ней было тепло и легко в ходьбе. Я никогда не предполагал, что такая обувь может быть удобной. Не хватало только веревок, которыми стягивали и удерживали портянки на ногах, но придумали применять вместо веревок корни молодых сосенок.

Что касается учебы, то она была организована слабо. Занятия проходили скучно и неинтересно. Политрук в своих лекциях делал упор на слова: патриотизм, смелость, находчивость, преданность, умение ориентироваться и решительно действовать. Слова-то хорошие, но в убедительную и доходчивую форму облечь их у него не хватало умения. На своих лекциях политрук никогда не приводил разбора и анализа какого-нибудь военного столкновения, боя, поражения, победы. Во время его лекции многие слушатели дремали. Но по складу своего характера он был добрым и отзывчивым, никогда не возмущался, не обижался. Мы относились к нему с сочувствием. Наша общая оценка ему была «друг народа». Вот так обстояло дело с нашим духовным воспитанием. Техническая сторона нашей учебы была оснащена значительно объемистей. Присутствовало много плакатов, рисунков, картин и даже макет был: все это изображало боевое оружие, хотя и устаревшее. Это нам давало представление различать оружие по названиям. Занятия проходили в напряженной обстановке, которую создавал наш командир и лектор. Он придирался к случайным выражениям и выводил из них невероятные по своей нелепости заключения. Его все боялись, но никто не считал умным. Каждый искал предлог, чтобы пропустить его лекции, потому что для умственного и технического развития они ничего не давали.

Мне порой удавалось уединиться и с грустью вспоминать романтику школьных дней. Оставшись наедине, мне нравилось смотреть в ясное, чистое, голубое небо и, зажмурив глаза, вызывать в своем воображении лицо моей одноклассницы – то грустное, то лукавое, то сияющее нежной улыбкой. Мы оба были взаимно привязаны, но все хранили в тайне от окружающих нас людей, виделись только в школе во время занятий. Когда я уезжал в армию, мы впервые пожали друг другу руки. На следующий день я уехал из Москвы в не известный

мне тогда Чебаркуль, а она осталась навсегда в моей памяти чарующим призраком любви, нежности, тихого счастья и ласки. Эти воспоминания всегда меня поддерживали в трудную минуту.

От дома мы, жители лагеря, были оторваны. Общения письмами не могло быть, почтальон к нам не приходил.

Наступили устойчивые холодные ночи, вскоре выпал снег. Приближался праздник 7 ноября, по этому случаю к нам прибыла машина с подарками. Мы все были в восторге и кричали «Ура!!!». Во время обеда в столовой нам их вручили. В первый день праздника мы приняли присягу, текст которой читал перед строем командир.

Однажды вечером в землянку принесли телогрейки и ватные штаны. Они были далеко не новые, но новобранцы, одевшие это обмундирование, сразу приняли вид боевых красноармейцев. Через два дня нас перевезли в Челябинск, разместили в хорошо оборудованных товарных вагонах, в них были переносные чугунные печки. Кто-то вслух произнес, что нас готовят к скорой поездке на фронт. Некоторые загрустили, что касается меня, то эту весть я воспринял с раздражением и вслух посетовал, что едем на фронт, а не имеем при себе никакого огнестрельного оружия. Подбежавший ко мне военный разъяснил, что винтовки находятся в одном из вагонов поезда и скоро будут лично вручены каждому бойцу. Пока я размышлял о винтовках, наш поезд двинулся и начал набирать ход. Потянулась бесконечная унылая степь, грусть сжала мое сердце. Мне не раз приходилось читать о страхе перед медленно приближающейся смертью. Теперь же я имел возможность на собственном опыте проверить их правдивость. В вагоне меня охватило сознание власти над жизнью, я стал повторять многократно фразу: «Не робей перед врагом – лютейший враг человека он сам». Я старался не поддаваться отчаянию и унынию, задавая себе вопрос, почему мой враг может оказаться сильнее и изворотливее меня? Отец не раз говорил мне, что побеждает не сильный телом, а сильный духом. На этом я успокоился и заснул. Сколько проспал, не знаю, но проснулся, как и все, от часто повторяющейся стрельбы из пушек и гула. Выглянул наружу через маленькое оконце вагона. Вдали было яркое зарево и отдельные всполохи пламени от взрывов. Из наших командиров никого не было. Поезд стоял в окружении

обломков. Нам объявили, что мы прибыли в Дебальцево, где нам предстоит принять новых командиров. Канонада не утихала, наоборот, интенсивность её усиливалась. Когда, наконец, рассвело, нас строем повели к пункту раздачи горячей пищи, хорошо накормили, на десерт дали по кружке чая и пачку вафель на двоих. Потом всех переодели в новое теплое обмундирование и каждому выдали стрелковое оружие. Долго ждать не пришлось: приехало несколько больших крытых автомашин, оборудованных для перевозки пассажиров, и нас отдельными группами по 25 человек разместили в крытых кузовах автомашин. Мы двинулись в сторону всполохов и пушечных выстрелов в трех направлениях, по отдельности каждая группа. По мере приближения к нашему месту назначения, стрельба из орудий усиливалась. Командир наш сказал, что робкий погибает в первом бою. Машина вдруг остановилась. Впереди были еле различимые дома. Это был город Барвенково, за который шла борьба уже более двух дней. К нам еще прибыли три машины. Вскоре после выгрузки бойцов из машин появились три легких танка. Наш командир подготовил одну группу воинов для продвижения к городу. Прижимаясь телом ближе к земляному покрову, мы продвигались по склону огромной лощины, на дне которой теснились белые дома с соломенными крышами. Некоторые из них горели слабым огнем. Вскоре наши три танка на полном ходу, очень быстро стали спускаться по склону вниз, оставляя за собой облака снежной пыли. Вслед за танками побежали и мы. Некоторые из нас имели автоматы. Нам навстречу обрушился шквал мин, которые в большинстве своем падали и взрывались позади нас и далеко. Я, не соображая, стал стрелять в сторону домов. Людей не было видно на территории, в сторону которой шла интенсивная стрельба. Мы передвигались вперед за нашим командиром, повторяя его движения. Он присядет, и мы тоже. Движение наше было направлено к двухэтажному кирпичному дому. Когда мы подползли к нему совсем близко, в нас полетели гранаты. Некоторые получили ранения. В дом прорваться было трудно, но танки подошли к дому на расстояние 50 метров. Один танк вдруг загорелся, из него выбежали четыре наших красноармейца и ползком двинулись к дому. Мы последовали за ними, повторяя их манеру движения. Из дома начали стрелять из пулемета и автомата. Скоро дом внутри загорелся. Я

лежал вниз лицом и старался не поднимать головы. Мой сосед Эмиль получил ранение в правую руку, но все равно продвигался с нами к загоревшемуся дому. Наш командир, поднявшись, крикнул: «За мной! Вперёд!». И мы все дружно побежали. Из дома послышались крики, и из открытой двери с белым полотенцем над головой появился офицер. Наш командир полностью его обезоружил. Вслед за этим немцем вышли еще 11 человек. Все они были одеты в военную форму. Их всех обезоружили и с конвоем отправили в тыл. Наше продвижение было очень быстрым. Сопротивление немцы оказывали слабым автоматным огнем и то только в некоторых местах. На пути нашего движения нам попались еще три солдата. Они были ранены. Наконец мы стали продвигаться по склону лощины. Дома города остались позади. Сопротивление немцев прекратилось. Они на бронемашинах ускользали от нас. Так мы их преследовали еще около двух километров. За городом наш командир приказал остановиться. Вблизи, слева от нас стоял сарай. Мы осторожно подошли к нему. В сарае было пять ранцев с продовольствием и котелками. Солнце стало заходить за облака. Приближался вечер. В сарае было тихо и безветренно. Здесь командир оставил 11 человек, а остальные пошли в город. За городом были выставлены посты. Ночью было очень холодно. Утром нас сменили другие красноармейцы, а нас расселили в жилых домах, которые побросали жильцы за несколько дней до нашего прихода. Остальных красноармейцев разместили в домах, занятых их хозяевами. Мы спокойно обосновались в теплых домах и прожили там до 17 мая 1942 года без тревог, а 18 мая немцы начали наступление. Нам было приказано отходить к реке Северный Донец. Наступление немцев в основном заключалось в очень сильных бомбовых ударах. Вместе с красноармейцами двигались многие местные жители города. В этот день я с группой красноармейцев попал под интенсивную бомбёжку. Местность была открытой, укрыться было негде. Меня контузило и ранило. Санчасти нигде не было, передвигаться я не мог. Со мной остался мой друг, раненый в руку. Он меня затащил в кусты, росшие на берегу ручья, где мы пробыли всю ночь, которая была очень спокойной. Утром мне стало лучше. Эмиль и я вышли на магистральную дорогу. По ней двигалось много машин и людей, было много раненых. Все просились где-нибудь сесть на авто-

транспорт. Машины в основном были переполнены, но были случаи, когда с полузагруженных автомашин молча отказывали даже раненым. Меня от этого стало подташнивать, и Эмиль дал мне кусок сахара. Вскоре позади нас прозвучал сигнал автомашины. Военный с тремя «шпалами» предложил нас подвезти. Мы уселись в кузов, на ящиках со снарядами. В этот же день мы добрались до Дона. В местечке с названием Сухой Дон машина наша остановилась, нам было предложено освободить кузов. Я и мой друг Эмиль долго размышляли, как перебраться на другой берег. Я был удивлен, что река Тихий Дон с таким очень бурным и быстрым течением. Мы решились вплавь пересечь реку. Военный, который нас доставил сюда, достал из машины доску длиной около трех метров. Сняв нижние рубахи, мы связали их в один узел, привязали к спине и пустились по воде вплавь. Сначала было мелко, по пояс, но ближе к противоположному берегу глубина вдруг сильно увеличилась. Небольшое расстояние мы преодолели вплавь, но нас отнесло туда, где глубина была значительно больше и ширина тоже. Наконец, мы выбрались на берег. Не буду описывать наше настроение, но чувство злобы к немцам у меня увеличилось втрое. От реки Дон до Волги мы добирались очень долго. Иногда нас подбрасывали автомашины. Как-то нас встретили патрули и хотели отправить на сборный пункт. Эмиль попросил, чтобы патрульные указали нам, где можно было бы получить медицинскую помощь. К счастью, они нас отпустили.

После этого нас вскоре на автомашине доставили в пригород Сталинграда. Здесь у меня начались припадки. Эмиль старался перейти на левый берег Волги. Через несколько дней началась сильная бомбардировка города. Все горело, по улицам идти было невозможно из-за пожаров. Мы с трудом добрались до берега Волги. Нас опять остановили патрули и сказали, что на другой берег пропускают только тех, кто имеет особый документ. Эмиль снова сумел уговорить патрульных, ссылаясь на свое ранение и мою контузию. Сообщил, что у меня были припадки. Тем не менее они нас направили в местечко с названием Дар-гора. Там был хорошо оборудован и вооружен какой-то оборонительный рубеж. Переночевав в их землянке, старшина, видя мое и Эмиля состояние, проводил нас другим путем к берегу Волги. После небольшого ожида-

ния к берегу пристала платформа из четырех лодок. Выгрузив вооружение и снаряды, они по распоряжению старшины переправили нас на другой берег. Временно мы устроились в доме, где проживала женщина со своими детьми. Она сообщила место расположения медсанчасти. Мы у нее прожили около недели. Мои припадки продолжались. Опасаясь за мою жизнь, хозяйка дома сообщила обо мне в медсанчасть. Скоро прибыла автомашина. Меня забрали, а Эмилю сделали повязку на раненой ладони. Что с ним дальше было, мне не известно. Пробыл я в медсанчасти два дня, а после припадка меня направили пешком в город Ленинск. Я не помню, сколько времени я передвигался. Вскоре на попутной маршрутке меня доставили в этот город. Там после двухдневного обследования я был освобожден от службы в действующей армии. В конце осени я прибыл в Московский военкомат. После медицинской комиссии мне выдали «Белый билет» с освобождением от воинской обязанности.

Мой боевой путь проходил через город Уфа (селение Чебаркуль) (осень 1941 г.), г. Челябинск (ноябрь 1941 г.), г. Дебальцево (ноябрь 1941 г.), г. Барвенково (ноябрь 1941 г.), р. Северный Донец (18 мая 1942 г.), р. Дон (1942 г.), р. Волга (1942 г.), п. Сталинграда (1942 г.), г. Ленинск (1942 г.).

Военные боевые действия закончил близ реки Северный Донец в 1942 году в звании рядового.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Бочарова Людмила Руслановна****, студентка 2-го курса факультета двигателей летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Белоусов Николай Иванович

Возвращение из тыла противника после авиакатастрофы

Я родился 14 октября 1918 года в Саратовской области, Аркадакском районе, железнодорожная станция Кистендей. По национальности русский. Являюсь членом общественной организации “Клуб Авиатор имени С.А. Красовского”.

До войны окончил в 1934 году 7-летнюю школу, в 1937 году - 3 курса железнодорожного техникума, в 1940 году – военное училище летчиков-бомбардировщиков, после войны – в 1950 году – Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года на аэродроме Реблицы, Новгородской области, где лейтенантом служил в должности командира звена 53-го дальнего бомбардировочного авиационного полка, командир полка – майор Суров С.С., 1-го авиационного корпуса, 36-й авиационной дивизии.

Боевой путь проходил через аэродромы базирования: Реблицы (Новгород) – с 15 июня 1941 по 27 августа 1941 г., Якушево – с 28 августа 1941 по 16 октября 1941 г., Дягилево (Рязань) – с 17 октября 1941 по 14 декабря 1941 г., Лопатино (Муром) – с 15 декабря 1941 по 2 января 1942 г., Дягилево – с

2 января 1942 по 20 апреля 1942 г., Туношная (Ярославль) – с 20 апреля 1942 по 17 мая 1942 г., Едрово – с 17 мая 1942 по 21 мая 1942 г., Туношная – с 21 мая 1942 по 23 мая 1942 г., Ваянга (Североморск -1) – с 26 мая 1942 по 15 июня 1942 г., Туношная – с 15 июня 1942 по 14 апреля 1943 г., Африканда (Заполярье) – с 12 сентября 1942 по 15 октября 1942 г., Мигалово (Тверь) – с 14 апреля 1943 по 27 июля 1944 г., Шаталово (Смоленская область) – с 27 июля 1944 по 1 октября 1944 г., Дубно – с 1 октября 1944 по 10 октября 1944 г., Черлены – 10 октября 1944 по 15 марта 1945 г., Лида – с 15 марта 1945 по 21 марта 1945 г., Бяла-Подляска (Польша) – с 21 марта 1945 по 17 июля 1945 г., Варфаломеевка (Дальний Восток) – с 7 августа 1945 по 19 августа 1945 г.

В операции "Битва за Москву" с 21 октября 1941 по 27 декабря 1941 г. я в составе авиации дальнего действия под командованием А.Е. Голованова, в 36-й авиадивизии под командованием полковника Дрянина, 455-м авиаполку под командованием майора В.К. Юспина произвел 11 успешных боевых вылетов по скоплениям танков, автомашин и группировок фашистских войск.

Всего в ходе войны с фашистской Германией произвел 180 боевых вылетов, в том числе по объектам глубокого тыла противника: Кёнигсберг – 5 ударов, Данциг – 4 удара, Варшава – 3 удара, Инстенбург – 2 удара, Берлин – 1 удар 24 марта 1945 г., Хельсинки – 1 удар 6 февраля 1944 г., Тильзит – 1 удар 20 апреля 1943 г.

В ходе войны с Японией произвел два боевых вылета в должности командира 433-го дальнего бомбардировочного авиационного полка, 55-й авиадивизии, командир дивизии полковник Абраменко.

Боевые действия в войне с Германией закончил 9 мая 1945 г., в войне с Японией – 19 августа 1945 г. на аэродроме Варфаломеевка в воинском звании майор, под командованием командира дивизии полковника Абраменко.

Возвращался с войны скорым поездом Владивосток – Москва, из Москвы поездом Москва–Бяла–Подляска (Польша).

Находясь на действительной воинской службе в ВВА им. Ю.А. Гагарина в должности начальника научно–исследовательской группы, по собственному желанию, в звании полковника уволен в отставку 10 мая 1979 года. Принят

старшим научным сотрудником в научно–исследовательскую группу на полставки 28 июня 1979 г. Уволен по ст. 31 КЗОТ РСФСР по собственному желанию 17 декабря 1991 г. Приказ №531.

Награды

Орден Красного знамени, № 32823. Награжден президиумом Верховного Совета от 20 июня 1942 г. Вручен на аэродроме Туношная (Ярославль) командиром полка 455-го авиационного полка дальнего действия Чеботаевым за успешное выполнение бомбовых ударов в начальный период войны и в Битве за Москву.

Орден Отечественной войны 2-й степени, №6567. Награжден президиумом Верховного Совета от 31 декабря 1942 г. за успешное выполнение бомбовых ударов по объектам глубокого тыла: Кёнигсберг, Данциг, Варшава, а также за участие в операциях по обеспечению перехода морем караванов судов с оружием из Америки в Мурманский порт. Вручен на аэродроме Туношная командиром 455-го авиационного полка дальнего действия Чеботаевым.

Орден Александра Невского, №19001. Награжден 6 ноября 1944 г. приказом командующего авиацией дальнего действия А.Е. Голованова за умелое вождение боевых групп самолётов АДД при выполнении боевых заданий в период Великой Отечественной войны 1941 –1944 гг. Вручен на аэродроме Черлены (Белоруссия) командиром 109-го дальнего бомбардировочного авиационного полка подполковником В.К. Юспиным.

Орден Красного Знамени, №3135. Награжден приказом командующего авиацией дальнего действия от 17 июля 1943 г. на аэродроме Мигалово (Тверь) за успешное выполнение бомбовых ударов по объектам глубокого тыла: Инстербург, Кёнигсберг, Тильзит, Варшава. Вручен командиром полка подполковником В.К. Юспиным.

Орден Великой Отечественной войны 1-й степени, №225117. Награжден 13 июля 1945 г. приказом командующего 18-й воздушной армией, Главным маршалом авиации А.Е. Голованом за летное мастерство при выполнении 48 боевых вылетов и нанесении противнику значительных потерь в ходе бомбардировки его железнодорожных узлов и аэродромов на северо–западном направлении действия наших войск.

Медаль “За боевые заслуги”, № 3208302.

Медаль “За оборону Ленинграда”, № АД – 78774 от 24 июля 1944 г.

Медаль “За оборону Москвы”, № 012467, вручена 24 июля 1944 г. командиром 109-го авиационного полка дальнего действия подполковником В.К. Юспиным на аэродроме Шаталово (Смоленск).

Медаль “За взятие Кёнигсберга”, № 130240, вручена 20 апреля 1946 г. начальником Военно-воздушной академии генерал - лейтенантом авиации Ионовым.

Ордена, полученные в послевоенный период:

орден Красной Звезды, № 3067813,

орден За службу Родине 3-й степени, №17804,

орден Отечественной войны 2-й степени, № 1059911. Указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.

В ходе и после войны получено 18 юбилейных медалей.

Собственные публикации ветерана:

за период 1953 – 1980 гг. список научных трудов включает 89 наименований, из них 22 работы печатные.

Общий объем составляет 284 авторских листа, из них печатных работ 58,7 авторского листа.

Среди выполненных работ:

- кандидатская диссертация (1953 г.);

- отчеты по НИР, учебники по тактике ВВС, военно–теоретические труды, учебные пособия,

-докторская диссертация по автоматизации управления частями и соединениями дальней авиации (успешно защищена в 1965 г.),

- очерк “Флагман авиации дальнего действия” в книге “Крылатые сыны Родины” (издание академии, 1967 г.),

- статьи в сборниках трудов: ВВА №2 (149) за 1968 г. и в информационном сборнике № 5 Главного управления Министерства обороны №1 (137) за 1968 г.,

- алгоритм расчетной задачи – “Перенацеливание самолётов и групп дальней авиации” - 1970 г.

Из 89 работ в 23 из них я был ответственным исполнителем или научным руководителем.

Количество и объем работ заверил начальник НИГ-1 полковник Н.С. Носков 19 ноября 1980 г.

Собственные публикации в газетах:

1. “Письма о войне” - 8 писем в газете “Время”, Щелковского района к 55-летию Великой Победы, опубликованы 22 и 24 февраля, 2 марта 2000 г.

2. Содержание указанных писем было опубликовано также в газете “Крестьянская жизнь”, Тверской области. Объем – 2 страницы. 2000 г.

3. Статья в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины” под названием “Волнующая встреча”. В статье объемом 0,5 страницы описан процесс съемки фильма по мотивам романа С.К. Цвигуна “Мы вернемся”.

4. Статья в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины” под названием “В октябре 1941 года”.

5. Статья в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины” под названием “Встреча через годы”. О встрече выпускников академии 1950 и 1951 годов.

Другие публикации о ветеране:

1. Кудинов Борис Михайлович, “На 66-й широте”, в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины”, от 15 и 22 декабря 1984 г.

2. Кудряшева Ольга. “Тридцать минут огня”, в газете “Красная знамя”, г. Даугавпилс (Латвия), от 4, 5, 8 и 9 мая 1973 г.

3. Баталов Ришат Шакирович. “От боевого командира до крупного ученого”, в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины”, от 21 октября 1978 г.

4. Сопелев Николай Григорьевич. “Всегда в творческом поиске”, в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины”, от 8 сентября 1979 г.

5. Бобровский А. “Правофланговые науки”, в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины”, от 28 марта 1990 г.

6. Горбачев Владимир Александрович. “Юбилей научного подразделения”, в газете ВВА им. Ю.Г. Гагарина “Крылья Родины”, от 19 мая 1984 г.

В войне погиб мой младший брат - Белоусов Владимир Иванович, летчик самолёта Ил-2, не вернулся с боевого задания 3 февраля 1942 года. Вылетал с аэродрома Кратово, где служил в 502-м штурмовом авиаполку (командир авиационно-

го полка майор Смирнов, старший политрук Шаронов). Объект удара находился в западной части Калининской (Тверской) области. Боевых наград Владимир не имел.

Первый боевой вылет мною был произведен 26 июня 1941 года по танковым колоннам противника на дороге Вильнюс-Каунас.

Последний боевой вылет в войне с Германией я произвел 30 апреля 1945 года по морскому порту Свинемюнде.

Последний боевой вылет в войне с Японией был произведен 15 августа 1945 года по укрепленному району Шиминза.

Всего в войнах с Германией и Японией я совершил 182 боевых вылета, самый продолжительный с подвесными бензобаками по объектам г. Кёнигсберга - 12 апреля 1943 года равен 10 ч. 15 мин.

Общий налет к концу 1945 года составил 1500 часов, из них ночью 814 часов. Всего полетов – 2145.

При выполнении боевых вылетов я был сбит 2 раза. 27 июня 1941 года на третьем боевом вылете сбит истребителями Ме-109 и 20 сентября 1942 года сбит зенитной артиллерией на 45 боевом вылете. С горящих самолётов прыгал с парашютом. Стрелок-радист Василенко Евгений Михайлович был убит в воздухе при атаке истребителями Ме-109.

Войну начал в должности командира звена 53-го дальнебомбардировочного авиационного звена, 36-й авиадивизии, 1-го авиационного корпуса МВО (Московского военного округа). С 30 ноября 1942 года по 3 сентября 1943 года заместитель командира авиационной эскадрильи, с 4 сентября 1943 года по 10 августа 1945 года – командир авиационной эскадрильи. В период войны с Японией - временно исполняющий должность (врид) командира 433-го авиационного полка дальнего действия 55-й авиадивизии. По объектам Японии, расположенным на территории Китая, выполнено два боевых вылета.

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования два полка авиации дальнего действия 11 сентября 1942 года перелетели на аэродром Заполярья Африканда с задачей - усилить удары по аэродромам вражеской авиации, с которых немцы наносили удары по конвоям, следующим с оружием из США и Англии в Мурманский порт.

К этому времени я имел уже достаточный боевой опыт, выполнив 44 боевых вылета, из которых 24 вылета ночью. Начало боевых действий на новом операционном направлении в Заполярье было успешным. Так, 14 сентября я со своим экипажем - штурман лейтенант Тимохин П., стрелок-радист старший сержант Поляков Н., воздушный стрелок сержант Карнаев В. - нанес бомбовый удар по аэродрому Наутси, 16 сентября 1942 года - удар по аэродрому Кемиярви, 19 сентября 1942 года - удар по аэродрому Раваниеми. Все вылеты выполнены ночью.

20 сентября мы вылетели на бомбометание немецкого аэродрома Алакуртти, расположенного в 70-80 км от нашего аэродрома.

Аэродром немцев прикрывался мощной группировкой зенитной артиллерии, поэтому заданная высота бомбометания - 4500 м. Судя по разведывательным данным, там появились первые радиолокаторы.

Ночь была безлунная, но воздух прозрачный. Я подходил к цели с юго-востока с приглушенными моторами; с приближением к цели я увидел несколько близких разрывов зенитной артиллерии, сказал об этом штурману. Он ответил, что разрывы далеко, пора переходить на режим боевого курса.

После разговора со штурманом я добавил обороты двигателей, установил заданные высоту и скорость полета. Вскоре раздался сильный взрыв зенитного снаряда в хвостовой части самолёта.

На короткое время в сознании наступил какой-то провал, пассивное отношение к случившемуся. Я начал активно действовать с того момента, когда самолёт уже переходил в крутое пикирование, загорелся правый мотор, прекратилась связь с радистом. Со штурманом связь была, и он первый крикнул по самолётному переговорному устройству: "Прыгайте!". Радист и стрелок не отвечали. Тогда я повторил команду прыгать, но ответа также не получил. Я пытаюсь прекратить переход самолёта в пикирование - беру штурвал на себя, он свободно двигается, но самолёт продолжает увеличивать угол пикирования.

Значит, либо перебиты тяги руля высоты, либо взрывом зенитной артиллерии оторвана часть хвостового оперения. Мне оставалось только одно средство спасения - парашют.

Пытаюсь открыть фонарь (колпак) кабины, но безуспешно. Головой, за счёт отрицательной перегрузки, я сильно прижал фонарь. Ужасная мысль о безвыходности положения на какое-то мгновение промелькнула в сознании, однако воля не была парализована, и я все сильнее рву ручку фонаря. Неожиданно для меня фонарь с грохотом откатывается назад, казалось, путь для прыжка освободился. Однако радость оказалась преждевременной: самолёт при пикировании набрал огромную скорость, и встречным потоком воздуха меня сильно прижало к бронеспинке.

И опять я испытал чувство безнадежности своего положения в горящем пикирующем самолёте. Оставался только один, последний шанс: поставить одну ногу на сиденье, сосредоточить все силы на том, чтобы вытолкнуть себя из кабины. И это мне удалось!!! Оказавшись в воздухе, сразу же нахожу кольцо и открываю парашют. И тогда, и сейчас, раздумывая об этом, я не могу сказать, почему я немедленно раскрыл парашют. Но оказалось, что именно это немедленное действие спасло меня, как минимум, от плена.

Дело в том, что когда я раскрыл парашют и осмотрелся, то оказалось, что я нахожусь точно над центром аэродрома немцев. На аэродроме завывала сирена, в районе стоянок самолётов взрывались бомбы, сброшенные экипажами наших бомбардировщиков.

Мой горящий самолёт почти в отвесном пикировании, с огромной скоростью приближался к земле, и при ударе раздался огромный взрыв, осветивший окрестность. Судя по силе взрыва, я предположил, что штурман сбросить бомбы не успел. Я пытался увидеть в воздухе других парашютистов моего экипажа, но никого не увидел.

Я открыл свой парашют примерно на высоте 3-3,5 км, ветер на этой высоте стал относить меня к южной окраине аэродрома, и вот я уже миновал границу аэродрома. Несмотря на подготовку к приземлению, оно оказалось очень грубым, так как произошло на каменистый грунт. Возникла сильная боль в левой ступне, я опасался перелома. Но при прощупывании перелома не обнаружил, однако ходьба затруднялась.

Парашют мой накрыл невысокое дерево, и, чтобы снять его, пришлось подрезать стропы с одной стороны. Свернув его, я положил парашют в углубление под кустом и забросал

хворостом. Некоторое время, отдыхая, прислушивался и осматривал воздушное пространство, окрикивал штурмана Тимохина, но никого не заметил и, прихрамывая на левую ногу, стал уходить на юг, удаляясь от аэродрома.

Теперь стало ясно, что если бы я сделал затяжку с открытием парашюта, то мне не хватило бы высоты, чтобы парашют отнесло за границу аэродрома. У меня нет обоснованного объяснения, почему я поступил именно так. Можно предположить, что мое подсознательное мышление в экстремальной ситуации мгновенно выработало это единственно правильное решение.

В этом походе было несколько подобных эпизодов, когда правильные, быстрые решения возникали и благополучно завершались без предварительной оценки обстановки.

А вот моя мать, когда я рассказал ей об исходе моего похода, объяснила это так: "Моя материнская молитва спасла тебя от верной гибели". Кстати, текст молитвы на пожелтевшем от времени листке хранится у меня до сих пор.

Одним из счастливых провидений можно считать то, что я летал в оригинальной обуви: хромовые сапоги в меховых унтах. В одних унтах я не мог бы идти 8 суток по каменистому и болотистому грунту. Поэтому большую часть пути я шёл в сапогах, а для отдыха и согревания ног мокрые сапоги снимал и надевал унты.

Что у меня было в карманах комбинезона и брюк? Пистолет ТТ и 16 патронов, перочинный нож, компас, часы на руке, спички, немного табаку, небольшой кусок шоколада, маленькое зеркальце и большая пачка денег. Кусок шоколада я разрезал на 8 долек, каждая примерно в 1 см. Утром я брал одну дольку и медленно ее сосал - вот все, что я имел из питания.

Первые дни голод мучил ужасно, часто хотелось пить, и приходилось пить торфяную воду, но жажду она не утоляла, а потливость усиливалась. Тогда я твердо решил пить не чаще, чем 3 раза в день. Сначала это удавалось с трудом, а потом организм примирился к такому режиму, и я стал чувствовать себя увереннее. Так начался мой пеший поход по вражеской территории Финляндии. Он продолжался 8 суток.

Итак, я оказался недалеко от немецкого аэродрома Алакуртти на территории Финляндии. Попытка найти кого-нибудь из состава моего экипажа не увенчалась успехом. Нужно было

уходить от аэродрома, так как немцы наверняка будут осматривать место падения моего самолёта и искать оставшихся в живых членов экипажа.

Зная положение линии фронта в этом районе, я определил, что кратчайший курс для ее пересечения равнялся примерно 45°. Удалившись по лесу на юг от аэродрома, я стал придерживаться курса 45°. На моем пути, как я помнил, лежала шоссейная дорога, которую мне нужно пересечь. Но когда я осторожно приблизился к ней, то услышал шум автомобильных и танковых моторов, разговор солдат на немецком языке. Машины шли с небольшими интервалами, иногда их обгоняли мотоциклисты. Я понял, что переходить дорогу в этом месте слишком опасно. Всю эту ночь я придерживался курса 90°. Возможно, это оказалось единственно правильным решением.

Рано утром следующего дня я уже порядочно утомился, так как идти в зимнем комбинезоне с унтами на плечах было трудно. Положение осложнялось тем, что я шёл не по дороге, а по лесу и болотистым полянкам, иногда по каменистым карьерам. В одном таком карьере я случайно не стал жертвой автоматчика. Для отдыха присел я на каменистый выступ, когда посмотрел вверх, то увидел над собой, на краю каньона сторожевую вышку, на которой стоял немецкий часовой. Он смотрел в бинокль на восток, меня не видел. Нужно было немедленно принимать решение, в какую сторону двигаться. Глядя на часового, я стал осторожно двигаться в сторону ближнего изгиба каньона, за которым я мог выйти из поля зрения часового. Как только я зашёл за изгиб каньона, то ускорил шаг, а потом стал бегом удаляться от этого места.

Весь этот день я двигался с курсом 90°, имея намерение повернуть на север, чтобы быстрее пересечь линию фронта. Но этому мешало озеро, берег которого уводил меня на юго-восток, тем самым я удалялся от линии фронта. Но все же я видел на севере вспышки ракет, слышал перестрелку, но это было на том берегу широкого озера.

Возникла идея собрать плот или найти брошенную лодку и пересечь озеро с юга на север. Но, выйдя на пустынный берег, я ни лодки, ни досок не обнаружил, а с перочинным ножом сделать плот, конечно, нельзя. В теплой воде я рискнул бы переплыть озеро, но температура воды была 5-6°, я решил продолжать путь параллельно берегу озера. По пути я поднял-

ся на ближайшую сопку, чтобы увидеть конец проклятого озера. Но его я не увидел.

Как я проводил ночь? Устав до изнеможения, я ложился на мокрую или заснеженную землю и пытался хоть на короткое время заснуть. Но возбуждение было настолько сильным, что заснуть в полном смысле не удавалось. Я как бы забывался на короткое время, вздрагивал и осознавал свое ужасное положение: неопределенность с выходом на свою территорию, отсутствие пищи, затрудняющий движение мокрый комбинезон. Пребывание на вражеской территории да еще в незнакомом лесу, особенно ночью, невольно вызывало чувство страха и напряженности.

И вот в глухую полночь, когда моросил холодный, мелкий дождь, я вдруг услышал приближающийся лай овчарок. Видимо, немцы искали членов экипажа сбитого самолёта. Куда бежать? Мне показалось, что в одну сторону заметно понижение уровня почвы, и я побежал в эту сторону. У меня не было оснований считать это решение правильным, я также не рассчитывал полностью на материнскую молитву, однако интуиция меня не подвела: впереди показался ручей с неглубокой водой. По этому ручью глубиной 25-30 см я бежал до тех пор, пока не выбился из сил и в изнеможении не плюхнулся на противоположный берег. Казалось, сердце разорвется от напряжения, но затеплилась надежда, что я оторвался от собак, лай их стал затихать, в воде они потеряли след.

Интересно, жив ли сейчас хоть один из тех немцев, которые шли тогда по моему следу с собаками, и как бы он прокомментировал те события 60-летней давности?

На следующий день я продолжал двигаться на юго-восток, все время просматривая берег озера на расстоянии 200-300 м. Я надеялся дойти до его конца и повернуть на север. Видимо, я уже прошёл траверз линии фронта, так как перестрелку на северном берегу озера слышал уже слева сзади.

Но каково же было мое отчаяние, когда я увидел, что справа от меня другое озеро смыкается с первым и конца его не видно. Признаюсь, что какое-то время я был так обескуражен, что не мог принять никакого решения. Мне казалось, что обойти это другое озеро уже нет сил. Я почти решился на безрассудный шаг: раздеться и плыть на северный берег, где, по-

моему, были наши войска. Но потом понял, что это верная гибель, так как вода очень холодная, а ширина озера более 1 км.

Долгое время я не мог принять окончательного решения, но, в конце концов, решил обходить второе озеро справа. По пути я пытался найти какие-либо остатки пищи в брошенных окопах и землянках, но безуспешно. Видно, грызуны и насекомые подбирали то, что могло быть оставлено.

В одной брошенной землянке оставлено было много вещей: немецкие мундиры, посуда, фуражки, патроны для ракетниц, белье, но ни крошки съестного. В другом месте был, видимо, брошенный лагерь: столы и скамейки, следы от палаток, умывальника, а на столах красивые коробочки. Я понял, что это "сюрпризы", к которым нельзя прикасаться, так как можно подорваться.

С каждым днем становилось труднее передвигаться: зимний комбинезон стал тяжелым и влажным, так как для отдыха я ложился прямо на землю, которая была влажной, покрытой мокрым снегом. Ноги стали от холода и голода распухать, и полностью не удавалось их втиснуть в хромовые сапоги. Унты, в которых я грел ноги при ночных привалах, были потеряны. А произошло это ночью, когда собравшись на отдых, услышал голоса на тропе, которая проходила недалеко от меня. Второпях, уходя от этого места в глубь леса, я забыл унты на земле, а когда хватился - не захотел возвращаться, да и не было сил и надежды их найти. Однажды чуть не угодил в лагерь немцев. Шёл я по берегу большого ручья с крутыми берегами - чуть выше моего роста. В одном месте присел отдохнуть, потом решил посмотреть, что там, за высоким берегом. В это время шёл моросящий дождь, тогда была пасмурная с низкой облачностью погода. Как только я приподнялся над берегом, совсем неожиданно увидел прямо перед собой, в 15-20 метрах немецкого часового, который стоял под грибком, но смотрел в сторону от меня, где была стоянка их лагеря. Я быстро опустился вниз, прикрываясь крутым бережком ручья, стал медленно и очень тихо удаляться от этого места. Еще одна опасность миновала.

Примерно на 5-й день похода я попытался убить из пистолета птичку и поесть сырого мяса. На одиноком дереве, невысоко сидело несколько птиц размером с галку. Думаю, что это были куропатки. Они, совсем непуганые, подпустили меня

метров на 8-10. Но когда я стал прицеливаться, то понял, что промахнусь, так как рука сильно дрожала, а делать несколько выстрелов опасался, так как этим мог привлечь внимание немцев какого-либо лагеря. Тогда я прилег на землю и сделал опору на пень. Выстрел оказался удачным, птица упала. Я ощипал ее, ножом вырезал кусочки мяса и с жадностью стал жевать их. Но, к удивлению, оказалось, что попытка проглотить вызывает рвоту. Попытка убедить себя в необходимости что-то съесть ни к чему не привела. Значит, нужно разводить огонь, а это было крайне опасно, так как сторожевые вышки немцев я встречал на вершинах сопок. Тогда пришло другое решение. Я нашёл смолистый кусок сосны, ножом нарезал тонких палочек длиной с карандаш, поджёг одну из них и на пламени слегка поджарил маленькие кусочки птичьего мяса.

Еще одна встреча с немцами произошла, кажется, на 6-й день скитаний при следующих обстоятельствах. Какое-то время я шёл днем по малохоженной тропе в лесу. Решил отдохнуть, что приходилось делать все чаще. Отошёл от тропы в сторону метров на 30-35 и прилег за корневищем сваленной сосны. Сейчас трудно сказать, сколько времени я отдыхал, но с каждым днем на это требовалось все больше времени. И вдруг слышу голоса с того направления тропы, откуда я шёл. Из леса на эту поляну выходят два немца с автоматами. Если бы они посмотрели в мою сторону, то непременно увидели бы меня, так как корни дерева в этом секторе не скрывали меня. Мой пистолет с пулей в стволе был направлен в их сторону, но первым стрелять я не решался. Во-первых, не было уверенности в надежности выстрела, руки дрожали от слабости; во-вторых, если бы первый выстрел был удачным, то второй немец скосил бы меня автоматной очередью; в-третьих, на выстрелы могли подойти другие немцы. Однако эта пара прошла, и некоторое время за корнями сосны они не могли меня видеть. Я уже стал успокаиваться, как вдруг они, войдя в сектор, из которого могли бы свободно увидеть меня оглянувшись, остановились! Перекинув автоматы на плечо, они стали закуривать, переговариваясь. Если бы в это время они осмотрелись, то непременно увидели бы меня. Но счастье и на этот раз сопутствовало мне. Они медленно пошли от меня по этой тропке. Пришлось мне какое-то время идти с курсом на юг, чтобы удалиться от этого района.

К концу пути я уже сапоги мог надеть только в голенище, так как ноги порядочно распухли или отекли, без отдыха я не мог пройти более 200-300 м. Временами я терял надежду на выход к своим, отчаяние овладевало мной. Настроение безысходности давило на психику. Признаюсь, были моменты полного отчаяния, когда казалось, что сил уже нет, в душе наступало какое-то безразличие, сознание как-то притуплялось и воли не хватало, чтобы заставить себя двигаться.

Я вынимал пистолет из кобуры с намерением прекратить эти муки. Останавливал не страх, а мысль о том, как горько будет моей матери, когда она получит известие о моей гибели. Ведь к этому времени мой младший брат, летчик Ил-2, уже погиб (не вернулся с задания в начале марта 1942 года). Вот это чувство было самым сильным и устойчивым в экстремальных ситуациях.

Тогда я умывался холодной торфяной водой, причесывал волосы расческой, и это придавало силы и уверенности для медленного, но все же продвижения вперед.

На рассвете 8-го дня я, наконец, вышел к концу озера, в которое впадала небольшая речка с очень сильным течением. Значит, если я ее перейду, то, по моим расчетам, на северном ее берегу должны быть наши войска.

Первая попытка перехода реки чуть не закончилась тем, что сильным течением меня снесло бы в озеро. Тогда я нашёл толстую палку и более удобное место для перехода. На дне реки были очень скользкие камни, и я с трудом перебрался по пояс в ледяной воде на тот берег. Ноги мои от воды полностью потеряли чувствительность, и я не мог больше подняться и идти.

Я пытался растереть их шерстяными носками, но это совсем не помогало. Однако нужно было как-то двигаться, и я то перекатами, то по-пластунски преодолевал по 40-50 м, а потом лежал какое-то время для отдыха. Было ощущение полного безразличия и безнадежности.

И вот в одну из таких остановок я вижу, что на меня идут 2 человека с винтовками. Они меня еще не видели, но я уже узнал своих красноармейцев. Увидели они меня совсем близко – в метрах 15-20, они как бы встрепенулись от неожиданности. Один из них курил, и я попросил его затянуться. Они с трудом

посадили меня на пенек и вставили в рот самокрутку. Затянулся, у меня сильно закружилась голова, и я свалился на землю.

Взяв меня под руки, они повели меня к землянке. На каком-то расстоянии до нее завязали мне глаза, так как землянка у них была полностью под землей и хорошо замаскирована. Когда они ввели меня в теплую землянку к лейтенанту, то я потерял сознание, и они уложили меня на топчан.

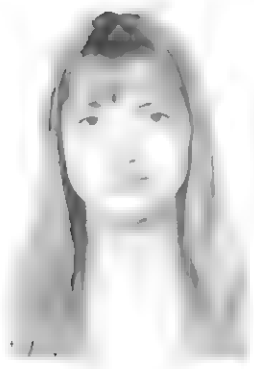
Когда очнулся, то прибывший еще офицер, кажется, командир батальона, стал допрашивать меня. Никак не мог поверить, что я прополз по минному полю и не подорвался. Он считал, что я опустился на него с парашютом. Связь на Севере работала очень хорошо, и вскоре пехотинцы связались с нашим полком, и моя личность была установлена. Мне возвратили пистолет и деньги и стали понемногу подкармливать. Двое суток я отлеживался у них в землянке, а на 3-и сутки меня верхом на лошади (другого сообщения там не было) отправили в штаб пехотного полка. До этого я никогда на лошади не ездил, поэтому я чуть не свалился на сторону и порядочно отбил седалище, пока мы с лейтенантом проехали 4-5 км до полка. Там я пробыл еще 2 суток, из штаба армии приехал начальник разведки, который целый день расспрашивал меня о том, что я видел на своем пути. Я даже долго говорить не мог, и эта процедура шла с перерывами почти целый день, при этом я еще вставать не мог.

Затем уже на санитарной машине меня отвезли в армейский госпиталь. Там я пробыл 2 или 3 дня, потом ко мне приехал начальник особого отдела нашего полка, я уже оправился, и мы с ним возвратились в наш полк.

Вот так закончилась эта эпопея. Произошло это на 45-м боевом вылете. Еще дней 10 я отлеживался и отъедался в части, а потом мы возвратились на базовый аэродром под Ярославль (аэродром Туношная), и мне дали отпуск на 20 дней.

Конечно, я сразу уехал на Родину, в город Ртищево, где мать кормила меня борщами и блинами, аппетит был прямо зверский.

Декабрь 2003 года



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Цветкова Елена Юрьевна,*** *студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Блудов Николай Павлович

Стали ефрейторами по приказу Сталина

Я родился 21 января 1924 года в городе Москве. Национальность – русский, вероисповедание – православный, беспартийный.

До войны окончил в 1941 году девять классов средней школы № 335. О войне узнал по радио из выступления В.М. Молотова 22 июня 1941 года во время школьных каникул. Во дворе дома №8 по улице Солянка, где я проживал в семье, я с ребятами нашего двора услышал, что по радио выступает Молотов, и побежал домой слушать его выступление, которое передавалось по радиотрансляционной сети.

В течение лета 1941 года нам, школьникам, пришлось работать в наших домах по покраске деревянных чердачных помещений известковым раствором для предохранения их от возгорания при попадании зажигательных бомб. После первого налёта немецкой авиации на Москву 22 июля 1941 года нас обязали во время налётов авиации дежурить на чердаках зданий для нейтрализации зажигательных бомб, которые пробивали железные крыши и воспламенялись на чердаке. Их надо было брать за хвостовое оперение и опускать в бочку с водой. Такое дежурство я выполнял постоянно. Отказаться от него было невозможно: это была нагрузка всем жильцам мужского пола. Один раз я не вышёл ночью на дежурство, и меня вызвали в отдел ОГПУ (НКВД – Народный комиссариат внутренних

дел) района по заявлению управдома товарища Попова, который был очень строгим.

1 сентября 1941 года я пошёл в школу №335 в 10-й класс, все школы в Москве уже начали работать. Проучившись одну неделю, меня и всех учеников отправили на строительство противотанковых рвов в Кунцево, под Москвой. Там мы лопатами, без какой-либо техники копали глубокие противотанковые рвы в течение месяца, до 5 октября 1941 года. Там мы жили, и нас кормили из походной кухни, а когда вернулись в Москву, школа уже больше не работала, и я со своими сверстниками продолжал во время налёта немецкой авиации дежурить на чердаке.

В ноябре 1941 года (уже после октябрьской паники в Москве, когда было введено осадное положение) меня вызвали в Молотовский райвоенкомат, который находился в Хрустальном переулке, в здании Гостиного двора, и в порядке Всевобуча (Всеобщего обязательного военного обучения) направили учиться в 4-ю автомотошколу, которая находилась в Лефортово, по специальности шофер третьего класса. Срок обучения составлял тогда шесть месяцев, после чего я сдал государственный экзамен и 17 апреля 1942 года получил квалификацию шофера третьего класса.

Для прохождения стажировки и работы меня направили в Первомайский трест очистки города Москвы по санитарной очистке, где я проработал шесть месяцев. 2 ноября 1942 года я был призван Молотовским райвоенкоматом города Москвы на действительную службу в ряды Красной Армии.

Направили меня служить в армию по специальности шофер в 153-й отдельный батальон связи в качестве рядового солдата.

7 ноября 1942 года я принял присягу, получил зимнее обмундирование. В декабре 1942 года закончили формирование батальона связи, который размещался в помещении школы на 1-й Мясниковской улице в Сокольниках. Мы получили военную технику, я - автомобиль с радиостанцией РСБ, и своим ходом по Ленинградскому шоссе, далее через Кувшиново и Осташков с остановками из-за нехватки горючего прибыли под командованием комбата подполковника Астрова и начальника штаба капитана Артюхова в расположение 6-го танкового корпуса под Демьянском.

Ранее 6-й танковый корпус не имел батальона связи, и мы, таким образом, пополнили его состав до нормы. Пробыв в районе Демьянска несколько недель, нас опять стали собирать в дорогу, так и не вступивших в сражение, ибо немцы убрались добровольно, испугавшись котла.

В феврале 1943 года мы отправились на станцию Пено, Калининской области, недалеко от Осташкова, и стали грузиться на железнодорожные платформы для передислокации на новое место. В это время, я помню, наступила небывалая оттепель, и все дороги раскисли. А знаете, как трудно двигаться по таким дорогам на автомобиле. Но здесь надо сказать спасибо, что радиостанции были смонтированы на автомашинах «виллис», которые имели хорошие ходовые качества, за что их называли у нас вездеходы.

Воинский эшелон следовал на юг. Через несколько дней мы приехали в Москву. Нас перевели на станцию окружной железной дороги - Канатчикова дача. Отсюда через дежурного я позвонил домой матери, сообщил, что нахожусь в Москве, но приехать она не могла, так как я не знал, когда двинется эшелон. Мы все были рады, что уехали с Северо-Западного фронта, так как очень плохие там дороги, много болот и мало населенных пунктов, где можно зимой погреться. Ведь всю зиму приходилось находиться то в лесу, то в поле; хорошо, если успевали вырыть землянки, в них наше спасение. Простояли несколько дней в Москве, затем нас повезли далее на юг, куда, мы не знали, но выехали на железнодорожную ветку по направлению к станции Касторная, далее повернули на Курск, где мы стали разгружаться. После разгрузки своим ходом направились по шоссе Москва – Харьков в сторону Белгорода, который был оккупирован немцами.

Не доехав до Обояни, мы свернули в близлежащий лес, где разместились на некоторое время. Здесь мы работали по обустройству части: копали капониры под автомашины, чтобы укрыть машину от осколков авиабомб, маскировали автомобили под окружающую среду путём закрепления веток от деревьев. Находясь во втором эшелоне, мы маскировались от воздушной разведки и, кроме того, проходили воинскую подготовку: изучали последние немецкие танки и наше новое вооружение.

5 июля 1943 года меня разбудил гул множества самолётов, которые летели над нами на север, затем послышалась канонада на переднем крае у Обояни, хотя мы находились во втором эшелоне около 30 км от передовой. Нас подняли по тревоге, и мы направились в конце дня на передние рубежи - у Раково и Шепелёвка и остановились, ожидая наступления противника.

Сначала со стороны немцев началась сильная артиллерийская стрельба и бомбежка авиации, но я укрыл машину в капонире, замаскировал её, а радист вёл связь между штабом корпуса и бригадами. В течение одной недели, до 12 июля, 1943 года, в летнюю жару, без паники и суеты мы отступали и ежедневно занимая новое место около штаба 6-го танкового корпуса, всего проехав назад, в сторону Курска, километров 20, не более. Несмотря на то что я впервые участвовал в боевых действиях, хотя и в качестве шофера, но в составе батальона связи танкового корпуса, у меня была уверенность, что мы удержим оборону и не будем отступать, как в 1941 году, это видно было и по настроению моих товарищей. Таким образом, несмотря на короткое время соприкосновения с противником, мы сильно устали, так как почти не спали и все время бодрствовали, нагрузка на всех была максимальной.

На нашем участке фронта наступление немцев прекратилось, они пошли стороной к Прохоровке. За время около двух недель мы получили новое пополнение и технику взамен разбитой, но у меня всё было цело, только пришлось подремонтировать рессоры, которые сильно прогнулись из-за езды по пересеченной местности.

В начале августа, оправившись после сражений в обороне, мы пошли в наступление на Богодухов, через Томаровку. Во время этой операции никакого геройства я не проявлял, а честно исполнял свой долг водителя, рядового солдата, следовал по указанному маршруту, следил за автомобилем, пробирался по бездорожью. Для меня важно было, чтобы автомобиль всегда был на ходу, не пострадал от осколков бомб и снарядов, всегда имелось горючее и прочее, что должен делать любой шофер действующей армии.

В Богодухов я въехал вместе со штабом 6-го танкового корпуса, которым командовал генерал А.Л. Гетман. Остановились мы на его окраине, в небольшой роще, в это время в штаб корпуса приехал Георгий Константинович Жуков, которого

мне удалось увидеть. Далее в течение августа 1943 года бои шли южнее Богодухова, в сторону Шаровки.

Моя задача была скромная: обеспечить наступающим танковым бригадам надежную мобильную связь со штабом корпуса, что я и выполнял по мере продвижения корпуса вперед.

В середине сентября нас вывели из соприкосновения с противником, и мы направились в Сумскую область на доформирование и пополнение. В конце октября 1943 года нам вручили гвардейское знамя представители 1-й танковой армии. Теперь наш батальон получил новое название 351-го отдельного гвардейского батальона связи, а всех рядовых солдат повысили в звание – они стали ефрейторами по приказу Сталина. Таким образом, я стал ефрейтором, звание, которое до сих пор больше не менял, и оно записано в военном билете.

А танковый корпус, в состав которого входил наш батальон связи, стал именоваться 11-м гвардейским танковым корпусом. По этому поводу у нас было много торжеств и митингов.

Во время нахождения в резерве батальон связи пополнился, а меня перевели служить на бензовоз, смонтированный на автомашине ЗИС-5. Поскольку я имел опыт работы на грузовом автомобиле еще в Москве после окончания автошколы, мне не пришлось долго его осваивать, да и работа шофером на гражданской и военной службе мало чем отличается. Лишь была бы машина в порядке, всегда надо быть готовым к любому рейсу, несмотря на дорогу, на погоду и на опасности, которые подстерегают нас.

Теперь в мою задачу входило непрерывное обеспечение горючим всего автотранспорта батальона связи, которого было около 30 единиц.

В конце 1943 года мы получили команду своим ходом двинуться на запад, на правобережную часть Украины. Проехав сотни километров без остановок, мы переправились через Днепр по понтонному мосту в районе Дарницы, у Киева, и расположились в городе Бышев, в 60 км западнее Киева. Как во время движения батальона по дороге в Бышев, так и после прибытия я обеспечивал работу всего автохозяйства, ибо, как говорится, была война моторов, и распространяться о себе мне кажется лишнем. В Бышеве заправили полные баки горючим, а в конце декабря 1943 года корпус пошёл в наступление на Житомир.

Перед началом наступления с нашей стороны была сильная артиллерийская подготовка, у нас солдаты её называли «играет ансамбль Александрова».

Наш батальон связи двигался вместе со штабом корпуса к Бердичеву и Казатину, а моя задача уже под сильным огнем противника, доставлять горючее. Расстояние между тылами корпуса и батальона при стремительном наступлении увеличивалось, и приходилось совершать большие рейсы.

В начале января 1944 года мы вошли в Бердичев, затем повернули на Жмеринку, и здесь, как мне помнится, немцы нанесли сильный контрудар. Я еле нашёл свою часть, так как штаб корпуса тоже оказался под угрозой, но немцев остановили, и мы перешли к обороне.

Погода в это время была снежной, дул сильный ветер. Я заболел, у меня отнялись ноги, я был направлен в госпиталь сначала в медсанбат, а затем на стационарное лечение в тыл.

После излечения был направлен в мае 1944 года в 7-ю авиационную бомбардировочную дивизию авиации дальнего действия, в 72-й отдельный авиатехнический батальон в качестве шофера в звании ефрейтора. Полк находился на аэродроме на Украине около станции Попельная, на западе Киева. Я служил в батальоне аэродромного обслуживания, перевозил авиабомбы к самолётам и другие бортовые грузы на автомобиле ГАЗ.

Работа была мне знакома, полеты самолётов Ил-4 проходили каждую ночь, а днем я возил к ним бомбы по 50, 100, 500 килограммов, больших не было.

В течение 1944-1945 годов дивизия передислоцировалась на запад несколько раз, в конце войны ее полк, который я обслуживал, находился на аэродроме около города Замостье в Польше. Здесь я находился в день Победы 9 мая 1945 года.

После окончания войны я продолжал служить в этой части, и в 1946 году дивизия передислоцировалась на Украину, в город Полтава, где аэродром находился на окраине города. Самолёты продолжали находиться в мобилизационном состоянии, и мы поддерживали их живучесть.

Демобилизовался я 6 марта 1948 года на основании постановления Совета Министров СССР от 13 января 1948 года из города Полтавы в Москву, домой, на улицу Солянка, в дом 8, в квартиру 44, откуда был призван в армию в 1942 году. По

прибытии в Москву я пошёл работать на Московский автозавод имени Сталина в прессовый цех.

В моей семье во время войны ушли в армию старшие братья и сестра, которые прошли всю войну:

Блудов Николай Павлович, 1911 года рождения, демобилизовался в звании капитана, были вручены медали: «За отвагу» и «За победу над Германией»,

Блудов Василий Павлович, 1913 года рождения, демобилизовался в звании рядового, была вручена медаль «За победу над Германией»,

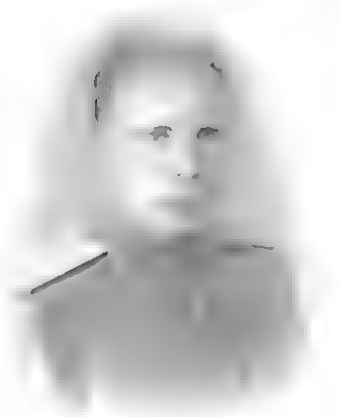
Блудова Нина Павловна, 1921 года рождения, лейтенант медицинской службы, была вручена медаль «За победу над Германией».

Я сам был награжден медалью «За победу над Германией».

Прошло больше 60 лет с начала моей службы в армии, многое забылось, да и служба была моя рядовая. На гражданке так же, как на войне, особых заслуг не имел, но и выговоров и наказаний не было. Работал и служил честно, как умел. Самой ценной наградой стала жизнь да медаль «За победу над Германией» как память о тяжелых годах войны.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Швецов Егор Валентинович****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*



Бойко Иван Минович

В тылу и на огневых рубежах

Родился я 28 апреля 1918 года в селе Козлов, Переяславо-Хмельницкого района.

Сейчас мне 85 лет, 70 лет – трудового стажа, а со льготами – 79 лет. На военной службе 23 года. Являюсь членом КПСС и коммунистом уже около 50 лет.

С детства был приучен к труду. Ходил в школу до 33-го года, закончил 7 классов. Учился усердно, причём и мысли не было, чтобы увиливать от домашних дел, родителям помогал, как мог. Работал в совхозе, на шахте, строил железнодорожную автоблокировку. Там в 1939 году окончил ремесленное училище шахтёров, стал электромехаником, потом позвала стройка.

В двадцать лет меня призвали в армию. Три года учёбы во Владикавказском военном училище пограничных и внутренних войск НКВД СССР (1939 год - 28 июня 1941 года) пролетели быстро. Получил звание лейтенанта.

Я тогда был помощником дежурного по Орджоникидзенскому училищу. 22 июня 1941 года в 4 часа утра пришла телеграмма о том, что немецкие войска вероломно напали на Советский Союз, начали бомбить западную границу, города Киев, Минск и другие. Мы позвонили начальнику училища. Немедленно началась мобилизация.

Когда грянула война, я попал в армию пограничников. Нас срочно бросили из Баку в Подмосковье, в район Вереи, для укрепления обороны, чтобы не подпускать немцев к столице. Потом забросили во Владикавказ.

Вскоре поступил приказ Верховного Главнокомандующего – срочно направить всю армию на локализацию прорыва фашистов под Ленинградом. Больше месяца пробыли там, организовывали оборону по всем неустойчивым дорогам. Двигались наперерез немецким войскам через Старую Рузу, Псков, Новгород. В бой вступили в районе озера Ильмень, до которого не дошли 7 км.

В августе я был ранен. В начале наступления командир роты был убит, и я, как командир первого взвода, принял командование ротой на себя. Мы наступали вдоль железной дороги. Обстрел по батарее грянул неожиданно, так как разведка докладывала, что вокруг всё спокойно. Я видел, как людей вокруг меня разрывало на куски. Море крови, искажённых, измученных тел юных защитников Родины. Меня ранило осколками, получил контузию. Из-под обстрела меня уволок адъютант Николай Иванович Петушков. Потом доставили на самолёте в госпиталь в Калинин (Тверь). После выздоровления получил приказ от 13 сентября 1941 года: всем пограничникам направиться под Москву.

Я хотел ехать в свою часть, но нас восьмерых направили в Москву и разместили в гостинице, где мы встретились с остальными ребятами. Приехали работники НКВД, познакомились, поговорили. Из нас отобрали 16 человек, привезли на Лубянку в 4-й отдел НКВД. Затем прошёл обучение в пограничном училище, которое находится на Ленинградском проспекте, у часового завода. В самые страшные дни лета и осени 41-го года я твердо верил в нашу победу. Но мог ли я предположить, что уже в декабре оборонительные бои быстро перерастут в наступательные, что я увижу потерявших всю свою спесь, закутанных в тряпье пленных гитлеровцев, что потрогаю своими руками разбитые, покореженные орудия противника.

Мне поручили ответственное задание: налаживать связи с партизанскими отрядами. Выезжал в Каширу, Боровск, Малоярославец, сражался при прорыве фронта в районе Ельни. Я участвовал в формировании 87 истребительских батальонов в

Москве и Московской области, занимался подготовкой партизан к войне и заброской их в тыл. В октябре 1941 года организовал в Коломенском районе школу со спецкурсом по подрывному делу и партизанскому движению. Моей главной задачей была связь с истребительными батальонами и партизанами Подмосковья и заброс в тыл обученных спецгрупп.

В Уваровском районе, под Можайском, забрасывал группу из 75 партизан-лыжников на участке 50-й армии генерала Орлова. Готовил группу партизан, которые участвовали в разгроме немцев в Угодском Заводе, Калужской области.

Выезжал с группой в район Каширы, где был прорыв немцев под Кельмой, солдаты стали бежать. Пришлось создавать заградительные отряды. Идет красноармеец, спрашивали: «Где твое ружье? Где твой полк? Иди, ищи». Был получен приказ: уничтожать дезертиров на месте. Но мы их только останавливали и отправляли искать своих. Занимались восстановлением линии фронта. В феврале 1942 года закончился разгром немцев под Москвой. Мы занимались очисткой Московской области. Истребительные батальоны преследовали свою цель - уничтожать немецких лазутчиков. Дальше действовали партизаны Украины и Белоруссии.

Противник был отброшен нашими войсками на дальние рубежи. Позже весь мир узнал еще об одной крупной победе советских войск - под Сталинградом. Мне поручили необычное задание - заняться военнопленными. Всех пленных привезли в Красногорский лагерь. Здесь было много генералов и рядовых солдат. Я проводил множество допросов с целью установления контактов с военнопленными. Среди них был командующий поверженной 6-й армии Паулюс - один из главных составителей «Плана Барбаросса», предусматривающего молниеносное поражение СССР. Находясь в плену, он вошёл в национальный комитет «Свободная Германия».

После войны, в 1945-1948 годах, я включился в мирную жизнь. Меня командировали на строительство Московской зоны ПВО, в Главспецстрое был производителем работ, им оставался до ухода на заслуженный отдых в 79 лет. Участвовал в сооружении объектов космического вычислительного центра в Королеве, московских заводов - имени Хруничева и «Красный октябрь», тушинского машиностроительного, «Молния», «Астрофизика», а также кинотеатра «Балтика», по-

ликлиники, жилых домов. Возглавлял внештатный строительный отдел Тушинского районного комитета народного контроля. Занимался вместе с Королевым оперативной работой. Проводил испытания моторов. При этом в радиусе 200 метров от места испытания не мог находиться ни один человек, не выдерживали.

Закончил Инженерно-строительный институт. Имею множество наград: медалей, орденов, знаков:

«За оборону Москвы». Указ президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944 г.

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», 9.05.1945 г.

«Отличник военного строительства». Приказ в/ч №10892 №71от 22.02.1957 г. МО СССР №76 от 21.05.1954 г.

«30 лет Советской армии и флота». Указ президиума Верховного Совета СССР от 22.02.1948 г.

Медаль «В память 800-летия Москвы». Б№101540, от имени президиума Верховного Совета от 23.10.1948 г.

Медаль «За боевые заслуги». Президиум Верховного Совета СССР. Г№122681от 8.10.1949 г.

Орден Красной Звезды №3335274 от 16.05.1955 г., Г№984277 от 5.11.1954 г.

«40 лет Вооруженных сил СССР». 17.12.1957 г.

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» от 07.05.1965 г.

«50 лет Вооруженных сил СССР». 26.12.1967 г.

Знак «Победитель Соцсоревнований 1975г.», ком. В/ч №10892 от 16.10.1975 г.

Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Указ президиума Верховного Совета СССР от 25.04.1975 г.

Медаль «Ветеран труда». Указ президиума Верховного Совета СССР от 16.08.1977 г.

Знак «Участник партизанской борьбы Подмосковья 1941-1942гг.».

«25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Министр обороны СССР Гречко. 1970 г.

Знак «Советский комитет ветеранов войны». Батов от 7.11.1978 г.

Медаль «60 лет Вооруженных сил». Указ президиума Верховного Совета СССР от 07.11.1978 г.

Знак «Почетный знак СК ВВ». Батов, от 7.11.1979 г.

Орден Отечественной войны 2-й степени. №3054553 и А№893448 от 11.03.1985 г.

Медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 12.04.1985 г.

Юбилейный памятный знак СК ВВ. Желтов от 1.12.1986 г.

Медаль «70 лет Вооруженных сил СССР». Указ президиума Верховного Совета СССР от 28.01.1988 г.

«За отвагу». Указ президента РФ от 19.02.1996 г. Я№0042521.

Знак «25 лет московскому комитету ветеранов войны». Слухай, от 31.10.1996 г.

Медаль «В память 850-летия Москвы». Указ Президента РФ от 26.02.1997 г.

Знак «Фронтовик 1941-1945 гг.» от 9.05.2000 г.

Знак «60 лет Битвы за Москву». Лужков, 2002 г.

Знак «За мужество и доблесть в боях за Советскую родину».

Знак «Участнику партизанской войны Подмосковья 1941-1942 гг.». СК ВВ Торицы.

Удостоверение №003 от 19.10.1991 г. участника партизанского движения (подпольных организаций) в период 1941-1945 г. на территории Московской области.

«Ветеран труда», №860409 от 22.03.2000 г.

«Ветеран труда предприятия» от 03.06.1975 г.

В войну мать и отец попали в оккупацию в Переяслово-Хмельницком районе. Братья и сестры тоже принимали участие в боевых действиях. Три брата и одну сестру увели на работу в Германию.

За все время службы прошёл путь от лейтенанта до майора. При выпуске из училища 28 июня 1941 года получил звание лейтенанта. В сентябре 1941 года - старшего лейтенанта. А недавно, в 2001 году приказом Президента В.В.Путина мне присвоили звание майора в отставке.

Меня не забывают, часто поздравляют с памятными датами. Помнят, кто защищал столицу, Родину. Часто получаю теплые поздравления от Президента РФ, мэра Москвы, предсе-

дателя Мосгордумы, главы управы района Южное Тушино, Московского комитета ветеранов войны, Совета ветеранов поиска, где я служил.

Мы, ветераны войны, ездим по местам боевой славы Подмосковья, ежегодно отмечаем день памяти павших партизан в переулке, где установлен памятник нашим погибшим однополчанам и открыт музей, в парке 50-летия Октября на проспекте Вернадского у стелы, на аллее партизан Подмосковья. Также мы ходим по школам, преподаем уроки мужества. Я также имею сына - врача и дочь - инженера. Сейчас у меня растут три внука.

Самое большое мое пожелание молодежи - учиться прилежно, трудиться по совести, хранить и приумножать подвиги старших.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Ярыгина Мария Викторовна**, студентка 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Вахитов Абдулахат Бареевич

Вперёд не высовывался и сзади не отставал

Я родился 10 мая 1923 года в Башкирии, Благоварском районе, в деревне Кулле-Кул. Национальность - башкир. Вероисповедание - мусульманин.

Окончил в 1938 году 7 классов неполной средней школы Удрябашевского сельсовета, до начала войны учился в железнодорожном училище в городе Уфе, проходил практику на заводе, работал помощником машиниста.

В воскресенье на реке Белой проходило массовое гуляние, время шло к обеду, вдруг из громкоговорителя раздалось сообщение Совинформбюро: «Братья и сестры! Страна в опасности… Германия вероломно напала на нашу страну… Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Потом у громкоговорителей стали собираться люди, подолгу стояли и ждали следующих сообщений.

Мы, группа молодежи, стояли у громкоговорителя до позднего вечера, слушали и обсуждали последние сообщения и решали, что делать дальше.

В боевых действиях начал участвовать по призыву. По мобилизации был отправлен в лагерь «Алкино», в Башкирии, в октябре 1941 года. Там учили на станковых пулеметчиков. По-

том отправили в Ивановскую область, там в лагерях изучал тактику пехоты.

Примерно в июле 1942 года был направлен на фронт, на ржевское направление. Начинал в воинском звании рядовой (пулеметчик) в составе 20-й ударной армии начальником расчета под командованием вышестоящего командира – капитана Дорохина.

Боевой путь начался под Ржевом, примерно в 12 км от города. Мы стояли на реке Вазуза, готовились к наступлению. Нужно было выбивать немцев из Ржева. Нам уже сказали, что завтра будет наступление в шесть утра, что впереди есть еще наши, а мы – вторые, сзади заградотряд. Дезертировать никто не собирался, мы обменивались адресами с сослуживцами, готовились к наступлению, ждали сигнала. Когда утром началось наступление, никого впереди не оказалось, мы принимали первое боевое крещение. Бой был тяжелый и страшный. Выбили немцев из города и гнали еще примерно километров десять. Потом все стихло.

Нам приказали окопаться, но времени не хватило. Прошло всего лишь минут двадцать или тридцать, и начался сильный обстрел из минометов. Такой, что головы поднять невозможно было.

Через некоторое время немцы поднялись в атаку, рукава засучены, стреляли из автоматов от живота, не прицеливаясь, сплошной очередью. До нас еще далеко было, а передний расчет почему-то не стрелял, молчал… Тогда командир капитан Дорохин приказал мне ползти и выяснить, почему те не стреляют, что случилось.

Я пополз под сильнейшим обстрелом, привстать было невозможно. Дополз до первого расчета, позвал, есть ли кто живой, услышал стон и пополз на звук. Из-за малого промежутка времени между боями они тоже не успели как следует окопаться: двое мертвых и один оглушен. Пулемет был неисправен, лента перебита. Немцы наступали, пришлось быстрее налаживать пулемет. Старую перебитую ленту выкинул, притащил новый ящик, заправил ленту; тот солдат, что был оглушен, стал помогать мне направлять ленту.

Начали стрелять. Немцы не ожидали, подходили уже очень близко, много мы тогда там их положили. Потом поняли, кинулись назад. Мы с товарищем воспользовались этой заминкой и поползли назад, к своим. Капитан тут же спросил, в чем там было дело, почему сначала молчали и кто потом стрелял. Доложил, что в том расчете второй и третий номера убиты, а этот солдат – первый номер оглушен, но он помогал мне отстреливаться, когда я наладил пулемет. Полегло там немцев очень много. Оглушенного солдата отправили в госпиталь, а меня командир похвалил и обещал представить к награде. Потом меня за это наградили медалью «За отвагу». Это был первый день боя, а на второй день меня ранило в руку.

А было это так. Ранним утром мы занимали позицию ближе к передовой, пехота подтягивалась сзади. Я правой рукой тащил пулемет, а в левой – ящик с патронами. Даже не понял сначала, почему ящик упал, слышу, взводный кричит мне, почему я ящик бросил. Вернулся, стал поднимать ящик, а рука не действует, гляжу - кровь течет и заболела. Руку мы быстро перевязали со взводным, и он отправил меня в санчасть.

А правило было такое: приходишь в санчасть – нужно сдать оружие, а потом тебе окажут медицинскую помощь. Взводный забрал мой пулемет, сказав, что он им еще очень пригодится, а мне дал чью-то чужую винтовку, чтобы я ее сдал вместо пулемета. В санчасти никто не спросил про мой пулемет, забрали эту винтовку и повели меня к хирургу.

В составе 20-й ударной армии освобождал Ржев (май 1942 года), Вязьму (осень 1942 года), Смоленск (поздняя осень или начало зимы 1942 года), Белгород (1943 год).

Под командованием генерал-лейтенанта Черняховского – командующего 3-м Белорусским фронтом, освобождал: Каунас (1944 год), Вильнюс (1944 год), Гальдап (Германия, 1945 год), Кёнигсберг (1945 год).

Боевые действия закончил в городе Кёнигсберг в воинской должности адъютант генерал-лейтенанта Белова Ивана Михайловича, в воинском звании старший сержант.

Было два ранения: 1-е - в мае 1942 года; 2-е - в июле 1942 года. Оба ранения в кисть левой руки. 1-е ранение легкое, 2-е –

тяжелое. После 1-го ранения лечился в полевом госпитале под Вязьмой 3 месяца; после 2-го ранения лечился в Мордовии, в Саранском военном госпитале.

Когда начал поправляться после второго ранения, как-то пришёл в госпиталь председатель местного колхоза, попросил помощи в уборке табака. Созрел хороший урожай табака, а убирать некому.

Солдаты, кто мог помочь, и я в том числе, выходили по утрам, грузились в присланные председателем подводы, вместе с местными ребятами собирали в колхозе табак. Правая рука у меня рабочая была, мог вполне собирать, у кого с ногами проблемы были, те на переборке сидели.

Потом председатель привез в госпиталь молоко, яйца и целый мешок махорки; то-то было раздолье для курильщиков. Да и нам, если честно, было даже приятно помогать колхозникам, вспоминать мирную жизнь и работу на селе. Да и без табака на войне тяжко, мы же понимали, куда отправят собранный нами табак.

Потом я был отправлен на военную комиссию, проходил ее трижды, но все-таки был признан нестроевым.

После лечения отправлен в Волоколамск на переформирование как нестроевой, а оттуда в совхоз Новодугино Смоленской области. Там готовили летное поле и взлетную полосу для самолётов.

После бомбежек взлетная полоса была непригодна к дальнейшей эксплуатации. Вот нам, нестроевикам, и приходилось возить на одной - единственной подводе грунт с полей, разбирать полуразрушенную церковь и засыпать, утрамбовывать оставшиеся после бомбежек воронки.

Примерно месяца через три меня перевели в штаб 1-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта С.А. Худякова. Был его личным охранником до 1943 года.

Потом перевели в охрану генерал-лейтенанта Громова Михаила Михайловича. Был в его личной охране до осени 1943 года.

Позже перевели в охрану начальника штаба Пронина, ему на смену приехал генерал-лейтенант Белов Иван Михайлович. Был у него адъютантом до конца войны.

После окончания войны, осенью переехали с Беловым в Бобруйск на постоянное место службы. Через некоторое время, осенью 1946 года, Белова перевели в Москву. Он взял меня с собой.

В 1947 году я поступил в 1-е Московское авиационное училище связи. Учился на авиамеханика по радио. По приказу министра обороны нам устроили срочный выпуск. В мае 1948 года уже сдавали экзамены, потому что не хватало специалистов в армии.

Получил разнарядку в Читу и отпуск домой на 10 суток.

В Чите служил механиком по радио в 30-й Хинганской бомбардировочной дивизии. В октябре 1948 года получил вызов в Москву в Военную академию имени Ворошилова, но никак не хотели отпускать из дивизии, задерживали из-за нехватки специалистов. Когда приехал в Москву, мое место в академии уже было занято.

Потом меня направили к генералу Фокину, командующему ПВО Москвы, а он командировал меня в Калужскую область, на военный аэродром «Инютино». В то время аэродром был небольшой, но опять не хватало специалистов, на одного механика приходилось по 12 бортов. Аэродром был военный, постоянно несли боевые дежурства, бывало целыми неделями не уходили с аэродрома. Сходишь в столовую, поспишь тут же, в гостинице, и опять за работу. Этот аэродром и сейчас существует. Только название поменялось – «Ермолино», и он стал более мощным. Часть наша в «Инютино» была расформирована в 1958 году, и меня перевели в войсковую часть «Алабино», где служил до 1960 года, изучал зенитно-ракетные установки.

В 1960 году перевели старшим техником по дальней связи в Балабановский филиал Военной академии имени Дзержинского, где служил до 10 мая 1973 года.

Демобилизовался по выслуге лет (36 лет 9 месяцев 11 дней).

Награды

Орден Отечественной войны 1-й степени, № 2569436.
Медаль «За отвагу», № 1906200.

Медаль «За боевые заслуги», (без номера вручена в ноябре 1944 года).

Медаль «За взятие Кёнигсберга», (10 апреля 1945 года).

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Медаль «За 15 лет безупречной службы в рядах Вооруженных сил».

Медаль «За 20 лет безупречной службы в рядах Вооруженных сил».

Медаль «20 лет Победы 1945-1965 гг.».

Медаль «Участнику войны. 30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Медаль «Участнику войны. 40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Медаль «40 лет Вооруженным силам СССР 1918-1958 гг.».

Медаль «50 лет Вооруженным силам СССР».

Медаль «60 лет Вооруженным силам СССР 1918-1978 гг.».

Медаль «70 лет Вооруженным силам СССР».

Медаль «Ветеран Вооруженных сил СССР».

Медаль «Георгий Жуков 1896 – 1996 гг.».

Медаль «В ознаменование тридцатой годовщины Советской Армии и Флота 1918 – 1948 гг.».

На войне погиб брат - Вахитов Юдар Бареевич, 1920 года рождения. Погиб на Курской дуге. К счастью, остались живы родственники:

Брат - Вахитов Хамит Бареевич, 1925 года рождения. Был ранен под Берлином, вернулся инвалидом 2-й группы. Разрывной пулей получил тяжелое ранение в левую ногу.

Отец - Вахитов Барей Бекмаевич, 1895 года рождения. С начала 1943 года до конца войны был в Перми на трудовом фронте на торфоразработках, вернулся из-за болезни - тиф.

Сестра - Вахитова Гуагара Бареевна находилась на трудовом фронте в Перми (на торфоразработках) с зимы 1942 года до начала 1945 года, вернулась домой, переболев тифом.

Случай на передовой

После первого ранения вернулся я на фронт. Был начальником расчета. Наше соединение немного ушло вперед, а полевая кухня осталась сзади. Мы ждали, когда еще подтянутся наши войска. Нужно было накормить людей. Послали одного казаха с термосами к полевой кухне. В том месте, где мы находились, с двух сторон был лес, а посередине - заминированное поле. Ему объяснили, что идти нужно по краю леса, а за полем должна находиться наша полевая кухня.

Понимал он по-русски очень плохо, что ни спросишь, все отвечал «бельме» - не понимаю; но из его разговора я кое-что понимал, объяснил ему, куда нужно идти. Казах этот был совсем «темный», говорил, что даже паровоза до войны не видел. Пошёл наш гонец и пропал. Ждали часов пять, нет его. Думали, на мине подорвался или случилось что. Послали другого, тот через два часа вернулся с полными термосами. Примерно на третьи или четвертые сутки, глядим, возвращается наш гонец. Винтовка сломана, штык-ножа на винтовке нет, а на груди картонка с надписью: «Ни нам язык, ни вам солдат».

Это было в Алкинских лагерях

Однажды, во время учебных стрельб, приехал Ворошилов. Интересовался, как идет подготовка молодых бойцов, есть ли отличники? Ему представили старшину Халтырина. Он был лучшим стрелком. В лагерях обучал новобранцев будучи инвалидом (у него была ранена нога).

По нормам полагалось расстрелять пятнадцать патронов на поражение семи движущихся мишеней. Ворошилов сказал речь, как сейчас тяжело на фронте и что надо очень беречь патроны. Предложил Халтырину попробовать семью патронами поразить семь мишеней.

Зарядили семь патронов, Халтырин лег за пулемет, я был вторым номером – помогал ему. Отстрелялись, в результате из семи патронов - семь поражений. Ворошилов был очень доволен и сказал, что надо учиться именно так стрелять и беречь патроны.

Потом мне зарядили семь патронов, отстрелялся – четыре поражения. Ворошилов похвалил, а потом на майские праздники мне дали за это 150 рублей премии и значок «Ворошиловский стрелок».

Говорили, что сам Ворошилов с десяти метров в копейку попадал. Только не знаю, правда ли это.

Урок, который запомнился на всю жизнь

Находясь в Ивановских лагерях, был свидетелем расправы с дезертирами. Сбежало трое взрослых солдат с оружием (мы-то еще молодые совсем были, не знали еще, что такое передовая и фронт), их четверо суток искали. Когда нашли, построили всю дивизию. Спросили их, куда бежали, зачем. После их ответов, что все надоело и собрались домой, их заставили копать большую яму. Когда она была готова, зачитали приказ: «Расстрелять за дезертирство», велели ложиться в эту яму лицом вниз, расстреляли, потом яму эту закопали и сровняли с землей, не оставив никаких признаков, что это могила. Этот показательный расстрел, думаю, никого не оставил равнодушным.

Потом мы интересовались, почему не сделали холмик и не оставили никакой надписи. Ответ был коротким: «Что заслужили, то и получили».

Гибель генерала Черняховского Ивана Даниловича, самого молодого генерала, командующего фронтом, Героя Советского Союза

Это было ранней весной 1945 года в Восточной Пруссии. Я находился в штабе, когда вбежал адъютант командующего армией генерал-полковника Хрюкина, Героя Советского Союза, и сказал, что погиб генерал Черняховский и нужно разобраться, как это произошло, и доложить Хрюкину.

Мы поехали на место гибели генерала, порасспрашивали очевидцев, оказалось, что он на своей машине с шофером и охранником решил побыстрее, через поле подъехать к войскам и попал под артобстрел. Все погибли, генерал вроде еще какое-то непродолжительное время был жив, но не долго.

Солдаты его очень любили и переживали, что он погиб.

Потом даже в его честь город какой-то, не помню, как раньше назывался, Черняховском переименовали.

Война кончилась!

Мы находились в Кёнигсберге, я дежурил в штабе. Звонит капитан, адъютант Хрюкина, спрашивает:

- У тебя включен приемник?

- Нет.

- Ты что, включай скорей, война кончилась! Сходи, разбуди продавцов, скажи, что война кончилась, и неси водки!

Включил радио, действительно объявили, что немцы капитулировали, война кончилась.

Побежал на радостях за водкой.

Через некоторое время все узнали, что война кончилась, радости людской не было предела.

Началась стрельба, салют, весь гарнизон трещал от выстрелов.

Наверное, дня три никого трезвых не было, радовались, что война кончилась.

Ноябрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Вахитов Максим Юрьевич****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Винник Павел Борисович

От роты осталось девятнадцать человек

Родился я 22 сентября 1925 года. Русский. Бывший член КПСС, член Союза кинематографии Российской Федерации, комиссии ветеранов кино и войны, председатель военно-шефской комиссии.

Братьев и сестер у меня не было. Учился я в Одессе. На постоянное проживание мы приехали туда в 1932 году, хотя вся моя родня из города Винницы, на Украине. У моей мамы семья была очень большая: две сестры и пять братьев. У отца семья была поменьше. А поскольку время тяжелое было, отдавали в учебу кого куда. Одного - в сапожники, другого – по хозяйственной части, третьего – строителем, а маму мою отдали в портняжную мастерскую. И работала она потом по специальности в Одесском Оперном театре. Иногда она брала меня с собой. Мама занималась своей работой, а я сидел тихонько за кулисами и смотрел, как актеры репетируют. Меня всего трясло от возбуждения. Вот тогда-то я и полюбил театр, что впоследствии очень сильно повлияло на мою судьбу. А потом мама вышла замуж за отца.

Отец тогда скитался. И вот почему. Он учился в МВТУ им. Баумана (тогда оно еще так не называлось). И вот на похоронах Николая Эрнестовича друзья предложили моему отцу читать «А вы, надменные потомки…» - вторую часть лермон-

товского стихотворения «На смерть поэта». Отца вызвали на ковер и сказали: «Если это стихотворение будет прочитано над гробом, ты тут же будешь отчислен и в 24 часа выдворен из Москвы». Но отец все же читал. А там, куда вызывали отца, как известно, слов на ветер не бросают. И вот он скитался. Маме было 16 лет, она была очень красивая, отец был старше. Все были против их брака. Бродяга, он нигде не работал. Но они любили очень друг друга, так и прошли всю жизнь вместе.

В Одессе мы жили в коммунальной квартире, в двух комнатах. Отец работал инженером-мостовиком, ездил представителем легкой промышленности на Дальний Восток, а мама, как я уже сказал, работала в Одесском Оперном театре. Вот я ходил туда, учился. А как началась война, отец ушёл в сапёрный батальон. И вот 13 сентября мы получили «похоронку». Погиб отец в районе Тирасполя. А мама у меня умерла в 1982 году.

А квартира та у нас так и не сохранилась. Когда немцы захватили Одессу, я ушёл с истребительным батальоном, а мама уехала к сестрам в Винницу. А когда после войны вернулась, ее даже в квартиру не пускали. В дом попала бомба, но одна организация все отремонтировала и себе забрала. А мама ходила по райисполкомам, просила хоть комнату, говоря: «У меня же сын воюет!» Ну, и дала «похоронку» как документ. И документы пропали, и «похоронка» пропала. И все. И только когда я демобилизовался, нам выделили жилплощадь.

Война застала меня, когда я только перешёл в 9-й класс. Тогда среди жителей города были организованы такие истребительные батальоны. Они боролись с пожарами. Когда начиналась бомбардировка города немцами, эти люди стояли на крышах. А ведь не всякий мог решиться. И фашисты сбрасывали с самолётов такие зажигалки. Зажигалка падала на крышу, взрывалась, и дом загорался. И вот нужно было схватить эту бомбу щипцами и сбросить вниз, в песок. А там уже люди их гасили. Это и были истребительные батальоны. Они и шпионов ловили. Это были люди в штатском, не военные. И вот я с этим истребительным батальоном отступал до Моздока. Под Моздоком в 1942 году всех нас стали призывать в армию. А мне же лет не хватает. Ну, мне ребята в метрике приписали два года…

Сначала около двух недель были в учебном батальоне, учили там строевой, владеть винтовкой. А потом, поскольку

наступление было очень сильное и народу не хватало (тогда еще рванул 2-й Украинский фронт), я сразу попал в действующую армию.

Я надел гимнастерку, бутсы такие американские мне выдали (сапоги ведь не всем доставались), обмотки, и я пошёл. А я же городской парень, много ли я могу пройти? 30 км я отмахал, сел, снял ботинки, посмотрел на то, что в них… это были не ноги, это были сплошные волдыри. Я натер себе ноги так, что какое там дальше идти! У меня дружок был, сибиряк, Валька, он побежал за санинструктором. Тот пришёл, говорит: «А ну-ка давай котелок воды». Обмыл мне ноги, достал бритву, надрезал все это, выдавил, смазал хорошей мазью, которой раны залечивали, и говорит: «Ничего, до свадьбы заживет!». А потом на меня смотрит и говорит: «А я знаю, почему ты грустный. Жить хочешь? Совет дать?» Я говорю: «Дайте». «Ну, вот тебе сейчас хорошо?» Я говорю: «Хорошо». «Вот и живи минутой. Не загадывай. Зачем загадывать? Потеряешь элементарное внимание. А так – живи вот сейчас, сегодня». Я это пронес через всю жизнь. До сих пор, когда трудно бывает, а с годами очень даже трудно бывает, я себя ловлю на том, что сейчас же хорошо, вот так и живу.

Попал я в 5-ю ударную армию, командовал которой Берзарин, в 1374-й полк, в 416-ю стрелковую азербайджанскую дивизию. Я с этой дивизией до Берлина дошёл. Участвовал в боях на 1-м и 3-м Украинских, на 1-м Белорусском фронтах. А почему армия называется ударной? Не гвардейская, а ударная? Потому что в трудных ситуациях, скажем, при форсировании Днепра или при переходе через какие-то завалы, через большие оборонительные порядки немцев, туда бросали сначала ударную армию, а потом уже идет весь фронт.

Все было. И я так скажу: это не моя заслуга и не моя смелость, что я жив остался. Это внимание старших товарищей, это они меня, мальчишку, оберегали. Например, налет совершила авиация немцев, артиллеристским снарядом или миной порвало связь - надо идти соединять. Моя очередь. А они мне говорят: «А ну-ка сиди! Вася, давай!» А Вася может не вернуться. А Васе ногу может оторвать. Они меня берегли. Вот кому я обязан. Я никогда не забуду, как я участвовал в очень тяжелых боях. Была такая знаменитая ясско-кишиневская группировка противника, когда мы шли на Молдавию, на Ру-

мынию. Там 2-й и 3-й Украинские фронты окружили и разгромили основные силы немецкой группы армий «Южная Украина». Я на всю жизнь запомнил один страшный случай. У немцев были так называемые огнеметы. Это ужасная вещь. У меня был друг, командир взвода Вася Щелыков… Я иногда ночью просыпаюсь, слышу этот визг… Один фашист из огнемета его обдал, он загорелся. Мы его забросали шинелями, тряпками, всем что было, и не могли его затушить. Так погиб человек. Были очень страшные бои, у нас от роты (а рота – это обычно до 100 человек) осталось 19 человек. Представляете, что это были за бои? А потом пришёл командир батальона, сказал нам, выжившим: «Ну, так: старики – в хозчасть, а молодые (нас четверо было) – в роту автоматчиков. Тогда не все имели автомат, тогда винтовочки были. А рота автоматчиков была в полку как рота, несущая охрану полка, охрану боевых порядков, и вот я туда пошёл.

Километров семьдесят мы не дошли до Бухареста. Нашу часть сняли, погрузили на поезд-товарняк, привезли под Ковель, и там началось формирование войск для освобождения Варшавы. На Варшаву наступление было с двух сильных плацдармов: Радомский и Сандомесский. Мы были на радомском. Зима, холод. Но никаких костров, никаких фонарей, так как наступление готовилось в глубокой тайне. У нас на шесть человек три шинели, ботинки снимали, чтобы не мерзли ноги, тремя шинелями и плащ-палаткой сверху накрывались. Поворачиваемся с боку на бок вместе, курим по очереди. Вот с этого радомского плацдарма мы и пошли в наступление. Бои были очень страшные за Варшаву. Немцы одного не рассчитали: наши основные части прорвались в Варшаву по Висле, по льду.

При освобождении Варшавы нас, пехоту, посадили на танки, чтобы провезти через минные поля. Там у немцев была очень сильная оборона. Тремя эшелонами шли. Я был во втором эшелоне. Первый почти весь попал под плотный огонь немцев, их как ветром сдуло. Их было жалко… А мы попали в зону контузии, я только свист снаряда помню, больше ничего. А тогда, так как шло наступление, не отправляли сразу в госпиталь, а сначала в медсанбат. Вот идет наступление, а тебя за войсками перевозят. А ребята из нашей части, которые приехали за хлебом, в палатке нашли меня, выкрали оттуда, на по-

возку положили и в часть увезли. В то время потерять свою часть было то же самое, что потерять жизнь. А я не слышу, не вижу, у меня была очень тяжелая контузия. Меня где-то месяца полтора они выхаживали, пока я не пришёл в себя. Это опять заслуга моих старших товарищей.

Участвовал я в штурме Берлина. Там уже было легче, хотя жить очень хотелось. Вот представляете, 70 км до Берлина. Но ведь это еще одна атака, это еще один риск… По-разному пишут, но вот сидят солдаты в окопе, всем по 100 граммов дают боевых, и раздается команда «вперед!». И ведь каждый выпрыгивает из окопа по-своему, жить-то всем хочется. А надо так: выпрыгнул, десять шагов пробежал, упал и отползи, и потом дальше короткими перебежками. И опять я судьбе благодарен. За каких-то пять-десять минут до команды «вперед!» сзади нас зажглись прожекторы. Немцев ослепило, они ничего не видели, и это нам спасло жизнь. Это придумал Жуков, который командовал 1-м Белорусским фронтом. Я это на всю жизнь запомнил. Когда он был развенчан, я этого не мог простить. Жуков - это как Суворов. Вот не было бы Жукова, может быть, и войну не выиграли бы. Он был гениальнейший человек, причем он никогда не боялся, по передовой везде ходил. Приходил в часть, когда шло наступление. Он ничего не скрывал, был суров. Мог табуреткой дать по голове командиру за дело. При этом был справедлив.

Но сначала был Кюстрен. Это была крепость примерно в 100–120 км от Берлина. Они там закрылись, и никак их не возьмешь. А им Гитлер обещает, что их освободят, что к ним пришлют части. Им с самолёта бросали продукты. Раз упал мешок, мы открыли, а там кресты, награды. На нашу сторону упали. Мы их очень крепко окружили, и вот однажды ночью тревога. Они прорвались, вышли из крепости, они бежали, перепрыгивали наши окопы, мы стреляли, как могли, а утром посмотрели… С вечера все вокруг было бело от снега. А теперь утром была сплошная зелень, сплошь трупы в зеленых шинелях. Все поле было ими усеяно. Это потом уже, когда мы рванули, входили в Берлин, они сдавались и кричали: «Гитлер капут! Нихт шиссен! Не стреляйте!».

Там они поняли, что им не удастся победить, ведь уже бои в Берлине идут. Атакуют сразу 6 фронтов. Стоял такой вой! Какая трудность в Берлине была? Прямые улицы. И, как пра-

вило, у них первый этаж и полуподвал облицованы гранитом. Вся улица насквозь простреливалась. Танки в город никак нельзя было пускать. Любая горящая бутылка, и танк загорается. Пехота должна была брать. А как брать? У нас хороший был командир роты автоматчиков Солкин (он потом дослужился до капитана). Он нас собрал в кучу: «Ну, ребята, давайте решать задание малой кровью. Как наступать?» А нам поручили прорвать оборону противника, провести через эту улицу войска. И тут мне помогло то, что я парень городской. Я ему говорю: «Товарищ командир, вот у нас в городе есть в квартирах черный ход и парадный ход. Можно в черный зайти, пройти в квартиру, а выйти на другой стороне. И так на каждом этаже». Он говорит: «Бери двух ребят, сходи, проверьте». И мы пошли не улицей, а этими домами. И как я точно угадал. Оказывается, даже немецкое командование отдало приказ населению сидеть в подвалах, а квартиры оставить открытыми. И мы, так переходя из дома в дом, добрались до поперечной улицы, откуда немцы простреливали улицу. Мы сверху посмотрели, а у них во дворе и походная кухня, и палатки, и снаряды. Я тут же, чтобы ребят провести, решаю послать гонца к командиру. Одного пошлю, а если его убьют? И остался я один. Буквально 40 минут прошло, и вся наша рота автоматчиков (даже еще разведчики с нами шли), прошла туда, на третий этаж опустилась. Были тогда гранаты разрывные и были противотанковые. На нее, если надеть панцирь, она страшнее разрывной будет. Мы забросали гранатами немцев. Началась среди них такая паника! В результате наши части прорвались, и мы дошли до самого центра - улицы Ундерденлинден. Это было 2 мая.

А потом, спустя почти неделю, сказали: «Стоп! Прекратить огонь!» Мы высунулись на улицу, а там стоял жуткий вой, все было в огне, и вдруг – тишина. Все слушают, и вот сообщают: «Война окончена! Немцы капитулировали!» Что тут началось! У кого что было, как начали палить в воздух! Из автоматов, из винтовок, из пистолетов…

У меня есть очень дорогие мне медали: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу…»

Были у меня и ордена. Мой первый орден, который считаю самым дорогим, это орден Красной Звезды. Тогда немец пустил знаменитые свои танки - «тигры», а у нас из-за плохой по-

годы техника отстала. Они нас расстреливали, как хотели. И вот смотрю, вдруг бричка с командиром полка (у нас был полковник Калашников) понеслась, там рвануло, лошадей не убило, но бричку перевернуло. Ребята его вытащили и за насыпь железнодорожную перенесли. А мы еще прикрывали отступление. И вдруг я вижу в районе, где перевернулась бричка, лежит ящик из-под патронов. Открыл я его, а там полковое знамя! Я его за ватник, за гимнастерку спрятал. Там насыпь была железнодорожная. Танки немецкие на эту сторону перейдут, а мы на другую перебежим; они пройдут на ту сторону, а мы на эту, и в лес. Я прихожу в лес, а там часть разбита, разрознена, сидят все мрачные. И вдруг я вынимаю знамя… А тогда, если часть теряла знамя, ее расформировывали. И вот за это мне и выдали первый орден – орден Красной Звезды.

Потом я получил за Берлин медаль «Отечественной войны 2-й степени», но тот орден - самый дорогой. У меня даже есть фотография, где мы в Берлине с фаустпатронами наперевес стоим. Фаустпатрон действовал примерно так: такую как бы двуконусную бомбу накручивали на полую трубку (трубка метра полтора), подмышку брали и ставили дистанцию полета этой мины или бомбы. Если она падала на танк, то могла прожечь любую броню, танк загорался и взрывался. Но этого секрета, как пользоваться фаустпатронами, никто не знал. Когда видели, как в поле они валялись, мы за сто метров их обходили, пока власовцы, которые тоже отступали, не выбросили белый флаг и не сказали: «Сохраните нам жизнь, и мы откроем секрет фаустпатронов». И вот в каждую часть их по два человека приводили, и они нас обучали, как надо этими фаустпатронами воевать. У меня сохранилась фотография, как мы то ли 8, то ли 9 мая стоим у Бранденбургских ворот с фаустпатронами на плечах. Потом все это отобрали, конечно. И нас оставили в гарнизоне Берлина. Жили мы сначала в центре города, там есть знаменитый Трептов-парк, где стоит монумент советскому солдату. Около него были Трептов-казармы, где наша часть стояла. Был очень строгий режим оккупации, никаких связей с населением. А ребята хотели подружиться с девушками, поэтому нас вывели за 30 км от Берлина, в город Сосер, там потом был штаб наших войск до их вывода с территории Германии. Из Сосера мы выезжали на дежурство в Берлин, один батальон - одну неделю, другой – другую. И там был

очень важный для нас Тринадцатый караул. Это была спирт-база. Туда свозили спирт со всего Берлина, а город тогда уже был поделен на части. Для французов, для англичан, для нас… и вот со всех сторон спирт свозили, и мы канистрами в часть несли. Кого только у нас не бывало! Летчики, бывало, зайдут и сразу: «Ребята, дайте хоть немножко спирта». Ну, давали, конечно. Так и жил я там. Закончил я войну в звании старшего сержанта.

Когда началась вторая демобилизация, меня вызвали, говорят: «Давай в военное училище. Хочешь, в артиллерийское». Я говорю: «Да я актером хочу быть!». «Ну, смотри». И то, что у меня было написано «годен к нестроевой», меня спасло. По возрасту я еще должен был служить. Я демобилизовался. Приехал, а мама живет в каком-то чулане, никуда ее не пускают. Мы скитались по углам, пока я не взял адвоката. А адвокат мне говорит: «А ну-ка, есть деньги? Телеграмму Ворошилову послать надо немедленно». И буквально через двое суток пришла телеграмма от Ворошилова горпрокурору и прокурору военному: «В 24 часа освободить площадь демобилизованному».

У меня ведь тогда среднего образования не было. Я пошёл на курсы, чтобы получить аттестат. И как только я его получил, то поехал в Москву поступать, потому, что я хотел получить русскую школу. Я на фронте читал много книг о театре, о кино. Тогда надо было иметь свои идеалы. Я помню, была такая «библиотека красноармейца», и там были выдержки из произведений Горького, Чехова и т.д. И вот в одной из таких книг я прочитал горьковский отрывок, в котором было написано: «Я иду в жизнь, чтобы сгореть и как можно глубже осветить тьму жизни». Вот мой идеал, я его нёс по жизни. Когда пришёл поступать, сразу хотел в училище Малого театра - Щепкинское. А мне ребята говорят, чтобы я поступал во все: и в МХАТовское, и в ГИТИС, и в Вахтанговское, потому что везде по-разному отбирают. Может, ты и хороший, а им не нравится. Может, там другой состав, и год потеряешь. Я снял копию аттестата и поступал.

Я никогда не забуду, когда я поступал во МХАТовскую студию, в приемной комиссии сидели Грибов и Тарасова – большие мастера. И спрашивали обычно: «А зачем вы идете в театр?» Ну, каждый по-своему отвечает: «Я люблю театр».

Или: «А я хочу быть актером». Но я же фронтовик. Мне же надо было ответить! Я возьми и скажи: «Чтобы сгореть!» И до сих пор я вспоминаю лукавый прищур глаз Грибова и его слова: «Ишь ты! Это потому что рыжий, поэтому сгореть хочешь? Героев хочешь играть? А можешь ли?! Вон, посмотри, твой товарищ - стройный, красивый, глаза у него яркие, голос звонкий (был такой Лева Поляков). Вот ему героев играть. Ему зритель поверит, полюбит. А ты глянь на себя в зеркало, кого тебе играть? (А я тогда был тощий, рыжий.) Жуликов и будешь играть». Дальновиден был Алексей Николаевич. Сколько я их переиграл!

Но больше всего меня все-таки тянуло в студию Малого театра. Курс набирал высочайшего мастерства актер Зубов. Я пришёл в приемную комиссию. Зубов сидит, Пашенная; а там надо было басню прочитать, стихотворение и прозу. У меня басня была «Троеженец». А у каждого третьего басня «Квартет». У комиссии уже лица вытянулись от этих «Квартетов». Вдруг подумал: дай я созорую! Вхожу, меня спрашивают: «Ну, молодой человек, что читаете?» «Квартет!» И стал басню читать от лица обезьяны. Хохот поднялся! Зубов говорит: «Идиди, ты принят! Сдай общеобразовательные». Казалось бы, все. А вот судьба: директриса училища говорит: «У меня нет мест в общежитии». А мне жить негде. Я, когда поступал, с милиционерами в метро в дежурках спал. Они меня принимали за своего – фронтовик же. Нет мест, что делать? Тогда меня спасла подсказка наших ребят – везде поступай. Было такое Московское городское театральное училище при МХАТе, вторая студия. Я рассказал, что со мной произошло, а там был чудесный руководитель – Готовцев Евгений Васильевич, народный артист. Он снял пенсне, спросил: «Скажите, а вы на диване будите ночевать?» Я говорю: «Да хоть на полу!» Вот так я в 1946 году поступил.

Иду я, довольный! Маме письмо послал, что я принят, хорошие ребята, курс хороший, встречаю на улице Горького Пашу Луспекаева, я с ним поступал в Малый. Он говорит: «Слушай, ты чего на занятия не приходишь? Зубов все спрашивает, где тот мальчик рыженький? Я пошёл туда, меня привели к нему в кабинет. Он говорит: «Ну, беглец, ты чего?» Я ему стал рассказывать, извиняться, что так получилось. Он слушал-слушал и говорит: «А что это ты извиняешься? Ты ка-

кую профессию выбрал? Ты знаешь, что такое актер? Ты знаешь, сколько неписаных законов? Их много. Я тебе два назову: первый – пожизненное испытание самолюбия. Вот ты выходишь на сцену, тебя разглядывают, тебя слушают, кому-то ты нравишься, кого-то ты раздражаешь. И второй закон – Господин великий случай. Хоть семи пядей во лбу будешь, а так и не сыграешь свою роль. А, может, и в театр не примут. Сможешь это пережить, иди, а не сможешь, бросай сразу, а то самым несчастным будешь». Я говорю: «Нет, ни за что не брошу!».

Закончил я училище в 1951 году, потом был принят в Театр драмы, теперь это театр Маяковского. Проработал там до 1958 года, после чего, активно снимаясь в кино, перешёл в Театр киноактера, где работал с 1961 по 1992 год. Сейчас на пенсии.

Мне недавно предложили написать книгу о себе. Я хотел ее назвать «О своих любимых учителях». Но подумал: я неусидчивый человек, много мотаюсь. Актер должен быть актером, а писатель – писателем.

Вот сейчас везде пишут, что всякие там драки в армии бывают, дедовщина. Я хочу сказать, ничего этого у нас не было! Была такая спайка, такая семья! Если был сволочь командир, были и такие, что ж говорить-то? Мог положить весь полк, чтобы выполнить задание. Долго такой не жил. При ближайшей атаке как сзади по мозгам сыграют автоматом, и все понимали: надо беречь свои войска, беречь армию. Вот это и была собственно Победа, что люди, жертвуя собой, защищали грудью друг друга и свою Родину.

Май 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Алексей Игоревич****, студент 1-го курса факультета системы управления, информатики и электроэнергетики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Вишняков Павел Константинович

Путь от штурмана экипажа до штурмана полка

Я родился 11 июня 1918 года в Тверской области на хуторе Шестоки девятым ребёнком в семье.

Русский, православный. Состоял в компартии. Членство в комсомоле, ОСОАВИАХИМе.

Закончил 7 классов в 1935 году. В том же году пошёл на Кировский завод (оборонный завод) в тракторный цех. Проработал до1938 года и в это же время окончил вечернюю среднюю школу. В 1938 году поступил в Коммунистический политико-просветительский институт имени Н.К. Крупской (г. Ленинград). В 1939 году поступил в Мелитопольское военное училище штурманов. В 1940 году окончил училище в звании лейтенанта.

После окончания училища отправлен в ВВС Прибалтийского военного округа в 312-й отдельный разведывательный авиаполк (стрелок-бомбардир). В этом полку начал войну 20 июня 1941 года. Пришла телеграмма: «Срочно прибыть в часть». В этот момент я находился в 70 км от Риги (Латвия) в должности штурмана экипажа. В ноябре 1941 года был назначен начальником связи эскадрильи ночного бомбардировочного полка. Направлен на подмосковный аэродром в Егорьевск.

Затем полк переформировали в транспортный (перевозка грузов). С мая 1942 года полк, формировавшийся в Абакане (Хакассия), действовал в интересах западного фронта в Балашихе под командованием первого командира полка старшего

лейтенанта Фадеева, затем на Сталинградском фронте - майор Бондарёв (закончивший войну подполковником), а войну закончил под командованием полковника Бошко.

Боевой путь проходил:

22 июня 1941 год. Латвия, Платоне под Ригой.

Май 1942 года - аэродром Балашиха.

Август 1942 года - Сталинградский фронт (в составе 8-й воздушной армии под командованием генерала Хрюкина).

Аэродром Котельниково.

Аэродром Зимовники.

1943 год (после освобождения Ростова) перелетели на аэродром Хутунок (под Новочеркасском).

1943-1944 году Сталинградский фронт преобразован в Южный фронт и перебазирован в Мелитополь (затем на аэродром Скворцовка).

4-й Украинский фронт (задача - освободить Крым, осуществлять перевозки грузов).

Весна 1944 года - аэродром Геническ.

1944 год - аэродром Симферополь (находился до освобождения Крыма).

В Крыму командование принял командир 8-й воздушной армией Жданов.

Лето 1944 год. Из Крыма полк перебазировали в Западную Украину на аэродромы: Раворусское (Львов), Станислав, Дрогобыч (отдан Польше после войны), Закарпатье (Мукачево).

Зима 1944 года. Аэродром Жешув (Польша).

Зима 1945 года. Аэродром Краков.

Весна 1945 года. Глейвиц (Германия).

Весна 1945 года. Моравская Острава (Чехословакия).

В 1944 году принимал участие в освобождении Крыма. В составе 8-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта Жданова, а также в составе 4-го Украинского фронта под командованием генерала Петрова.

В 1945 году принимал участие в освобождении Чехословакии. В составе 8-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта Жданова, а также в составе 4-го Украинского фронта под командованием генерала Ерёменко.

В 1945 году принимал участие в освобождении Польши. В составе 8-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта Жданова, а также в составе 4-го Украинского

фронта под командованием генерала Ерёменко, 678-го полка под командованием полковника Бошко.

Военные боевые действия закончил 9 мая 1945 года в городе Глейвиц в звании штурмана полка, в воинском звании капитан, в составе 8-й воздушной армии, 4-го Украинского фронта.

В мае 1945 года перелетели в Чехословакию (Моравская Острава), затем обратно в Германию (Глейвиц). Оттуда перебазировались в Черновице (Украина) на постоянное базирование до 1946 года. Затем, в 1946 году, переехал в Станислав в составе 3-го гвардейского полка, далее во Львов, в состав 390-го смешанного авиационного полка на должность штурмана отряда.

В 1947 году уехал в Ленинградскую Краснознаменную военно-воздушную академию им. Можайского. В 1953 году окончил.

Служил семь лет в городе Воронеж (до 1961 года) в четвертом центре боевого применения ВВС, ведущим инженером. С 1961 года до 1963 года – научный сотрудник НИИ авиационно-космической медицины ВВС. С 1963 года до 1977 года служил заместителем начальника (старший научный сотрудник) НИИ военно-медицинской техники.

Демобилизовался в 1977 году, прослужив 38 календарных лет.

С 1961 года в Москве.

Награды

Два ордена Отечественной войны 2-й степени»,
два ордена Красной Звезды,
медаль «За боевые заслуги»,
медаль «За храбрость», 1946 года (Чехословацкая),
медаль «За освобождение Украины»,
медаль «За оборону Сталинграда», 3 июля 1943 года,
медаль "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.",
медаль "Ветеран Вооруженных сил СССР",
медаль "Фронтовик 1941-1945 гг.",
медаль "За безупречную службу"
и другие, - 20 юбилейных медалей.

В блокадном Ленинграде в 1942 году погиб отец - Вишняков Константин Александрович. Мать - Вишнякова Евдокия Яковлена вывезена по Ледовой дороге в Кировскую область. Живы остались: старший брат Алексей (подполковник), Михаил (старший лейтенант), Николай (майор), Иван (полковник).

Собственные публикации:

"Вестник воздушного флота". 1957 год. Кандидат технических наук инженер-подполковник М.Б. Чернобыльский, инженер-подполковник П.К. Вишняков. "Шире внедрять инструментальные методы контроля техники пилотирования".

«Военно-медицинский журнал». 1975 год. Вишняков П.К. "Лечение больных с острой сердечной и легочной недостаточностью методом гипербарической оксигенации".

Ранняя весна, март 1944 года. По приказу командования нас перебазировали с аэродрома Мелитополя на аэродром Скворцовка. Первым взлетел самолёт ТБ-3, в составе экипажа которого был и я - штурман. Возглавлял экипаж начальник штаба Нижник, при нем были все открепительные документы на питание и печать полка. Неожиданно начался сильный снегопад. Видимость стала вертикальной. Зная, что командир полка и полк, состоящий из 30 экипажей летчиков, остались в Мелитополе без документов, я предложил начальнику штаба вернуться. Наше приземление затрудняли сильный снегопад и порывистый ветер (60 км/ч). В таких сложных условиях летчик не мог определить место посадки. Никого из обслуживающего персонала на аэродроме не было, никто нас не ожидал. Я принял решение уйти от пункта по ветру на достаточное расстояние, чтобы потом, летя против ветра, показать летчику место посадки уже на малой скорости. Кружили мы над Скворцовкой 15 минут. И все же, несмотря на трудности, мы смогли благополучно приземлиться. Посадив самолёт, мы прибыли в деревню Скворцовка. Увидев нас, работники столовой решили, что наша команда приехала на какой-то машине. Ветер был такой сильный, что они не слышали гула приземлившегося самолёта. Только на третий день ветер стих, выглянуло солнце, начало таять. Тогда собрался весь полк, и начали вести свою обычную работу.

Зима 1944 года. При первом боевом вылете летчик Блюмкин в составе группы был послан на штурмовике Ил-2 атаковать железнодорожную станцию. Перед вылетом ведущий группы штурмовиков предупредил, что будет два захода, но, учитывая сложившиеся в ходе полета обстоятельства, ведущий захода принял решение - один заход на цель. Фашисты открыли очень сильный заградительный зенитный огонь. Но до Блюмкина команда не дошла, и он сделал второй заход. Ударом из пушек его штурмовика был выведен из строя вражеский паровоз, но сразу же самолёт был сбит. Товарищи Блюмкина это видели, и в части решили, что пилот погиб. Но летчик не умер, он был ранен, взят в плен немцами и отправлен во вражеский госпиталь. Перед отправкой его немецкий офицер сказал своим подчиненным, что вот так, как этот русский, и надо воевать. Наступление Красной Армии продолжалось, и, в связи с освобождением нашими войсками Донбасса, немцы всех раненых советских пленных погрузили в товарные вагоны и отправили на запад. Блюмкин с товарищами решили воспользоваться этим переездом и бежать. На лесном перегоне при подъеме железнодорожного состава в горку они выломали доски в полу вагона и вывалились на железнодорожное полотно. Вскоре их подобрали партизаны, которые базировались в окрестных лесах. Блюмкин сильно пострадал во время падения своего штурмовика, он потерял глаз, ему требовалась медицинская помощь, и его переправили в Москву в Центральный авиационный госпиталь. Там ему вставили искусственный глаз. Выписавшись из госпиталя, он направился в Управление кадров ВВС, где ему сообщили о присвоении звания лейтенанта и дали направление в свою часть. В связи с тем, что по решению медицинской комиссии он был непригоден для вождения боевых самолётов, в части его определили на штабную работу. За проявленное мужество и героизм Блюмкина наградили орденом Красной Звезды.

Капитан Коровин в возрасте сорока лет был штурманом полка. Он дважды добивался включения его в группу переподготовки летчиков для полетов на штурмовике Ил-2. Первый раз ему отказали, но на второй попытке его ждал успех. Он освоил управление штурмовиком и стал командиром эскадри-

льи самолётов Ил-2. При освобождении Крыма майор Коровин получил звание Героя Советского Союза. В этом звании он закончил войну.

Осенью 1942 году мой самолёт По-2 летел из Красного Кута в Дженебег. Бак самолёта был полностью заполнен бензином. Мы перевозили бензин в канистрах и подвесных баках (по 180 л) на свой аэродром под Сталинградом. В полете летчик Минченко передал управление мне. Местность была степная, ровная, погода солнечная. Самолёт шёл на малой высоте, приблизительно 100 метров. Полёт шёл нормально, и вдруг остановился мотор. Я стал производить аварийную посадку. Приземление произвели удачно, но на расстоянии 13 км от своего аэродрома. Самолёт, заполненный грузом, не пострадал. При докладе летчик обвинил меня, как штурмана, в неправильном расчете горючего на полет. Однако вечером, осмотрев самолёт, инженер полка сказал, что моей вины нет: за время полета в топливном баке образовалась трещина, и часть бензина вытекла из него.

Февраль 1945 года. Наш полк перебазировали под Краков, в небольшую деревушку. Днем над нашей взлетной площадкой кружил большой четырехмоторный бомбардировщик. Сначала подумали, что немецкий, а присмотревшись, я заметил на фюзеляже опознавательный знак ВВС США. Несмотря на запрещающий знак посадки, самолёт все же приземлился и завяз в мягком грунте. Из самолёта вышел экипаж из 9 человек с поднятыми руками. У каждого в правой руке были листки бумаги, на которых было написано на разных языках о том, что они являются гражданами США и просят передать об их прибытии в наше представительство.

Вызвали наших представителей от 8-й воздушной армии. Они побеседовали с прибывшими. Из беседы выяснилось, что бомбардировщик вылетел для бомбежки Берлина с одного из островов Великобритании. Над Берлином зенитка подбила их самолёт, выбив осколком тягу одного из цилиндров мотора, нарушив экранировку самолёта, к тому же вышла из строя вся радиосистема. Командир экипажа решил идти на восток и принял Краков за город Лодзь, так приземлились они у нас.

Экипаж союзников был радушно принят 8-й воздушной армией и командованием полка, поставлен на котловое довольствие в БАО (батальон аэродромного обслуживания), там они и находились две недели.

Мы предложили отремонтировать мотор и, таким образом, ввести американский самолёт в строй, но они отказались, сказав, что у них их много.

Гостям очень понравилась наша форма, не взирая на то, что она была поношена, они обменяли ее на свою. В таком виде они отправились на родину.

В конце июля - начале августа 1942 года неожиданно поступил приказ: срочно вылететь полком с аэродрома Балашиха на новое место базирования, под Сталинград. Уже на новом месте базирования выяснилось: срочная отправка на Сталинградский фронт была связана с перелетом из Балашихи за линию фронта двух механиков на самолёте УТ-2.

Эти механики, как потом выяснилось, были кадровыми немецкими летчиками. Их забросили еще до войны в киевский аэроклуб «Динамо», из которого они и попали к нам в полк. Они были примерными механиками. Один из них был даже кандидатом в члены партии. Оба выдавали себя за украинцев, говорили с украинским акцентом. А через некоторое время угнали самолёт.

За потерю бдительности командир полка был понижен в должности до заместителя командира полка, а комиссар - до политрука роты. В дальнейшем полк входил в состав 8-й воздушной армии.

28 августа 1942 года прилетели на По-2 на Сталинградский фронт, на аэродром Жефув. На ночлег экипаж, состоящий из командира звена летчика Манько, техника и меня - штурмана, расположился так: летчик и техник – под крылом самолёта, а я – под фюзеляжем. Ночью начался дождь, и мне пришлось искать убежище под крышей. Я нашёл сарай на скотном дворе, нащупал солому и уснул. Утром просыпаюсь, лежу на спине, а на груди у меня две большие жабы. Я был одет в гимнастерку и хлопчатобумажный комбинезон, поэтому ясно почувствовал прохладу, идущую от гостей. Я не тронул

их, они сами покинули меня. Рассказал членам экипажа, а они не поверили.

Лето 1943 года. Аэродром Зимовники. Начальник штаба штурмового корпуса установил дежурство двух экипажей самолётов-штурмовиков Ил-2 для отражения нападения немецких самолётов-штурмовиков. Наш грузовой самолёт Р-5 был загружен снарядами РС-500 кг и взлетел для доставки этих снарядов на передовой аэродром штурмовиков. Начальник штаба корпуса приказал дежурной паре самолётов Ил-2 вернуть наш самолёт обратно на аэродром. Но они, при подходе к самолёту, не рассчитали расстояние и столкнулись с нашим Р-5. В результате Ил-2 сгорел, а наш рассыпался и упал. Четыре человека – летчик и штурман нашего самолёта, а также летчик и стрелок с Ил-2 разбились.

Кстати, после войны в Воронеж, приблизительно в 1955-1958 годах, к нам в часть прибыл тот самый офицер, ставший к тому времени полковником, и опять показал себя не с лучшей стороны: осуждал своего подчиненного во время дежурства того по части, принимал у него знания гарнизонной службы с целью запутать его. В результате тот всякий раз терялся. Осуждал его за большое количество детей - 5 человек. Вскоре этот полковник заболел раком легких. Ему удалили одно легкое, но все равно вскоре он умер в страшных муках.

Осень 1943 года. Мелитополь. Летчик Берснев выполнял задание, перевозя груз на самолёте Як-6. Из-за плохой погоды – облачность, туман, ему запретил вылетать местный оперативный дежурный. Но он вылетел. В результате он столкнулся с копной сена, самолёт загорелся и упал. Летчик и штурман, к счастью, остались живы. За это лётное происшествие Берснев должен был предстать перед трибуналом. Расследование подошло к концу, и материалы были переданы в суд для привлечения его к ответственности, но арестован он не был. Так как его не ограничивали в свободе передвижения, он решил навестить своего командира в госпитале. Взял с собой самогон, и они изрядно выпили. По пути в часть Берснев зашёл в городской клуб, где были танцы. Там он пригласил девушку, которая была со своим молодым человеком. Девушка отказалась идти с ним танцевать. Тогда Берснев взял спутника девушки за

воротник и вывел из клуба, а затем выстрелил в него. Парень упал, а Берснев ушёл. В часть он не вернулся. Его несколько дней не могли найти. Наконец, обнаружили в городском саду мертвым. Судмедэксперт сделал заключение: по виду смерть насильственная, по-видимому, самоубийство. Из прокуратуры последовало распоряжение – дорасследовать дело Берснева до конца, и это было поручено сделать мне. Я встретился с девушкой, с которой Берснев пытался танцевать, и выяснил, что того юношу Берснев не убил, а только оглушил и что его призвали в армию.

Потом я вспомнил, что у Берснева была девушка, с которой он дружил до перебазирования в Мелитополь. В его личных вещах было обнаружено письмо этой девушки из Москвы. В нем было сказано, что она учится в институте, что он ей не пара, и чтобы больше ей не писал. Берснев посчитал, что юношу он убил, любимая девушка от него отказалась, самолёт он разбил. В общем, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он покончил с собой, застрелившись. Оружие было найдено при нем.

Осень 1944 года, аэродром Дрогобыч. К нам приехал практикант - журналист. Погода была нелетной, а он рвался, чтобы его перебросили самолётом на аэродром Мукачево, так как там уже была редакция армейской газеты. Мы не могли разрешить полет при такой погоде. Но у нас было задание по ту сторону Карпат на другом аэродроме, и там погода позволяла вылеты. Практикант упросил летчика, чтобы тот перебросил его через Карпаты в Мукачево. Летчик согласился. В очень сложных условиях они прорвались через Карпаты, чудом оставшись в живых из-за сильных восходящих и нисходящих порывов потоков воздуха и дождя. Когда они приземлились в Мукачеве, летчик оглянулся на заднюю кабину и увидел журналиста-практиканта, мокрого и всего в грязи. Выскочив из самолёта, он убежал, даже не поблагодарив. Больше его никто не видел, но после войны встречали его статьи, связанные с международными отношениями.

Осень и зима 1944 года. Мой друг, капитан Сиводед, решил посмотреть, как живут миллионеры. Единственный миллионер в городе сидел в тюрьме за неуплату контрибуции. Его

две дочери торговали на улице яблоками и грецкими орехами, чтобы собрать деньги для выкупа отца из тюрьмы. Как-то разговорившись, они пригласили нас к себе в гости. Придя в их дом, мы познакомились с матерью и двумя молодыми людьми, знакомыми девочек. Никаких предметов роскоши мы не увидели. Из еды нам предложили те же самые яблоки и грецкие орехи, которыми девушки торговали. Мой друг был очень разочарован приемом у миллионеров.

В 1945 году, во время освобождения Чехословакии от немецких захватчиков 4-м Украинским фронтом, на должность начальника политуправления фронта прибыл полковник Л.И.Брежнев.

Прилетел он на наш аэродром на чужом самолёте. Мы приготовили свой самолёт Ли-2 с нашим летчиком, для доставки Брежнева на КП фронта. Мне приказали снабдить Брежнева полетной картой, что я быстро сделал, найдя резервную, и прямо в самолёте вручил ему. На карте я проложил маршрут полета. Доложил воздушную обстановку, которая из-за низких облаков была безопасной. Брежнев благополучно был доставлен на КП фронта. В дальнейшем к нему был назначен шефпилотом старший лейтенант Бугаев из 83-го гвардейского транспортного авиаполка.

После окончания войны и прибытия 4-го Украинского фронта 8-й воздушной армии и нашего авиаполка в Черновицы с Брежневым стал летать наш летчик лейтенант Травкин. 83-й гвардейский авиаполк был расформирован.

Брежнев на нашем Ли-2 с Травкиным много летал: в Москву, Горький, Киев и другие города и аэродромы.

Однажды, после полета в Горький, летчик Травкин рассказывал, что Брежнева принимали его родители, которые жили в этом городе. Он отметил, что Брежнев - очень добрый и внимательный человек, а сейчас работает над докладом в ЦК. Я ему подсказал, что Брежнев может сделать нам доклад о международном и внутреннем положении страны. Летчик передал предложение Брежневу, и он согласился. Однажды он прибыл в назначенное время на аэродром и выступил с речью.

Один летчик задал ему вопрос: "Почему Вы недавно получили звание генерала, а в армии не остались?" На что Брежнев ответил: "Я хозяйственник. Меня пригласил Хрущев восста-

навливать Запорожье, что я постараюсь и сделать. Сейчас идет демобилизация. Если кто-нибудь из вас приедет в Запорожье, я помогу".

Когда Брежнев поднимал казахстанскую целину, там он встретил своего первого шеф-пилота Бугаева, который через некоторое время был назначен заместителем министра гражданской авиации, а затем министром и получил звание главного маршала авиации, успешно проработав до пенсии.

Больше у меня с Брежневым и Бугаевым встреч не было.

Старинный польский город Краков немцы перед отступлением заминировали, а от взрыва его спасли наши разведчики и польские партизаны.

Когда я был в Кракове, меня многие спрашивали, был ли я на знаменитом Краковском рынке? Едва у меня появилось свободное время, я ради интереса направился туда.

Сам рынок расположен на площади, недалеко от центра города. Это старинное огромное сооружение из серого камня с большим числом арок. В центре - главная входная арка, а от нее направо и налево расходятся торговые павильоны. В каждом павильоне свой товар. Несмотря на то что еще шла война (это было в апреле 1945 года), я увидел много рулонов различных текстильных материалов. Там были шерстяные ткани от грубошерстных до тонких плательных и костюмные материалы. Рядом павильоны с посудой, одеждой и мебелью. Но я в них не заходил. Мое внимание привлекла так называемая "толкучка". По другую сторону строения, прямо на земле расположились торговцы поддержанными вещами. Это были помятые бидончики, вилки, ложки и прочее. Меня заинтересовал поляк средних лет, который на корточках сидел у своего товара. На тряпке у него было разложены: небольшая горка кривых ржавых гвоздей, замок без ключа, спичечная коробка с небольшим количеством спичек, предварительно разрезанные пополам в длину. Одет он был в костюм, на голове шляпа, но ноги босые. Таких торговцев там было много. Все они сидели у своего товара прямо на земле. У нас обычно на "толкучке" стояли и ходили. Обилие товаров в основных павильонах почему-то не привлекало покупателей. Цены, конечно, были коммерческие, да и время военное.

Так что на знаменитом Краковском рынке я побывал и понял, что поляки любят торговать. У них торговать престижно и неважно чем.

8 мая 1945 года наш полк базировался на аэродроме Гейвицы в Германии. Во второй половине ночи я был разбужен сильной стрельбой из всех видов оружия, чего раньше не случалось. Выбежав на улицу, я увидел толпы наших военнослужащих, которые палили из своего оружия вверх. Услышал крики: "Война кончилась! Конец войне!". До утра никто не спал. Утром получили официальное сообщение об окончании войны и капитуляции Германии. Вечером готовились отметить победу, но во второй половине дня я получил приказ командующего 4-ым Украинским фронтом генерала Еременко вылететь в Москву на аэродром Внуково с тяжело раненными офицерами.

Привезли на носилках четырех полковников-артиллеристов из корпусов артиллерии большой мощности. 8 мая в их блиндаж попал мощный немецкий артиллерийский снаряд. Ранения были очень серьезные. Сопровождали их врачи и медсестры - их жены. В самом самолёте они все время находились возле раненых. Они давали им понемногу пить портвейн, чтобы хоть как-то притупить боль. Мы аккуратно взлетели и взяли курс на Москву. Во Внуково мы прибыли около 12 часов ночи. Раненых и сопровождающих сняли с самолёта, посадили в автобус и увезли в Главный военный госпиталь имени Бурденко. Столовая была уже закрыта, и мы, попив воды, улеглись спать. Утром после завтрака перелетели в Монино. Взяли там груз и полетели к себе в Глейвиц. Я сел писать письма матери, сестрам и братьям.

После войны

После войны спала каждодневная напряженность опасности. Возник вопрос, а что дальше? Снизилась дисциплина. Пришлось вводить занятия. Это привело к нормализации положения. Началась подготовка к возвращению на Родину.

В июле 1945 года я получил приказ вылетать во главе передовой группы на постоянное место базирования в город Черновцы. Самолёт мне достался с мотором, требующим

срочной замены: сносились поршневые кольца. В Черновцах был ремонтный авиационный завод, куда мы должны были отогнать самолёт и, заодно, выполнить задание передовой команды по размещению авиаполка в Черновцах.

По маршруту Глейвиц – Черновцов нам пришлось трижды приземляться, чтобы вывернуть свечи зажигания, промыть их и снова завернуть. До Черновиц долетели благополучно. Сразу нашёл дом для штаба, дома и квартиры для личного состава. В это время из Черновиц уезжали в Румынию румынские граждане, и они оставляли жилье.

Через несколько дней полк прибыл в Черновцы и приступил к мирным транспортным перевозкам.

В марте 1946 года в очень плохую погоду на наш аэродром, прямо из облаков вынырнул чехословацкий двухмоторный легкий самолёт "АЭРО" для транспортных перевозок личного состава. В самолёте прибыл помощник министра авиации Чехословакии. Этот самолёт был передан командующему нашей 8-й воздушной армии - генералу Жданову в подарок. Генерал сразу начал на нем летать, но вскоре один мотор отказал. Это не помешало благополучно приземлиться на аэродром.

Чехословацкий экипаж и помощник министра гостили в Черновцах более недели. И вдруг неожиданно помощник министра в пятницу заявляет, что ему в субботу надо быть в Праге на докладе у президента Бенеша.

Я получил приказ возглавить экипаж самолёта Ли-2 и доставить в Прагу помощника министра и летчиков нашего представителя - главного инженера и работника оперативного отдела, для получения нового мотора.

Сложность и неприятность состояла в том, что у нас оставался один очень старый тяжелый самолёт Ли-2 с номером 8, который был выпущен еще до войны, да и погода к тому же была не летная (март месяц). Но приказано было лететь во что бы то ни стало.

Утром вылетели. Перелетели через Карпаты. Сели на аэродроме Мукачево. Командующий авиагарнизоном нам вылет не разрешает, но командующий армией приказывает вылетать. Лететь нам надо в облаках над высокими Татрами.

Взлетели. Вошли в облака. Набрали безопасную высоту и взяли курс на Прагу. Через 35 минут полета самолёт начал обледеневать и терять высоту. На наше счастье, под нами образовался разрыв облаков, и я смог рассмотреть ущелье с рекой. Мы резко снизились и полетели вдоль реки, справа и слева горы были выше нас. Обледенение прекратилось, но видимость была только под собой. Я давал летчику такой курс, чтобы мы не задели плоскую гору. Через некоторое время вышли из ущелья к городу Брно и от него взяли курс на Прагу. Шли ниже облаков, у самой земли. Вдруг отказал радиокомпас, но все же я вывел самолёт на Пражский аэродром. При посадке у нас отказала рация. В Праге прожили целую неделю, пока инженер добывал мотор.

Обратно полет протекал нормально. Задание выполнили. Вернувшись домой, я застал жену с опухшим от слез лицом. Когда мы улетели, жена спросила начальника связи, как долетел Вишняков. Он ей сказал, что при посадке связь была нарушена, а другой связи у нас не было, так как полет совершался без разрешения Москвы.

Боевые вылеты:

1942 год – 23 вылета с налетом 204 часа 53 минуты, из них ночью 6 часов 20 минут;

1943 год – 30 вылетов с налетом 84 часа 13 минут;

1944 год – 16 вылетов с налетом 131 час 30 минут, из них ночью 2 часа 40 минут;

1945 год – 48 вылетов с налетом 62 часа 20 минут.

Итого за Великую Отечественную войну выполнил 117 боевых вылетов с налетом 482 часа 56 минут.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Шепелева Ирина Олеговна****, студентка 1-го курса факультета двигателей летательных аппаратов Московского авиационного университета (государственного технического университета).*

Воронков Виталий Петрович

В тылу врага

Родился я 30 июля 1926 года в городе Новочеркасске, Ростовской области. Русский. Православный. С 1947 по 1993 год - член Коммунистической партии Советского Союза. С 1940 по 1947 год - комсомолец.

До Великой Отечественной войны, в 1940 году, окончил семь классов школы № 45 города Ростова.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в городе Анапа.

После окончания седьмого класса собирался поступать в спецшколу Военно-воздушных сил, но не прошёл медкомиссию по зрению. В 1941 году мы всей семьей переехали в Анапу, так как отец работал начальником геологоразведочной партии по разведке газа. В город мы приехали 21 июня 1941 года, а 22 июня пошли в столовую обедать. Там и узнали о начале войны.

В боевых действиях начал участвовать с августа 1942 года добровольцем, в составе партизанского отряда, действовавшего под руководством Краснодарского райкома партии и входившего в состав Северокавказского фронта.

Боевой путь проходил через станицу Ильская (август 1942 года), город Туапсе (осень 1942 года).

Боевые действия закончил в апреле 1943 года в городе Ростове.

Ранения: 8 ноября 1942 года легкое осколочное ранение левой руки и контузия.

Награжден:

Медалью «За оборону Кавказа», 3№ 016563. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. Вручена 30 января 1945 года заместителем Председателя Исполкома Краснодарского Краевого совета депутатов трудящихся.

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года, вручена 10 ноября 1967 года.

Орденом Отечественной войны за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в ВОВ, № 982053, А№ 839353, награжден указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года.

Юбилейные медали: 30, 55, 60, 70, 80 лет Вооруженным силам СССР; 30, 40, 50 лет Победы в ВОВ; 850 лет Москве; медаль «Жукова».

После окончания 8-го класса в 1942 году, когда немцы уже захватили Краснодар, отец получил предписание, и мы всей семьей отправились в город Армавир. Так как в это время немцы заняли всю правобережную Кубань, то мы вынуждены были остановиться в станице Ильская у родственников. В это время в Ильской из числа рабочих совхоза и нефтяников был сформирован партизанский отряд. 30 июля мне исполнилось 16 лет, а в первых числах августа наш отряд «Иль» вышел по горной дороге вдоль реки Иль. При отступлении через Кубань наши войска понесли большие потери, и немцы, почти беспрепятственно, двинулись на Новороссийск. Мы углублялись в горы, а в этот момент немцы мчались на мотоциклах по шоссе. Они заметили наш обоз и открыли огонь. Завязалась перестрелка. Вооружение у отряда было плохое, и положение спас лес. Нам удалось оторваться от преследования немецких мотоциклистов и достичь своей базы. За нашим отрядом немцы устроили настоящую охоту. Чтобы отрезать нас от всех дорог и троп, немцы заставляли местное население вырубать лес и кустарник, создавая завалы, а потом минировали их. В основном применяли растяжки с использованием противопехотных

мин. При взрыве одной срабатывала вся цепочка. На шум выезжали немецкие отряды и своей стрельбой препятствовали выходу партизан из леса.

Во время одной из таких операций к нам присоединился Краснодарский отряд. Наш отряд был неплохо снабжен продовольствием, но была острая нехватка боеприпасов, в том числе и взрывчатки. Краснодарский отряд имел хорошее вооружение и квалифицированных подрывников. Поэтому наши отряды объединились для выполнения боевых задач. Их подрывники под нашим прикрытием минировали железную дорогу. Я был свидетелем гибели двух минеров. Им было дано задание заминировать один участок железной дороги. Но по воле случая они не успели сделать это, пошёл эшелон. Им ничего не оставалось, как взорвать полотно вместе с собой. Это был подвиг простых людей. Посмертно им присвоили звание Героев Советского Союза.

Во время операции отряд делился на две группы. Одна – основная, другая обеспечивала проход. Я участвовал и в первой, и во второй группе. Мы создавали шумовой эффект беспорядочной стрельбой, отвлекая внимание немцев. Другие бойцы производили разминирование местности для прохода остального отряда. Люди несли на себе взрывчатку, выходя то на железную дорогу, то на шоссе. Пробираться приходилось под постоянным прикрытием наших боевых товарищей.

Предгорье Кавказа было постоянным местом боевых действий нашего отряда. По горным тропам мы доходили до Туапсе. На борьбу с нами немцы посылали свои горно-егерские отряды. И нам приходилось отражать их атаки.

В 1942 году 7 и 8 ноября немецкая авиация предприняла ожесточенную атаку на наши партизанские отряды. Некоторые из них понесли серьёзные потери. В один из таких налетов при взрыве бомбы меня контузило, а осколком снаряда ранило в руку. Медсестра обработала рану, а после контузии пришлось долго отлеживаться. В 90-е годы я получил военную инвалидность 2-й группы.

С августа 1942 по апрель 1943 года наш отряд действовал под руководством Краснодарского райкома партии и входил в

состав Северо-Кавказского фронта. В дальнейшем наш отряд был расформирован, а меня привлекли на другое задание.

В конце 1942 года немцами был захвачен город Новороссийск, но дальше им не удалось пройти. Специальный отдел Северокавказского фронта привлек меня к поимке дезертиров. Нашему подразделению предстояло проверять дома и отлавливать дезертиров. После поимки их собирали на соответствующих военных пунктах. В день задерживали от 50 до 100 человек. Всех задержанных отправляли в фильтровочные лагеря. Там с ними проводили соответствующую работу: проверяли документы, если они имелись, выясняли личности задержанных, какие воинские части они самовольно оставили, имелась ли связь с немецко-фашистскими захватчиками. Так мы действовали до сентября 1943 года.

В сентябре 1943 года меня командировали в город Ростов. Постоянная тяга к авиации заставила меня подать документы в авиационный техникум на самолёто-монтажное отделение, где я начал учиться. В процессе учебы в техникуме нам приходилось работать на военных заводах города Ростова. Так, завод «Эмальпосуда», выпускающий в мирное время посуду, в годы войны производил снаряды. В 1944 году меня должны были призвать в действующую армию, так как я достиг призывного возраста. От призыва в армию меня освободили, так как я имел бронь как студент техникума. Я вернулся в техникум и с этого момента участия в боевых действиях не принимал. После окончания с отличием техникума я поступил в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Алексеева Ольга Михайловна****, студентка 1-го курса факультета двигателей летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Головач Александр Семёнович

Река чуть не становилась розовой от крови

Родился я 14 января 1920 года в Беларуссии, в Могилевской области, в Бобруйском районе, в деревне Побоковичей в Горбацевческом сельсовете. По национальности – белорус, вероисповедание – христианин.

До войны, будучи школьником, стал пионером, затем вступил в комсомол, а с 1941 года стал членом партии ВКП(б).

В 1936 году окончил школу, в 1937 году - техникум Механической обработки дерева, в январе 1941 года – военное училище с минометным уклоном в городе Лепель. Окончил я это училище в звании лейтенанта.

В армию тогда брали с 22 лет. Моя мама говорила, что я – будущий врач, но ее желание не сбылось. Я написал письмо Ворошилову, написал как доброволец, попросил взять меня в армию. Через какое-то время меня вызвали в военкомат, я прошёл комиссию, и меня взяли досрочно, несмотря на то что мне тогда не было еще 22 лет. Мама была удивлена этому, но провожала, улыбаясь.

Меня направили в кавалерийскую часть. Собрали нас человек сорок и отправили в город Кушку, в Туркмению, рядом с Афганистаном. Но там я пробыл недолго.

22 июня 1941 года я узнал о начале войны, и меня направили на Западный фронт, в крепость Ассовец. Там я попал в 404-й артиллерийский полк, где был старшим на батарее.

В том же 1941 году началось отступление через город Лепель, Витебск, вплоть до Смоленска. Отступали мы, не соприкасаясь с немцами, воевали только пограничные части.

Мне пришлось участвовать в переправе через Днепр, о которой даже вспоминать страшно. По воде плыло все: и трупы людей, и останки животных. Не только молодым солдатам, попавшим на фронт со школьных скамей, но и нам, офицерам, уже кое-что повидавшим, было жутко наблюдать ту картину. Река чуть не становилась розовой от крови живых и мертвых, а у нас даже не было возможности предать умерших земле. Но, невзирая ни на что, мы должны были идти только вперед. За нами была Родина, которую мы ни в коем случае не должны были отдать врагу на поругание!

Приходилось преодолевать даже невозможное. Так, на пути оказался склад, в котором находились модернизированные орудия и боеприпасы. Нашей основной задачей было уничтожение боевой техники врага. Склад охранялся в усиленном режиме. Командир полка Букач подобрал людей, снял основную охрану, мы взяли орудия, склад заминировали и взорвали. Отходили мы через город Лепель, к северу Белоруссии. Около него в 5-6 километрах был еще один склад боеприпасов. Так как мототехника подойти не успевала, то все орудия приходилось большей частью тащить на себе.

Так, около Пскова, в двадцати метрах от реки, был мост. Для немцев он был стратегически важен. Мост охраняли около пятидесяти немцев. Они были оснащены зенитными пушками и пулеметами. С двух сторон они вырубили лес для лучшей видимости подступа к мосту. Наша задача заключалась в ликвидации моста. Подойти к нему близко не было возможным. Поэтому для того, чтобы подобраться к врагу, нам пришлось разыграть небольшой спектакль.

Двух наших солдат (одним из них был переводчик - немец, прикомандированный ко мне) мы переодели в немецкую форму. А третьего сделали русским пленным, якобы попавшим к немцам. Это был крепкий парень, и даже его фамилия очень подходила к его внешнему виду – Медведев. Сначала для этой операции нам выдали кавказские кинжалы, но они были неудобны в применении, и мы сделали самодельные ножи.

И вот наши «немцы» с пленным вышли на открытый участок, который было необходимо преодолеть для подхода к

мосту. Настоящие немцы вышли навстречу нашей группе и стали издеваться над «пленным». А мы в это время, пока разыгрывалась эта сцена, разделились на три отряда и стали ждать подходящего момента. Медведев, наш «пленный», не выдержав, повалил немца. Это послужило сигналом к заключительным действиям, мы открыли огонь по врагу и с Божьей помощью пробились. Наша задача была выполнена – мост был уничтожен.

Отдельно хочется сказать, как приходилось преодолевать все превратности военной жизни. Продукты питания не всегда подвозили вовремя. Приходилось обходиться сухарем и двумя ложками яичного порошка в день. А молодому, крепкому парню, который отдавал все силы, при такой кормежке должен был не только крепко стоять на ногах, но и сражаться. При этом солдаты стремились не терять форму, дабы не опозорить русскую армию и весь русский народ. Солдаты всегда должны были выглядеть надлежащим образом. Они всегда были аккуратны, подворотнички подшиты. Даже в то страшное время наши солдаты не теряли самообладание и поддерживали честь мундира. Командиры, будь то генерал или полковник, относились к солдатам, как к своим детям. Для нас они были и отцом, и матерью. Это люди, которые ставили нас на ноги. Встречаясь с каждой группой, первый вопрос был: «Сыночки, как у вас здоровье? Нет ли у вас потерь?» И этим они нас поддерживали. Только так мы смогли выстоять.

В дальнейшем нас перебросили под Смоленск. Там же я получил свое первое ранение в ногу. Четыре дня я лежал без помощи, прежде чем меня подобрали и отправили на товарном составе в Москву. По дороге началась бомбежка. В поезде я лежал на верхней полке, и, услышав грохот взрывающихся бомб, я приподнялся на локтях, а в это время в вагон попали осколки от орудия. Один пролетел мимо меня всего лишь в нескольких сантиметрах. Меня спасла от смерти счастливая случайность. Уже в Москве раненых распределили по госпиталям и увезли в санитарном вагоне в город Барнаул. Там меня и лечили.

После госпиталя в 1941 году я был направлен на Северо-Западный фронт, в район Новгорода и Старой Русы. Там я провоевал до 1943 года включительно и был трижды ранен: в 42-м получил тяжелое ранение в голову, в 1943 году – легкое

осколочное ранение, в том же году - легкое ранение в левую руку при рукопашной схватке с немцем: он распорол мне ладонь ножом. Так как в это время мы были в тылу, то лечиться пришлось самому. При нас были необходимые медикаменты, первым делом я сделал укол от столбняка, ну, а все остальное – дело времени.

В том же 1943 году я получил звание капитана.

В конце мая 1944 года мне выделили новую материальную часть, машины, орудия и направили на Карельский фронт, в сторону Лодейного Поля. Здесь я был в рядах 7-й отдельной армии.

Войска 7-й армии были построены в два эшелона. В первый эшелон включались два стрелковых корпуса в составе пяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады, во второй – два стрелковых корпуса и танковая бригада.

Главный удар в направлении Лодейное Поле, Олонец, Питкяранта наносили войска нашей 7-й армии под командованием генерал-лейтенанта Крутикова. Мы должны были форсировать реку Свирь, прорвать вражескую оборону и разбить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами. Был обнаружен отход врага, это был конец июня, и мы получили приказ о преследовании противника. Вскоре мы форсировали Свирь, прорвали главную полосу вражеской обороны на участке шириной где-то около километров 12 и продвинулись до 6 километров. Противник оказывал упорное сопротивление, но в конце концов отступил на вторую оборонительную полосу. Но наши боевые действия при прорыве второй полосы обороны затянулись, так как финны минировали и разрушали дороги, взрывали мосты. Ко всему следует добавить недостаток в управлении войсками, задержку переправы через реку Свирь военной техники. Казалось, что прорвать оборону невозможно. Мы несколько дней делали вид, что наступали 70-150 самолётами и бомбили передний край. Но мы сделали то, что должны были сделать. После трудных и продолжительных боев мы взяли врага в кольцо и уничтожили их.

Также мне пришлось участвовать в освобождении района возле города Никеля. Там, в горах, были прорублены туннели, в которых немцы установили пушки. Туда можно было добраться по одной-единственной дороге от Мурманска до Киркенеса. Эта дорога была настолько узка, что на ней умещалась

лишь одна машина. Только через километр она расширялась. Но немцам все равно некуда было деваться, они даже не могли уйти пешком. Тракторы сталкивали немецкую технику в обрыв. Немцы были уничтожены.

В этой гористой местности была одна загадка: создавалось такое впечатление, что здесь рубили камни. Если сядешь на камень, то встанешь мокрым. Вот только каким образом туда попадала вода – неизвестно…

После перемирия с Финляндией меня перебросили в Мурманск и направили в Норвегию, в район Киркенеса. Там я и пробыл до конца войны.

Вскоре после окончания войны я демобилизовался по инвалидности. А в 1946 году мне дали вторую группу инвалидности без права на труд.

За время войны я потерял очень близких мне людей. Погибли мой отец, дядя, оба двоюродных брата. Они тоже воевали, как и все остальные. Люди совершали подвиг. Они умирали, но не сдавались. Сознание своего долга перед Родиной заглушает и чувство страха, и боль, и мысли о смерти. Русский народ знал и понимал, что необходимо победить это черное зло, эту жестокую, свирепую банду убийц и насильников, иначе они поработят весь мир. Тысячи людей не щадили себя, отдавали свои жизни за правое дело. Поистине героическим трудом народа – от малых ребят до убеленных сединами старцев, от милых девчушек до глубоких старух – было сделано это «кое-что», а точнее – все для Победы. Вот такие люди и победили фашизм.

Война – это большая беда для любого человека. Так было во все времена. Это всеобщая беда, сплачивающая народ в единое целое. В такие времена люди забывали о своих личных проблемах, объединялись и делали все для победы над врагом, был ли это Батый или Гитлер. Находились во все времена предатели и трусы, но это была капля в море. Великая Отечественная война была испытанием из испытаний. И сколько бы лет ни прошло, она останется в памяти людей, переживших ее, в памяти их потомков, так как человеческая память не умеет молчать, а те, кто ушёл,

…кричат и будят нас, живых,
невидимыми, чуткими руками.

Они хотят, чтоб памятником им
Была Земля с пятью материками…

Егор Исаев (Суд памяти)

В моменты грусти и тоски по дому приходили на ум следующие строки:

Когда я вдруг упал под месяцем,
Уже не слыша визга мин,
Почудилось – мать хлебы месит
И в тесто подсыпает тмин.
Когда очнулся я под месяцем
И рану зажимал рукой,
Стал голосок зарянки грезиться,
Совсем, как в детстве за рекой.
Когда я бредил там, под месяцем,
И смерть не отступала прочь –
Со мною рядом – жизни вестница –
Травинка проросла в ту ночь.
А над кроваво-ржавым месивом
Рассвет взял ночи рубежи.
Быть может, оттого под месяцем
Я и остался жить.

Рядом со мной находились настоящие патриоты. Слово «патриот» тогда звучало набатно, и оно было мерой гражданской доблести каждого. Тогда, в те суровые, голодные и холодные годы послевоенной разрухи и запустения, не находилось охотников бежать за сытным куском на поклон к богатым западным соседям. Слишком свежи еще были в памяти чадные трубы печей крематориев в нацистских концлагерях, переводивших на сажу и пепел миллионы человеческих душ. Страна, закрывшая своей грудью обреченную Европу, развеявшая черный кошмар фашизма, пожинала заслуженную дань восхищения, уважения и восторга народов земного шара.

К сожалению, о некоторых событиях я не имею право рассказывать.

Награды

- орден Красной Звезды, № 52124,
- орден Красной Звезды, № 702953,
- орден Отечественной войны 2-й степени, № 250419,
№ 143593, 20 августа 1946 г. А.Горкин,
- орден Отечественной войны 2-й степени, № 537865, 11 марта 1985 г.,
- орден Отечественной войны 1-й степени, № 501680, 11 марта 1985 г.,
- медаль «Жукова», № 0684626, 19 февраля 1996 г.,
- медаль «За участие в героической обороне Советского Заполярья», № 004848, 10 июня 1945 г.,
- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945гг.», № 00009011, 18 июня 1945 г.,
- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», № 5594148, 11 апреля 1966 г.,
- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», 14 января 1976 г.,
- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», 7 мая 1985 г.,
- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», № 12498568,
- юбилейная медаль «50 лет Вооруженных сил СССР», 2 апреля 1969 г.,
- медаль «70 лет Вооруженных сил СССР», 23 февраля 1988г.,
- знак «Фронтовик 1941-1945 гг.», 9 мая 2000 г.,
- медаль «В память 800-летия Москвы», №017799, 10 мая 1948 г.,
- медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», 1 апреля 1970 г.,
- знак «Победитель Социалистического Соревнования 1973г.», 28 марта 1974 г.,
- знак «Победитель Социалистического Соревнования 1980г.», 20 февраля 1981 г.,
- памятный знак «Участник Парада 9 мая 2000 г.»,
- медаль «Ветеран труда», № 11 29 января 1988 г.,
- медаль «За трудовое отличие», №040238, 29 апреля 1983г.

Удостоверение к знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне. За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне».

Пригласительный билет № 0397 на прием в честь участников Парада Победы 25 июня 1945г.

И в завершение всего хотелось бы сказать, чтобы молодое поколение прислушалось к совету: сохраните честь вашу, отсюда вы приобретете человеческое достоинство.

С каждым годом наш мир удивительный,
С каждым годом стремительней сны,
С каждым годом невесты пленительней…
Только б не было больше войны.
Стала музыка нашим подобием,
И слеза посреди тишины
Прошептала над ранним надгробием:
«Только б не было больше войны».

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Большенко Ирина Сергеевна****, студентка 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Графчев Пётр Иванович

Голод заглушали куревом

Родился я 1 декабря 1923 года в селе Нижнее Аблязово, Кузнецкого района. Пензенской области.

В 1934 году окончил четырёхлетнюю школу в селе Нижнее Аблязово. Образование 4 класса. До войны работал в колхозе «Красный пахарь». Работал в поле, пас телят.

О начале войны узнал по радио 22 июня 1941 года. Было воскресенье. Утро. Министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов сообщил о нападении немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз.

В августе 1941 года сельским Советом был объявлен набор молодёжи на строительство мартеновских печей на Урале. Именно там создавали большой тыл. Сюда были эвакуированы все заводы и фабрики. Мы, семнадцатилетние мальчики, попали в этот набор и были отправлены в город Нижний Тагил. Доменные печи возводили специалисты, а мы им помогали. Жили в общежитии на окраине города.

Через два года, в августе, проходил очередной набор на войну, и я пошёл добровольцем. На грузовике добрался до города, и 28 августа 1943 года Нижнетагильским военным комиссариатом был призван в армию. Из военкомата нас отвезли в какой-то небольшой город. Собралось нас семьдесят шесть человек со всего Советского Союза. Медкомиссию прошли быстро. Доктор, придерживая голову, просил открыть рот, за-

крыть рот, спрашивал, на что жалуемся, и всё. «Годен» - таково было решение комиссии, а мы другого и не ждали.

По железной дороге прибыли на станцию Домантово (на Урале). Там стоял какой-то стрелковый полк, и шло его формирование (к сожалению, фамилию командира полка не помню). Я попал в снайперы. В отделении 12 человек, среди них один снайпер. Получил военную форму и две недели привыкал к снайперской винтовке. Она увеличивает и приближает в 10 раз, потому было необходимо приспособиться к ней, приобрести навык пользоваться ею. В августе 1943 года был зачислен в 86-й гвардейский стрелковый полк в воинском звании рядового на воинскую должность миномётчика 82-миллиметрового миномёта в составе 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Николая Фёдоровича Ватутина. 5 декабря принял присягу на верность Родине. Когда наш полк был сформирован, мы по железной дороге отправились на фронт.

В боевых действиях начал участвовать 20 августа 1944 года в воинском звании рядового в составе 1-го Украинского фронта, которым в это время командовал Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Я охранял полк, но вскоре был поставлен на должность миномётчика, потому что в очередном бою много солдат погибло, и нами пополняли полк. Снайпером практически не был, то пулемётчиком, то миномётчиком был. Н. В. Ватутин командовал нашим фронтом очень мало, потому что в апреле 1944 года он был тяжело ранен, самолётом отправлен в Москву и 15 апреля 1944 года умер в московском госпитале.

Боевой путь через: Яссы, Кишинёв (август 1944 года), город Белозерье (лето 1944 года), город Болотон (лето 1944 года), сёла Ворониевка и Петропавловка (осень 1944 года), река Днепр (осень 1944 года), город Смелый (осень 1944 года), река Днестр (осень 1944 года), река Дунай (осень 1944 года), город Сороки (осень 1944 года), река Буг (поздняя осень 1944 года), город Секешфехервар (январь 1945 года), город Бички (зима 1945 года), город Будапешт (зима 1945 года), город Вена (апрель 1945 года).

Освобождал города Яссы, Кишинёв 20 августа 1944 года в составе 1-го Украинского фронта под командование генерал армии Н.Ф. Ватутина.

Город Болотон летом 1944 года в составе пехотного полка 2-го Украинского фронта под командование маршала И.С. Конева.

Село Белозерье летом 1944 года в составе пехотного полка 2-го Украинского фронта под командование маршала И.С. Конева.

Сёла Вориниевка и Петропавловка осенью 1944 года в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Смелый в 1944 году в составе пехотного полка 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Сороки в 1944 году в составе пехотного полка 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Секешфехервар в январе 1945 года в составе 62-й гвардейской Краснознамённой дивизии имени Кутузова в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Бички в январе 1945 года в составе 62-й гвардейской Краснознамённой дивизии имени Кутузова в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Будапешт в январе 1945 года в составе 62-й гвардейской Краснознамённой дивизии имени Кутузова в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Город Вена в апреле 1945 года в составе пехотного полка 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

Фамилии командиров роты, полка, дивизии не помню.

Военный действия закончил в Австрии, в деревне (не помню название) в мае 1945 года в воинском звании рядового на воинской должности автоматчика в пехотном полку имени Кутузова в составе 2-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. После войны наша дивизия была расформирована, наше знамя 62-й гвардейской Краснознамённой дивизии имени Кутузова было отправлено в Москву.

Осенью 1944 года был контужен во время бомбёжки неподалёку от села (название не помню). В госпитале не был.

Демобилизовался 12 марта 1947 года из Венгрии, где служил после войны. Вышел приказ Шверника о том, чтобы демобилизовать всех оставшихся в живых 1923-1924 года рождения, так как часть солдат этих лет демобилизовали сразу: врачей, учителей, других специалистов, необходимых для восстановления разрушенного хозяйства. Нужно было сделать всё для нормальной жизни.

Возвращался из Венгрии, где проходил службу в воинском звании младшего сержанта на должности командира отделения тяги в составе Центральной группы войск под командованием маршала И.С. Конева, командовавшего Центральной группой войск. В моём подчинении были молодые солдаты и пять машин. Обучал я ребятишек тому, как нужно работать на этих машинах.

После выхода приказа о демобилизации 18 суток возвращался домой по железной дороге. 1 апреля 1947 года прибыл в Кузнецк. Работать был принят в колхоз «Красный пахарь», в селе Нижнее Аблязово. Зимой был рабочим, а летом – землю пестовал.

На моей груди звенели медали, украшая китель.

Медаль «За взятие Будапешта».

В начале весны наш полк подошёл к Будапешту. Город разделён на две части: Буду и Пешт. Кругом горы, сторожки. Одну сторону - Буду взяли с боями сразу, а вторую - Пешт брали целый месяц. Немец стянул сюда большое количество войск и техники. Это был важный узел обороны немцев, имевший стратегическое значение. Приходилось сражаться за каждый метр, за каждый дом. Но стойко стояли. Медленно, с большими потерями мы продвигались вперёд.

Люди здесь нехорошие. По улицам нельзя было ходить в одиночку (пойдет один и исчезнет). Были случаи, когда солдаты пропадали без вести. Каждый двор, подворотня готовили гибель для солдат. Обидно, вроде бы не на передовой, а столько семей не дождутся мужей, отцов…

Медаль «За взятие Вены».

Красота и доброта. Эти слова дополняют друг друга.

Вена - очень красивый город, и люди там доброжелательные, общительные.

Предоставляли нам тот комфорт, который могли: тепло, крышу над головой, еду. Но об этом мы узнали чуть позже. А впереди туннель. Высокая дорога, насыпь, железная дорога. Кладбище. Вена. Город как бы разделён на три части. Мы брали две части: кладбище и Вену. Полдень. Стоим за железной дорогой в ожидании приказа. Из-за горизонта показался немецкий самолёт. Мы спрятались за насыпью. Самолёт невысоко пролетел над нашими позициями и, не сделав ни одного выстрела, улетел обратно. Больше в небе не появилось ни одного вражеского самолёта. Ходили слухи, что у немцев закончилось горючее. Вскоре мы получили приказ о наступлении и отправились в путь. Кладбище взяли сразу. Запомнился мне музыкальный инструмент - орган, который здесь стоял. Затем пошли на город Вену. Она стоит почти вся по одну сторону Дуная. В город входили с двух сторон. С одной стороны 2-й Украинский, а с другой – 3-й Украинский фронт. Город взяли быстро, потому что немцы уже отступили от города. После взятия Вены 2-й и 3-й Украинские фронты соединились.

Медали вручил командир полка, в котором служил я, на территории Венгрии.

Медаль « За победу над Германией».

Число наград увеличивалось со временем, но уже за трудовые успехи. Значок «Победитель социалистического соревнования 1975 года». Медаль « Ветеран труда» говорит сама за себя. В мирное время не забыло правительство боевые заслуги мои. Нашли меня и юбилейные медали. Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Указ от 5 мая 1975 года. Вручена в г. Кузнецке «Медаль 40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Указ от мая 1985 года. Вручена в городе Кузнецке «Медаль 50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Номер награды Н № 11629048. Вручена в Кузнецке «70 лет Вооружённых сил СССР». Указ от 20 декабря 1988 года. Вручена в городе Кузнецке от имени Президента Верховного совета СССР».

А указом от 19 января 1996 года награжден медалью «Жукова». Номер награды А № 0023085. 9 мая 2000 года генерал армии В. А. Говоров подписал указ о награждении знаком «Фронтовик 1941–1945 гг.»

К каждой награде выдавалось удостоверение, а вот о его необходимости не знал, отдал детям играть.

Получил я и медаль «За отвагу». Но при возвращении домой в Нижнее Аблязово на радостях оставил планшет. А там в машине, на которой добрался до села было удостоверение и на последнюю боевую награду. Не зарегистрировал её наличие и в военкомате. Заслужил её, а в наличии нет – обида берёт.

Повезло мне, здоровым вернулся с фронта. Обошла беда и всех родственников моих, все вернулись с фронта. Брат мой - Василий Иванович, 1919 года рождения, служил в Мачжурии, участвовал в войне с Японией. О его наградах, к сожалению, сказать ничего не могу, жить бы ему еще, но прожил он неполных 50 лет.

Собственных публикаций не имею.

Ясско-Кишенёвская операция

В город Яссы я прибыл 20 августа 1944 года. Три месяца наше соединение стояло в обороне. Было сосредоточено здесь много орудий. На 1 квадратный километр установлено 1000 стволов (орудий) – миномётов и пушек. Немецкий самолёт прилетал, и его бомбы сразу попали в цель. Ждали приказа наступления. Думаем, что же это такое? Наши гибнут зря. Приказа стрелять не было. Когда же, наконец, двинемся вперёд? Я был наводчиком на 82-миллиметровом миномёте. Штаб полка находился от нас далеко. В ожидании приказа сидели в окопах.

Когда началась артподготовка, старшина принёс нам махорку, называлась она «машок». Не успел он обойти всех и дать её солдатам, как был получен приказ «вперёд!» Произошёл прорыв.

Был солнечный день. Не прошло и часа, как солнце скрылось, и наступила ночь. Огневой вал составлял 15 километров. Участвовали танки и пехота. Когда загрохотала артиллерия, начали все стрелять. Всё смешалось. Потом самолёты обрушили бомбы на немецкие позиции. Затем вперёд пошли танки, а за ними была поднята пехота. Передо мной открылась страшная картина. Земля была вся перевёрнута, словно трактором её только что вспахали. Повсюду лежали немцы. Кто полностью погребён землей, кто наполовину, у кого торчала только голова или часть головы, или рука. Многие из них не были убиты, а либо контужены, либо ранены. У кого-то были оторваны

уши, руки, у кого-то не было глаз. Много трупов валялось в невысоком кустарнике, который здесь рос. Когда взяли город, нашли трупы наших лётчиков и самолёт, который за день до этого боя был сбит. Трупы сильно обезображены немцами.

Выиграл русский солдат в этом бою. Но какой ценой досталась эта победа! Погибло под городом много наших бойцов. Не исчезает из моей памяти гибель солдат соседнего орудия. Глупая смерть. Во время артподготовки при зарядке, из-за спешки, орудие взорвалось. Поторопились, орудие ещё не выстрелило, а они уже заряжали его второй миной. Раздался сильный взрыв. И орудия, и солдат, как будто и не было, осталась лишь глубокая воронка

Пленных не брать

Город Балатон. Помнится лето 1944 года. По лесу прошли спокойно. Кругом тихо, деревья шелестят, птицы поют… Будто нет войны! Появилось кукурузное поле, зеленое, необъятное. На окраине леса никого. Вдруг тишину нарушает пулеметная очередь. Колеса грузовиков были пронизаны пулями. Солдаты спрыгнули с них, залегли. Откуда немцы? Здесь глубокий тыл. По приказу командира мы окружили поле кукурузы. Врагу было некуда деваться, выходили вражеские солдаты, в основном офицеры. Оказалось, что они попали в окружение, спрятались, затаились, но сами себя и выдали. До самого обеда расстреливали немцев группами по 10-20 человек. Был в моей роте младший лейтенант. (Фамилии не помню.) Немцы расстреляли его родителей. С какой жесткостью он приводил приказы в исполнение. В глазах ярость, ненависть, а на лице - боль.

После обеда поступил приказ: прекратить расстрел. Оставшихся в живых, а таких была не одна тысяча, взяли в плен и отправили в тыл.

А сами разбили палаточный городок, расставили караулы по два человека. Каждый час происходила смена караула. Моя очередь была глубокой ночью. Звезды светили, было тихо. Вдруг услышали непонятный звук, как будто кто-то ходит по полю. Мы открыли огонь. За считанные секунды все солдаты с автоматами выбежали из палаток. Ответной стрельбы не было. Шорох прекратился. Я с товарищем, продолжая стоять в ка-

рауле, думал: «Что же там было? Мы не могли ошибиться. Посторонний звук мы слышали хорошо». Велико же было наше удивление, когда на рассвете мы увидели в кукурузе трупы откормленных немецких лошадей.

Выручая курсантов–летчиков

Помню, стояли под Балатоном на пополнении. Командование вывело курсантов–летчиков летать на самолётах над озером. Наши «илы» с курсантами поднялись в небо. Неожиданно появился немецкий «ястреб». Летчики наши, конечно не видели. Мы с земли стали кричать своим, махать руками, указывая на вражеский самолёт. Но, увы, наши летчики не слышали нас. «Ястреб» стал обстреливать наши «илы». Самолёты начали падать в озеро один за другим. Наконец-то на подмогу прилетел наш истребитель. Завязался воздушный бой. «Ястреб» был подбит. Немецкий самолёт загорелся и начал резко падать, но в самый последний момент фашист направил машину вверх. Мы поняли, что, падая вниз, он сбил пламя и продолжает борьбу за высоту. Наш самолёт загорелся и начал падать. Летчики успели выброситься с парашютами, прежде чем истребитель упал в озеро. Мы с земли наблюдали за воздушным боем, но бессильны были помочь. А «ястреб», сделав три круга над парашютистами, улетел к себе. Мы вначале не поняли, почему немец не стрелял в летчиков, а только кружил около них. А потом догадались: он создал воздушную волну и тем самым угонял их к немцам. И ему это удалось. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

Приказы надо выполнять

На войне помнится каждое село, через которое шёл твой полк. Село Белозерье на Украине протянулось на 12 километров. Одна улица. Враг занял село, немцы на окраине вырыли траншею. Село стояло на пригорке, поэтому хорошо просматривалось. Внизу села проходила железная дорога, она отделяла фронт от тыла. До этого мы брали город Смелый, в бою были убиты командиры, старшими по званию остались старшина и я. Наши солдаты заняли окопы. Нам было необходимо пополнение, нужно было принести и провиант. Куча земли перед

окопом и заброшенный домик на окраине стали ориентиром для возвращения. Но за то время, пока мы ходили, траншею заняли немцы, о чем нам было неизвестно. Вылезли мы из-за железной дороги, прошли 50 метров, спустились в траншею. Только поднял лейтенант голову, а перед глазами – пулемет. В воздухе летели ракеты, они падали справа и слева, 5 метров от дома, на плечах термос с обедом. Нас стали окружать, предложили сдаться в плен. У нас автомат, две гранаты и пистолет. Лейтенант оценил ситуацию, поставил нас в метре от себя и говорит: «Слушайте меня. Я подниму руку, вы зарядите курок, махну - вы стреляете». Мы выполнили его указание, а в это время он бросил гранату воспользовавшись паникой среди немцев, быстро добежали за железнодорожное полотно и в окоп к нашим. Два раза мы брали эту траншею и два раза отдавали немцам.

Помню, сидим в километре от села, ждем пополнение. Едет кухня, везет завтрак для солдат. Пулеметная очередь из дома на окраине убила лошадь и одного солдата, второй – тяжело ранен. Он долго кричал: «Помогите». Голос его становился все тише и тише, а потом вовсе замолк. Местность здесь хорошо просматривалась немцами, и они постоянно стреляли, нельзя было поднять голову, к пулемету не приблизиться. Поэтому командир не пустил под огонь, под пули. Днем командир никого не отпустил, а вечером, когда стемнело, мы подползли к раненому, он был мертв. А утром пришло пополнение, и в третий раз пошли в наступление. Уничтожили немцев в траншее, затих пулемет в доме, и двинулись мы на само село. Освободив Белозерье, я вернулся к одиноко стоявшему домику. Пулемет разбит, два трупа около него, а рядом валялись котелки и хлеб. Завтракали они, поэтому не заметили нас.

В этом бою мы взяли в плен немецкого генерала, а охранников его убили.

Не стирается из памяти молодой солдат, которого видели, когда возвращались в полк. После разрыва бомбы забросало его землей, так и погиб с открытыми глазами.

Освобождение наших сёл

Была осень. Наши войска продолжали освобождать города и села. Мы подошли к Петропавловке и Ворониевке, располо-

женным недалеко друг от друга. Бой был за оба села одновременно. Впереди долина метров двести. Немцы расположились на бугре. Мы форсировали небольшую речку вброд. Шли почти под водой. Вышли – и сразу в бой. Погибло очень много солдат. Наш натиск враг не выдержал и отступил. В этом районе много было ветряных мельниц. Немец отступает, оставляя на мельницах своего снайпера или пулеметчика. Много однополчан гибло от их пуль.

А вообще, весь мой боевой путь состоял в преследовании немцев. Они отступали и образовывали свой фронт. С тяжелыми боями, ценой огромных потерь приходилось брать все населенные пункты.

Помню, в Петропавловке и Вороневке пропала одна рота. Никакой связи с ней нет. Кругом немцы. Нас втроем из роты – младшего сержанта, одного солдата и меня - послали с донесением в штаб. Получили приказ: во что бы то ни стало, любой ценой доставить донесение.

Дома - мазанки стояли друг от друга в десяти метрах. Нужно было перебегать от дома к дому по цепочке. Первым побежал младший сержант. Несколько перебежек, и он был убит снайпером. Второй солдат дополз до него, забрал донесение и тут вражеская пуля настигла и его. Наступила моя очередь. Подбежал к убитому солдату, схватил донесение и быстро за кучу камней, лежащих между домами, спрятался. Я едва успел спрятаться, как слышу свист пули. Притаился. Думаю, стемнеет и я отправлюсь дальше, иначе приказ не выполню. Когда стемнело, я снял котелок, который был у меня на спине, посмотрел и увидел в нем дыру. Значит, снайперская пуля все – таки попала в меня, но котелок спас. Я короткими перебежками, от дома к дому стал продвигаться вперед. Но тут подошла 1-я рота. Я доложил, что послан с донесением, но его не удалось пока доставить в штаб, и пошёл с ними. А по дороге мы встретили пропавшую роту.

В Вороневке на поле заметил убитого немца. На нем были хорошие сапоги. Я решил снять их и забрать себе. Когда полез за ними, то с ветряной мельницы в меня стали стрелять. Уползти мне удалось, спас свою жизнь.

Да, война – это тяжелые кровопролитные бои, решающие сражения. Об этом должно помнить подрастающее поколение.

Навечно в их сердцах должна сохраниться память о тех, кто подарил им счастливую мирную жизнь.

86-й стрелковый полк

После освобождения украинских сёл Ворониевка и Петропавловка я попал в лес. Недалеко от города Смелый наш 86-й полк оказался в окружении. Днём сидели тихо, из окопов не выглядывали. Впереди на сопке немцы… Кругом немцы. В нашем полку было шесть лошадей. Продуктов питания у нас не было. Голод довёл нас до того, что пришлось зарезать лошадей и съесть мясо сырым, так как костры жечь было нельзя. Находясь в окопах, мы увидели, что проезжает немецкая походная кухня в одну сторону, через некоторое время едет обратно. Наверное, покормили своих. А мы голодные смотрим на удаляющуюся повозку. Ночью втроём с капитаном решили выйти из леса. Ещё днём мы приметили один дом. Может быть, удастся достать хоть какую-нибудь еду. Приблизившись к этому месту, мы увидели, что дома уже нет. Один солдат, сделав очередной шаг, говорит: «Вроде бы, там пусто». Мы подошли к нему. Постучали ногами, действительно под досками ничего нет. Быстро подняли доски, там оказалась яма с картошкой. Так мы картошку эту взяли всю и съели сырой.

К нам из тыла было послано два танка: один - со снарядами, другой - с продуктами. А дошёл только танк со снарядами. И мы опять остались без еды. Голод заглушали куревом. Курим в окопах. И так прошло 8 дней, а для нас вечность. Когда и махорка закончилась, нас всех собрал командир и говорит: «Ну, хлопцы, давайте к своим пробираться. Либо в бою умереть, либо от голода». Он расставил нас в ширину, на расстоянии трёх метров друг от друга, и мы пошли наугад. Дошли до дороги, увидели красный кабель. Перерезали его, он оказался немецким, и пошли дальше. Кончился большой лес. Впереди низина с редким кустарником, а затем фашистские змеевидные траншеи, в которых находились немцы. Мы шли дальше. Немцы от неожиданного нашего появления начали выходить из окопов. Мы стреляли в них в упор.

Запомнился мне лейтенант Зверев. Он отличался особой жестокостью. У него мать и отца, всех его родных немцы повесили, потому что они были евреи. А мы знаем, как обраща-

лись и относились фашисты к евреям. Он с окаменевшим лицом, со взглядом, полным злобы и душевной боли, из автомата расстреливал всех. Лейтенант отомстил за всех своих родных. Только одному немцу удалось убежать. Он вначале притаился, и мы приняли его за убитого. А он встал и побежал. Добежит до сосны и спрячется. Прячась за сосны, он сумел убежать.

Когда в траншеях все фашисты были убиты, мы двинулись дальше, спустились вниз, где рос мелкий кустарник, а там были наши. Но тут возникла проблема. Они нас не подпускают к себе. В это время в лесах было много «власовцев», которые так же, как и мы кричали « За Сталина!», «За Родину!» (хотя не понятно, что они понимали под этим словом). Началась перекличка между командирами.

Пока наш командир не ответил на вопросы и не назвал номер нашей дивизии, номер полка, фамилии, имена, отчества и звания наших командиров, мы оставались на месте. Только после такого допроса нас пропустили к себе, затем накормили и напоили.

Мы продолжали свой боевой путь по Украине.

Форсирование рек с ходу

Поздняя осень 1944 года. Переправились кто на чём: на самодельных плотах (несколько сбитых досок), надувных резиновых лодках. Немецкая авиация вела сильные бомбардировки. С берега палили пушки, а мы продвигались вперёд. Упадёт бомба, большой волной переворачивает лодку, и она с орудием уходит под воду. Кругом только слышится: «Мама!». И тянет в пучину живыми. Шинель мокрая. Достигнув берега, сразу вступаешь, если останешься жив, в бой. Много полегло солдат. Мокрая шинель замерзала, вставала комом. Так и погибал наш брат: если не на передовой, так от условий фронтовых.

Лекарь-капитан

Немецкая артиллерия бомбила осенью 1944 года небольшой населенный пункт. Бомба упала неподалеку, взрывной волной меня далеко отбросило, получил контузию. Оглох, по-

терял речь, слух… В то время не все бойцы ложились в таких случаях в госпиталь. Так и я поступил. Самому смешно было: руки, ноги работают, голова думает, а вокруг тишина неимоверная, травинка не шелохнется. Вылечил меня наш командир, как-то неожиданно, сразу.

Бой унес десятки солдат, мы ждали пополнение. Как-то пришлось переходить на противоположный берег в деревушку, на пути мосток был, так, небольшой переход в две доски. Идем через переправу друг за другом, по одному. Командир роты шёл сзади меня. На середине речки столкнул он меня в воду. Речка неглубокая, но я ушёл под воду с головой, а вода ледяная. Вынырнул я, да как закричу. Кричал, выкарабкиваясь на берег. Вода стекает, холодно… Ребята помогли, переодели, выпить для согрева дали. Закурил я, да вслух и высказываю свою обиду капитану. Так осенняя вода меня от глухоты вылечила, речь вернула. Решил я, что капитан «владел искусством таким» - вылечивать бойцов после контузии. На войне, брат, всему научишься.

На венгерской земле

В памяти моей сохранился большой и красивый венгерский город Секешфехервар. Перед городом около 5 километров чистой равнины, 7 железных дорог вели к нему. Насыпь метровой высоты, за которой прятались мы. Это был важный стратегический пункт. Было здесь сосредоточено большое количество наших зениток, а взять город никак не могли. Немцы прочно удерживали свои позиции. Брали два раза. Первый раз с тяжелым боем, с огромным числом погибших и раненых. Немец отступил. В городе у немцев был большой хорошо оборудованный госпиталь. В нем мы и разместили своих раненых, а их было около трех тысяч. Не успели мы укрепить свои позиции, как в воздухе появились немецкие самолёты. На нас обрушилась атака с воздуха, затем пошли танки. Мы вынуждены были отступить за насыпь. Внезапно наступила тишина. Не раздавалось ни одного выстрела с немецкой стороны. Тишину нарушил чисто русский, приятный женский голос, раздавшийся из громкоговорителя: « За что воюете вы? Гибнете за что? Сдавайтесь». Обещала нам еду, тепло и жизнь сохранить. Затем раздался голос предателя, бывшего генерала Вла-

сова. Он говорил долго, обливал нашу страну, наше руководство грязью, расхваливая при этом всех фашистов и самого Адольфа Гитлера. Говорил о том, как им, «власовцам», хорошо теперь с немцами.

В течение двух часов говорил он, и было затишье с обеих сторон. В это время наш полк получил дополнительно еще артиллерию, зенитки, пришло пополнение, и снова готовы были в бой.

Получили приказ «Вперед», началась артподготовка. Все зенитные установки ударили по городу. Содрогалась земля. Мы взяли его во второй раз и больше его немцам не отдали. Когда город взяли, сразу двинулись в госпиталь, где оставались наши раненые, мы не смогли их вывезти. Отступление было внезапным. Они были все мертвые. У немцев не было времени для расправы с ними. Постаралось местное население. Облили раненых бойцов кипятком и расстреляли.

Очень много наших солдат погибло здесь, безымянными остались их могилы. Дорогой ценой достался нам этот город.

Но война продолжалась, и мы преследовали немца дальше.

Помню, была недалеко от города сопка. С нее видно как на ладони. Фашисты при отступлении оставили на ней одного пулеметчика. К нему невозможно было подойти ни с одной стороны. Противник все дальше и дальше отходит, а мы стоим на месте. Невозможно обойти сопку. Немец строчит из пулемета непрерывно во все стороны. Длилось так целый день. А потом пулемет замолчал. Полк сразу двинулся вперед. Поднявшись на сопку, увидели гору гильз. Мы догадались, что последний патрон он использовал для себя. Только утром мы узнали, что это был русский, служивший у Власова. Как он мог нажимать на курок?

Вылазка за «языком»

Венгрия. Город Бички. Зима 1945 года. Стояли в обороне несколько дней. Наш полк комплектовался. Через город протекала небольшая речка. Свободного времени много. С местными жителями у нас завязалась дружба. Они относились к нам приветливо. Кормили нас и поили. Спали мы в домах. Местные жители сказали: «Садитесь в лодку и плывите через речку». Показали дом, в котором есть вино. Мы со старшиной

взяли канистру, сели в лодку. Переправились через реку. Зашли в этот дом. А там много бочек с вином. А бочки эти огромные, размером с комнату. Мы заполнили канистры и опять тем же путём к себе в полк. Как опустошили канистры, опять в путь, а они кончались быстро, солдат-то много. В третий раз, едва успели после очередной поездки дойти до дома, где мы остановились, как нас со старшиной вызвали к командиру. Мы получили приказ во что бы то ни стало доставить живого «языка». Мы надели белые маскировочные костюмы и отправились на задание в тыл врага. Подошли к какому-то селу, находившемуся недалеко от города, залегли и стали ждать. Белые костюмы сделали нас незаметными. И немцы нас не обнаружили. Ночь пролежали на снегу, всё высматривали. Недалеко проходила протоптанная на снегу дорожка. Смотрим, идёт по ней немец, тоже в белом костюме и несёт завтрак. За спиной у него канистра, в руках фляги. Он нас не заметил. Мы решили его пропустить. А когда он шёл обратно пустым, мы его поймали. Интересно было то, что он не сопротивлялся, не кричал. Так и осталось для нас непонятным его поведение при пленении. Доставили мы «языка» в штаб полка, сдали командиру. Нам за этого немца дали десять суток отдыха. А потом опять пошли вперёд, освобождать другие города и сёла.

Победа

Мы стояли в одном из городов Австрии, куда были вызваны на пополнение. После комплектования получили приказ о переброске нашего полка, в направлении Кёнигсберга. Фронт был далеко, и мы направились туда. Остановились на ночь в небольшой деревушке. А утром пришёл командир и сообщил, что Германия полностью капитулировала, объявлена Победа. Со всех сторон раздавалось: « Ура!». Какая это была радость. На глазах слезы, на лицах улыбки.

Трое суток нам дали отдыха. Разрешили пить вино. Кругом слышался смех. Всюду крики: «За Победу!», «За наших солдат!», «За Сталина!». Впервые за всю войну я услышал смех, видел веселые лица и слезы радости. А в небе наши самолёты-вертушки выполняли мертвые петли.

Прошло трое суток. Выяснилось, что мы стоим на американской территории. Нас переправили в Венгрию, в распоряжение маршала Конева, где я продолжил службу.

После расформирования нашей дивизии наш полк со своими машинами ещё три месяца находился в лесах Венгрии. А у нас в полку были наши ЗИСы-5 и американские «студабеккеры». Командиром полка был старший лейтенант. Мы должны были продать машины. Приезжало много покупателей. Но все хотели купить только «студабеккеры», а наши ЗИСы никому не нужны были. Тогда наш командир сказал: «Если берёте, то берите все машины». Наконец весь транспорт был продан. А наш полк попал в 18-ю дивизию Центральной группы войск в Венгрии.

Встреча с маршалом Коневым

Случались на войне незабываемые встречи. Дивизия наша была расформирована, но я продолжал служить в Венгрии, в Центральной группе войск. Налаживалась мирная жизнь. Трудно было в Советском Союзе с продовольствием, но в армии бойцов старались не обижать. Вскоре положение изменилось, продуктов выдавали меньше и худшего качества.

Был среди нас сержант, грамотный парень. Он - то и написал маршалу Коневу о питании, об отношении к нам командиров.

Через короткий срок в полку появилась группа из двадцати незнакомых человек, без ремней и пистолетов. Не докладывая о себе и не спрашивая разрешения, они появились в столовой. Один из них попробовал у нескольких солдат еду, а последнее время кормили нас одной рыбой. Закончился обед. Построили нас - солдат, старшин и офицеров, причем всех отдельно, так, чтобы не слышали друг друга. Вопрос был один: “Чем вас кормят?” Закончился день. Прошла ночь. Утром видим, что у нас командирский состав весь сменился, ни одного знакомого офицера. После этого кормить нас стали лучше, да и отношение между солдатами и командирами потеплели.

Домой

День 12 марта 1947 года был незабываемым. Вышел приказ об увольнении в запас. На перроне нас ждал грузовой со-

став, вагоны тогда назывались «телячьими». Командиром у нас был доктор, к тому времени он имел звание капитана. Ему был предоставлен отпуск, и ждал его дом в далекой Сибири. Он-то и устроил меня в санитарный вагон. Пусть матрацы в нем набиты соломой, но условия здесь были лучшими, так как здесь ехали и больные. В дороге мы играли в карты, так увлеклись, что стали играть на деньги. Не выходили даже во время остановок. Удача была на моей стороне. Беру карты, а у меня то 20, то 21 очко и банк мой. Остановка. Кормить нас должны, а мы все играем. Капитан проиграл весь запас, вижу, переживает он, а гордость берет свое. Опять говорит: «Играем». «С чем приедешь домой?» - думал я. Вернул я ему все деньги. Смотрел он на меня потеплевшими глазами. Дает мне немного денег и говорит: «На остановке купи литр водки и закуску». До самой Пензы за рюмкой водки мы вели теплую беседу, а на деньги больше не играли.

Выиграл русский солдат в этой войне. Но какой ценой досталась Победа! Страна напоминала тяжелораненого, истерзанного человека: фашисты разрушили и сожгли сотни городов, уничтожили миллионы людей. Гитлеровцы совершали неслыханные зверства. Трудно найти в нашей стране семью, не пострадавшую от войны. Кто потерял сына, кто отца или мать, кто сестру или брата. Победа досталась нам очень дорого. Поэтому об этом мы не должны забывать никогда.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Власов Николай Александрович**, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Ермолаев Виктор Андреевич

Кромсали их в мясо

Я родился 19 августа 1924 года в городе Москва, на Ново-Алексеевской улице. По национальности – русский. Православный. Член КПСС с 1958 года, член ДОСААФ.

В 1941 году окончил школу №293, в бывшем Ростокинском районе Москвы.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, возвращаясь из парка «Сокольники» где мы с моими школьными товарищами гуляли после выпускного вечера в нашей школе.

По призыву Московской партийной организации в районах столицы начали создаваться дивизии народного ополчения. Узнав об этом, я и мои друзья - Степанов Леонид и Вольвовский Виктор записались добровольцами в народное ополчение.

Формировалось наше подразделение в нашей родной школе. Я был зачислен в отдельную роту связи при штабе 13-й дивизии Ростокинского района. Определённые воинские навыки мы уже имели, так как в школе с 8 по 10 класс преподавался особый предмет – «Военное дело». В программе предусматривалось изучение устройства винтовки, пулемёта «максим», правил защиты при воздушном нападении. Занимались строевой подготовкой и сдачей норм ГТО, участвовали в соревнованиях по стрельбе из мелкокалиберных винтовок, изучали правила по оказанию первой помощи раненым и т.д.

За четыре дня, со 2 по 6 июля, были сформированы 37, 38 и 39-й полки и управление Ростокинской дивизии народного ополчения. Принципом формирования являлась запись добровольцев, не подлежащих мобилизации в армию по возрасту, состоянию здоровья или другим причинам. Запись в ополчение проводилась на предприятиях, в школах, учреждениях в торжественной обстановке. Она явилась демонстрацией беспредельной любви к Родине, готовности москвичей встать грудью на защиту Отчизны. На крупнейшем предприятии района – заводе «Калибр» в ополчение вступили 750 человек, из них 500 человек записались в первый же день, сразу после митинга. Желающих было ещё больше, но запись пришлось прекратить в связи с тем, чтобы не нарушать работу завода.

Командиром дивизии был назначен преподаватель академии им.Фрунзе полковник Морозов П.А. Сформированная дивизия разместилась на территории северной части района в помещениях школ и других учреждений.

В ночь на 7 июля дивизия выступила из города на запад. Путь её был недалёк – в район станции Фирсановка, Октябрьской железной дороги. Здесь дивизия приступила к полевым занятиям, началась напряжённая боевая подготовка. Было получено военное обмундирование; вооружили дивизию трофейными польскими винтовками. Автотранспорт, велосипеды, различное снаряжение выделили предприятия и организации района. Дивизия доукомплектовалась личным составом и специалистами, курсантами военных училищ.

17 июля дивизия была срочно погружена в железнодорожный эшелон и отправлена в район города Волоколамск (Московская область), где получила боевую задачу создать резервную оборонительную полосу, а также бороться с вражескими десантами и агентами, засылаемыми в наш тыл.

Наша дивизия была включена в состав 32-й армии Резервного фронта. В конце июля по приказу командующего 32-й армией, дивизия совершила 150 километровый переход и заняла оборону западнее города Вязьма, в районе станции Семелёво. Переход дивизии прошёл успешно и в установленный срок, продемонстрировав организованность, высокую дисциплину и выносливость личного состава. Здесь нашей дивизии был присвоен номер – 140-й стрелковой дивизии. На всём пути мы, связисты, обеспечивали круглосуточную доставку кор-

респонденции от штаба дивизии до полков и обратно. В этот период мы получили отечественные винтовки вместо трофейных. Полковые подразделения доукомплектовались оружием, пулемётами, миномётами, средствами связи и др. Вместо выданных ранее велосипедов нам предоставили лошадей.

Рота связи, в которой я был, реорганизовалась в отдельный батальон связи. Мы каждый день изучали расположение наших подразделений по карте, ибо в этих условиях необходимо было хорошо ориентироваться на местности, быть особо внимательным при движении, чтобы исключить возможность быть схваченным диверсантами и агентами врага.

Бывая в подразделениях нашей дивизии, я видел, как неустанно велись земляные работы, отрывались траншеи, строились дзоты, укрытия. На рубеже восточнее Вязьмы дивизия построила главную полосу обороны в кратчайшие сроки. Хотя непосредственного соприкосновения с противниками ещё не имели, но дыхание фронта стало реальным. Вражеские самолёты регулярно обстреливали из пулемётов бойцов, проводивших оборонительные работы, передвигающиеся к линии фронта группы наших солдат и автомашины.

К сентябрю из полков дивизии всех малолетних, которым не было семнадцати лет, по приказу командира дивизии отправили домой. Мне повезло. Я, оставаясь при штабе дивизии, не был замечен и под этот приказ не попал, словом, продолжил свою службу.

29 сентября командующий 32-й армией генерал Вишневский С.Д. приказал 140-й стрелковой дивизии к утру 1-го октября выйти на рубеж реки Днепр и занять оборону на участке устье р. Вязьма, Сумарково, на правом фланге 19-й армии, обеспечивая стык с левофланговой дивизией 30-й армии, с переходом в подчинение командующего 19-й армией Западного фронта. Вот на этом участке фронта наша дивизия приняла первое боевое крещение.

С запада, из-за реки Днепр, появилась авиация противника - не менее 20-25 самолётов, которые по одному, друг за другом, переходили в пикирование на цепи ополченцев. После двадцатиминутной бомбёжки не менее двух батальонов, поддерживаемых пятью танками, под прикрытием артиллерийского и миномётного огня начали наступление, пытаясь сбросить

ополченцев с плацдарма на высотах правого берега реки Вязьма.

В этих условиях ополченцы проявили высокую стойкость, мужество, презрение к смерти. Наступление было остановлено. Потеряв два танка и понеся потери в живой силе, противник окопался и начал беспорядочно стрелять из пулемётов и миномётов. Наши войска начали укреплять свои позиции. Фашисты несколько раз ещё пытались повторить свои атаки, но безуспешно.

2-го октября разведка дивизии установила связь с представителями оперативной группы заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Болдина И.В. В ночь на 3-е октября командир дивизии получил от генерала Болдина дополнительную информацию и ориентировку по обстановке. Стало известно, что немцы прорвали фронт и во многих местах значительными силами танков и мотопехоты глубоко вклинились в оборону войск Западного фронта. Дивизии ставилась задача: прикрыть и обеспечить отход войск оперативной группы и 19-й армии через реку Днепр. Не допустить выхода противника с севера от г. Холм-Жирковский в район между Днепром и его притоком р. Соля и в район южнее р. Вязьмы.

С этим очень важным пакетом, запечатанным сургучом, я отправился по указанию штаба дивизии в расположении 37-го полка. Что-то очень сильно билось мое сердце. Я чувствовал, что от того, как быстро я доставлю секретный документ, во многом будет зависеть развитие сложившейся ситуации на этом рубеже фронта. Быстро ориентируясь в лесу, по тропинкам несла меня преданная лошадка. В штабе первым ко мне подошёл секретарь профбюро с завода «Калибр» комиссар полка Михаил Васильевич Сутягин. Распечатал пакет и прочитал: «Стоять на месте до последней капли крови. Ни шагу назад. Любой ценой задержать врага и его продвижение вперед на восток». Приказ был воспринят присутствующим, как священный долг. Командование полка понимало, что долго сдерживать лавину врага, хорошо вооруженную техникой, невозможно. К этому времени была произведена перегруппировка частей в полку, созданы минные поля севернее р. Вязьма и западнее р. Днепр. Ополченцы совместно с сапёрами вырыли в промежутках минных полей щели для истребителей танков,

которые располагались парами в одной щели с ручными гранатами и 10-15-ю бутылками с горючей жидкостью. Это мероприятие позволило ополченцам эффективно создать препятствие для наступавших фашистских танков.

3 октября после авиационной подготовки, под прикрытием артогня силами двух батальонов при поддержке 6-8 танков фашисты атаковали позиции 37-го полка на плацдарме у деревни Кошкино и ворвались в наши окопы. Резерв полка подошёл вовремя, контратаковал врага и уничтожил прорвавшихся немцев. В этом бою пали смертью храбрых большое количество ополченцев; большие потери понесли и немецкие захватчики.

День 8 октября для дивизии был «чёрным днём». Бой не прекращался ни на минуту. Авиация, артобстрел, танки яростно атаковали наши позиции. За день было отбито восемь атак. Ополченцы держались стойко. Подразделения дивизии истекали кровью, потери личного состава в ротах достигали 50% и выше.

За период боёв в районе Холм – Жирковский дивизия потеряла убитыми и ранеными более 6000 ополченцев. Во вражеском окружении оказались четыре армии Западного фронта. Лишившись боевого центра управления, они принимали все меры к выходу из окружения отдельными воинскими подразделениями. В одном направлении прорыва под Вязьмой принимал участие и я, но вырваться из окружения мне, как и многим воинам, не удалось. Я попал в плен.

Большое количество военнопленных согнали в Вязьму и разместили в недостроенном здании мясокомбината, обнесённом колючей проволокой в несколько рядов. Голод, холод, болезни и тысячи смертей. Варварское, бесчеловечное обращение к нам – пленным трудно описать. Скопилось за этой изгородью как в муравейнике огромное количество военнопленных. Ни воды, ни еды. У кого-то в вещевых мешках были сухари и еще кое-что из еды; старались по возможности поделиться друг с другом. Однажды нам за изгородь кинули тюбики с сухим концентратом гречки, пшена. Но надо было видеть, как на это «угощение» набросились голодные наши товарищи, кому-то досталось, а кому-то нет. Обессиленные тихо отдавали свою душу Богу. Запомнилась мне такая история.

Приезжают какие-то немецкие офицеры с отрядом солдат и проходят среди нас. Один из офицеров держит в руке тросточку и указывает на пленного. Охранник говорит «Швайн, ком» (свинья, ко мне), его берут и выводят за пределы лагеря, раздевают до нательного белья и сажают в грузовую машину с открытым кузовом. Так в течение многих дней проходил отбор «лиц еврейского происхождения». Сколько бойцов этой национальности были увезены из лагеря и расстреляны извергами-нацистами!

И вот в лагерь прибыл большой отряд немецких солдат на лошадях – началась эвакуация лагеря. Всех, кто мог двигаться, выгнали за пределы и большой цепочкой двинули в направлении на запад. С обеих сторон колонны - охранники на лошадях с автоматами. Колонна двинулась в путь. Страшно и больно было смотреть на всех тех, кто очутился в ней. Измученные, больные, раненые, разных возрастов они мало походили на людей. Тех, кто не мог двигаться, охранники пристреливали на месте. Гнали нас по большаку, вдоль которого осталось много разбитого трофейного снаряжения, убитых лошадей и трупов. На поле лежали остатки неубранной капусты, картофеля и других овощей. Голод заставлял нас выбегать из колонны и хватать что попадётся. Одним удавалось, а другим за это приходилось расплачиваться своей жизнью. В считанные минуты от убитой лошади оставался лишь скелет, а кусок конины давал дополнительные силы. Нас не оставляла мысль, что необходимо как можно скорее бежать из колонны. Другие надеялись на Бога.

В районе Ельни, Смоленской области немцы-охранники устроили ночлег для военнопленных. Вокруг разожгли костры. На территории было несколько сожженных домов, в один из них кидали умерших пленных и расстрелянных при побеге. В темноте мы, трое москвичей, незаметно пробрались в тот дом и спрятались под трупами. Утром колонна двинулась дальше, а мы после её ухода выбрались на белый свет и двинулись в лес. Решение было принято: «Идти на Москву». От деревни до деревни, через леса и поля, обходя немецкие части, мы двигались до тех пор, пока в одной деревне нас не заметили немцы и не бросили в сарай. К нашему счастью, а может, к несчастью, по этой дороге прогоняли другую колонну военнопленных, и нас немцы бросили в неё. Имея опыт побега, мы в рай-

оне г. Всходы вновь совершили побег. В этой колоне охрана была слабее, поэтому многие последовали нашему примеру. Истощённый, обессиленный, я был оставлен моими земляками на сохранение в деревне Холм у бабушки Марии Петровны Брейда (по национальности латышка). Её сын был на фронте, дочь жила в соседней деревне Клетка. Трое суток я был в бессознательном состоянии. Она сняла с меня военную форму, обмыла, постригла. Давала какие-то травы, чтобы мое здоровье. Но вскоре по этой деревне проходил карательный отряд немцев. Они отбирали у крестьян одежду, еду, скот и другое. Зашёл немец и к нам в хату: «Матка, это партизан?» «Нет, - ответила бабушка, - это мой сынок». Забрал он последние три курицы у неё и ушёл. Силы мои постепенно восстанавливались, ко мне стали приходить деревенские мальчишки. Они то и рассказали мне, что в лесах создаются отряды партизан. Ребята сделали в одной из землянок склад боеприпасов.

В декабре 1941 года я простился с бабушкой Марией и ушёл к партизанам, с которыми продолжил боевой путь.

Зимой 1942 года на нашу территорию стали проникать лыжники-разведчики с Большой земли. Они говорили, что скоро сюда прорвётся кавалерийский корпус генерала Белова. И вот наступил тот день, когда я с партизанским отрядом влился в 168-й кавалерийский полк. Зачислили меня в пулемётный расчёт. Партизанский край занимал большую территорию в Смоленской области. Он приковывал большое внимание немецкого командования, желавшего как можно скорее ликвидировать сопротивление наших в своем тылу. Активные действия войск генерала Белова и партизан вынудили гитлеровцев бросить против нас более семи дивизий. В ходе ожесточённых боёв оккупанты были изгнаны с большой территории, и в течение пяти месяцев они удерживались лишь в районных центрах, на железнодорожных станциях и в посёлках. В боях за станцию Семелёво пришлось участвовать и мне. Перед началом наступления враг превосходил нас в силе, создал оборонительную линию. Нам же пришлось вести наступление с лесной стороны, где впереди было заснеженное поле. Дважды ходили мы в атаку, но под натиском ураганного огня противника приходилось возвращаться на исходные позиции. Только в третий раз отважным бойцам удалось штурмом взять немецких захватчиков в кольцо и уничтожить их. В этом наступле-

нии я сильно обморозил ноги. Двое бойцов вытащили меня с поля боя в лес, а затем отправили в лазарет, в тыл, где мне оказали первую медицинскую помощь. Затем переправили в центральный госпиталь армии Белова. Там хотели ампутировать обе ноги до колена, но я не дал. Вскоре стали появляться наши самолёты. По мере возможности мы получали с Большой земли воздушным путём боеприпасы, медикаменты и продовольствие. На обратном пути вывозили большое количество раненых, подлежал эвакуация и я. Но судьба распорядилась по-другому. Аэродром наш был разбит налетевшими вражескими самолётами. Так я с больными ногами и оставался при госпитале. Измученные, полуголодные боевые части получали подкрепление за счёт сбрасывания к нам на парашютах десантников. Кольцо окружения постепенно сужалось. Был получен приказ о выходе из окружения на соединение с главными силами, которые перешли в наступление. Прорыв был организован ночью в районе деревни Крапивна в направлении г. Киров. Эту задачу выполнить удалось не всем соединениям. Некоторые остались по ту сторону фронта, в том числе и раненые бойцы в госпитале.

И снова плен, да ещё с больными ногами. Нас пригнали в г. Рославль, по существу, в лагерь смерти. Землянки, колючая проволока в несколько рядов. Издевательство, садизм охраны. Два раза в день выдавали баланду (котелок, в который умышленно добавлялась костная мука, что вызывало мучительные боли в желудке). Чудом мне удалось уцелеть! Однажды немцы взяли группу из десяти военнопленных на работу в город, привели нас в бывший техникум, где расположился немецкий госпиталь. В подвале этого здании оборудовали для нас камеру с нарами для ночлега. Под охраной нас заставляли выполнять разные хозяйственные работы. С каждым днем мне становилось всё хуже и хуже. Я применял способ самолечения: вскрывал раны, выдавливал скопившийся гной и ожидал новых нарывов. Однажды, проходя мимо меня, немец заметил, что у меня с ногами, закричал: «Русский свинья! Ты же заразный!» Схватил меня, завел в операционную и показал врачу. Тот дал команду положить меня на операционный стол. «Вот, думал я, дурак! Своим врачам не дал оперировать. Теперь я в руках «иностранца»». Что-то долго он творил, а закончив сказал: «Хорошо будет! Иди на работу». Я встал, а мои ноги были за-

гипсованы по колено. Позднее этот гипс сняли. «Ты должен быть осторожен со своими ногами», – сказал мне, конечно, по-немецки тот хирург.

После окончания рабочего дня нас приводили в подвал, выдавали паёк с едой и запирали на ночь. В начале 1943 года этот госпиталь перебазировали в г.Смоленск. Это было вызвано начавшимся натиском наших войск, возникшей необходимостью укрепления открывавшегося фронта англо-американскими войсками в Италии. Позднее нас погрузили в товарный вагон и, прицепив его к составу с обслуживающим персоналом госпиталя, направили на запад.

Так мы оказались в далёкой от Родины стране – Италии. Госпиталь расположился в Северной Италии, в городах Тренто и Рива дель Гардо. Против фашистского режима восстали многие слои населения Италии. Они организовали партизанские отряды и вступали в ряды Сопротивления.

Для работы в госпитале немцы набирали рабочую силу. С целью получения разведывательных данных в состав вольнонаёмных граждан проникали те, кто каким-то образом был связан с партизанами. Они вели определённую работу по вербовке с целью оказания всевозможной помощи патриотам Сопротивления. Постепенно присматривались и к нам - военнопленным. От них мы узнавали последние новости о ходе военных сражений на фронте, о наступлении наших войск. Вначале они давали нам отдельные поручения. Мы передавали для партизан украденные у немцев медикаменты, снаряжение, обмундирование. Велась активная работа по организации нашего побега. Были подготовлены к побегу Гриша Уланов, Семён Кузнецов и я. Побег мы хотели совершить на машине, за рулём должен был сидеть Семён. Машина стояла рядом со складом. Выбрав момент, когда немцы отсутствовали, мы стали погружать необходимые материалы, но неожиданно появился фельдфебель и заметил открытую в склад дверь. Он быстро закрыл входную дверь. Так мы оказались в ловушке. Спустя некоторое время по тревоге прибыли солдаты. Нас арестовали, посадили в машину и увезли в гестапо, где выбивали признания. Но мы молчали, делали вид, что нас заставили работать на складе и мы не знали, куда и что грузили. Через несколько дней нас в крытой машине повезли в неизвестном направлении. Думали мы, что больше света белого не увидим, мыслен-

но попрощались друг с другом. Через несколько часов машина прибыла по назначению, нас высадили, и мы увидели многоэтажное здание, напичканное множеством лестниц, решёток и огромным количеством металлических дверей с замками. На каждом этаже располагались посты с охранниками – карабинерами. Нас бросили в одну из камер, где и без нас было очень много заключённых. Познакомившись, мы узнали, что это тюрьма в г.Тренто. В ней содержались разного рода преступники, среди которых были иностранцы. Каждый ждал своей участи и размеров наказания. Однажды к нам подошёл один из заключённых (итальянец) и завёл разговор. Мы сначала общались с ним очень осторожно (я мог уже немного разговаривать по-итальянски). Он признался нам, что его посадили в тюрьму за участие в Сопротивлении, рассказал о растущей ненависти к итало-немецкому фашизму, выражал свою радость за успехи советских войск на фронтах. Семён, он самый старший из нас, решил признаться, кто мы и откуда, а также о нашем неудачном побеге. Надо было видеть, как наш собеседник был рад нашей встрече! Наша дружба крепла, и мы стали доверять друг другу.

Наступил день, когда нас вывели из камеры во двор, где находилась «куча» заключённых, построили, посчитали и в присутствии какого-то представителя подписали бумаги. Вскоре посадили в машину и повезли снова в неизвестность. Позднее выяснилось, что нас перебросили в городскую тюрьму г.Верона. За время пребывания в тюрьме мы подготовили убедительные доводы по поводу того, что вины своей мы не признаём, так как связи с партизанами не имели. А самое главное, теперь нам представилась возможность давать показания не немцам, а представителям итальянской власти. Это обстоятельство позволило убедить их в нашей непричастности к побегу. В ноябре 1944 года нас с группой других заключённых в порядке наказания отправили в провинцию г.Верона на сельскохозяйственные работы к «падроне» - фермеру. Его плантация раскинулась в пойме и на склонах гор. Хозяин построил большой барак для присланного контингента, установил распорядок дня, в ночное время после проверки нас запирали и охраняли. И вот тут свершилось нечто сказочное. В новом присланном отряде заключённых был наш друг Джузеппе, с которым мы познакомились в тюрьме. Наша цель освобо-

диться была близкой, ибо у нас был надёжный товарищ – партизан Италии. Хорошо ориентировавшийся в данной местности, Джузеппе организовал наш побег. Так мы оказались в партизанском отряде под командованием Данте Досате в провинции Тренто. Нас зачислили в батальон Эпифано Гобби. В общем, мы получили возможность продолжить наш боевой путь вдали от Родины. В батальоне мы пользовались большим уважением, к нам относились как к родным братьям.

Особенно запомнился мне один из эпизодов партизанского боя с группой фашистов. Батальону было дано задание организовать засаду на проходящей узкой дороге. Там ожидалось передвижение вражеских войск. Подготовились к встрече с фашистами тщательно. Замаскировались так, что враг не ожидал нашего удара. Сначала появилось несколько мотоциклистов-разведчиков, проехав наши позиции, они сигнализировали своим, что путь свободен. Вскоре мы увидели колонну примерно в двести солдат. Дождавшись момента появления их в нашей зоне обстрела, мы открыли огонь с двух сторон. Захваченные врасплох немцы попали под ураганный огонь партизан. «Кромсали их в мясо», поквитались от души. Через час всё было кончено. Собрали трофеи, командир объявил благодарность личному составу партизан. Вернувшись в горы на свою базу, мы отпраздновали успешную операцию.

Готовилось освобождение города Рива дель Гардо, где располагался тот самый немецкий госпиталь, откуда начался наш путь в итальянский партизанский отряд. Большого сопротивления со стороны немецких войск при взятии города мы не встретили, так как город был «под красным крестом». Радостно встретили партизан жители города. Весёлые встречи, объятия, слёзы и видневшееся скорое окончание войны придавали городу праздничное настроение. В наших сердцах был вопрос: неужели пришёл конец нашим мытарствам? Подошёл к нам Данте Досате и объявил, что войска немцев капитулировали. Мы победили! От души, крепко-крепко обнял нас и сказал: «Ну что будете делать? Оставайтесь у нас жить!». «Нет, Данте. Мы хотим на Родину. Там родные и близкие оплакивают нас. Считают, что мы погибли под Москвой. Спасибо вам – итальянскому народу за то, что вы поверили в нас и доверяли нам своё оружие. Мы непременно к вам приедем и будем вспоми-

нать минувшие времена», – ответил я командиру на ломаном итальянском языке.

Был организован праздничный обед. Потом вручили нам партизанские документы и, получив денежное довольствие, мы отправились по указанному нам маршруту на Родину. Нам необходимо было пересечь всю Италию с севера – г. Верона до юга – г. Таранто. В городе Таранто находились наши корабли, с которыми можно было последовать в г. Одессу. По пути мы оказались в г. Бари, в зоне оккупации английских войск. Услышав наш русский говор, к нам подошёл офицер английских войск и на чистом русском спросил: «Ребята, вы русские? Откуда и куда двигаетесь?» Мы сначала пришли в недоумение: как это русский в английских войсках служит? Но он признался, что является сыном русского иммигранта и находится на воинской службе. Офицер предложил зайти в комендатуру для уточнения наших личностей, мы согласились. Приняли нас сначала с осторожностью, но, когда мы показали наши партизанские удостоверения, все сомнения ушли в сторону, нас пригласили к столу. Состоялась оживлённая беседа, произносили тост за Победу и окончание войны, пожелания счастливой жизни нашим народам. Нам рассказали, что существует договорённость у наших сторон (СССР, Англии и США) о том, что каждая из них будет содействовать возвращению домой всех насильно угнанных в неволю людей фашистскими извергами в период войны. Лагерь репатриации русских граждан был организован в г. Бари. Нам предоставили машину и доставили по месту его нахождения. Встретил нас русский майор – представитель советских войск по репатриации граждан из Италии в Советский Союз. Поблагодарив английских офицеров, он пригласил нас к себе в палатку-резиденцию. Лагерь располагался на берегу залива Адриатического моря. Были натянуты палатки, обустроены дорожки, спортивные площадки и т.д. Создавался вид, что это туристический лагерь. И только побеседовав с нашим майором, мы поняли, что здесь собирают всех тех, кто по разным причинам оказался на «чужбине». Отсюда их путь лежит на Родину. Надо сказать, что майор был проницательным, корректным и уважительным начальником. Ознакомившись с нашими документами, выслушав каждого из нас, он сказал: «Такие ребята мне очень нужны! Будете мне помогать в работе. Отдыхайте. Завтра встретимся и всё обговорим».

Мне было поручено проведение политико-воспитательной работы: чтение газет, листовок и другой советской литературы. Контингент присутствующих в лагере был разный по национальности, по настрою, по отношению к войне и вкладу в общую победу. Необходимо было вести агитационную работу осторожно, дабы не обидеть кого-то. Красной нитью проходил девиз: «Война окончена. Нас ждёт Родина, близкие и родные!». Закончив формирование первой партии, мы отправили её в порт Таранто и погрузили на пароход, который взял курс на Одессу.

Вскоре майор получил депешу из Рима, в которой содержался приказ произвести отправку всего лагеря с юга на север, к границе с Австрией. Были выделены «Студебеккеры», и на машинах репатриация лагеря была осуществлена за несколько дней. Распрощавшись с майором, мы влились в лагерь и на общих основаниях были переданы представителям военных на погранзаставе в Австрии. Колонну возвращавшихся на Родину взяли «под ружьё» и направили вдоль дороги в фильтрационный лагерь г. Леобен Доновиц. Здесь формировалась алфавитная очерёдность вызова на допрос. Подошла и моя очередь. Допрашивал меня лейтенант из «СМЕРШа». Стукнув по столу парабеллумом он сказал: «Ну, сука, где был?». «Осторожно, лейтенант! Мне всё равно. Лучше сразу пулю в лоб, я и так смертник. Дома уже, наверное, похоронили!» - ответил я. Я достал свой партизанский документ и отдал лейтенанту. Он, видимо, понимал итальянский язык. Прочитав, сказал: «Садись, закури…» Рассказал я ему свою историю от первого моего вступления в народное ополчение до последнего пребывания в итальянском Сопротивлении. Видимо, понял он, что я не изменник Родины.

В 1946 году я возвратился домой. Мать прижала меня к себе и, посмотрев на мои ноги (я успел из окружения в Смоленской области написать два письма, где сообщил об обморожении ног), сказала: «Витя, сыночек мой, я говорила не ходи на фронт! А ноги-то у тебя свои или протезы?». «Нет, дорогая, свои», - ответил я.

Узнал, что мой отец, который участвовал в строительстве заградительных сооружений в Москве, заболел и скончался в 1942 году. Брат, 1917 года рождения, пошёл служить на флот, участвовал в советско-финляндской и в Великой Отечествен-

ной войнах, был контужен, демобилизовавшись, сильно болел и умер в 1967 году.

Работать устроился грузчиком в «Мосгорпогрузе», затем поступил на подготовительные курсы и сдал экзамены в Московский автодорожный институт на вечернее отделение, которое закончил в 1958 году, получив специальность инженера-механика по эксплуатации автомобильного транспорта. Работал на 9-й автобазе Мосавтотранспорта.

Более 45 лет я отдал свои силы и знания строительству автомобильных дорог в Московской области. Мой труд был отмечен присвоением мне звания «Почётный работник автотранспорта России».

В апреле 1985 года исполнилось 40 лет освобождения Италии от фашизма. В соответствии с договорённостью Советского комитета ветеранов войны и Итальянской ассоциацией партизан (АНПИ) с 21 по 28 апреля в Италии побывала наша делегация.

В октябре 1990 года по поручению Советского комитета ветеранов войны я был направлен на X национальный конгресс Ассоциации бывших политических заключённых концентрационных лагерей в Италию, г.Прато-Палацо Коммуна-ле.

Награждён

Орден Отечественной войны 2-й степени, №917014 ДЛ№946259. Указ президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1958 года. Дата вручения 17 апреля 1958 год, Дзержинским РВК г. Москвы: «За отвагу, проявленную в боях с немецкими захватчиками или при совершении побега из плена в период Великой Отечественной войны».

Орден Отечественной войны 2-й степени, №1088497 АЛ№925066 Указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. Выдан Волгоградским РВК г.Москвы: «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и во ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годах». Указ президиума Верховного Со-

вета СССР. Вручена 14 ноября 1956 года Ленинским РВК г.Москвы.

Медаль «За оборону Москвы». Указ президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. От имени президиума Верховного Совета СССР вручена 30 ноября 1961 года РВК г.Москвы Б№007560.

Медаль «Партизану Второй мировой войны в Европе». Постановлением бюро комитета войны от 4 апреля 1995 года партизан-интернационалист Ермолаев Виктор Андреевич награждён памятной медалью за активное участие в освобождении стран Европы от немецких оккупантов и в ознаменование 50-летия Победы над фашистской Германией». Вручил председатель Российского комитета ветеранов войны генерал армии, Герой Советского Союза В. Л.Говоров.

Юбилейные медали «Победы в Великой Отечественные 1941 – 1945 гг.» 20-30-40-50-лет.

Медаль «Жукова» – указ Президиума Российской Федерации от 19 февраля 1996 года, Г№0863769.

Почётный знак РКВВС – за активное участие в ветеранском движении. Вручил председатель РКВВС, генерал армии В.Л.Говоров.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Таптыков Олег Дмитриевич****, студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Иванова Зинаида Константиновна

Дочь полка

Я родилась 19 декабря 1927 года в деревне Полище, Ленинградская область. Я была единственным ребенком в семье, состоящей из моего отца Константина Владимировича Иванова и моей матери Любови Алексеевны Ивановой. Мы жили под Ленинградом, в городе Чудово. В этом городе я провела практически все своё детство. Училась в школе номер № 1, из которой меня чуть не выгнали за срыв урока. Была пионеркой. Кстати, пионеры (ещё в советское время) в стенах этой школы организовали и он поныне действует музей боевой славы 377-й стрелковой дивизии, с которой я прошла всю войну, но об этом позже.

Итак, воскресенье 22 июня 1941 года, я отдыхала в пионерском лагере возле города Чудово, на берегу реки Волхвы. День был ясный и солнечный, ничего не предвещало собой начало войны. Вдруг ни с того ни с сего началась паника, суета, неразбериха. К нам подбежал пионервожатый и, задыхаясь, с ужасом в глазах произнес: “Война, война, началась война”.

Потом, отдышавшись и успокоившись, рассказал нам, что сейчас по радио передали экстренное сообщение о том, что гитлеровская Германия, вероломно нарушив советско-германский договор, напала на СССР. И на следующий же

день прислали машины, и нас срочно увезли из пионерлагеря по своим домам.

Мой отец, участник советско-финляндской войны, с первых же дней был призван на фронт. А через два месяца в августе пришла «похоронка»: пал смертью храбрых в боях под Ленинградом.

А уже 15 августа мои родной город Чудово был занят немцами, и поэтому нас всех быстро эвакуировали в город Чагеда, Вологодской области. Прожив там недолго, мы с моей мамой Любовью Алексеевной переехали жить к бабушке (по маминой линии), жившей в небольшом городке Малая Вишера, всего в 18 км от линии фронта. Этот город вошёл в историю Великой Отечественной войны как первый советский город, который был освобожден от немцев в 18 ноября 1941 года и удержан нашими войсками. В городе осталась некоторая часть мирных жителей, преимущественно старые да малые. Здесь располагались тылы 59-й армии, через железнодорожную станцию Бурга шло снабжение армии и эвакуация раненых. Станция была сильно разрушена, но деревянные частные домики города в большинстве своем сохранились и давали приют многим военнослужащим.

Осенью 1941 года мою маму призвали на службу в армию в качестве медсестры. Она дошла до Берлина, спасая жизни нашим солдатам.

Бомбили немцы Вишеру по тринадцать раз в день, а там были такие же подростки, как и я, многие из которых погибли... Ненависть к врагу и страстное желание отомстить за все невинно погубленные жизни побудили меня на решительный шаг.

Когда мы жили у бабушки, там в то время была прифронтовая полоса.

Поезда, идущие по железной дороге Москва-Ленинград останавливались только на нашей станции. Склады со снарядами, продовольствием, буквально все было спрятано в лесу подальше от той железной дороги. На тот момент мне было чуть больше 13 лет, я наравне со взрослыми рыла окопы, разгружала вагоны с продовольствием. Мы с одним мальчиком Юрой Быстровым решили, что, когда пойдут машины со снарядами, спрячемся в машине и приедем на фронт. Так мы и сделали.

23 февраля 1942 года у военного склада, спрятанного в лесу возле железнодорожной станции Бурга, стояло несколько машин, в которые загружали боеприпасы. Было ясно, что через несколько часов они будут на фронте. Он залез в одну машину, я, недолго думая, быстро юркнула в кузов другой машины, притаилась между ящиками, накрыла себя брезентом и поехала. Машина набрала скорость и, подпрыгивая на кочках, помчалась по селу. Угол ящика больно впивался в плечо, я изо всех сил отталкивала его руками. Одолевали тревожные мысли. Пугала неопределенность, было жаль бабушку, которая осталась совсем одна.

Рядом разорвался снаряд, сухие комья земли застучали по кабине, посыпались в кузов. Я втянула голову в плечи, прижалась к борту. Взрывы стали чаще. Машина свернула в лес, остановилась.

“Это что за чудо?” - строго спросил солдат, откинув задний борт машины и обнаружив неожиданную пассажирку. – “Ну-ка слезай!”

Я спрыгнула на землю. В телогрейке, худенькая, с грязным от пыли лицом, со спутавшимися золотистыми волосами. Капитан Лариков, замполит отдельного истребительного противотанкового дивизиона Волховского фронта, рассматривал меня с удивлением. Глаза его потеплели.

Он спросил: “Ты как попала сюда?”

Я молча подняла на него испуганные глаза, потом глубоко вздохнула и выпалила: “Я приехала воевать!”

Бойцы рассмеялись.

“Вот и подкрепление”, - пробасил усатый сержант. - “А мы уже не надеялись”.

-“Шуточки,” - грозно осадил его Лариков и, смягчив голос, обратился ко мне:

-“Звать-то тебя как?”

-“Зина”.

-“Ну, пойдем, Зина, будем разбираться”.

В землянке, куда привел меня капитан, сидело несколько офицеров. Все повернулись в мою сторону.

“Вот, приехала воевать”, - сказал Лариков.

Никто не засмеялся, лица были внимательными, сочувствующими.

“Давай рассказывай, откуда, зачем приехала?” - серьезно

спросил начальник штаба.

-“Хочу бить фашистов. Я уже взрослая, мне пятнадцатый год”.

-“Родители есть?”

-“Отец погиб в прошлом году под Ленинградом. Мать, как получила «похоронку», тоже ушла на фронт. Не могу же я сидеть в тылу, я должна… понимаете… я должна воевать!”.

Несмотря на то что мне было всего тринадцать лет, меня все-таки оставили, нелегально, но оставили. Был такой приказ: детей не пускать на фронт, а в каких соединениях есть дети, всех их откомандировать в тыл. Я стала «дочерью полка». Поначалу приставили меня к полковому писарю, так как я обладала красивым почерком. Но и от других обязанностей я не отмахивалась: ухаживала за ранеными, помогала на кухне, стирала бинты (с медикаментами тогда было очень тяжело), разносила солдатам в окопы еду в термосах, носила им письма. Нелегально я находилась на фронте чуть больше полугода. В дальнейшем я приписала себе один год, и уже в 1943 году, когда окончила двухмесячные курсы связистов, стала числиться в полковом списке. В наше время многие ребята, которые были на фронте на нелегальном положении, не могут доказать, что они были на фронте. В новом качестве продолжила свой боевой путь в составе по-отечески принявшей меня 377-й стрелковой дивизии 1247-го стрелкового полка под командованием командира полка подполковника Горчакова Василия Ивановича, который, к сожалению, погиб в 1944 году при освобождении города Юрмалы, там он и похоронен.

377-я стрелковая дивизия была сформирована в Челябинской области по решению правительства СССР от 11 сентября 1941 года, в трудный для страны период, когда враг рвался к Москве и блокировал Ленинград с суши. Ее командиром был назначен майор Кантемир Александрович Цаликов. В составе дивизии формировались 1247, 1249, 1251-й стрелковые и 933-й артиллерийские полки. Их командирами стали соответственно майоры В. И. Дружинин (до 1944-го и далее В.И.Горчаков), А. А. Алексеев, А. Е. Казанский и М. Е. Зингер. Кроме того, в соединение вошли 440-й сапёрный батальон, 821-й батальон связи, 657-й зенитный артиллерийский дивизион, 455-й медико-санитарный батальон, а также отдельные подразделения: 485-я автомобильная, 432-я разведывательная роты и 448-я рота

химзащиты.

Свой боевой поход дивизия начала с освобождения села Мошки. В дальнейшем она продвигалась в сторону реки Волхов. И к началу 1942 года советские войска, выйдя к реке Волхов, вблизи Новгорода с ходу форсировали ее, захватив плацдарм, который действовал с января 1942 года по январь 1944 года.

Следует отметить, что условия жизни вблизи плацдарма были адскими даже для того времени, так как зимой стояли лютые морозы, достигающие 30-35 градусов. Нужно было искать спасение от холода. От тамошних деревенек ничего не осталось, кроме названий на карте. Попробовали окапываться, но на глубине 50-60 см появлялась вода. Приходилось строить хвойные шалаши, обкладывать их снегом и обливать водой. В этих ледяных убежищах и спасались. Передвижению мешал довольно глубокий снег. Сильные морозы временами резко сменялись оттепелями с дождями. Не лучше было и в другие времена года. Летом природа нас тоже не баловала, кругом сплошной лес и болота. Болота, болота, болота!... Ходили по колено и по пояс в грязи и по болотистой воде.

Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей деревоземляные заборы, вместо стрелковых окопов приходилось прокладывать бревенчатые настилы и насыпные гати, открытые на протяжении многих километров, и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы. А далее, вколотив в сваи, они крепили к ним пол. Через несколько дней этот пол, как правило, уходил под воду, тогда опять строили новый. Внутри блиндажа, под самым потолком, настилали палати, на которых лежали наши солдаты, ведя огонь через прорубленные отверстия - амбразуры. После дождя приходилось перебираться на крышу. Блиндажи превращались в островки, на которых солдаты мужественно несли боевую службу.

И, конечно же, дороги, вернее, бездорожье, полное, беспросветное. Повсюду приходилось делать сплошные жердевые или даже бревенчатые настилы. Помню, что в одном из полков мы настилали дорогу бревнами 16 раз, и все 16 настилов один за другим в течение года ушли в топь. В слабом болотистом грунте оседали дзоты, тонули артиллерийские позиции.

В таких условиях я обеспечивала связь: тащила за собой катушки и аппарат, ходила со взрослыми связистами вперед, в новые траншеи.

Ростом я не вышла, выглядела совсем малышкой. Даже взрослая военная форма не делала меня старше. Ушивала гимнастерку, юбку, прорезала дырку в ремне так, что он опоясывал меня почти два раза. Сапоги, как ни подбирали, все были велики. У меня была очень маленькая девичья ножка, а сапог таких маленьких не было, 40-й размер был самым маленьким. Идешь в таких сапогах по болотам, идешь, ногу куда-то засунешь, а потом высунешь ее уже без сапога, пока будешь его вытаскивать с помощью штыка винтовки, сапог, гляди, и в болото полностью засосет. Я в этих болотах потеряла три сапога, ходила в разных.

Старшина роты мне говорил: “Еще раз потеряешь сапог, то до Берлина пойдешь босиком”.

Оправдываясь, отвечала: “Товарищ старшина, я разве виновата, что тут кругом такие болота, ну извините уж меня, постараюсь больше не терять сапоги”.

Был еще один курьезный случай на учениях по стрельбе (я и в снайперах была немножко). По приказу старшего лейтенанта Омельченко были сделаны деревянные мишени с нарисованными фрицами, а курсантам были выданы винтовки. Подошла моя очередь.

“Воспитанница Иванова, в положении стоя по врагу - огонь” - приказал старший лейтенант.

Я выстрелила.

“В положении сидя по врагу - огонь”.

Я на корточки села, снова выстрелила.

“В положении лежа по врагу - огонь”.

Я стою.

“Воспитанница Иванова, в положении лежа по врагу - огонь”.

“Воспитанница Иванова, в положении лежа по врагу - огонь!!!” - во все горло прокричал лейтенант.

Я опять стою. Он на меня смотрит и кричит: “Ты почему не выполняешь приказ командира?”

А я, отдавая честь, говорю: “Товарищ старший лейтенант, я не могу лечь, здесь сыро. Постелите мне, пожалуйста, газету”.

И за то, что я вот так сказала, мне дали трое суток ареста на гауптвахте за невыполнение приказа. Гауптвахта представляла собой большую воронку от бомбы с накиданным на дно сеном и охранялась она часовым. Кормили один раз в день. Но, слава Богу, меня выручали мои подружки. Придут вдвоем к вахте, одна из них подойдет к часовому, улыбнется, предложит покурить, и пока часовой курил, другая старалась незаметно мне передать котелок с кашей.

***

...Стоял тихий солнечный полдень. Такие часы не часто выдавались на Волховском фронте. Бойцы отдыхали на лесной опушке, некоторые приводили в порядок свое обмундирование.

“Щи бы сейчас”, – протянул молодой веснушчатый солдат, сладко потягиваясь.

“Да”, – отозвался другой.

“Что-то полевая кухня запаздывает ”, – констатировал третий.

“Давайте я принесу”, – предложила я.

Не дожидаясь одобрения, я побежала лесом к полевой кухне. Повар налил суп в большой термос. Накинув термос на плечи, прихватив котелки с кашей и несколько буханок хлеба, я направилась назад. Только вошла в лес, начался минометный обстрел. Со всех сторон вздымались фонтаны земли, носились в воздухе и падали сломанные ветки. Ни бежать, ни залечь – от мин не спрячешься. Я прижалась спиной к березке, зажмурила глаза. “Когда, когда же это кончится?” – бешено стучало сердце. Обстрел продолжался всего пять минут. Мне они показались часами. Радуясь и не смея еще поверить, что все обошлось для мня благополучно, я осмотрелась вокруг. Дерево, возле которого я стояла, было сломано пополам. Спине стало совсем легко. Я посмотрела на заплечные ремни – термос на месте. И тут увидела, как по стволу березки стекает густая масса, в которой выделяются нежные бело-розовые волокна свиной тушенки. Я потрогала термос и без труда нащупала в нем большое рваное отверстие.

Дальше я не совсем поняла, что со мной произошло. Меня откинуло какой-то взрывной волной. Возможно, я на какое-то время потеряла сознание. Чувствую, как меня подхватили са-

нитары и понесли… В медсанбате я пролежала двое суток, затем без разрешения оделась и убежала оттуда. Распрощалась с медсанбатом. Как я себя чувствовала? Трудно сказать, но тогда мне казалось, что чувствую себя вполне нормально.

Так проходили мои боевые будни на плацдарме возле реки Волхов, где 59-я армия со стороны Волховского фронта не давала врагу захватить Ленинград, а также обеспечивалась безопасность доставки продовольствия и боеприпасов от станции Бурга до Ладожского озера (откуда далее они доставлялись по “Дороге жизни” в Ленинград). 14 января 1944 года началась битва за снятие блокады Ленинграда, за освобождение древнего Новгорода, Ленинградской, Новгородской и Псковской земли. Началась с артиллерийской подготовки, которая длилась почти полтора часа. В батальоне еще и еще раз проверяли готовность к походу, к действиям без возвращения на постоянную базу. Проверялись личные вещи всего состава без исключения, выбрасывалось все, без чего можно было обойтись. Готовились к боям в условиях суровой зимы и соответственно с этим оделись и обулись. Тщательно проверялась обувь как главный элемент экипировки в походной жизни. Все были в новых валенках, которые усиленно "расхаживали".

17 января 1944 года пришло известие, что, расширяя прорыв на юг, к Новгороду, войска 6-го стрелкового корпуса штурмом взяли поселок Подберезье - важный опорный пункт немцев на подступах к Новгороду. Старшина Бельтиков с помощником на двух санях немедленно выехал в Подберезье и привез оружие: автоматы наши и немецкие. Все перевооружились, а старые винтовки и карабины сдали на склад в Селищах.

18 января 1944 года 377-я дивизия получила приказ перейти в наступление во взаимодействии с другими частями. И уже 20 января село Долгово и станция Татино были полностью освобождены. В этот же день наши политработники сообщили во все взводы об освобождении Великого Новгорода.

К 27 января дивизия продвинулась более чем на 40 км, освободила ряд населенных пунктов, в том числе село Оссия (23 января), село Поддубье (24 января), село Заклинье (25 января), поселок Заболотье (25 января), Либуницы, деревня Вольная Горка (27 января), деревня Велегощи. Продвижение было медленным. Но настроение в войсках было отличное. А как мы все были рады, узнав 27 января 1944 года, что Ленинград, на-

конец, освобожден от блокады. Это известие вселяло уверенность, что теперь мы немца победим наверняка уже очень скоро.

Далее, 2 февраля силами нашего 1247-го стрелкового полка и 122-й танковой бригады освободили крупный населенный пункт Почап. А 7 февраля 1247-м и 1249-м стрелковыми полками были освобождены деревни Гверездно и Белое. С 10 по 12 февраля части дивизии стремительно продвигались вперед, освободили от противника село Горушка, посёлок Покровское, деревню Волкино, деревню Радгосцы, селение Ясковицы, город Луга.

16 февраля усилиями 59-й армии кольцо окружения было прорвано. Боясь собственного окружения, немецкие войска группы армий "Север" оторвались от наших войск и стремительным броском оставили Ленинградскую область, уйдя в пределы Эстонии за реку Нарву и обосновавшись на ее берегах. С 19 по 28 февраля 1247-й стрелковый полк 377-й стрелковой дивизии совершил длительный и изнурительный маршбросок к населенному пункту Ольгин Крест, возле реки Нарва.

В этой местности ожесточенные бои с немецкими захватчиками длились шесть месяцев (с февраля по июль). Военные действия в основном проходили на берегах реки Нарва, немцы - на западном, наши - на восточном. Поначалу (с февраля по март) нас осаждала вражеская авиация. Плацдарм, реку и подходы к ней на правом берегу бомбили до 30 раз в день. Налетали главным образом средние бомбардировщики в количестве до 70 самолётов за раз. Днем буквально нельзя было поднять головы. Ночью лихорадочно восстанавливали и рыли новые укрытия, вели разведку, я налаживала связь с правым берегом. Сжавшийся плацдарм грозил нам быть сброшенными в реку. Но нет худа без добра. Немецкой авиации очень трудно стало прицельно сбрасывать бомбы на наш "пятачок", и немецкая пехота стала обозначать объект бомбежки зелеными ракетами. Тут наши солдаты не растерялись и стали сигналить во вражескую сторону также зелеными ракетами. Успех был ошеломляющим: немцы понесли такие потери от своей авиации, что вынуждены были отступить, позволив нам заметно расширить плацдарм. Уже где-то в начале июля 377-я стрелковая дивизия выполнила все поставленные перед ней задачи и получила приказ прибыть на станцию Кингисепп, откуда нас

доставили на Прибалтийский фронт.

По дороге на Прибалтийский фронт мне довилось увидеть, что фашисты сотворили с нашей страной: разрушенный бомбежками Ленинград, испепеленные в огне деревни, нескончаемые груды ржавого метала, оставшегося от взорванных танков, машин, поездов и другой техники, худющие от голода и измотанные тяжелым трудом женщины, старики и дети. Это лишь часть того, что мне довелось увидеть, об остальном даже не хочу вспоминать…

***

Передислоцировались мы на самую границу с Прибалтикой. Перед нашими войсками стояла цель пробить оборонительные рубежи противника под кодовым названием “Линия Мариенбург”. Эта линия протянулась на 120 км вдоль реки Педедзе, которая течет от озера Любанас до озера Псковское. 377-я стрелковая дивизия получила задачу освободить населенные пункты Лапкова, Пищеву, Пишево и другие, и в дальнейшем во взаимодействии с другими частями освободить город Валга (19 сентября 1944 года). Все эти задачи были выполнены, но при этом наша и остальные дивизии понесли колоссальные потери: численность солдат и офицеров сократилась практически вдвое. Горечь от утраты моих однополчан, которые уже к тому времени стали для меня родными людьми, утешало только то, что прорыв “Линии Мариенбург” и освобождение Валги сыграли решающую роль в победе над фашисткой Германией, но это я поняла уже позже. А в то время я еле сдерживала слезы, дабы окружавшие меня солдаты не падали духом при виде плачущей девушки.

…Это был 1944 год, мы освобождали Латвию. Наш полк вёл тяжёлый бой. Командир полка подполковник Горчаков Василий Иванович на командном пункте руководил боем, я - возле него, обеспечивала связь. Вдруг прекратилась связь с одним из батальонов: обрыв провода. “Разрешите идти на линию“, - обратилась я к командиру.

А на линии - ураганный огонь, противник бьёт из крупнокалиберных пулемётов, забрасывает минами.

“Погоди,“ - сказал командир.

И послал солдата. Мы ждём десять минут, двадцать, тридцать. Нет связи, не возвращается и солдат. Я опять к командиру: “Разрешите идти”. Он поглядел на меня очень внима-

тельно, отлично понимая, что и я могу не вернуться.

Говорит: “Ну, иди, дочка, только возвращайся”.

Я выбралась из траншеи и тут же прижалась к земле. Кругом разрывы, небо чёрное от дыма. Мне было очень страшно.

Но командир ждёт. Я поползла вдоль линии. Где позволяла местность, делала перебежки. Минут через десять увидела солдата, которого посылал командир. Он лежал, уткнувшись в землю. Я перевернула его на спину. Убит. Я заплакала. Вытирая слезы, поползла дальше. Вскоре нашла обрыв провода. Зачистила концы, соединила. Тем же путём и под таким же огнём назад. Пришла на командный пункт: “Товарищ командир, связь есть”.

В тот день наш полк выиграл очень важный бой.

Через два дня полк отвели с переднего края на пополнение.

Командир дивизии перед строем вручил мне медаль “За отвагу” (№ 1100722, номер приказа 785167), пожал руку, поздравил.

«Служу Советскому Союзу!» - ответила я.

Это моя самая первая награда. Часом позже старшина протянул мне сверток: “Это тебе, Зина, от разведчиков, наденешь в День Победы”. Я развернула бумагу и увидела лакированные туфельки. Долго еще лежали они в моем походном мешке.

***

Когда мы освобождали Ригу (13 октября 1944 года), шли мы со стороны Юрмалы. Особо страшного боя не было, наверное из-за того, что для немцев наше наступление было неожиданным, но, конечно, бой есть бой. Правда, они все-таки успели во время отступления разрушить портовые сооружения, мосты, электростанцию, взорвать и сжечь многие учреждения, почтамт, телефонную станцию, вывести из строя городской водопровод, разграбить музеи и старинное книгохранилище.

Когда мы выгнали всех фрицев из города, наша стрелковая дивизия проверяла уцелевшие здания. Залетели в один дом - пусто, во второй – пусто. Уже под вечер подступили к огромному, красивому и величественному зданию. Ворвались внутрь и оказываемся в большом зале, отделанном мрамором,

с огромными колоннами по углам. В центре зала стоит громадный стол, накрытый белоснежной скатертью: вино, поросята целиком обжаренные, разная закуска, водка, курочка, картошечка. Наши мужчины заликовали. Мы, девчонки, не видевшие в течение четырех лет из еды ничего, кроме овсяной каши и тушенки, тут же набросились на курочку, потом на свинину, затем на картошечку, мужики выпивали. Но не успели мы как следует набить наши животы, в зал вбежал командир.

"Отставить, все отравлено, стрелять буду!"

Один встает и говорит: "Товарищ командир, я уже поллитра выпил, ребята пьют, уже практически все съели, никто не умер, значит, еда не отравлена, присаживайтесь, отпразднуем". Все засмеялись. Этот день мы с однополчанами вспоминаем особенно часто. Да и сейчас, рассказывая об этом, я ощущаю настроение того самого дня. Ведь это уже начало празднования нашей победы. Так наш 1247-й стрелковый полк отметил освобождение Риги, столицы Латвийской ССР от немецко-фашистских захватчиков.

***

После Дня Победы 9 мая нашу и другие дивизии направили на разгром тукумской группировки, которая не сдавалась даже после предъявленного им ультиматума. И уже после празднования Дня Победы мы потеряли много бойцов и командиров в этих боях. Войну я закончила в звании старшего сержанта. После демобилизации, когда мы ехали через Ленинград, я там попыталась разыскать своих родственников, но город был сильно разрушен. Позже я узнала, что многие родственники погибли во время блокады. Родители моего отца похоронены на Пискаревском кладбище. Я вернулась домой. Наконец-то встретилась с мамой - Ивановой Любовью Алексеевной, тетей - Ивановой Ниной Алексеевной, двоюродным братом - Воронцовым Сергеем Алексеевичем. Мне было семнадцать лет.

Награды

Медаль “За отвагу”, № 1100722 (приказ № 1100722).
Орден Красной Звезды, № 3331388.
Орден Отечественной войны, № 3071135 (приказ № 873223).
“Участнику битвы за Ленинград”.
“Полное снятие блокады Ленинграда”.

Все послевоенные годы не прерываю связи с однополчанами. Сегодня я являюсь председателем совета ветеранов 377-й стрелковой дивизии. Параллельно исполняю обязанности ответственного секретаря региональной общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны - воспитанников армии и флота, которую возглавляет Виктор Яковлевич Татаринов, в военном прошлом «сын полка». У меня дочь и двое внуков. До пенсии работала дежурным администратором в гостинице. Пионерами школы № 1 моего родного города Чудова, Новгородской области был создан музей нашей 377-й стрелковой дивизии. В тех местах проходил Волховский фронт, там я начала воевать. Сейчас я живу в Москве, но часто бываю в Чудове в гостях у ребят. Там встречаюсь со своими однополчанами, это самые дорогие для меня встречи. Всегда говорю ребятам большое спасибо за их поисковую работу, за их память о нас и о войне.

Апрель 2004 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лаптев Кирилл Александрович**, студент 1-го курса факультета системы управления, информатики и электроэнергетики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Климентов Леонид Васильевич

Населения в городе не было

Я родился 26 апреля 1923 года в поселке Пырьево, Бибиковского сельсовета, Умётского района, Тамбовской области. В 1940 году окончил 8 классов школы №17 города Комсомольска-на-Амуре. С введением платного обучения в старших классах и высших учебных заведениях поступил на работу на судостроительный завод №199 модельщиком.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, находясь на лекции по международным вопросам в кинотеатре «Ударник» города Комсомольска-на-Амуре.

В ряды Красной Армии с группой комсомольцев пошёл добровольцем в начале марта 1942 года. В первой декаде марта эшелон прибыл в город Бикин Приморского края. По распределению был направлен в 3-ю пулеметную роту 3-го стрелкового батальона 352-го стрелкового полка. На фронт отправлялся вместе с другими красноармейцами и командирами из состава 42-й бригады Приморского края в сентябре 1943 года. На фронт прибыли в октябре 1943 года в 286-ю стрелковую дивизию Волховского фронта. Был направлен в 998-й стрелковый полк на должность помощника командира взвода 3-го батальона в воинском звании сержант. Командующий фронтом - Маршал Советского Союза К.А. Мерецков.

Боевой путь проходил через Малую Вишеру (конец октября 1943 года), Новгород (20 января 1944), село Медведь, западнее Новгорода (29 января 1944), город Нарва (апрель 1944

года), река Сестра, Ленинградская область (12 июня 1944 года), Кивеннана, Карельский перешеек (14 июня 1944 года), линия Маннергейма (14-15 июня 1944 года), Выборг (20 июня 1944 года), река Ихантала (22-23 июня 1944 года), город Тарту, Эстония (15 сентября 1944), река Эйма-Цыги (17 сентября 1944).

Принимал непосредственное участие в боях по освобождению города Новгорода в январе 1944 года. (Новгородско-Лужская операция Волховского фронта. Командующим фронта был генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков). Я участвовал в боях в составе 3-го батальона 998-го стрелкового полка 286-й стрелковой дивизии. При проведении этой операции полностью была снята блокада Ленинграда. Операция проводилась совместно с войсками Ленинградского фронта. Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Леонид Александрович Говоров.

Принимал непосредственное участие в боях по штурму линии Маннергейма в Финляндии в составе 30-го гвардейского корпуса, которым командовал герой Советского Союза Николай Павлович Симоняк. Корпус в это время входил в состав войск Ленинградского фронта. Я проходил службу в минометной роте наводчиком огневого взвода, (командир взвода лейтенант Лебедев, командир роты капитан Лосев). Наступление войск началось 10 июня 1944 года. 12-14 июня мы вышли на рубеж Кивеннаны, где начиналась линия Маннергейма.

В процессе боевых действий, успешного прорыва линии Маннергейма подразделения 192-го гвардейского стрелкового полка (командир полка гвардии полковник Холшня) вышли к артиллерийским позициям финнов. Артиллерия была почти полностью подавлена. Существенного влияния на части и соединения 30-го гвардейского корпуса она оказать не могла. Нас удивило то, что на огневых позициях финнов стояли термосы с горячей пищей. Некоторые раскрыты, кругом все разворочено. Сплошные воронки. Вероятно, позавтракать им не дала реактивная артиллерия, именуемая «Катюшами». Дорога шла на город Выборг.

Финны по опыту боев 1939-1940 годов не предполагали, что советские войска так быстро овладеют линией Маннергейма, и в спешном порядке вводили свежие части в созданные укрепления вокруг Выборга, так называемые Выборгские

обводы, их было три кольца. На Карельский перешеек была брошена и немецкая дивизия.

Бои были упорными, не прекращались они даже в ночное время. Итогом взаимодействия сухопутных войск и Балтийского флота стало освобождение Выборга 20 июня 1944 года. Населения в городе не было. На улицах много было забитого крупного рогатого скота.

Ихантала. Части и соединения 30-го гвардейского корпуса продолжали наступление за Выборгом. Основательно поредевшие, они вышли 24-25 июня на рубеж реки Ихантала, где встретили отчаянное сопротивление. Что интересно, со стороны финнов на этом рубеже в боях участвовали женщины. Это была граница 1940 года. Из состава батальона группе из 14 человек во главе с младшим лейтенантом (фамилию не помню) удалось перебраться на противоположный берег.

Захоронись мы под огромным валуном. Несколько раз финны пытались нас выкурить, но мы стойко держались и выстояли. Два человека были убиты. Младший лейтенант ранен в ногу. Не было никакой возможности находить еду. Через 4 дня при густом тумане мы решили возвратиться на свой берег. 192-й гвардейский стрелковый полк был заменен. Саша Батулин ночью один пробрался к своим, объяснил все и приполз обратно. Во время нашего возвращения финны почувствовали что-то неладное. Наугад открыли огонь. С нашей стороны заговорили крупнокалиберные пулеметы. Мы благополучно возвратились.

Командование нового полка, заменившего наш 192–й встретило нас хорошо. Накормили, отмыли и доставили в свой полк, который находился километрах в 30 от этого места.

Особую смекалку, выносливость, выдержку и храбрость проявил Саша Батулин. Младшего лейтенанта назначили на должность командира роты в этом батальоне, Батулин остался с ним. Меня назначили на должность комсорга батальона.

Река Эма-Цыги. Подготовка к форсированию. Форсирование реки, наступление на Таллин. В середине третьей декады августа 1944 года части и соединения 30-го гвардейского корпуса маршем тронулись с Карельского перешейка. Шли в основном ночами.

3-й батальон 192-го гвардейского полка остановился в небольшом безлюдном населенном пункте, на берегу реки, ки-

лометрах в 25-30 от линии фронта. На следующий день приступили к незнакомой нам до сих пор работе по подготовке к новому наступлению. Первый же день определенно указал нам путь- форсирование водной преграды. Но где и что представляла собой водная преграда, было загадкой. Личный состав рот батальона разбили на группы. В каждую группу входило 12 человек. Группы скрытно размещались в метрах 150 от берега реки. Для каждой группы выделялась лодка со сложенными бортами, которую удобно было переносить. Восемь человек бегом несли лодку к берегу реки, четыре человека были в готовности. Подбегая к берегу, определенными приемами защелкивали на замки секции бортов, садились по бортам в роли гребцов, а четверо вели огонь из автоматов по противоположному берегу. Больше недели шла тренировка.

Утром 17 сентября в 7 часов 30 минут раздался залп гвардейских минометных частей. Задрожали берега. Река всколыхнулась волной. 50 минут шла обработка переднего края немцев по всей его глубине. Резкий, одновременный щелчок замков секций бортов лодки, и все 12 человек в ней. Группа поспешно надувает спасательные жилеты.

Сильные рывки гребцов, и лодка почти на середине реки. Минуты напряжения на воде кончились. Лодка уткнулась в берег. Вся группа целехонькой выскочила на берег, залегла, быстро освободилась от спасательных жилетов. Взвились ракеты, возвестившие атаку. Роты и батальоны 192-го гвардейского стрелкового полка двинулись на Таллин.

***

Боевые действия закончил в 47-м запасном артиллерийском полку в городе Тосково, под Ленинградом, 21 ноября 1944 года (после излечения в госпитале в Ленинграде) в должности комсорга батальона, в звании гвардии старшего сержанта. Оттуда как член ВКП(б) был направлен в Первое гвардейское минометно-артиллерийское училище имени Красина в Москве, которое окончил в 1946 году. Начальник училища - генерал Вовченко Максим Лаврентьевич, командир батареи - Котько С. А., командир взвода - Леонтьев Евгений Александрович.

Я участник Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года, почетный ветеран Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

29 января 1944 года в ночном бою под населенным пунктом Медведь, Новгородской области был ранен в правый плечевой сустав. Ранение было определено как легкое. По ранению убыл из 998-го стрелкового полка 286-й стрелковой дивизии 31 января 1944 года на лечение. Сначала находился в городе Боровичи. В начале марта был переведен в госпиталь №4174, в город Ленинград. Госпиталь размещался в школе на Невском проспекте. Всего на излечении находился в течение двух месяцев. В конце марта - начале апреля 1944 года вернулся на фронт в 192-й гвардейский полк Ленинградского фронта.

17 сентября 1944 года в боях при наступлении на город Таллин получил тяжелое ранение: прострел правой стороны грудной клетки с прострелом легких. Ранение комиссией госпиталя было определено как тяжелое, так как поврежден жизненно важный орган. По ранению убыл с фронта из 3-го батальона (штаба батальона) 192-го гвардейского стрелкового полка 18-19 сентября 1944 года.

Излечение проходил в госпитале №2009 в городе Ленинграде, в здании финансово-экономического института. На излечении находился около двух месяцев.

Не могу не остановиться на таком факте. Недели за две до полного выздоровления раненых выписывали из госпиталя в батальон выздоравливающих. Ежедневно нас направляли в разные района города на расчистку улиц и разрушенных от бомбежек немецкой авиацией домов. Даже в этих случаях местные власти использовали наше трудолюбие, выносливость и патриотизм.

В первой декаде ноября 1944 года из выздоравливающих сформировали маршевые роты в составе 400 человек и отправили в Токсово.

Награды

Первую награду на фронте получил в 192-м гвардейском стрелковом полку - знак «Гвардия». По положению этот знак

вручался солдатам, сержантам и офицерам, участвовавшим в составе гвардейской части в боях не менее трех месяцев.

2-3 июня 1944 года перед строем полка, при развернутом знамени командир полка гвардии полковник Холошня вручил знак «Гвардия».

Орден Отечественной войны 1-й степени, №513687. Награжден указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года, указ подписан секретарем президиума Верховного Совета СССР. Орден вручен 8 мая 1985 года в здании Министерства медицинской промышленности министром Афанасием Кондратьевичем Мельниченко. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боях за город Нарву, освобождение Новгорода.

Медаль «За отвагу», №688878. Награжден указом президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1945 года, указ и удостоверение подписаны Александром Федоровичем Горкиным. Медаль вручена в Первом гвардейском минометно-артиллерийском училище имени Красина в конце января 1946 года начальником училища генералом Вовченко Максимом Лаврентьевичем. Награжден за участие в боях под городом Нарвой.

Медаль «За боевые заслуги». Награжден указом президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1956 года. Указ подписан секретарем президиума Верховного Совета СССР Николаем Михайловичем Пеговым. Медаль вручена в 34-й гвардейской минометно-артиллерийской бригаде г. Гайсин Винницкой области в январе 1957 года командиром бригады Черняком. Награжден за участие в боях по снятию блокады Ленинграда.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Награжден указом президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Медаль вручена 19 июня 1945 года от имени президиума Верховного Совета СССР начальником Первого минометно-артиллерийского училища имени Красина в Москве генералом Вовченко Максимом Лаврентьевичем.

Медаль «Ветеран Вооруженных сил СССР», юбилейная медаль «Двадцать пять лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», юби-

лейная медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «За безупречную службу» I степени, юбилейная медаль «XXX лет Советской Армии и Флоту», юбилейная медаль «40 лет Вооруженных сил СССР», юбилейная медаль «50 лет Вооруженных сил СССР», юбилейная медаль «60 лет Вооруженных сил СССР», юбилейная медаль «70 лет Вооруженных сил СССР».

В боях по защите Родины в Великой Отечественной войне на Курской дуге в 1943 году погиб брат моего отца Климентов Николай Петрович, приблизительно рождения 1918-1919 года. Также не вернулся с фронта погибший в боях сын сестры моего отца - Синельников Михаил Петрович, приблизительно рождения 1924-1925 года, уроженец села Первое Пересыпкино, Гавриловского района, Тамбовской области.

В моей памяти и памяти моих товарищей по боям на Ленинградском фронте в составе 2-й ударной армии особенно запомнились бои по штурму линии Маннергейма в июне 1944 года. Группе бойцов, в том числе и мне, довелось побывать на линии Маннергейма после ее штурма.

Поездка в район Кивеннаны была организована политотделом дивизии. То, что довелось увидеть, просто страшно. Вокруг дотов, дзотов, между ходами сообщений - сплошные воронки да колючая проволока, прикрывавшая подходы к сооружениям, разорванная и повешенная на опоры, хаотически закаталась в бесформенные мотки.

По очереди, небольшими группами мы входили в один казематов. Толщина стен, наверное, полтора-два метра, внутри прохладно, полная тишина. Предусмотрены все виды жизнеобеспечения.

Когда закончилась наша “экскурсия”, мы пришли в ужас не оттого, что все взломано и разворочено, а от того, на что мы шли, что штурмовали и что с успехом покорили.

В этих боях погиб парторг батальона Курбатов. Перебираясь во время боя из одной роты в другую, напоролся на финнов. Скаля зубы, они сжимали кольцо вокруг него. Живым он не дался. Подорвался гранатой, уложив вместе с собой насколько финских солдат.

Попал в лапы финнам и был ими растерзан разведчик взвода разведки минометной роты Василий Куренной. Начал

он войну в 1941 году в артиллерийском полку разведчиком. В 1942 году раненым попал в плен к немцам. Он поведал нам о «прелестях плена»: как кормили немцы пленных из корыта и многое другое. Бежал из плена. Был ранен в боях. Снова вернулся на фронт, а теперь погиб. Василий был очень смелым, умным, находчивым разведчиком, грамотным в артиллерийских делах, хорошим товарищем. Перед боем он написал родителям, что после излечения по ранению снова направлен на фронт, в минометную роту. Это не крупнокалиберная артиллерия, писал он, но очень беспокойная артиллерия для немцев.

До моего назначения на должность секретаря комсомольской организации батальона им был Ефрем Голованов, настоящий комсомольский вожак и прекрасный коммунист. В самой сложной обстановке, в условиях обороны или наступления, он находился среди бойцов в подразделениях. Настойчивый и преданный своему делу, принципиальный, честный, порядочный офицер. Его отвага, находчивость, при этом культура и обширные знания были притягательной силой для сослуживцев и комсомольцев батальона. Умело, напористо, доходчиво защищал он бойцов, порой не по злому умыслу, а по молодости, допустивших ошибки. «Красивой души люди» - так назвал политических работников батальонов и рот времен войны генерал-лейтенант К. Телегин в статье газеты «Правда» за 9 марта 1980 года. Таким действительно и был Ефрем Голованов.

Времени между боями было очень мало. День-два на приведение подразделений в порядок, пристрелка стрелкового оружия и снова тренировки до упаду к очередному наступлению, чтобы сохранить наступательный темп, который характерен был для 1944 года.

Большой популярностью пользовалось у фронтовиков стихотворение Константина Симонова «Женщине из города Вичуга», Павла Шубина «Волховская застольная» и другие.

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!

Выпьем за тех, кто неделями долгими

В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу!

Много хороших стихов и песен было, они печатались в периодической печати, были доступны, мы их читали и пели, особенно на длительных, утомительных маршах.

Как уходил на фронт добровольцем, так и увольнялся из рядов Вооруженных сил по собственной инициативе. Командование полигона в увольнении отказывало. Отказывал и Главный штаб ракетных войск стратегического назначения. Через год активной переписки был уволен по выслуге лет с правом ношения военной формы одежды. Прослужил в рядах армии двадцать шесть с половиной лет.

При увольнении получил приглашение на работу от заместителя С.П. Королева - Якова Исаевича Трегуба в институт в Балашихе, Московской области. Но дорога с ездой около двух часов не позволила поработать под началом прекрасного руководителя.

Два года работал в Министерстве оборонной промышленности, затем в Министерстве медицинской промышленности на должностях начальника отдела информации и начальника отдела экономических исследований. В возрасте 70 лет с работы уволился.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коренков Леонид Александрович****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Клюев Борис Дмитриевич

Долго хранил эту счастливую шинель

Я родился в 1915 году в слободе Панской, Валуйского района, Курской области в семье служащего – кассира. Русский, атеист, коммунист, член КПСС.

В 1932 г. я окончил семилетку в г. Умани. Два месяца после ее окончания работал рабочим станкового цеха на заводе "Работник" в городе Умани. В 1932 году поступил в Уманский строительный техникум, который окончил с отличием, в 1936 году получив звание техника-строителя. В период учебы в техникуме с 15 апреля по 26 октября 1935 года проходил производственную практику в городе Новоград-Валынский в городском земельном отделе сначала в качестве участкового техника-строителя, а после старшим техником строительной группы. С 17 ноября 1936 года по 20 января 1937 года работал техником инспектором в Уманском горсовете. 23 января 1937 года был призван Уманским райвоенкоматом и направлен в отдельный танковый батальон 97-й стрелковой дивизии Киевского военного округа, где служил курсантом школы младших командиров. Школу окончил 27 октября 1937 года получив звание младшего командира (командира танка). С октября 1937 года по апрель 1938 года служил в Отдельном разведывательном батальоне 97-й стрелковой дивизии в качестве командира танка, с апреля 1938 года по сентябрь 1938 года радиомастером, с сентября 1938 года по ноябрь 1938 года ответст-

венным секретарем комсомольского бюро (освобожденным, штатным). В 1938 году окончил годичную дивизионную школу партийно-комсомольского актива. С 15 ноября по 19 декабря 1938 года находился в долгосрочном отпуску по окончанию срочной службы, а 19 декабря 1938 года был зачислен на сверхсрочную службу и работал в должности заведующего делопроизводством технической части отдельного разведывательного батальона 97-й стрелковой дивизии, где работал до поступления в Академию. С сентября 1939 года по февраль 1942 года слушатель Инженерно-фортификационного факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева.

О начале войны я узнал 22 июня из выступления Молотова. Я в это время находился в летнем лагере в Московской области: днем учился, а ночью рыл окопы. Помню тогда все старшие офицеры сразу были мобилизованы и отправлены на формирование строевых частей. 7 ноября 1941 года академия была эвакуирована в город Фрунзе, где и продолжалась моя учеба до февраля 1942 года. В феврале я закончил 3-й курс академии в звании лейтенанта и получил назначение на должность бригадного инженера 87-й отдельной стрелковой бригады Среднеазиатского военного округа в г. Ашхабаде. Здесь началось формирование бригады и обучение личного состава. Численность бригады составляла примерно 7200 человек, плюс 600 лошадей. Лошади, конечно, были довольно бессмысленной затеей, так как для них не было укрытий, и поэтому при обстреле первыми погибали лошади. Большую часть солдат составляли туркмены, кроме того, немного татар и русских. Никаких конфликтов на национальной почве не было, все относились друг к другу с уважением и помогали, чем могли. Вскоре бригада была переправлена в г. Ногинск, где продолжалось обучение и акклиматизация личного состава. Я, будучи бригадным инженером, руководил инженерной подготовкой частей бригады и строительством военного городка. Туркменам не просто было привыкнуть к нашему климату, но они быстро освоились. В ноябре 1942 года нас грузят в эшелоны и направляют на Северо-Западный фронт по Ленинградской дороге под Старую Русу. Ехали мы до станции Поло, от нее маршем до поселка Корсун, где шли бои. Бои шли тяжелые: поселки переходили из рук в руки по нескольку раз. Местность была болотистая, что затрудняло движение. В

окопах вода, погода холодная. В общем, некоторые не выдерживали. Но большинство сражались героически, каждый день, проведенный там в окопах, под огнем - это подвиг. В тот период я как раз проводил захват моста, за что даже получил награду. Понеся большие потери, в апреле 1943 года бригада была выведена на переформирование в Калужскую область в поселок Ферзиково. Здесь мы приняли пополнение и сформировали 76-ю Ельнинскую стрелковую дивизию, а также занимались строительством оборонных рубежей для защиты Москвы. Я был назначен дивизионным инженером. В июне 1943 года мы двинулись на Ельню. В июле 1943 года я был назначен помощником начальника штаба инженерных войск 21-й армии по разведке. В этой должности я занимался инженерной разведкой в наступательных операциях армии в районах Ельни, Смоленска и на Карельском перешейке, а также строительством командных пунктов, дорог, мостов, разминированием и штабной работой. Далее в 1943 году 21-ю армию вывели на отдых под г. Калинин и после отдыха - на Ленинградский фронт. 21-я армия начала наступление на Карельском перешейке через боевые порядки 23-й армии. После проведения тщательной разведки (авиационной, агентурной, инженерной разведки боем) 21-я армия перешла в наступление вдоль выборгского и приморского направления. Оборона у финнов была очень сильная, особенно линия Манергейма, которая представляла собой сплошную линию из долговременных огневых сооружений. Местность заболочена, на деревьях снайперы-смертники. Линию Манергейма взяли в основном благодаря бомбежкам и проходам, которые делались с помощью взрывчатки. Выборг финны обороняли очень стойко: вокруг него было много противотанковых ежей, минные поля, огневые точки и инженерные заграждения. Я в тот период занимался обеспечением прохода наших войск через инженерные заграждения, т.е. прохода через минные поля, наведением дорог, мостов, переправ. После освобождения Выборга (20 июня 1944 года) мы пошли дальше до Сайменского канала, где был заключен договор о прекращении боевых действий (сентябрь 1944 года). В ходе боев все населенные пункты от Карельского перешейка вплоть до Выборга были захвачены. В сентябре 1944 года 21 армия была переправлена на Западный фронт, а я был откомандирован на учебу в Военно-инженерную акаде-

мию имени Куйбышева, на командно-инженерный факультет, который окончил в 1947 году, получив специальность военного инженера.

В ходе боевых действий ранен не был, но был легко контужен и лечился в медсанчасти 21-й армии.

Награжден орденами Красной Звезды, №847614, №3068958, Отечественной войны 2-й степени, №1048390 указ от 11 марта 1958 г. №826431; медалями "За боевые заслуги", №28868388, "За отвагу", №188840, "За победу над Германией в Великой Отечественной войне", №00027846 приказ от 9 мая 1945 г., "Ветеран Вооруженных сил СССР", приказ №331 от 21 декабря 1976 г., «За обучение офицеров монгольской армии», "Жукова", "300 лет инженерным войскам России", "Отличник Гражданской обороны СССР", "Ветеран Вооруженных сил", "За безупречную службу в Вооруженных силах СССР", и др..

Не верь фашисту!

Немцы вели агитацию, разбрасывали листовки с обещаниями хорошей жизни в плену и т.д. Группа солдат из нашей бригады не выдержала и, поддавшись соблазну, сдалась в плен. А когда через некоторое время мы прорвались в тот населенный пункт, рядом с которым нас предали свои, мы нашли их зверски убитыми, повешенными вниз головами и с вырезанными на грудях нацистскими знаками! Это было ужасно, но зато больше предательств не было. Но началось другое...

Симулянты

В период боев под Старой Русой появились случаи дезертирства и самострелов. Некоторые солдаты специально простреливали себе руку или ногу, чтобы попасть в госпиталь и отдохнуть там. Пришлось провести по решению военно-полевого суда расстрел перед строем всей бригады одного из таких, после чего самострелы прекратились. Время было такое.

Опасная трясина

Помню был еще такой случай. Танки послали по болотам,

где не было дорог, и в результате 20 танков вместе с экипажами провалились в болото и утонули. Из-за этого происшествия был снят с должности командующий фронтом маршал Тимошенко!

Повезло

Как я уже говорил, ранен я не был, но однажды я был очень близок к этому. Вот как это было. Я проверял строительство траншей на передовой, и немецкий снайпер меня засек. Когда я перебегал из одной траншеи в другую, раздался выстрел. Но попал он в полу моей шинели, которая отвернулась при перебежке, и, слава Богу, не в меня. Мой отец потом долго хранил эту счастливую шинель.

Военная хитрость

Эта военная хитрость была применена при отправке 21-й армии на Ленинградский фронт. Вот что это была за хитрость. Большая часть армии была скрытно, ночью отправлена эшелонами на Ленинградский фронт, а небольшая часть открыто переправлена вновь к Ельне. Немцы, конечно же, узнали о переправке к Ельне и поверили, оттянув часть своих войск от Ленинграда и переправив их под Ельню, что значительно упрощало нам задачу.

Пустой город

Одним из самых ярких впечатлений, которые остались в памяти, является для меня Выборг. Когда мы вошли в этот город, он был совершенно пустой. Все дома, магазины были раскрыты нараспашку, и все брошено. На станции эшелоны с вещами, подготовленными к отправке. И нигде никого. Люди бежали, все бросив.

Доверяй, но проверяй

Еще одна интересная деталь. Финны на самом деле не хотели с нами воевать, их заставляли немцы. Причем дошло даже до того, что в экипаже танка всегда был один немец.

Культ личности Сталина

Хотелось бы особенно отметить один момент. В то время народ очень любил И.В. Сталина, об этом говорили крики солдат, когда они шли в атаку. Они кричали: "Ура! За Родину! За Сталина!".

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лебедев Андрей Александрович**, студент 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Комов Михаил Иванович

Молодость и война

Родился я 10 ноября 1924 года в городе Моздоке, в станице Луковская. Русский. Православный. Член ВЛКСМ.

Окончил в 1938 году школу и в 1939 году ФЗУ.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в СОАССР (Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика) в станице Вознесенская, что возле города Малгобек, днем по радио. Работал я тогда в должности оператора нефтяной промышленности по буровым.

Начинал участвовать в боевых действиях по призыву с 10 августа 1942 года. Соединение формировалось в Дагестане, в станице Мамедкала, посёлке Меджлис. Начинал в звании рядового в составе 1344 стрелкового полка миномётчиком под командованием командира батальона в звании капитан, командира роты в звании старший лейтенант, командира взвода в звании лейтенант.

Город Орджоникидзе (конец 1942 года - начало 1943 года), город Алагир (конец 1942 года - начало 1943 года), Сухумский перевал (конец 1942 года - начало 1943 года), город Сухуми (ноябрь 1943 года), город Новый Афон (лето 1943 года), город Киев (зима 1944 года), город Ахалцихе (весна 1944 года).

Оборонял город Орджоникидзе в конце 1942 года в составе 1344-го полка.

Оборонял город Сухуми осенью 1943 года в составе 94-й отдельной стрелковой бригады.

Боевые действия закончил в городе Ахалцихе весной 1947 года в составе 10-го гвардейского корпуса 28-го гвардейского полка. Был в должности помощника командира взвода, в звании старшего сержанта под командованием командира полка, имевшего воинское звание подполковник.

Зимой 1944 года был легко контужен при бомбёжке эшелона.

Город Ахалцихе (весна 1947 года), город Тбилиси (весна 1947 года), город Баку (весна 1947 года), город Моздок (весна 1947 года).

Был демобилизован в городе Ахалцихе в марте 1947 года. Прибыл в станицу Вознесенская в марте 1947 года. Трудоустроен на должности колхозник-учетчик. Демобилизован в связи с окончанием военных действий.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени №1970512 за боевые действия на Сухумском перевале.

Вручена медаль «За победу над Германией» № 0098584 полковником Егоровым в октябре 1946 года. Медаль “70 лет ВС СССР”, медаль “25 лет победы в ВОВ”.

На войне погиб брат Иван Иванович Комов в звании старшего лейтенанта в 1941 году при обороне Сталинграда. В 1940г. он поступил в Грозненское военное офицерское училище. Был ранен под Таганрогом, лежал в госпитале в Пятигорске. Имя его занесено на доску памяти в городе Волгограде.

Остался жив дядя Комов Георгий Афанасьевич, мобилизованный после ранения в конце1941 года - начале 1942 года.

Собственных публикаций нет.

Неопубликованных произведений нет.

Других публикаций нет.

Сопровождали эшелон. По всему следованию шла бомбежка. Приходит эшелон, а сведения уже есть у немцев (их разведка донесла). Ночью бомбежки и днем бомбежки. Наш эшелон не доехал чуть-чуть. У Белой Церкви весь танковый эшелон разбомбили, который пришёл раньше нашего. На станции посередине, на путях, стоял состав со снарядами, а по

другим путям по обеим сторонам состава со снарядами подошли два эшелона с солдатами. Налетели немецкие самолёты, разбомбили состав со снарядами, и оба эшелона, которые стояли рядом, полностью взорвались. Шестьсот солдат погибли на месте, тысяча солдат были ранены. Это было предательство.

Мы обратно возвращаемся, продуктов не хватает, доехали до станции Спицино, и снова бомбежка, тут я получил легкую контузию.

На Сухумском перевале у нас были боевые действия. Мы с автоматами, немцы с пушками, с автоматами. Какие там песни, мы вели горные бои, сидели за камнями, возьмешь на прицел, и кто кого успеет, не то ты, не то тебя. В горах снег. Некогда было ни петь, ни рассказывать. Ты их или они тебя. День прошёл, жив остался - и хорошо. Спали в спальных матрасах прямо на снегу. Ели альпийский паек, если по тропам подвезут. Ели ночью, а днем бомбежки. Когда не было бомбежки, привозили полевую кухню, но днем ели только сухой паек. Все заросли, не брились. Зимой в горах – в одной одежде. В общем, как в песне: «Как проводим фрица, тогда будем стричься». Конечно же, никакой бани не было. Вши заели. «Кому война, кому мать родна», нам-то была война.

А когда наши отстояли Сталинград, немцы бежали, только пятки сверкали из Моздока, Кизляра, Буденовца, Вознесенской станицы, Нальчика, Пятигорска, чтобы не попасть в окружение. Мы еле успевали их догонять. Немцы боялись, чтобы их не взяли в кольцо, чтобы не отрезали от их дивизий.

В Тбилиси, перед тем как сопровождать эшелон в Киев, нам выдали новое обмундирование, в том числе и валенки, так как была зима. На обратном пути в Ростове я купил сапоги себе. Переоделся, а валенки подмышку. Представляю, как я буду в Сухуми в новых сапогах щеголять. Да не тут-то было. В поезде, по дороге сапоги украли. А было это так. На станции Кировабад я вышел купить поесть. По пути к вагону ко мне подошёл нищий за милостыней, я еще дал ему яйцо, а он и был тот самый воришка, мне сказали об этом в поезде. Кое-кто видел, как он быстро взял сапоги и выскочил из вагона. Я взял ружье, вышел на станцию, думал догнать его, но какой там, его и след простыл. Вернулся в Сухуми в феврале: дождь, а я в валенках шагаю.

Или вот еще был случай. Наши наряды автоматчиков охраняли огромный совхоз, который выращивал апельсины. Это от Сухуми 60 км. Я был физруком батальона. И вот нас отправили за апельсинами для командирского состава. Мы съездили, привезли. А нам? Ну, мы решили поехать и набрать для солдат тоже. Сели на поезд, а ночь была лунная, но зная, что охраняют наши солдаты, мы набрали вещмешки апельсинов и на поезде вернулись за ночь и накормили весь батальон.

На станции Бахмач (не доезжая Киева) солдаты спешились. Нас расквартировали. Мы с другом и парторгом стали на квартиру, а есть хочется. Там много было зайцев. Мы пошли на охоту. Подбили зайца. Встретили двух солдат. У нас автоматы, у них ружья. Они хотели попробовать из автомата стрельнуть, а я из ружья. Солдат дал свое ружье, я знал, что оно пустое, так как он шёл с охоты и ружье нес через плечо – это значит, что ружье разряжено. Я хотел посмотреть, как оно стреляет, и так, шутя, нацелился на друга, но в последнюю минуту мысль пришла, что нельзя целиться в человека, ведь это не мишень, и отвел ружье. Стрельнул, а оно выстрелило. Я и остолбенел, встал, как вкопанный. Оказывается, те солдаты не стреляли еще. У нас-то автоматы на предохранителе. Меня и его спасло то, что я знал правило, что даже незаряженным ружьем нельзя целиться. Мне в детстве отец говорил, что один раз в году ружье само стреляет.

Как мне объявили благодарность перед батальоном за обнаружение врага

Дозорные идут. У меня наблюдатели расставлены. Я посылаю связных доложить в батальон о том, что перебежками появился противник. Батальон уже наготове. Ждет основные силы. Потом шли боевые действия. И мне объявили благодарность за правильные действия.

Закавказский военный округ проводил соревнования. Меня как физрука и еще одного бойца направляли на соревнования по гимнастике в Тбилиси, в Сухуми, в Батуми. Уже не было горячих боев, стало тише. После соревнований в Тбилиси мне был присвоен третий взрослый разряд по гимнастике.

Мне пришлось совмещать пять должностей. Говорю, что и так много, хватит. Тоже совестливый был, ответственный, за все переживал. Все-таки уговорили быть, кроме помощника командира взвода, и физруком батальона, и командиром ячейки управления батальона (над связными командного состава), и комсоргом батальона, и старшиной батальона (как в танковых частях, у них были старшины батальонов). «Не отказывайся», - говорят. - «Ты у нас будешь «батальонным Сталиным», у него пять должностей и у тебя пять должностей». Ну, посмеялись, а что сделаешь, пришлось работать. Вот так и шутили.

Ахалцихе – приграничный город. Наша дивизия и по сей день там стоит. Солдаты приходят и уходят, а дивизия стоит.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Комов Дмитрий Робертович****, студент 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Коровушкин Александр Иванович

Уходит в ночь разведка

Родился я 13 августа 1924 года в селе Мягкое, Серебряно-Прудского района, Московской области в семье врача. Учился в Серебряно-Прудской средней школе. В летние каникулы между 9-м и 10-м классами, окончив курсы помощников комбайнера (штурвальный), я работал на комбайне «Коммунар» на полях района. После окончания средней школы в 1942 году до призыва в Красную Армию я по месту жительства работал в колхозе «Заря» на жатке.

Мой старший брат – Николай – в РККА с 1938 года. К началу войны он служил в разведывательной эскадрилье Военно-воздушных сил в звании «старший лейтенант».

Отца моего – Ивана Михайловича (1887 года рождения) - призвали на войну в первых числах июля 1941 года как квалифицированного специалиста (в возрасте 54-х лет, имеющего ограничение 2-ой степени).

В начале августа 1942 года я был вызван в райвоенкомат, где мне сообщили о том, что меня призывают в армию и направляют в военное училище. Медкомиссия была назначена на 8 августа, на которую вместе со мной вызывались 12 человек, трое из которых закончили 10-й класс (кроме меня Боголепов Сергей и Александр Пруцков).

В сопровождении лейтенанта из РВК наша группа должна была отправиться поездом в Москву рано утром 10 августа.

Однако, мы уехали только утром 11 августа. Дома осталась одна больная мама. Из Москвы в тот же день группу направили в г. Тула. Ночь провели в подсобных помещениях фабрики-кухни на улице Коммунаров. В ранний час 12 августа нас направили вместе с другими ребятами на Рыночную площадь, где были построение, перекличка и объявление кто куда направлен. Меня и еще одного серебряно-прудца, а также человек 40-50 отправили в Москву. Поздно вечером 12 августа я прибыл в 1-е Московское краснознаменное пулеметно-минометное училище. Успешно сдав экзамены, я был назначен командиром отделения в учебный взвод. В отделении числилось 11 человек. Началась учеба. Наступило 29 августа 1942 года. Ночь. Вдруг срочно – построение новобранцев! Присутствовал начальник училища и еще несколько военачальников и гражданских лиц. Было сказано: «Надо на фронт, после выполнения военной операции курсанты будут возвращены в училище для продолжения учебы, а «стариков» через несколько месяцев выпустят по окончанию программы». Нас, несколько взводов, на электричке отправили в Москву, а оттуда тоже на электропоезде до г. Малоярославец Калужской области. Потом на автомашинах около 40 км проехали на запад. Здесь вновь прибывшие направлялись в различные воинские части действующей армии.

12 человек были зачислены красноармейцами в 951-ю отдельную линейную телеграфную роту связи 49-й армии связистами. В тот момент был налет немецких самолётов, несколько человек были ранены.

В этом подразделении связи я находился на Западном фронте около года, принимая участие в боевых действиях 49-й армии по освобождению Калужской области, г. Спас-Деменск, в Ржевско-Вяземской операции, в направлении на г. Брянск, Смоленской области, г. Рославль, г. Мстиславль (Белоруссия).

Несколько месяцев находился на курсах радиотелеграфистов. После образования трех Белорусских фронтов 49-я армия вошла в состав 2-го Белорусского фронта (города Могилев, Горы, Горки, Минск). Закончив курсы, я был направлен радиотелеграфистом в 31-ю армию, во вновь сформированный 113-й стрелковый корпус, в радиороту 1008-го отдельного ордена Красной Звезды батальона связи 3-го Белорусского фронта. Позже за освобождение нескольких городов Белоруссии

(операция «Багратион» 23 июня 1944 года) батальону было присвоено звание «Борисовский». Боевой путь батальона с июня 1943 года: города Орша, Борисов, Минск, Лида, Гродно, Друскеникай (Литва), Августов, Сувалки (Польша) – август 1944 года.

В конце августа того же года 113-й стрелковый корпус из 31-ой армии был передан в 39-ю армию, куда и передислоцировалась наша часть – в район г. Юрбург (Юрбаркас), на границе с Восточной Пруссией, у реки Неман. Я уже был радистом 3 класса, мне было присвоено звание ефрейтор.

Разведка уходит в ночь

В конце сентября 1944 года я был вызван к начальнику разведки корпуса. Кроме него, в землянке находился начальник связи корпуса, командир радиороты, несколько офицеров разведотдела, младший лейтенант-переводчик. Была определена задача: быстро сформировать группу разведки из одиннадцати человек под командованием младшего лейтенанта для углубления в тыл врага на 25-26 километров с целью получения необходимых сведений о расположении укрепленных пунктов немцев. Началась под руководством офицеров разведотдела подготовка группы: изучение местности разведки по карте, хождение по азимуту, передача данных, кодирование, действия разведчиков в различных ситуациях, знакомство друг с другом, проверка радиостанции Р-13, источников питания. Помощником радиста был назначен только что прибывший из госпиталя солдат, который не умел работать «ключом». В последний вечер, 3 октября, собрались разведчики в землянке начальника разведки, были сданы документы. Теперь мы для противника уже безымянные солдаты. Получены последние инструкции и наставления: вести наблюдения, в бой не ввязываться! В это время младший лейтенант срочно был вызван к командованию. Через несколько минут полковник – начальник разведки сообщил, что младший лейтенант получил другое задание. В связи с этим командиром группы назначается ефрейтор Коровушкин! На меня, двадцатилетнего, навалилось чувство большой ответственности. Сразу мелькнула мысль: лишь бы не завалиться при переходе передовой линии. Все притихли. Потом нам сообщили, что на участке перехода бу-

дет устроена разведкой кратковременная стрельба, во время которой пройдут сапёры и разведчики. И вот последние рукопожатия и пожелания всем благополучного возвращения и, конечно, успеха в разведке. Как же сложится наша судьба?

Тихо, неслышно обошли разведчики укрепленные пункты и растворились под пологом леса. Шли молча. Под утро вышли на лесную дорогу. По рации сообщили о благополучном переходе передовой линии. Впереди расстилалась неведомая даль.

В бинокль внимательно рассмотрели местность. Недалеко от леса стоял недостроенный домик, еще дальше – небольшой хутор. По дорогам изредка передвигались машины и мотоциклы, но воинских частей поблизости не обнаружили. Все выглядело тихо, спокойно. Увидели, что вдали, на железной дороге разгружался воинский эшелон, в капонирах виднелись танки, расстанавливались артиллерийские орудия. Об этом я сообщил по радио.

Мы передвигались по территории противника весьма осторожно, предварительно внимательно осматривая местность. Впереди шли три разведчика, за ними на некотором расстоянии основная группа с радиостанцией (5 человек) и в арьергарде еще 2 разведчика. Время от времени авангард останавливался, поджидая основную группу, и менялся местами с арьергардом. Командир курсировал между разведчиками.

На вторые сутки, уже вечером, когда я стал готовить радиостанцию к очередной передаче информации, заметил, что лампочка напряжения стала гаснуть, мощность сигнала резко снизилась. В душе захолонуло. Участилось сердцебиение. Но никакого вида разведчикам не показал. Стал снова и снова проверять электросхему. Разведчики почувствовали, что с радиостанцией случилось что-то неладное: кто-то приблизился, а кто-то присел рядом. Молча уставились на угасающую лампочку… и никаких вопросов. Наступила тревожная тишина. Поспешил их успокоить: «Сейчас все будет в порядке». Быстро потребовал у второго радиста запасной аккумулятор, произвел замену. Включение – на сердце отлегло: радиостанция заработала. Ребята глубоко вздохнули и облегченно отвалились от радиостанции на землю. Начался сеанс радиопередачи.

Не раз случались соблазны напасть на немцев. Так, в один из дней, передвигаясь по опушке леса, заметили там домик

(очевидно, лесника), из которого послышались приглушенные звуки музыки. Осмотрелись. У крыльца стоял немецкий часовой. Но, помня наказ «в бой не вступать», быстро изменили направление своего движения.

И все же однажды на лесной дороге на нашу группу случайно наехал на коне (на свою беду) немецкий офицер. Следом за ним шла повозка с солдатом. Пришлось бесшумно заколоть обоих. В чемоданах на повозке обнаружили фашистские ордена, медали и подарки. Очевидно, везли награды в какую-то часть. Не довезли. Закопали офицера и солдата в лесу.

Углубились в тыл на 25 км. В кратких донесениях указывались укрепленные пункты, места сосредоточения танковых и артиллерийских частей. Словом, все шло благополучно. Очень активно, с пониманием боевой задачи, действовал помощник Виктор Дегтев, собранный, рассудительный разведчик. Все действовали слаженно.

Получили приказ возвращаться обратно и сосредоточиться в установленном месте предполагаемой встречи с командиром одного из наших полков. Вскоре послышался отдаленный нарастающий гул артиллерийской канонады. Это началось наступление наших войск!

Основное задание выполнено. Осталось пройти несколько километров до установленного места встречи. Казалось, все опасности и тревоги уже позади. Разведчики, по-видимому, расслабились, а может быть, сказалась усталость от почти бессонно проведенных ночей. Было утро.

Вышли из леса на небольшое открытое место. Было тихо, светило солнце. Осмотрелись. Впереди протянулась от леса сравнительно глубокая лощина с кустами орешника, редкими деревцами и небольшими заболоченными участками. Метрах в двухстах на краю лощины виднелось полуразрушенное одноэтажное кирпичное здание с пустующими дверными и оконными проемами, рядом еще несколько мелких хозяйственных построек. Вдоль стены дома лежали большого диаметра бревна. Это почему-то отчетливо запечатлелось в голове. Все выглядело спокойно, ничто не предвещало опасности.

Двинулись по бровке лощины мелкими группами к видневшемуся впереди дому. И, когда почти подошли к нему, неожиданно с противоположной бровки лощины раздались резкие винтовочные выстрелы, а затем и пулеметная очередь. За-

мелькали фигуры немецких солдат. Их было около взвода. Это было 7 октября.

Немцы, очевидно, рассчитывая на численное превосходство, приближались, слегка пригибаясь. Послышалась немецкая команда «Не стрелять!». Видимо, хотели захватить нас живыми. Их цепи совсем близко подходят к зданию.

Первая мысль: нужно немедленно спасать радиостанцию. Прокричал: «Быстро рацию в лес по дну лощины, всем отходить, отстреливаясь, рассредоточиться. Сбор в лесу». Но бой уже завязался – скоротечный, яростный, ближний бой. С обеих сторон пошли в ход гранаты, автоматная стрельба, раздалась пулеметная очередь.

За бревнами – нас трое. Пули с пронзительным свистом впиваются в дерево. Но бревна на время нас спасают. Приподнявшись, совсем близко увидел несколько немцев. Запустил гранату. С торца дома вели короткими очередями, прицельно, вел огонь из автомата Дегтев. В дверном проеме показался офицер с пистолетом в руке. Кто-то из отходящих ребят бросил гранату, пронзительно крикнув нам: «Ложись!». Офицер упал. Метрах в пятидесяти от нас вели огонь Смолячков и еще трое разведчиков. Вскоре Смолячков был убит, а один разведчик ранен, еще один тяжело.

Немцы, что-то прокричав, стихли. Воспользовавшись заминкой, еще раз подал команду: «Всем отходить в лес!».

Наверное, не стоит описывать все детали скоротечного боя. Немцы получили достойный отпор. Но и разведчики при отходе понесли ощутимые потери: двое убиты и трое, в том числе я, ранены. Разрывная пуля раздробила мне левый голеностопный сустав, сюда же с внешней стороны попал осколок гранаты, а вскоре вторая пуля пробила правую руку. Разведчики, подхватив меня подмышки, вытащили из лощины в лес.

Наступили сумерки. Немцы не стали преследовать нас, лишь с «досады» выпустили по опушке леса несколько снарядов со шрапнелью.

Углубились в лес. Перевели дух. Двух разведчиков отправили на место стычки с немцами захоронить погибших товарищей. Подготовили к передаче радиостанцию. Нужно приступать к работе. Нестерпимо болят раны. Распухает раненая рука, в том числе и пальцы. Главное сейчас – успеть сделать передачу, пока пальцы еще способны сгибаться. Там, на «той

стороне», нас непрерывно прослушивают два опытных радиста 1-го класса – Николай Солоп и Саша Заиченко.

Ребята выжидающе смотрят на меня и на мою распухающую правую руку. Говорю им: «Сейчас быстро передам. Зажмите мне правую руку ниже локтя и слегка поддерживайте при работе с ключом». А в голове: «Смогу ли?». Положили пальцы на ключ. Все взоры ребят на меня. Второй радист, став на колени, обнял радиостанцию, желая хоть чем-то помочь. Все – начал вызов. Конечно, радисты на другом конце сразу почувствовали нечеткость передачи. Они все поняли – ранен. Доложили присутствующему генерал-майору И.И.Олешеву, командиру корпуса.

Последовал немедленно запрос:

- Кор (мой позывной) ранен?

Отвечаю:

- Да

Далее:

- Сообщите координаты места нахождения, вам будет оказана медицинская помощь.

Утром мы вышли из леса, неся с собой раненых. Поднялись на чердак одиноко стоящего дома, затащили за собой лестницу. Вскоре увидели, как к дому подъехали на двух мотоциклах немцы. Один мотоциклист остановился поодаль, а другой возле дома. Один остался за рулем, а двое, насвистывая, вошли в дом. На чердаке отчетливо были слышны их шаги. Но немцы почему-то быстро покинули дом. Пролетело несколько наших самолётов.

Сквозь отодвинутую дранку увидели, что немцы отходят. Они не просто отступали, а уже бежали, подгоняемые артиллерийским огнем. Это была незабываемая картина видеть с другой стороны фронта удирающих врагов. Поблизости раздалось мощное «Ура!». Это – наши! С опушки послышалась русская речь. Сквозь деревья просунулась «сорокапятка», которую начали разворачивать в нашу сторону. Всех нас обуяла неудержимая радость. Все закричали, зашумели. Дегтев ногой вышиб чердачную раму – со звоном полетели стекла, сорвал с себя гимнастерку, высунулся в окошко и закричал во всю мочь: « Мы свои – разведка».

Запланированная встреча наступила! А в это время лежащий рядом со мной солдат-разведчик, раненный в шею, умер.

Не дожил всего лишь несколько минут до радостной встречи.

Очевидно, наступающие подразделения были оповещены, что впереди разведка. Очень быстро подбежал военфельдшер, сделал перевязки. Вскоре вместе с медсестрой подошёл командир того полка, с которым была запланирована встреча. На словах я передал ему обстановку. Подъехала санитарная машина. Нас троих тепло проводили в медсанбат оставшиеся в живых разведчики. По пути в медсанбат машина была обстреляна немцами. Ненадолго остановилась у штаба корпуса. Подошли генерал, начальник разведки, несколько командиров, командир батальона и командир роты связи, радисты, с которыми я держал связь, пожелали быстрейшего выздоровления.

И только тогда, скинув с себя напряжение прошедших дней, почувствовал сильную слабость. Теперь я не командир, а просто раненый ефрейтор Коровушкин. Наступил затуманенный полусон. Так и не заметил, как меня переправили в госпиталь, в Каунас.

Подвиг разведчиков был высоко оценен командованием. В моём наградном листе лаконично записано: «Отлично выполнив боевую задачу, товарищ Коровушкин способствовал четкому управлению войсками и их продвижению вперед». Отважный радист-разведчик за свой подвиг был награжден орденом Красного Знамени.

Из письма командира части ко мне в госпиталь:

«Твой отец вправе гордиться своим сыном, а я как командир части горжусь тобой, как своим подчиненным. Горячо поздравляю тебя с высокой правительственной наградой – орденом Красного Знамени».

Из письма командира части моей матери – Екатерине Матвеевне:

«Сын Ваш при выполнении одного из боевых заданий командования получил ранения. Вражеские пули временно выбили из наших рядов неутомимого в делах и бесстрашного в бою комсомольца. Как одного из лучших в дни подготовки к наступлению, командование направило Вашего сына в тыл немецких войск для разведывательной работы. Выполнив задание, при схватке с немецким отрядом он был ранен. Вручая в госпитале орден Красного Знамени, генерал благодарил его

за отличное выполнение воинского долга. Мы вместе с Вами гордимся Александром. Мы гордимся матерями, воспитавшими таких сыновей».

Из письма радиста Николая Егоровича Солопы, державшего связь с моей группой разведчиков:

«…когда ты передал, что у вас есть потери – убитые и раненые – и ты тоже ранен, у меня тогда было такое чувство, как будто ты всеми муками и болью без слов просил: «Коля, не теряй со мной связь». И мы вместе с Сашей Заиченко, как никогда до этого, все внимание сосредоточили на твоих позывных «Кор…». Я уверен, что ты еще много сделаешь для нашей Родины и народа».

Небываемое – бывает
(Медаль, учрежденная Петром I)

За время войны я не раз встречался со своим отцом, причём встречи эти были совершенно неожиданными и непредсказуемыми.

Первая встреча произошла в военкомате, когда я проходил медицинскую комиссию. 6 августа 1942 года неожиданно приехал домой мой отец – военврач 2-го ранга. Военком был знаком с отцом до войны. Узнав, что Иван Михайлович в Серебряных Прудах, он назначил его председателем военно-медицинской комиссии, которую я должен был пройти. Войдя в комнату, где находилась медкомиссии, я увидел отца, который сразу сказал: «Годен к несению воинской службы». Это была первая встреча. Но я не мог себе представить, что мне придется еще не раз увидеться с отцом случайно!

Мы прибыли на новое место дислокации, это было в направлении Вязьмы. На границе с Калужской областью проходило Варшавское шоссе через место, которое называлось Зайцева гора. В этом месте был плавный спуск, внизу шириной около тридцати метров ровное место, а дальше подъем в гору. Не успели мы дойти до этого места, как взорвался фугас, установленный немцами. Была разрушена переправа через болото. И немедленно было приказано сапёрам построить деревянный мост. Мост был восстановлен, и мы двинулись дальше. После переправы я обнаружил, что нет моего товарища из нашего

взвода. После было сообщено, что он погиб от осколка фугаса. Для нас узнать об этом было очень тяжело. Это был мой третий погибший товарищ с начала войны.

После освобождения города Спас-Деменска нам было поручено восстановить связь, это было 11 августа 1943 года. Вдруг вижу, что передо мной стоит мой отец. Это была очень радостная и неожиданная встреча. И это была уже вторая встреча с отцом.

В сентябре 1943 года наша часть находилась под г.Рославль, Смоленской области, на границе с Белоруссией. Однажды я устранял повреждение на линии, после чего отправился в расположение нашей части, мне объяснили, что я должен идти по шоссе. Вдоль шоссе находилось два небольших населенных пункта: Малые Кириллы и Большие Кириллы. Но я устал и не мог дальше идти. Недалеко я увидел одиноко стоящий дом, вокруг дома находились медицинские палатки, ходили медики. Возле дома был небольшой стог сена. Я не мог больше бороться со сном и уснул прямо в стогу. Утром 23 сентября я пошёл в часть. Зайдя в Малые Кириллы я никого из наших не нашёл, пошёл дальше, была слышна стрельба. Иду я по одной из улиц города Рославль и вижу, что из-за угла выбегает артиллерист, присмотрелся и узнал в нем своего товарища, с которым я сидел в школе за одной партой. Это был Виктор Новиков. И совершенно неожиданно я узнал от него, что в том доме в Больших Кириллах, возле которого я провел ночь, был мой отец. Это была бы еще одна интересная встреча с моим отцом, хотя мы и не встретились.

11 октября 1944 года меня привезли в госпиталь в г. Каунас. В полудреме или полусознании я слышу женский голос: «Вот этот?» Я приоткрыл глаза и вижу женщину, а рядом стоит мой отец – военный врач Иван Михайлович Коровушкин. Радость встречи заглушила на время боль ран. Так состоялась встреча на дорогах войны отца с сыном. Благодаря этой женщине отец мне сохранил ногу. Оказывается, и мой отец однажды спас ей жизнь. Было это в Калуге в 1941 году, когда отступали наши части. Два госпиталя стояли рядом, госпиталь моего отца и ее госпиталь. Наши части уже оставляли город, он совершенно пустой, но необходимо было вывезти всех раненых. Под окнами стояли машины с ранеными, ждали только их двоих. Вдруг она подбегает и кричит: «Иван Михайлович,

остаются двое тяжелораненых, не можем никуда их положить!». В окне были видны приближающиеся немецкие танки. И вдруг один из танков выстрелил по госпиталю, снарядом пробило стену, и взрывом их отбросило в разные стороны. Осколком от стены ее ранило в руку и ногу. Отца уже вытаскивали за руки, срочно нужно было уезжать, иначе все погибнут. Разорвав халат и взяв из обрушившихся стен доску, отец наложил ей шину и вместе с ней покинул город. После этого она запомнила навсегда имя и отчество моего отца.

В госпитале, увидев в списках раненых фамилию Коровушкин, она спросила мое отчество и поняла, что я сын Коровушкина Ивана Михайловича. Так состоялась моя третья встреча с отцом. Потом после войны, когда я учился в институте, я еще раз встретился со своим отцом и тоже 11-го числа.

Из госпиталя я вернулся на свою родину в марте 1945 года. Ушли в прошлое бои-походы. Нужно было готовиться к мирной жизни. В том же 1945 году поступил в Московский электротехнический институт связи. Окончил его в 1950 году. Работал по строительству сооружений связи. Последняя должность – заместитель начальника Главного управления по строительству сооружений связи Министерства связи СССР. Ушёл на пенсию в 1986 году персональным пенсионером республиканского значения. Я – инвалид Великой Отечественной войны, имею 2-ю группу, награжден знаком «Почетный радист СССР», мне присвоено звание «Мастер связи», награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За победу над Германией в 1941-1945 гг.», медалью «За трудовую доблесть, в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями.

Прошли годы. В совете ветеранов 49-й армии, председателем которого я являюсь, не затихает работа. Члены совета выезжают на рубежи боевой славы, участвуют в перезахоронениях останков погибших воинов, проводятся регулярные встречи с молодежью Москвы в ПТУ-42, в котором находится музей боевой славы, и в школах. По рассказам ветеранов учащиеся пишут сочинения. В последние три года в экзаменационных билетах ставятся вопросы о боевом пути 49-й армии. К 50-летию Победы издана книга «От Москвы до Эльбы по фронтовым дорогам…». Музей боевой славы по конкурсу награжден

Почетными грамотами Юго-восточного административного округа г. Москвы, а по тематике патриотической работы - в Центральном административном округе.

В конце июня 1999 года по приглашению выезжали в Белоруссию, в г. Могилев. Российские ветераны там очень тепло были встречены местным населением. Проводились митинги, концерты по поводу 55-летия освобождения Белоруссии. К каждому ветерану был придан сопровождающий. Вручались памятные подарки. Словом, чувствовалось теплое, дружеское к нам отношение.

Да, мы не забыли, мы помним, как вместе сражались, как шли по дорогам войны.

Мой отец – Иван Михайлович Коровушкин награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного знамени, медалью «За оборону Москвы», «800-летия Москвы», знаком «Отличник здравоохранения», «Отличник санитарной службы», ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР». Умер в 1966 году.

Мой брат – Коровушкин Николай Иванович – полковник, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик-испытатель СССР, имеет два мировых рекорда, готовил к полетам летчиков-космонавтов – Ю. Гагарина, Г. Титова, С. Савицкую, Филиппченко и др. Почетный гражданин Серебряных прудов. Умер в июле 2003 года. Похоронен на Ново-Девичьем кладбище. Был награжден орденом «Ленина», орденом Октябрьской революции, орденом Красного знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, в том числе юбилейными. Испытал 99 конструкций военных самолётов.

Мама – Екатерина Матвеевна – участница революционных событий в Москве. В войну оставалась одна. Умерла в 1980 году.

Письмо ветерану
Написано через 40 с лишним лет
После войны дочерью ветерана.
Из почтового ящика вынимаю открытку

И читаю на обороте:
«…Желаю здоровья, успехов в работе».
А дальше. «Эх, дороги, пыль да туман» -
Так ветерану писал ветеран.
И сразу среди житейской суеты
Всплывают лица фронтовых друзей
И их знакомые черты.
Глаза закрыв, в воспоминанье уплываешь ты
И снова – первый день войны,
Который был так безмятежен,
Так полон лета красоты.
Война возникла вдруг громадой
Непреодолимой высоты,
Разбив о канонаду злую
Семнадцатилетние мечты.....
Я слушаю рассказ отца
И замечаю, только вот сейчас,
Следы глубокие морщин…
И вспоминаю шрам…
А в голове звучит: «Эх, дороги, пыль да туман».

Май 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Перминов Павел Александрович****, студент 1-го курса факультета радиоэлектроники летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Кравченко Пётр Ефимович

Цена победы

Родился я 19 февраля 1923 года. Место моего рождения – Украина, Черкасская область, Катеринопольский район, село Лисья Балка. Комсомолец. С 1944-1991 год был членом КПСС.

В 1940 году окончил среднюю школу, в 1941 – первый курс Киевского педагогического института, в 1942 году – Киевское танкотехническое училище. После войны в 1951 году окончил Академию бронетанковых войск, а в 1954 – адъюнктуру при академии.

О начале войны я, курсант, узнал 22 июня 1941 года в лагере Киевского танкотехнического училища.

В пункт формирования (3-й запасный танковый полк, вблизи Сормово) прибыл в июле 1944 года, на заводе №112 получил танки Т-34 и сразу на фронт. Звание – лейтенант, должность заместитель командира роты. В августе 1944 года я прибыл в 22-ю гвардейскую танковую бригаду 5-го гвардейского танкового корпуса 6-й гвардейской танковой армии. Командовали ими соответственно: полковник Остапенко, генерал-майор Савельев и генерал-полковник Кравченко.

Боевой путь, пройденный мною в составе 22-й гвардейской танковой бригады: Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия. Конкретнее: Бузэу, Брашов, Сибиу, Алба-Юлия, Клуж, Сольнок, Цеглед, Кечкемет, Вац, Шахы, Комарно, Эстергом,

Будапешт (19 февраля 1945 года), Секешфехервар, Веспрем, Сомбатель, Баден, Вена (13 апреля 1945), Брно, Яромжерице, Йиглава, Прага (9 мая 1945 года).

Освобождал Будапешт, Вену, Прагу.

Боевые действия закончил 9 мая 1945 года в Праге в должности заместителя командира танковой роты в звании лейтенант. Убыл из 6-ой гвардейской танковой армии в июне 1945 года в Москву на учебу в Академию бронетанковых войск.

Награды

Награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом «За службу Родине» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», чешской медалью «За освобождение Чехословакии» и десятью другими медалями.

Первый орден Красной Звезды получил после эпизода: экипаж вместе со мною под огнем противника отремонтировал подбитый танк, и он продолжил бой. Первый орден Отечественной войны получил за непосредственное участие во всех боях при взятии Вены и Праги, за эвакуацию раненых с поля боя.

Мои основные публикации: учебники и учебные пособия для слушателей Академии бронетанковых войск и курсантов всех высших училищ Сухопутных войск. Одно из пособий переиздано в Великобритании на английском языке. Всего 28 изданий общим объемом 140 печатных листов.

***

В начале Великой Отечественной, я уже был курсантом военного училища. Моим товарищам и мне предстояло воевать на всем теперь известных танках Т-34. Чтобы лучше изучить их устройство и помочь рабочим собирать танки, в конце учебы нашу роту командировали на уральский завод.

Питание роты по предфронтовым нормам должна была обеспечивать заводская столовая. Однако администрация завода заявила: «У нас на складе пусто, можем дать лишь то, что

даем рабочим». Поэтому командир роты, старший лейтенант Зайцев отправил в училище телеграмму: «Хлеба, жиров не дают. Зайцев». А в училище пришёл такой текст: «Хлеба, жиров нет. Дают зайцев».

Понимая, что зайчатины на заводе тоже нет, вмешался военный комендант, и мы из его фонда, ежедневно, стали получать масло, сахар и 800 граммов хлеба. Рабочих кормили гораздо хуже, а работали они по 12-14 часов в сутки. Часто вообще не уходили домой, отдыхали в холодных цехах, задымленных танковыми двигателями. Поэтому о вкладе их в дело нашей Победы нельзя забывать.

В такой фразе, как «победа досталась потом и кровью», речь идет не только о поте тружеников тыла. Фронтовики хорошо знают, как физически нелегка была и солдатская ноша. Можно привести много примеров, когда солдатским потом обеспечивался успех в бою. Вот один из них.

Осенью 1944 года наши танки должны были с боями преодолеть горы между Румынией и Венгрией. Танки все время шли в долине реки по узкому проходу. Дорога тоже узкая, много крутых спусков, поворотов и обрывов. Поэтому от водителей танков требовалось не только мужество, но и мастерство. Этому мастерству водителей-старожилов нашего батальона обучали перед началом наступления. Тренировали их на выбранных участках с крутыми спусками и поворотами. Тренировали, как говорится, до седьмого пота. Это позволило преодолеть горы практически без происшествий и потерь.

На моем танке за рычагами сидел водитель из нового пополнения, не прошедший таких тренировок. И вот что случилось. Танки шли лунной ночью. Включать фары запрещалось, так как нас «сопровождали» немецкие самолёты. Люки у водителей были открыты, но дорога им все равно была плохо видна. Поэтому снаружи, на крыле каждого танка, сидел его командир. Командиру (вне машины) дорога была лучше видна, и он по возможности подсказывал водителю, что делать. На одном из спусков с крутым поворотом нетренированный водитель моего танка не сумел вписаться в поворот, и танк полетел под откос. Кувыркаясь, сшибая каменные глыбы и деревья, эта тридцатитонная махина несколько раз перевернулась, достигла горизонтальной площадки и по счастливой случайности встала на гусеницы. Я уцелел только потому, что сидел на

дальнем крыле и сумел удачно спрыгнуть на булыжное шоссе. Спустившись к танку, обнаружил, что один из членов экипажа мертв, у другого переломаны ребра, а водитель без повреждений. И если судить по справедливости, то в случившемся нет его вины: его не учили водить танк в горных условиях. Другие водители ценой тренировок до седьмого пота с задачей справились, и все танки вышли на венгерскую равнину.

В ту злополучную ночь двигатель нашего танка сразу завелся, к утру мы догнали батальон, и в последующем танк воевал на равных с другими машинами. Такими вот небьющимися и надежными были наши «тридцатьчетверки». Огорчения возникали, как правило, только при недостаточных практических навыках у экипажа (как в горном случае) или при допущенном технологическом браке. Приведу один из примеров такого брака. В канун 1945 года мы получили новые Т-34 взамен потерянных в ходе боев. После марша в район сосредоточения топливо в бортовых баках было почти израсходовано, и поступил приказ: во всех машинах переключить топливный кран на кормовые баки и подготовиться к выдвижению на рубеж атаки.

После команды «начать движение» двигатель одного из танков завелся и сразу заглох. Повторные попытки завести его оказались безрезультатными, причина в том: на заводе топливный кран установили, поменяв его верх и низ местами. Поэтому при установке указателя в верхнее положение («включены кормовые баки») кран в действительности оказался закрытым, и топливо в насос не поступало. В результате рота пошла в атаку в неполном составе.

После преодоления гор и выхода на венгерскую равнину наша 6-я гвардейская танковая армия встретила ожесточенное сопротивление шестой танковой армии СС, в которой машин было по крайней мере вдвое больше, чем у нас. Обилие на этом участке немецких танков объяснялось просто: Гитлеру надо было удержать Венгрию с ее нефтью и другим сырьем, а для этого необходимо было прежде всего спасти 180 тысяч немцев, окруженных в Будапеште.

В ходе последовавших ожесточенных боев мне довелось быть и свидетелем, и участником таких эпизодов. В одном из боев мы потерпели поражение. Многие танки сгорели, а в один танк попал бронебойный снаряд, но танк уцелел. Экипаж

танка, полагая, что после мощнейшего удара последует взрыв своих снарядов, мгновенно выскочил из танка, спасаясь бегством с поля боя. Через несколько дней брошенный экипажем танк, уже в перекрашенном виде, воевал против нас. Но на этот раз победа была за нами, и теперь уже немцам пришлось бросить «тридцатьчетверку». Вскоре после этого последовал приказ: за танк, брошенный на поле боя, сурово наказывать командиров всех рангов.

Дальше события развивались так. Чтобы окончательно окружить Будапешт, наша бригада получила приказ: ночью, без артподготовки наступать на город Комарно и захватить мост через Дунай. Из-за распутицы, а также с целью сократить расстояние, танки шли по железнодорожному полотну. Необычно выделялись их силуэты на фоне ночного неба. К следующей ночи до Комарно оставалось один-два километра, но преодолеть их мы не смогли: немцы нас крепко побили, мост через Дунай захватить не удалось. На поле боя перед мостом осталось много танков, в том числе из нашего батальона. Остатки батальона отошли назад и заняли оборону в соседней деревне. Я получил приказ: взяв с собой автоматчика, вернуться на поле боя и убедиться, что все оставшиеся там наши танки действительно сгорели. Так выполнялся уже упоминавшийся приказ о наказании за танк, брошенный на поле боя.

Шли мы с автоматчиком к оставленному полю боя по шоссе. С обеих сторон деревья и какие-то стожки. Ночь темная. За каждым деревом или стогом могут прятаться немцы, а мы идем на виду и можем стать легкой добычей для них. К счастью, добрались до места благополучно. Действуя на ощупь, зажигая украдкой фонарик, нашли все сгоревшие танки нашего батальона. Грешно сознаваться, но я тогда порадовался, что все они сгорели, что среди них не было подбитых. В противном случае пришлось бы под огнем противника либо ремонтировать танки на месте, либо эвакуировать их. Обратный путь в деревню мы одолели гораздо быстрее и попали в объятья своих товарищей. Думаю, что эта ночь на 7 января 1945 года в поле под Комарно была для меня самой страшной и на войне, и во всей моей жизни.

Потом и кровью нашего народа оплачивалась победа и на землях сопредельных государств. Так, даже в последние дни войны была пролита кровь моих однополчан на чешской зем-

ле. Чехи опасались, что их столицу может постичь участь Варшавы и Будапешта, до основания разрушенных фашистами. Чтобы спасти свою Злату Прагу, чехи подняли восстание против немцев и по радио просили нашу армию немедленно помочь им. В связи с этим наш батальон, являвшийся костяком 22-й гвардейской танковой бригады, получил приказ: на максимальных скоростях наступать в направлении Праги.

Чехи знали, что по автостраде мчатся советские танки, хотя звезд на них не было. Море людей, сияющие лица, приветственные возгласы и цветы - все это нельзя ни придумать, ни забыть.

Но машины не люди, им нужен отдых. В подобном случае офицер-танкист Сергей Орлов, фронтовой поэт, говорил своему водителю:

Глуши мотор и люк открой,
Пускай машина отдыхает.
Мы выдержим, мы люди,
А она стальная.

Примерно в десять часов 9 мая голова нашей танковой колонны остановилась на главной площади небольшого города. Было очень тепло: и от майского солнца, и от встречи с сотнями горожан, которые тут же окружили нас, выражая свою благодарность за освобождение. И вот в это людское содружество полетели гранаты и фаустпатроны гитлеровцев, засевших на верхних этажах домов. Погибло много чехов, но мы тоже не досчитались своих товарищей. Из состава нашего танкового десанта трое были убиты, восемь ранены. Был тяжело ранен и наш комбат гвардии майор Пузырев Дмитрий Иванович. Он шёл от Сталинграда, но так и не увидел Злату Прагу. Она уцелела, а он остался без ноги. После войны Дмитрий Иванович жил в Ростове-на-Дону, в 1986 году ушёл из жизни. Нет в живых и других моих однополчан. После войны они жили и трудились так, что даже сами о себе могли сказать: свой век мы прожили как люди и для людей. Я тоже старался не отставать от них. После войны успешно окончил Академию бронетанковых войск в 1951 году и адъюнктуру в 1954 году. В последние годы учил офицеров-танкистов. Службу закончил начальником одной из кафедр академии в звании полковник-инженер.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Шаломеева Алина Сергеевна,*** *студентка 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Кудимов Фёдор Петрович

Молния попала прямо в кокарду

Я родился 25 мая 1918 года в Саратовской области, в Ртищевском районе, Скачинском сельском совете в деревне Афанасьевка. По национальности я русский. По вероисповеданию – православный христианин. Беспартийный. В общественных организациях не состою (временно) в связи с недавним прибытием к настоящему месту проживания (из Белоруссии).

До войны, я закончил семь классов средней школы в 1936 году. Затем осенью того же года поступил в Саратовский железнодорожный техникум. После чего в ноябре 1938 года поступил в Симферопольское пулемётно–миномётное училище, незадолго до этого передислоцированное из Крыма в Саратовскую область (в пригород г. Энгельса). (Позднее это училище было переведено в г. Балаково, Саратовской области). По окончании военного училища 10 июня 1941 года мне было присвоено воинское звание лейтенант.

Уже 18 июня 1941 года по распределению был направлен для прохождения воинской службы в Киевский особый военный округ. При следовании по железной дороге от Харькова до Киева уже попали под бомбёжку. И хотя официально о самом страшном, что можно было предположить, не объявляли, стало понятно, что началась война. Для определения конечного пункта своего назначения прибыли в распоряжение командующего Киевским особым военным округом. Получив предписание, группа молодых лейтенантов 22 июня 1941 года при-

была на железнодорожный вокзал города Киева, где и услышали по радио о начале войны фашистской Германии против Советского Союза.

К месту службы (в укрепрайон, Житомирская область, станция Белокоровичи) прибыл вечером 23 июня 1941 года. Там был назначен на должность командира 1-го взвода 4-й роты 142 отдельного пулемётно-миномётного батальона под командованием командира роты капитана Петько. Буквально сразу же попали под непрерывные атаки немцев. Потери среди личного состава были огромными. Не стало командира роты. Решением командования батальона я был назначен командиром пулемётно-миномётной роты, так как в моём взводе потери были минимальными. Фашисты пытались на нашем участке прорвать оборону, но безуспешно. Тогда обошли позиции севернее, пытаясь взять оборонявшихся в кольцо. После этого поступил приказ отступать. Отступали мы с тяжёлыми боями, постоянно находясь под угрозой попасть в окружение противника, до Днепра, в составе Юго-Западного фронта, под командованием С.Будённого. Здесь, у Днепра, 142-й батальон вошёл в состав 193-й мотострелковой дивизии (которая впоследствии была переформирована в 36-ю танковую дивизию) и снова вступили в ожесточенные бои с немцами. Затем снова отступление с кровопролитными боями в направлении Москвы, где 21 декабря 1941 года была сформирована запасная армия. В ходе одного из боёв, в этом же месяце, наше подразделение попало под миномётный обстрел, где я получил тяжёлое осколочное ранение в голову. Буквально сразу же нас вывели для переформирования в Мичуринск, где меня, истощённого и раненого, определили для лечения в госпиталь. После лечения мне предоставили месячный отпуск, после которого решением вышестоящего командования я был назначен на должность командира взвода пулемётно-миномётного училищ в г. Балаково, Саратовской области. Там я и продолжил службу до окончания войны.

Награды

За проявленный героизм и решительность в ходе военных действий, я был награждён медалями и орденами.

Орден Отечественной войны 2-й степени, № 1415522, указ

президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Номер удостоверения Б № 789522

Медаль «За оборону Киева», удостоверение № 124152, указ президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1960 г. Вручена 29 апреля1961 г. командиром войсковой части 36809 гв. генерал-майором танковых войск С. Куркоткиным.

Орден Красной Звезды, № 3385427, указ президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1955 г. Вручён 21 февраля 1956 г.

Медаль «За боевые заслуги» (без номера).

Медаль «За победу над фашистской Германией», указ президиума Верховного Совета СССР от 09 мая 1945 г. А № 0300058. Вручена 25 января 1946 г. полковником Телициным.

***

Великая Отечественная война была тяжелейшей из всех войн мировой истории. Победа СССР оказала глубокое влияние на жизнь миллионов людей во всех частях земного шара. Разгром германского фашизма создал благоприятные условия для борьбы трудящихся масс за своё социальное и национальное освобождение. Ярким проявлением советского патриотизма являлась добровольная финансовая помощь трудящихся государству, позволившая дополнительно направлять на фронт 2565 самолётов, несколько тысяч танков и много другой военной техники. Воспоминания о войне самые тяжёлые. Ведь сколько пришлось на долю солдат и офицеров Красной армии, принявших на себя первые удары фашистских войск! Как тяжело было видеть своими глазами гибель друзей и сослуживцев. Смерть, она не разбирала…

Сложно сейчас вспомнить занятные или курьёзные случаи. Один случай все-таки запомнился, хотя курьёзным его не назовешь.

«Боевое крещение»

6 августа 1941 года мы находились в палаточном лагере. Получилось так, что командир вызвал к себе в палатку. Надо

заметить, что погода в этот день была прохладная, шёл моросящий дождь. Командир нашей 4-й роты, лейтенант Васильев, разговаривал по рации. Все, находящиеся в палатке присели на скамьи вокруг стола. Вышло так, что я сел плечом к плечу с командиром. Со временем дождь усилился и превратился в настоящий ливень. Вдруг недалеко прогремело, но этому никто не придал никакого значения, ведь на войне слышишь такое каждый день, а тут просто молния. Не прошло и пятнадцати минут, как вся палатка озарилась ярким светом, а ещё через несколько секунд раздался взрыв. Это шаровая молния влетела прямо к нам в палатку, после чего взорвалась. Меня оглушило, и на время я потерял сознание. Очнулся, когда вокруг стояли солдаты и что-то спрашивали. Я сразу взглянул в ту сторону, где ещё пару минут назад, сидел командир. Лейтенант Васильев был без сознания. Тогда я приказал вырыть прямо в палатке ямку, где-то сантиметров 40-60 глубиной. Я ещё от бабушки знал, что если попадает шаровая молния, то необходимо раздеться и сесть в ямку в земле. Сняв обмундирование, я последовал народному методу. Когда же электрический разряд из меня вышел полностью, я сел на лошадь и отправился в медпункт. Как только я туда прибыл (это было недалеко - 1–1,5 км), мне была оказана первая медицинская помощь. Вернувшись в лагерь, вместе с санитарами всё внимание сосредоточили на командире роты. Но ему помочь оказалась не в силах даже медицина. Он был мёртв. Электрические провода, которые соединяли рации, просто расплавились, несмотря на то что были выведены на самые высокие сосны (около 6 м) - такой силы был разряд. В дальнем углу палатки, я нашёл фуражку Васильева, молния попала прямо в кокарду. На голове у командира были только две маленькие точечки. Как потом оказалось, молния попала ему в голову и вышла через левый сапог. После этого не выжил бы ни один человек. Но мне очень повезло, ведь я сидел совсем рядом. Надо заметить, что эта молния коренным образом изменила всё мою дальнейшую жизнь. До этого случая меня очень мучили ревматизм и множество других, как говорят, болячек, но теперь всё исчезло бесследно. Правда, слышу я до сих пор плохо. Так в самом начале войны произошло наше первое боевое крещение.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Залога Ольга Юрьевна****, студентка 1-го курса факультетаэкономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Кузнецов Юрий Дмитриевич

Пропадавший без вести

По зову сердца,
По велению разума,
По долгу памяти,
По настоянию совести,
По убеждению чести.

Я родился 27 декабря 1922 года в Ярославской области, Рыбинском районе, деревне Петрицево. Русский, православный. Член КПСС.

Бои при отступлении от государственной границы до Минска

Считаю, что каждый участник Великой Отечественной войны обязан написать или рассказать о войне все, что он знает, и вспомнить друзей-товарищей по войне, особенно тех, на кого пришло сообщение «пропал без вести». А таких было очень много, особенно в первые месяцы войны. Воспоминания о них, не вернувшихся с войны, можно приравнять к солдатским медальонам, найденным на поле боя в земле. Для их родственников это будет последняя весточка от бойцов и командиров.

В этой краткой статье речь пойдет о красноармейцах и командирах, которые на границе первыми встретили и отбивали нападение немецко-фашистских войск в направлении их главного удара – через Белоруссию на Минск, Смоленск, Вязьму, Москву.

***

Мне выпала судьба начать войну на границе 22 июня 1941 года и пройти до конца по самому её дну, испытав на себе трагедию первых кровопролитных боёв при отступлении, сдерживая противника и одновременно пробиваясь из больших и малых котлов, и получить глубокую контузию и легкое ранение в бою под Минском, попасть в плен и испытать на себе другую трагедию – весь ад фашистского рабства.

В меру своих сил и возможностей я принимал участие в движении Сопротивления в лагерях военнопленных, бежал из плена, но удалось только на четвертый раз. Трижды ловили. В результате пришлось побывать в тюрьме гестапо, карцерах, штрафных командах и лагерях (всего в десяти лагерях военнопленных). Один раз был приговорен к расстрелу (приказ о моём расстреле был зачитан перед строем в лагере, из которого я бежал). Другой раз был отправлен в штрафную команду на «уничтожение трудом» (была такая общая установка Гитлера). В немецких документах я должен значиться как уничтоженный дважды.

Пройти этот ад, выжить удалось лишь благодаря помощи, друзей-товарищей из подпольных организаций в лагерях военнопленных, а также чехов, поляков, французов, сербов, англичан и немцев-антифашистов. Все это позволяет мне утверждать, что пропавшие без вести погибли в боях за Родину, попавшие в плен – сражались за нее.

В Красную Армию я был призван в октябре 1940 года, после окончания средней школы в г. Москве. Шесть комсомольцев нашего 10 класса «Б» 539-й школы Москворецкого района (Бажанов Николай, Хохлов Михаил, Феоктистов Александр, Шишман Виктор, Голубев Александр и я) подали коллективное заявление в райвоенкомат о том, чтобы всех нас призвали в Красную Армию вместе и направили в одну часть. Так мы

попали во взвод управления 2-й батареи, 1-го дивизиона, 117-го гаубичного артиллерийского полка, 8-й стрелковой дивизии, 1-го корпуса, 10-й армии, которая дислоцировалась (занимала самое невыгодное положение, по мнению маршала Г. К. Жукова) вдоль государственной границы, вогнутой в сторону противника на Белостокском выступе.

К началу войны наша часть располагалась в летних лагерях «Червены Бур», недалеко от города Ломжа. Наш полк готовился к спортивным соревнованиям, которые были назначены на воскресенье 22 июня. Я должен был играть в футбольной команде полка и получил спортивную форму – синие шёлковые трусы и белую майку. Увы, мне посчастливилось сыграть в футбол за полковую команду почти в такой же форме, но уже на территории побежденной Германии только через 1418 дней и ночей войны.

На рассвете 22 июня я проснулся от шума летавших самолётов и голосов около палатки. Выйдя из палатки, я увидел стоявших красноармейцев. Всех одолевало какое-то тревожное чувство. Выйдя за переднюю линейку на опушку леса, мы увидели самолёты, которые кружились над аэродромом, вернее над летной площадкой, расположенной недалеко от нас. Затем послышалась стрельба. Подошёл дежурный по лагерю. Долго мы смотрели на то, как колесом кружились эти самолёты, и не могли понять, что происходит. Одни говорили, что это учения, другие, что на учения это не похоже. Когда мы увидели дым, то стало понятно, что эти самолёты – вражеская авиация, и она расстреливает наши самолёты на земле. Кто-то произнес слово «война». Наш старшина Заздравных дал команду: «Вторая батарея, боевая тревога!». Дальше все шло как на учениях. Наконец, раздался горн, возвестивший боевую тревогу по всему лагерю. Вскоре стали появляться наши командиры, которые поселились в ближайших деревнях со своими семьями.

Вскоре завели тракторы, к ним прицепили гаубицы и построились в колонну.

Наша батарея имела 122-мм гаубицы старого образца, на деревянных колесах, с металлическими ободами и новые тракторы на гусеничном ходу, которые мы получили за несколько недель до войны. Видимо, имелась в виду и замена орудий, но этого сделать не успели. В результате старые гаубицы не вы-

держивали динамических нагрузок при быстрой езде, противооткатная жидкость стала вытекать, но это мы обнаружили уже только во время войны.

Проезжая мимо аэродрома, мы увидели, что все наши самолёты, расстрелянные немецкой авиацией, догорали на земле. Прибежавшие из деревни летчики вместе с нами наблюдали эту печальную картину.

Наш дивизион занял оборону на государственной границе у местечка Щучин, что между городами Ломжа и Граево. Недалеко от нейтральной полосы еще зимой нами были построены земляные укрепления, которые уже заняла наша пехота и вступила в бой с немцами. Мы подошли вовремя. В течение суток мы держали оборону на этом участке границы. Шла интенсивная артиллерийская дуэль. Мы имели потери. Этому способствовало то, что огонь немецких батарей корректировали люди, засевшие в костеле, расположенном сзади наших батарей. Приходилось несколько раз менять огневые позиции. Вскоре о немецких корректировщиках догадалось наше командование, и они были ликвидированы.

Утром 23 июня поступил приказ об отступлении. Мы организованно стали выходить из боя и сосредоточиваться в лесочке. Построились в колонну и начали движение. Сзади наш отход прикрывал отряд из пехотных и артиллерийских подразделений. Таким образом, нам была уготована судьба начать воевать в условиях нахождения в глубоком котле, а затем, отступая, пробиваться из больших и малых котлов и окружений.

Мы вышли на шоссейную дорогу Щучин – Ломжа и продолжали движение. Поступил приказ: «Нашей 2-й батарее занять оборону вместе с ротой пехоты и прикрывать дальнейшее движение нашей колонны». Здесь произошли события, которые долго оставались непонятными. Батарея заняла оборону. Управленцы на высотке выкопали наблюдательный пункт, наши гаубицы заняли сзади огневые позиции. Вскоре появились передовые немецкие части. Мы открыли огонь. Немцы остановились. Затем появились немецкие танки. Мы усилили огонь. И тут разведчик с дерева сообщил, что танки противника свернули с шоссе и идут мимо нас стороной. Командир батареи дал команду занять круговую оборону, подготовить орудия к стрельбе прямой наводкой.

Кончилось это тем, что танки полем прошли мимо нас, не вступив с нами в бой. После этого поступил приказ строиться в колонну и догонять наш дивизион.

В то время мы еще не понимали, что немцам выгоднее обходить узлы нашей обороны и нападать на нас тогда, когда мы на марше. В дальнейшем так и было. Немецкие части старались отсечь часть нашей колонны и уничтожать ее по частям. Так случилось уже на второй день войны у местечка Едвабне. Когда мы догоняли нашу колонну, то увидели, что этот населенный пункт занят немцами. Наши пехотные подразделения пытаются его взять, но все безуспешно огонь противника был весьма плотным, и атаки захлебывались. Медлить было нельзя: нас догоняли немецкие передовые части. Правда, и на этот раз наш отход прикрывал уже другой отряд, включавший противотанковые 45-мм пушки. Но надолго ли их хватит? Необходимо отметить большое значение таких отрядов прикрытия. Если бой завязывался, то для такого отряда он был последним, ибо они стояли до конца.

Пехотинцы, очень обрадованные нашему появлению, кричат: «Артиллерия, помогай!». Гаубицу отцепили от трактора, выкатили на прямую наводку непосредственно с шоссе, не закрепляя, подготовились к стрельбе. Нужно было стрелять по пулеметным гнездам прямой наводкой. Немцы усилили огонь по нашему орудию. После каждого выстрела гаубица откатывалась в кювет, увлекая за собой наводчика. Орудие вновь выкатывали и снова готовили к стрельбе. Так повторялось до тех пор, пока пулеметные гнезда противника не были подавлены. В этом маленьком бою погибло много наших товарищей. Стрельбе прямой наводкой по близким целям из 122-мм гаубицы пришлось учиться в бою с огромными потерями. После ликвидации пулеметов противника пехотное подразделение вместе с прибывшими артиллеристами поднялось в атаку и заняло этот поселок. Так мы выиграли этот микробой. Вместе с нами в поселок вошёл обоз с ранеными. За поселком шоссе пересекало реку Бобр (приток реки Нарев), мост через которую сапёры подготовили к взрыву. Поступил приказ: «Артиллерийским подразделениям перейти на другой берег реки», что мы и сделали. Вскоре Едвабне снова заняли немцы и прикончили наших раненых, которые не смогли покинуть своих повозок.

Об этом мы узнали от наших дивизионных разведчиков. Им самим удалось в последний момент уйти от немцев. Наша батарея своим огнем прикрыла отступление пехотных подразделений к реке. Те, кто перешёл реку, на этот раз спаслись. Так мы поняли, с каким коварным и жестоким противником мы воюем.

Наша батарея и дальше двигалась в хвосте отступавшей колонны. Поэтому нам часто приходилось вступать в бой с передовыми подразделениями противника. Обычно это были мотоциклисты или броневики. Поступала команда: «Взвод управления, в цепь!». Мы открывали огонь из винтовок, и мотоциклисты останавливались. Или приходилось открывать огонь из орудий. Так продолжалось несколько дней, пока у нас были боеприпасы.

Однажды, оторвавшись от противника, наша группа проходила по опушке леса. В стороне услышали крик о помощи. Связист Чиненов пошёл узнать, в чем дело. Мы остановились. Вернувшись, он сказал, что там лежит раненый красноармеец с распоротым животом и руками вправляет вывалившиеся кишки. Просит пристрелить. Что делать? Мы пошли дальше. Один из нашей группы вернулся к раненому и вскоре нас догнал. Мы слышали выстрел. Спросили: «Пристрелил?». «Нет, - говорит, - он сам, - я только направил винтовку в грудь, а на спусковой крючок он нажимал сам».

В связи с тем что мы волею судьбы отступали в числе последних и проходили места прошлых сражений, мы видели много убитых наших бойцов и лошадей, которые начали пухнуть от жары, много разбитой техники. В одном месте мы увидели обожженных наших бойцов недалеко от воронки. На них вся одежда сгорела, трупы обуглились, сухожилия сводили и руки, и ноги. Видимо, фашисты применяли напалмовые бомбы или снаряды, которые доставали наших бойцов, даже спрятавшихся за толстыми деревьями.

Очередной раз нас догнали немцы. Но это были не мотоциклисты, а большая колонна броневиков. Наш взвод или, вернее то, что от него осталось, рассыпался в цепь и встретил их огнем из винтовок. Не обращая внимания на нашу стрельбу, броневики врезались в хвост нашей колонны, все сметая на своем пути и обстреливая большое пространство по обеим сторонам дороги. Нас спасло то, что мы нашли укрытие в

складках местности. Здесь я впервые увидел убитого немца. Все же в нашей колонне нашлась пушка, которая успела выстрелить и подбить броневик, который перевернулся, и из него и вывалился молодой белобрысый парень весь в черном – эсэсовец. Шоссейную дорогу захватил противник.

С этого момента мы отходили на восток по просёлочным и лесным дорогам.

Помню, несколько раз из отступавших формировали новые подразделения для более организованного прорыва. И мы шли в атаку для того, чтобы прорваться к намечаемому спасительному лесу. Несколько раз нам это удавалось.

В то время, отступая, мы любой ценой стремились на восток, к старой границе, надеясь, что, опираясь на ее укрепленный район, наши остановили врага, и нам осталось совсем немного, чтобы пробиться к своим. Мы не знали, да и не могли знать, что в укрепленных районах вдоль старой границы вооружение давно снято по решению нашего командования, и что Минск пал, а что бои идут уже в районе Смоленска.

Но наши молодые солдаты и командиры шли и днем, и ночью. Если противник преграждал путь, то старались пробиться сквозь его ряды, а если не удавалось – старались обойти его. Шли, несмотря на смертельную усталость. Шли, взявшись под руки по три человека, среднему разрешалось спать. И они дошли почти до Минска.

Вспоминается один эпизод, который имеет принципиальное значение при описании событий в этот период. Наша небольшая группа из пяти человек, все, что осталось от взвода управления, отступала в колонне разрозненных частей. В одной из деревень нас пригласили в дом и угостили молоком. Это было редкое явление. Обычно в домах из съестного уже ничего не было, и мы перестали туда заходить. Молодая хозяйка поставила на стол перед каждым по кружке молока. Затем завела разговор о том, что зреет хороший хлеб в полях и его надо убирать. А убирать некому. Она предложила остаться в деревне, разойдясь по домам, переодеться, спрятать оружие до лучших времен и помочь убирать хлеб. А там видно будет. В подтверждение своих слов она привела парня, который уже так и поступил. Этот парень, правда, сказал, что можно в дальнейшем сформировать партизанский отряд, благо, что большой лес рядом. Мы все молча выслушали их доводы, по-

благодарили за молоко, и молча взяв свои винтовки, пошли дальше. В то время мы не могли поступить иначе. Ведь в наших уставах и наставлениях ничего не говорилось о возможных боях в окружениях, о возможности перехода к партизанским методам борьбы. Снять военную форму, спрятать свои винтовки или затаиться где-то для нас было прямым нарушением присяги и устава нашей армии, т.е. дезертирством.

Из окружения под Минском пробиться не удалось. Да и пробиваться-то было уже нечем. В нашей группе отступающих были только винтовки, карабины и пистолеты, и те без патронов.

Где-то в начале июля наша группа при подходе к реке Неман (у разбитого моста стоял указательный знак на город Столбцы) в очередной раз попала под интенсивный артиллерийский и минометный огонь. Решили броском к реке преодолеть зону обстрела, переплыть реку и там выйти из полосы огня. Но мы ошиблись. Обстрел продолжался и за рекой. Пришлось залечь. Снаряд разорвался недалеко. Я потерял сознание. Очнулся толи от пинка немца, толи от удара прикладом. Я понял, что я в плену. До этого меня легко ранило в ногу, но я все же шёл. Ехать было не на чем. Я плохо слышал и понимал немцев по их ударам прикладами.

«Плен – это тоже война»
Д.М. Карбышев,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант.

Борьба в плену

Мне представляется, что для всех тех, кто имел несчастье побывать в фашистском плену, слово «плен» отождествляет войну и фашизм, включает в себя позор, обиду, беспомощность, унижение, жестокость, физическую боль и нравственные муки, а в конечном итоге – рабство. Наши военнопленные в большинстве своем относились к поколению, рожденному после Октября и воспитанному на идеях социальной справедливости и социалистической демократии. В плену они оказались в положении униженных рабов и не могли мириться, хотя

бы внутренне, с этим состоянием и всячески старались сопротивляться этому рабскому унижению.

Конечно, тяжело оказаться в плену, когда воюет вся твоя страна, воюют два твоих родных брата – Всеволод и Михаил. Многие из наших сверстников, оказавшись в плену, искали выход в побегах, участии в движении Сопротивления в лагерях военнопленных.

Приведу лишь некоторые фрагменты из жизни в плену, высвечивающие примеры коллективной борьбы подпольных организаций с фашистским режимом в лагерях для советских военнопленных, в которых волею судьбы довелось побывать мне и где меня спасали от смерти, а это значит вспомнить о своих знакомых и незнакомых друзьях-товарищах в тот военный период.

В первый раз я убежал из колонны военнопленных в середине июля 1941 года в г. Барановичи. Однако на следующий день был пойман на одной из проселочных дорог за пределами города.

Второй побег был совершен 1 июля 1944 года. Яков Юферов и я бежали из лагеря советских военнопленных в Неустрелиц (между Берлином и Гамбургом). Решение было такое: добраться до нашей линии фронта, перейти его и продолжить воевать с фашистами. Чтобы скорее попасть к фронту, решили добираться в грузовых железнодорожных вагонах. На сортировочной станции города Штеттин ночью напоролись на патрулей, разбежались в разные стороны. Я прыгнул на тормозную площадку последнего вагона уходящего на восток поезда и расстался с Яшей. Далее менял вагоны и поезда, стремясь на восток. Поймали меня около города Кракова в крытом запломбированном вагоне.

После тяжелых допросов посадили в легковую машину рядом с водителем два офицера. Куда меня везут, я не знал. Эти офицеры, возвращавшиеся, видимо, с фронта, отнеслись ко мне, можно сказать, дружелюбно. Останавливали машину у колодцев и просили у местных жителей воды для меня. Но самой большой неожиданностью было то, что они дали мне буханку хлеба, когда привезли меня в гестаповскую тюрьму г. Каттовицы.

Как ни странно, но хлеб у меня там не отобрали. Привели меня в одиночную камеру, в которой находилось уже трое –

все молодые люди: поляк, как я думаю, участник подготовки Варшавского восстания, гражданский парень из Украины и мой коллега по несчастью – военнопленный, и неудачный беглец – Костя. Хлеб я разделил поровну на всех. Так состоялось знакомство с новыми друзьями по несчастью. Польский паренек даже в камере был в наручниках, ему был отведен лежак. Остальные сидели на полу, между лежаком и стеной. Как сказал мне Костя, поляка должны повесить, а нас – расстрелять. Поэтому польскому другу-товарищу были предоставлены обитателями этой камеры привилегии – отдыхать на лежаке. Это была дань уважения к его заслугам в борьбе с фашизмом.

В конце июля 1944 года после допросов с пристрастиями и установления наших личностей Костю и меня препроводили из гестаповской тюрьмы в лагерь военнопленных, расположенный на окраине г. Каттовицы. Привели утром и поставили на металлические бочки между рядами колючей проволоки, возле входных ворот. При этом мы должны были руки держать в стороны. К нам подходили военнопленные, спрашивали, кто мы, но их отгонял часовой, который стоял у ворот. Было жарко, и стоять на этой проклятой бочке стало невмоготу. Руки опускать было нельзя. Я попробовал было это сделать и незамедлительно получил удар штыком в зад от охранника. Разговаривать также не разрешалось. Так стояли мы долго. Потом Костя говорит: «Немцы ждут, когда мы потеряем сознание и упадем. Так лучше сейчас упасть, следи за мной и падай, когда я упаду. Вскоре Костя рухнул на землю, я следом за ним. Лежим. Охранник штыком ткнул Костю, затем меня. Мы лежим. Через некоторое время в ворота вошёл охранник и окликнул нас, велел встать. Мы встали. Затем открыл ворота и втолкнул нас в лагерь. Отвели нас в какой-то барак, указали места на двухъярусных нарах. Военнопленные были на работе в угольной шахте. Мы легли отдыхать. В гестапо спать приходилось только сидя. Всем обитателям одиночки трудно было растянуться во весь рост. Лагерь, в который мы попали, был штрафным. Военнопленные были истощены до предела, едва ходили. Они работали в угольной шахте, на глубине 500 метров. Кормили очень плохо: давали небольшой кусок хлеба, суррогатного, и черного цвета баланду из пережженной сухой кормовой свеклы. Вероятно, скотина эту свеклу не ела, поэтому ее давали нам.

Вечером пришли военнопленные с работы. Все грязные, черные, изможденные, молча получили свою еду и легли на нары. Вот здесь произошёл случай, который я не могу вспомнить без слез, и в горле появляется комок, который трудно проглотить. Так как нас еще не поставили на «довольствие, поэтому мы лежим на своих нарах. Вдруг нас окликают, просят встать и подойти к столу. Встали, подходим, садимся за длинный стол. На столе стояли две миски, до верху наполненные маленькими кусочками хлеба. Оказывается, нашлись люди, которые обошли все бараки, и каждый военнопленный, практически сам умирающий от непосильного труда и голода, отщипнул от своей мизерной пайки кусочек хлеба – самого дорогого, что у него было в тот момент, т.е. отщипнул практически кусочек своей жизни и отдал его нам, двум беглецам-неудачникам. Так нас встретил этот лагерь: немцы устроили пытку, поставив между проволочной оградой лагеря, а наши советские люди поделились с нами последним, что имели, и тем самым выразили нам поддержку и ненависть к фашизму. Мы ели этот самый дорогой хлеб, который мне когда-либо приходилось есть, и не было ничего более вкусного. Я почувствовал, что мы не одиноки, что нас поддерживают и, чем могут, помогут. Я почувствовал вновь силу, вновь захотелось сделать что-то такое, что было бы в ущерб нашим ненавистным угнетателям.

Начиная с этого лагеря и до конца плена, я чувствовал себя в любых лагерях военнопленных на каком-то привилегированном положении, которое создавали сами военнопленные. Они очень заботились о беглецах и вообще о всех тех, кто открыто выступал против фашистского режима в любой форме Сопротивления. Они не только заботились, но и помогали едой, помогали скрыть беглеца от разъяренных фашистов. Причем эта помощь была организованной. Значит, в каждом лагере была своя подпольная организация. Так и в этом лагере. Конечно же, этот хлеб собрали люди, входящие в эту подпольную организацию. С руководителями этой организации мне познакомиться не удалось, да я и не предпринимал к этому никаких попыток. В этом лагере нам пришлось быть недолго – около месяца. Я узнал, что из него уже совершен был массовый побег путем длинного подземного подкопа. Костю и меня под усиленной охраной переправили в лагерь военно-

пленных в город Тешен. Об этом лагере можно было бы и не рассказывать, но там снова была проявлена забота к нам, беглецам, причем, если можно так сказать, в международном масштабе.

Лагерь был пересыльный, международный. В нем находились советские военнопленные двух категорий. Первая – беглецы, которых направляли в лагеря, где они проходили наказания за побег. Таких было около 50 человек. Вторая категория советских военнопленных – это те, у кого открылись раны, больные или травмированные люди, которые не могли быть использованы на работах. Они были обречены на уничтожение. На поверку они не выходили. Кроме советских, были здесь военнопленные итальянцы, сербы и англичане. Причем англичанам здесь были предоставлены особые привилегии – они получали помощь Красного Креста, посылки из Англии и вообще по одежде и физическому состоянию резко отличались от остальных. Им даже хотелось играть в футбол, и они играли на площадке, где утром и вечером происходили построения военнопленных. Но на немцев англичане тоже смотрели как на врагов и тоже устраивали побеги. Однако, сам факт, что одни умирают от истощения и болезней, а другие в этом же месте играют в футбол, вызывал у остальных обитателей лагеря протест. Этот протест выражался в разной форме. Об одной из них я и хочу рассказать.

Сербы, более крепкие ребята, решили обыграть англичан в футбол. Пригласили Костю и меня. Игра завершилась нашей победой. Для Кости и меня это была игра с петлей на шее, ведь мы были приговорены к расстрелу. После игры английские военнопленные стали относиться к нам приветливее. Раньше они нас просто сторонились. Ведь любое неравенство, а в особенности материальное, не сближает людей. Английские товарищи стали приглашать нас к себе. Помню, как они окружали меня. Мы весьма приветливо улыбались, хлопали друг друга по плечам, говорили: «Гитлер капут» и всячески старались проявить свою взаимную симпатию. Они знали, что мы с Костей беглецы, и помогали нам продуктами. Ну, а с сербами мы стали почти братьями и звали друг друга «братушками». Вот какую силу имеет спорт, даже в суровых условиях фашистского плена. Одна случайная пародия на футбольную игру сблизила и почти породнила людей разных национальностей, но

объединенных одной общей целью – борьбой с фашизмом. Мне кажется, что если бы нас не разъединили и не разослали по разным лагерям, та футбольная команда стала бы ядром антифашистской подпольной международной организации в этом лагере.

Из пересыльного международного лагеря меня и другого беглеца – Мишу перевели в рабочий лагерь военнопленных в г. Тринец, где нас и ждало наказание за побеги. Это был рабочий лагерь на несколько тысяч человек. Самая тяжелая и вредная работа - разгрузка вагонов с отходами металлургического производства, куда определили Мишу и меня. На ночь нас запирали в карцер, где практически невозможно было отдохнуть: один лежак на двоих, не хватает воздуха (нет окна) и мириады клопов. Мы понимали, что в таких условиях жить нам оставалось недолго; выполнялась общая гитлеровская установка «уничтожение трудом». Но в этом лагере оказались две подпольные организации, которые всячески этому препятствовали.

Одна из них, связанная с польско-чехословацкой организацией, получавшая от нее помощь, имела своих людей в медицинском пункте и канцелярии лагеря. Я познакомился с представителем этой организации, москвичом Виктором Шилло – моряком-черноморцем.

Вторую организацию возглавлял Виноградов Петр Семенович, москвич, мой земляк, проживавший на моей Б. Серпуховской улице. При встрече он так отрекомендовался: «Коммунист, работаю среди военнопленных по заданию ЦК ВКП(б)».

В результате сначала с помощью искусственной травмы руки и временного освобождения от работы при содействии своего человека в медпункте, а затем при содействии своего человека в канцелярии лагеря мне была предоставлена возможность сменить свою меченую одежду беглеца на обычную и получить другой номер - умершего военнопленного. После этого я был переведен в общий барак. Здесь меня похоронили во второй раз. Большую помощь мне оказали Иван Иванович Смирнов из города Калинин и Николай Николаевич Лебедев – москвич. Эти подпольные организации вели большую пропагандистскую работу среди военнопленных, разъясняя предательскую роль Власова и его армии, в которую он призывал

вступать. Я участвовал в выпуске листовок среди военнопленных в группе Виноградова. К сожалению, моего друга-товарища Мишу (его фамилия не сохранилась в памяти) спасти не удалось. Он снова пытался бежать, зарывшись в мусор на заводе. Его нашли, и немцы-конвоиры били его всю дорогу, пока вели от завода до лагеря. После этого он прожил всего несколько дней.

При приближении линии фронта наш лагерь в начале февраля 1945 года эвакуировали. Всех военнопленных построили в длинную колонну и повели по Чехословакии на запад. Было чрезвычайно обидно уходить от своих, к которым так настойчиво я стремился в прошлом побеге. Но была зима. Бежать и надеяться где-то укрыться было весьма рискованно. Но наши военнопленные бежали даже зимой. Их ловили и расстреливали. Трупы наших убитых товарищей на санях или телегах подвозили к колонне, чтобы мы их увидели собственными глазами. Это в какой-то мере сдерживало побеги зимой. Но наступила весна, а нас все вели на запад.

Мы прошли почти всю Чехословакию. Стало припекать солнце. Снег сошёл. Настало и наше время. Наша колонна остановилась на ночь 1 апреля в большом сарае. Мы решили бежать: Николай Савушкин – летчик-москвич, Николай Светлов – моряк-подводник и я. Судетские горы, покрытые лесом, были весьма благоприятны для побега. Именно во время этого побега впервые за всё пребывание в плену я узнал, что такое предательство.

А случилось это так. Из бежавшей тройки на воле нас оставалось двое – Николай Савушкин и я. Николая Светлова поймали несколько дней назад, когда мы случайно наскочили на немецких патрулей. А, может быть, они нас целенаправленно искали. Мы стали еще более осторожными. Шли на восток только ночью. Днем скрывались где-нибудь в тихом незаметном месте в лесу, где можно было отдохнуть и приготовить на костре пищу – сварить картошку либо тюрю. Рано утром в горах, в лесу, вдалеке от населенных пунктов, нас заметил молодой человек, который говорил по-русски, правда, с украинским акцентом. Мы ему очень обрадовались и попросили принести нам хлеба, соли и спичек. Он обещал прийти к нам вечером. И пришёл, но привел немцев гражданских, с оружием, которые нас и арестовали. Как было обидно! Нам помогали

поляки, чехи, французы, даже немцы в Судетской области. А здесь человек, говоривший по-русски, и предал.

После неудачного побега Колю Савушкина и меня привезли в лагерь военнопленных в город Вайден (Южная Германия) и сдали охране лагеря. Здесь находилось много наших летчиков. Мы встретились с Лешей Анохиным, москвичом-летчиком, братом знаменитого летчика-испытателя Сергея Анохина, Героя Советского Союза. После знакомства он рассказал мне, что в лагере есть подпольная организация, которую возглавляет генерал, и что у них есть связь с лагерной администрацией, где работают французы, готовые нам помочь.

В связи с подходом союзнических войск немцы лагерь эвакуировали, оставались в нем лишь больные. Руководство подпольной организации сделало так, чтобы все советские военнопленные-летчики с помощью французов, работавших в администрации лагеря, были занесены в категорию больных и оставались в лагере. Имелись веские основания опасаться того, что на этапе фашисты могли уничтожить всю колонну. В этот момент и привели нас в лагерь.

Подпольная организация помогла нам тем, что мы не были наказаны за побег и не были изолированы, находились в общем бараке. А подпольщики были заняты организацией побега военнопленных из этого лагеря. Бежавшие скрывались в соседнем лагере гражданских лиц, угнанных в Германию, с которым поддерживалась постоянная связь. Бежали и мы с Алексеем Анохиным и тоже скрывались в гражданском лагере. Уже через несколько дней на эту территорию вступили американские войска. Руководители подпольной организации лагеря военнопленных дали команду мелкими группами уходить ночами на восток – навстречу нашим войскам.

Наконец настала наша очередь, и мы тронулись в путь. Американцы всячески препятствовали таким передвижениям. Но, в конечном итоге, через несколько дней пути мы добрались до Красной Армии.

Хотелось бы отметить международную солидарность, основанную на ненависти к фашизму. На территории Германии было много военнопленных из Франции, Польши, Югославии, Италии, которые очень симпатизировали советским военнопленным. Им было больше доверия со стороны немцев, и они иногда работали в канцеляриях лагерей военнопленных, не-

редко были связаны с подпольными организациями и помогали нашим военнопленным. Я такую помощь испытал на себе дважды, о чем выше было упомянуто. Хочется подчеркнуть, что эта международная солидарность народов Европы, основанная на ненависти к фашизму, была массовой и стабильной. Подтверждением этого является тот факт, что советским беглецам оказывалась помощь даже при случайных встречах. Приведу несколько примеров.

Во время побега я прятался в автомобильном прицепе, закрепленном на железнодорожной платформе поезда, следовавшего из Германии через Польшу в сторону фронта. Поляк-железнодорожник заметил меня и предупредил, чтобы я не высовывался. Я лежал и думал: «Выдаст или не выдаст?». Ведь он мог получить за меня большое вознаграждение. Не выдал. Во время одного из побегов на территории Судетской области нам приходилось обращаться к жителям домов (это были чаще всего пожилые люди – немцы и чехи) на лесных опушках и просить у них хлеб, соль и спички. И в большинстве случаев нам это давали. Один старик-немец пригласил даже в дом, накормил горячим обедом и проводил до просеки, рассказав, куда нам идти дальше и как лучше избежать встречи с патрулями. А один француз-военнопленный, работавший у хозяина, скрывал нас и кормил несколько дней.

В лагере города Вайден, после освобождения его американцами, нам посчастливилось встретиться с нашим другом Колей Светловым. Он рассказал, что когда его поймали, то передали охране колонны военнопленных, следовавших из Югославии, и что сербы по колонне пустили шапку, в которую собирали сигареты (они получали сигареты через Красный Крест). Набрали почти полную шапку, и за эти сигареты уговорили немецкий конвой не передавать Николая в колонну советских военнопленных. Так он был спасен от наказания за побег. Я думаю, что каждый, побывавший в плену, мог бы привести множество своих примеров и о подпольных антифашистских организациях в лагерях военнопленных, и о взаимной помощи друзей-товарищей, и о международной солидарности, и о хорошем отношении к нам, советским военнопленным, со стороны французов, сербов, поляков, чехов и немцев-антифашистов.

Все фамилии друзей-товарищей приведены достоверные.

Тема движения Сопротивления в лагерях советских военнопленных еще ждет своих исследователей. Патриотов, преданных своей Родине, и стойких людей в плену было значительно больше, чем слабых, а тем более предателей. За время пребывания в плену ни меня, ни моих товарищей никто ни разу не выдал, хотя мы были членами подпольных организаций, вели разъяснительную работу среди военнопленных, устраивали акты саботажа и побеги, а значит участвовали в движении Сопротивления. Иначе бы и меня в живых не было. Предательство для меня имело место только один раз – во время третьего побега, когда мой товарищ и я были пойманы в результате этой подлости. Я не помню, чтобы кто-нибудь похвастался тем, что он сдался в плен. Если такие и были, то они скрывали это от своих товарищей. А вот подпольные организации были почти во всех лагерях, где мне приходилось бывать. Советские люди организовывались даже тогда, когда они были чуть живы, не только не могли твердо ходить, говорить не могли в полную силу из-за физического истощения. Всегда находились люди более стойкие, мужественные, сильные духом, которые сплачивали других в ядро сопротивления. В отдельных лагерях представители этих организаций посвящали меня в свои цели и задачи, открывались передо мной. Но в ряде лагерей я чувствовал помощь физическую, медицинскую и моральную, хотя не был посвящен в тайны данной подпольной организации. В общем, хочется со всей ответственностью и определенностью сказать, что советские люди в подавляющем своем большинстве, привыкшие к организованным действиям, сохраняя преданность своей Родине, объединялись в группы и организации для сопротивления фашизму в любых условиях, какими бы невыносимыми они ни были.

В ту войну у каждого было свое поле Куликово, свое Бородинское поле, которое ему было уготовлено военной судьбой. И каждый участник войны, преданный своей Родине, на отведенном ему месте боролся с фашистской агрессией с полной отдачей сил и своих возможностей.

Всем участникам войны, не дожившим до наших дней, вечная память!

Вспомним, что неизвестный солдат, похороненный у Кремлевской стены, перед которым мы низко склоняем наши головы, принося ему цветы и венки, - это тот солдат, на которого не пришла «похоронка», солдат, пропавший без вести.

В этой страшной войне погиб мой родной брат – Кузнецов Михаил Дмитриевич (1912 г. рождения). Он участвовал в боях на Курской дуге в июле 1943 года, после боя не вернулся. Обстоятельства гибели неизвестны.

Из моих родственников в живых остались отец – Кузнецов Дмитрий Васильевич (1875 г. рождения), мать – Кузнецова Екатерина Сергеевна (1885 г. рождения), сестра – Жукова Серафима Дмитриевна (1905 г. рождения), сестра – Кузнецова Евгения Дмитриевна (1907 г. рождения), брат – Кузнецов Всеволод Дмитриевич (1910 г. рождения, майор-летчик, участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и другими юбилейными медалями).

После Великой Отечественной войны указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени № 1046248, удостоверение А № 909185 (орденская книжка). Указ подписал секретарь президиума Верховного Совета СССР. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне1941-1945 гг. Вручение происходило во время торжественного собрания сотрудников Всесоюзного института комплексных топливно-энергетических проблем Госплана СССР в конференц-зале 8 мая 1985 г. Вручал награды представитель Октябрьского райвоенкомата, подарки вручал директор института Ятров Сергей Николаевич.

Также я был награжден медалями «За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.» (26 декабря 1956 г.), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (23 февраля 1966 г.), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (8 января 1976 г.), «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (6 мая 1985 г.), «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (22 марта 1995 г.),

«Медаль Жукова» (6 марта 1995 г.), «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР» (29 апреля 1969 г.), «Шестьдесят лет Вооруженных сил СССР» (22 марта 1979 г.), «Семьдесят лет Вооруженных сил СССР» (23 февраля 1988 г.), памятный знак «Участник парада 9 мая 2000 г.», знак «Фронтовик 1941-1945» (9 мая 2000 г.), медаль «В память 850-летия Москвы» (26 февраля 1997 г.), медаль «Ветеран труда» (25 декабря 1984 г.), знак «Почетный ветеран» (27 декабря 2002 г.), знак «Отличник народнохозяйственного планирования» (Госплан СССР, 16 января 1986 г., № 10), «Ветеран труда» (27 мая 1997 г.).

В мирное время я – научный работник, кандидат технических наук. Я проработал более 40 лет в двух НИИ – Институте комплексных транспортных проблем (ИКТП) Госплана СССР и во Всесоюзном институте комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИИКТП) Госплана СССР. За это время накопилось более ста публикаций на темы: развитие всех видов транспорта экономических районов и определенных территорий (Дальний Восток, Восточная Сибирь, Урал, Красноярский край, Якутия, Тува, Средняя Азия, Казахстан и т.д.) и формирование и сопоставление энерготранспортных систем на больших территориях по схеме: добыча энергоресурса – его переработка – транспортировка – использование (сжигание или дальнейшая переработка) и выдача готовой продукции (тепла, электроэнергии обогащенного энергоресурса и др.). Вот некоторые из них:

1. Монография «Планирование развития транспортной сети в экономическом районе». М.: изд. Транспорт, 1975.
2. Монография «Новая энергетическая политика России», раздел «Транспорт». М., Энергоатомиздат, 1995.
3. Статья «Возможные пути реконструкции топливного баланса тепловых электростанций России на период до 2020 г.», вопросы регулирования ТЭК, в журнале «Регионы и Федерация», издание межрегиональной Ассоциации региональных энергетических комиссий, М.: 2001.
4. Статья «Транспортная составляющая в стоимостных оценках поставок энергоносителей для тепловых электростанций». Энергетическая политика. М.: 1999.

Публикации о войне

1. Сборник воспоминаний «Великая победа». М.: Воениздат, 1993. 292 стр. Моя статья: «Первые бои на Белостокском выступе», С. 7-15.

2. Сборник «Народ отстоял Отчизну», МОФ «Победа – 1945 г.», М.: 1995. Моя статья: «О друзьях-товарищах». С. 543-573.

Также подготовлена к печати рукопись: «Воспоминания солдата, пропадавшего без вести» (автобиографическая повесть) – 220 стр. машинописного текста.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Локтешев Андрей Игоревич**, студент 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Кузько Иван Васильевич

Война и человек – понятия несовместимые

Война… Что может быть ужаснее? Это самое страшное, самое жестокое, что только возможно на земле. Война несёт потери, разрушения, разбивает мечты и надежды, калечит судьбы миллионов людей.

Великая Отечественная война была испытанием из испытаний. И сколько бы лет ни прошло, она навсегда останется в памяти людей, переживших её.

Прежде чем обратиться к тем далёким военным годам, расскажу немного о себе.

Родился я 18 июля 1924 года в селе Васютенцы Ирклеевского района, Полтавской области (в настоящее время Чернобаевский район, Черкасская область). По национальности украинец. По своим убеждениям атеист. Член КПСС с августа 1944 года. После развала Советского Союза в рядах КПРФ не состою, но партийный билет и учётная карточка члена КПСС находятся у меня.

Окончил в 1941 году 10 классов Васютенской средней школы.

О начале войны узнал 23 июля 1941 года из выступления по радио Министра иностранных дел СССР Молотова Вячеслава Михайловича, в котором он сообщил о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны, потребовавшей от страны напряжения всех физических и духовных сил. Советский народ

чувствовал смертельную угрозу не только своей свободе, но и всей русской земле. Именно поэтому на защиту Родины поднялся и стар и млад.

После сообщения о нападении фашистской Германии на Советский Союз, все мы, мальчишки-выпускники десятого класса собрались в школе и решили идти в Ирклеевский районный комиссариат добиваться призыва нас в Красную Армию и отправки на фронт. На площади перед военкоматом собралось огромное количество молодых парней со всего района с одной целью - отправиться на фронт защищать свою Родину.

К собравшимся на площади обратился военком и объявил, что юноши 1924 года рождения в армию пока призываться и отправляться на фронт не будут. После этого сообщения мы возвратились домой.

В нашей Васютенской средней школе были хорошо развиты военно-патриотическое воспитание и физическая подготовка учащихся.

Учащиеся старших классов осваивали основы военного дела на занятиях в кружках и секциях. К окончанию школы мы знали устройство основных видов стрелкового оружия. Умели стрелять, оказывать первую помощь раненым и больным.

В кружках мы набирались знаний, в соревнованиях завоевывали значки, например, “Готов к труду и обороне”, “Готов к санитарной обороне” и другие.

Полученные в школе знания по военному делу потом мне очень пригодились в армии. Я умел метко стрелять из всех видов стрелкового оружия, был хорошо подготовлен физически.

К июлю 1941 года немецкие войска заняли правобережную часть Украины, подошли к реке Днепр, где по левому берегу проходила оборона наших войск. Уже с первых дней войны русский народ проявил чудеса стойкости и героизма.

В конце июля 1941 года в числе некоторых выпускников-десятиклассников я был приглашён в Васютенский сельский Совет народных депутатов на беседу с представителями пограничных войск. Нам было предложено дать согласие на отправку в тыл немецких войск для ведения агентурной разведки. Мне очень хотелось попасть на фронт защищать свою Родину, и я согласился.

В конце августа 1941 года за нами в село приехал представитель пограничных войск. Меня и Тараненко Александра

увезли в район села Веремеевка, на остров между реками Днепр и Гречанка, где держали оборону пограничные войска.

После недельной подготовки мы с Тараненко Александром на маленькой лодке переправились ночью на правый берег реки Гречанка, в районе села Боровицы.

Нам предстояло произвести разведку от реки Днепр до реки Тясмин, в прямоугольнике, обозначенном городами Чигирин, Егорьевск, Смела, Черкассы. Цель разведки: установить наличие немецких войск, их дислокацию, вооружение. Полученные разведывательные данные мы должны были передать в городе Смела Коваленко Иосифу Сергеевичу.

В начале сентября 1941 года разведка в заданном районе была нами закончена. Мы пришли в город Смелу, (кажется ул. Комсомольская, дом 11), чтобы устно передать разведывательные данные Коваленко Иосифу Сергеевичу. К нашему великому сожалению, оказалось, что теперь эти данные уже не имеют смысла, так как немцы форсировали Днепр и продвигаются на Полтаву и Харьков. Иосиф Сергеевич посоветовал нам вернуться домой, установить связь с местным подпольем или партизанским отрядом и включиться в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

В это время в селе Васютенцы уже действовала группа подпольщиков, возглавляемая учителями школы Старчой Ионом Митрофановичем, Сиволапом Иваном Филипповичем и Кабаном Николаем Николаевичем. Именно в эту подпольную группу я и был включён.

С начала 1942 года немцы начали массово угонять молодёжь в Германию и Австрию.

Наша подпольная группа вела агитацию среди молодёжи против отправки в Германию, изготовляла по имевшимся образцам справки об освобождении от поездки по болезни (в основном указывалась трахома глаз). Именно их мы и вручали отъезжающим. Многие односельчане, воспользовавшись этими справками, убегали с дороги и беспрепятственно возвращались домой.

В конце июля 1943 года в районе села Чернобай десантировалась передовая группа партизанского отряда Соболева. После двухдневных боёв с немцами и полицаями группа Соболева обосновалась на острове, между реками Днепр и Мироновой, в семи километрах от села Васютенцы. Основной за-

дачей группы было создание партизанского отряда на юге Полтавской области для борьбы с полицаями и отступающими немецкими войсками.

Наша подпольная группа осуществляла диверсии на линиях связи, печатала листовки и распространяла их в ближайших сёлах.

Нами была установлена связь с отрядом партизан Соболева. Группа влилась в отряд, что способствовало пополнению его личным составом. Мы занимались агитацией среди населения, принимали активное участие в операциях против немцев и полицаев.

Мне было поручено организовать обеспечение отряда продовольствием, которое я получал ночью на складе колхоза имени XVII партсъезда ВКП(б) села Васютенецы. Продовольствие отпускал заведующий складом, наш подпольщик, учитель школы Гузь Кирилл Илларионович.

А в сентябре 1943 года произошла встреча нашего партизанского отряда с передовыми частями Красной Армии, освобождавшими сёла района.

На митинге, организованном руководителями партизанского отряда и Васютенского подполья по случаю освобождения села Васютенцы от немецко-фашистских захватчиков, я был избран секретарём сельского Совета народных депутатов, а председателем - руководитель подполья Старча И.М.

В конце сентября 1943 года меня призвали в ряды действующей армии. Проходил службу рядовым стрелком в 210-м запасном стрелковом полку 4-й гвардейской армии. Полк дислоцировался в селе Глобино, Полтавской области.

С 1 ноября 1943 года на фронте. Участник боевых действий в должности рядового, стрелка 206-го гвардейского стрелкового полка, 69-й гвардейской стрелковой дивизий, которой командовал генерал-майора Джахуа, 4-й гвардейской армии, 2-го Украинского фронта под командованием генерала Конева Ивана Степановича.

С марта 1944 года по май 1945 года стал наводчиком 120-мм миномёта миномётной батареи 206-го гвардейского стрелкового полка, 69-й гвардейской стрелковой дивизии, 4-й гвардейской армии, 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Мой боевой путь проходил через село Глобино (октябрь 1943 года). Село Колоборок (ноябрь–декабрь 1943 года), село

Капитановка (январь 1944 года), город Звенигородка (февраль 1944 года), село Нападень (март 1944 года), город Оргеев (май 1944 года), город Яссы (август 1944 года), город Арад (ноябрь 1944 года), город Еньинг (декабрь 1944 года), город Вена (апрель 1945 года), город Линц (май 1945 года).

Вместе со своими друзьями-однополчанами я принял участие в освобождении:

города Звенигородка (февраль 1944 года) в составе 2-го Украинского фронта под командованием генерала Конева Ивана Степановича, 69-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Джахуа, 206-го гвардейского стрелкового полка под командованием полковника Танасевского, 3-го батальона под командованием капитана Шкарупы;

города Яссы (20 августа 1944 года) в составе 3-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Толбухина Федора Ивановича, 69-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Джахуа, 206 гвардейского стрелкового полка под командованием полковника Танасевского, миномётной батареи под командованием капитана Стародубова Василия Тимофеевича, огневого взвода под командованием старшего лейтенанта Идрисова Кызыйхана;

города Вены (14 апреля 1945 года) в составе 3-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Толбухина Федора Ивановича, 69-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Джахуа, 206-го гвардейского стрелкового полка миномётной батареи под командованием капитана Стародубова Василия Тимофеевича, огневого взвода под командованием старшего лейтенанта Идрисова Кызыйхана.

Боевые действия я закончил 7 мая 1945 года в Австрии, вблизи города Линц, в составе 206-го гвардейского стрелкового полка, 69-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Джахуа наводчиком 120-мм миномёта в воинском звании ефрейтор.

После окончания войны с мая 1945 года по март 1946 года продолжил службу в 206-м гвардейском стрелковом полку, который дислоцировался в местечке Земмеринг (Австрия). Штаб 69-й стрелковой дивизии находился в городе Глогниц.

В марте 1946 года был направлен в Пензенское артиллерийско-миномётное училище, а после его расформирования в мае 1946 года направлен в Краснодарское артиллерийско-миномётное училище.

Война и жизнь, война и человек – понятия несовместимые. Война убивает всё живое. Она приносит горе, страдания, смерть. Многие не вернулись с поля боя, многие были тяжело ранены. Не обошла судьба и меня. 31 января 1944 года я получил сквозное осколочное ранение в область правого плечевого сустава. Находился на излечении в полевом госпитале 4-й гвардейской армии №3465 с 31 января по 15 февраля 1944 года, после чего вернулся в 69-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 206-й гвардейский стрелковый полк.

Удача сопутствовала мне недолго. 8 декабря 1944 года я получил ещё одно тяжёлое множественное осколочное ранение правой голени и левого предплечья с повреждением кости. Находился на лечении сначала в медико-санаторном батальоне (медсанбате) 69-й гвардейской стрелковой дивизии, а затем с 1 января по 12 марта 1945 года во фронтовом госпитале № 2613 (полевая почта 59348). После выздоровления вернулся в 69-ую гвардейскую стрелковую дивизию 206-й гвардейский стрелковый полк, миномётную батарею.

Награды

Лев Толстой в своё время сказал: «Война есть противное человеческому естеству состояние». Я с ним полностью согласен. Война является страшным испытанием для человека. Именно там, на полях сражений, люди проявляли силу воли и духа, мужество и патриотизм, человеческое достоинство и героизм. Об этом и многом другом говорят боевые награды. Каждая из полученных мною наград заставляет вернуться в прошлое. Это:

медаль «За отвагу» № 573671. Приказ командира 206-го гвардейского стрелкового полка № 027/н от 22 ноября 1943 г. Вручена командиром 206-ого гвардейского стрелкового полка Козловым. Награждён за храбрость и мужество, проявленные при защите плацдарма на правом берегу Днепра вблизи села Колоборок;

медаль «За отвагу» № 2415248. Приказ командира 206-ого гвардейского стрелкового полка от 10 января 1945 г. № 034/н. Вручена командиром миномётной батареи 206-ого гвардейского стрелкового полка капитаном Стародубовым Василием Тимофеевичем. Награждён за умелые действия и храбрость при защите переднего края полка в районе г. Еньинг (Венгрия);

орден Красной Звезды, № 2678111. Орден вручён 30 апреля 1946 г. начальником Пензенского артиллерийско-миномётного училища генерал-майором Хитровским. Представлялся к награждению орденом в мае 1945 г. командиром 206-го гвардейского стрелкового полка за храбрость и мужество при взятии г. Вены. Получить орден в полку не представилось возможным в связи с отъездом в Пензенское артиллерийско-минометное училище;

медаль « За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. Вручена 4 марта 1946 г. командиром 206-го гвардейского стрелкового полка полковником Ефановым;

медаль «За взятие Вены». Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 194 г. Вручена 5 марта 1946 г. Командиром 206-го гвардейского стрелкового полка полковником Ефановым. Награждён за участие в геройском штурме и взятии г. Вены;

медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указ президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г. Вручена 6 ноября 1965 г. заместителем командующего, начальником тыла Ленинградского военного округа генерал-лейтенантом Борщевым Семеном Михайловичем;

медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указ президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. Вручена 8 мая 1975 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны генерал–лейтенантом Исаенко Иваном Даниловичем;

медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указ президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985г. Вручена 6 мая 1985 г. начальником Цен-

трального продовольственного управления Министерства обороны генерал–полковником Исаенко И.Д.;

орден Отечественной войны 1-й степени № 532866. Указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. Вручён 8 мая начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны генерал-полковником Исаенко И.Д. Награждён за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;

медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Указ Президента Российской Федерации от 22 марта 1995 г. Вручена 4 мая 1995 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны Российской Федерации генерал-лейтенантом Савиновым Вячеславом Николаевичем;

медаль «За боевые заслуги». Медаль вручена 30 апреля 1965 г. начальником Управления продовольственного снабжения Министерства обороны СССР генерал-лейтенантом Саушиным Федором Семеновичем. Награждён за безупречную службу в Советской Армии;

медаль «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Медаль вручена 14 апреля 1970 г. начальником Центрального продовольственного управления генерал-лейтенантом Саушиным Ф.С.;

орден За службу Родине в Вооружённых силах 3-й степени, № 39413. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 г. Орден вручён 22 февраля 1980 г. начальником Центрального продовольственного управления генерал-лейтенантом Исаенко И.Д. Награждён за безупречную службу в Вооружённых силах СССР;

медаль «Ветеран Вооружённых сил СССР». Приказ Министра обороны СССР от 9 ноября 1983 г. № 01155. Вручена 8 декабря 1983 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны генерал-полковником Исаенко И.Д. Награждён за безупречную долголетнюю службу в Вооружённых силах СССР;

юбилейная медаль «30 лет Советской Армии и Флота». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля

1948 г. Вручена 18 сентября 1948 г. начальником Краснодарского артиллерийско-минометного училища генерал-майором Липовским Александром Михайловичем;

юбилейная медаль «40 лет Вооружённых сил СССР». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 г. Вручена 9 июня 1958 г. начальником Военной Академии Тыла и Транспорта генерал-лейтенантом Миловским Михаилом Павловичем;

юбилейная медаль «50 лет Вооружённых сил СССР». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 г. Вручена 20 февраля 1968 г. начальником Управления продовольственного снабжения Министерства обороны СССР генерал-лейтенантом Саушиным Ф.С.;

юбилейная медаль «60 лет Вооружённых сил СССР». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1978 г. Вручена 15 февраля 1978 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны СССР генерал-лейтенантом Исаенко И.Д.;

юбилейная медаль «70 лет Вооружённых сил СССР». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 г. Вручена 23 февраля 1988 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны СССР генерал-полковником Исаенко И.Д.;

медаль «За безупречную службу 2-й степени». Приказ Министра обороны СССР от 17 января 1959 г. № 72. Вручена 21 февраля начальником военного склада № 1512 Ленинградского военного округа полковником Черкасским Михаилом Григорьевичем;

медаль «За безупречную службу 1-й степени». Приказ Министра обороны СССР от 22 января 1967 г. № 068. Вручена 18 февраля 1967 г. начальником Управления продовольственного снабжения Министерства обороны СССР генерал-лейтенантом Саушиным Ф.С.;

медаль «Жукова». Указ президента Российской Федерации от 19 февраля 1996 г. № 205. Вручена 6 мая 1996 г. начальником Центрального продовольственного управления Министерства обороны Р.Ф. Савиновым.

Горе и слёзы нашу семью обошли стороной. Погибших в войне родственников нет.

К настоящему времени остались в живых две мои сестры:

Сидоренко Анастасия Васильевна, 1927 года рождения, проживает в селе Старый Коврай, Чернобаевского района Черкасской области,

Кузько Александра Васильевна, 1933 года рождения, проживает в селе Васютенцы, Чернобаевского района Черкасской области.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений не имею.

Говорят, подвиг человека, как и подвиг народа, не возникает сам по себе, он всегда выражает сумму духовных ценностей. Сражаясь за победу в войне, мы боролись за свободу и независимость, за возможность жить в условиях справедливости, равноправия. Мы осознавали свою слитность с судьбой страны. И это осознание удесятеряло нам силы. Очень много, оказывается, может сделать человек, если он обогащен великой целью, если знать во имя чего и за что борется. И я не раз обращаюсь к воспоминаниям о том далёком военном времени, о друзьях-однополчанах, с которыми делали все возможное и невозможное, чтобы победить врага. Вот несколько особенно запомнившихся эпизодов.

Плацдарм

Первые дни пребывания на фронте, когда мы защищали небольшой плацдарм на правом берегу Днепра, приходилось по нескольку раз в день отбивать атаки превосходящих сил немцев, пытавшихся ликвидировать плацдарм. Но это им не удалось. Наши бойцы, проявляя мужество и героизм, не отступили, отстояли оборону, а позже и расширили свой плацдарм. То были тяжёлые и кровопролитные бои.

7-я рота 3-го батальона

Как-то в одном бою в районе села Колоборок немцы отрезали от основных подразделений полка 7-ю роту 3-го батальона, связь с ней была прервана.

Мне и моему однофамильцу Кузко Алексею Павловичу, командир 3-го батальона, поставил задачу: отправиться ночью на поиск роты, установить с ней связь. Нам была выдана ракетница с тремя ракетами разных цветов, которые при обнаружении роты надо было выстрелить в порядке цветов: желтая, зеленая, красная.

Несмотря на обстрел немцев, нам удалось переплыть через озеро и на рассвете обнаружить окопавшуюся 7-ю роту. Из окопа я выпустил три сигнальные ракеты, по свечению которых было определено место нахождения роты, а позже установлена с ней связь.

За выполнения этого задания мы были представлены к награждению медалью “За отвагу”.

Освобождение города Звенигородка

При осуществлении Карсунь-Шевченковской операции наша 69-я гвардейская дивизия принимала участие в освобождении города Звенигородка.

Запомнилась артиллерийская подготовка и молниеносная атака наших бойцов и командиров, которые с криком “Ура”, “За Родину”, “За Сталина” ворвались в первую траншею немцев. С боем продвигались вперед до полного освобождения города.

Жители города радостно встречали нас, благодарили за освобождение.

Госпиталь

Запомнилась теплая встреча раненых бойцов и офицеров с артистами фронтовой бригады во фронтовом госпитале №2613 в городе Тимишоара (Румыния) в январе 1945 года. На концерте они пели нам прекрасные фронтовые песни: “Синий платочек”, “В землянке”, “Эх, дороги”, “Смуглянка” и многие другие. Эти песни способствовали быстрому выздоровлению раненых и скорому возвращению их на фронт.

Озеро Балатон

Часто вспоминаю бой в районе озера Балатон, вблизи г. Еньинг (декабрь 1944 года), когда при очередной атаке немцам удалось потеснить нашу пехоту до огневой позиции миномётной батареи. Мы вместе с пехотой огнём из миномётов и стрелкового оружия сумели отбить яростную атаку немцев и восстановить положение переднего края.

Самолёт

Велика жизненная сила человека, и это действительно так. Не раз я вспоминал эпизод, когда вездесущий комсорг батальона Курдюков Иван сбил из ручного пулемета немецкий самолёт–штурмовик «Юнкерс-88». Пуля угодила в бензобак, самолёт воспламенился и рухнул на землю. Радость наша была беспредельна.

Станция Линц

В Австрии на станции Линц мы принимали участие в освобождении из товарных вагонов русских девушек, которых увозили на принудительные работы. Невозможно передать радость, светившуюся в их глазах, и благодарность за освобождение.

В часы затишья мы вспоминали о своих близких.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Наша любимая кормилица

Вспоминается случай, когда командир батареи капитан Стародубов Василий Тимофеевич послал меня верхом на лошади искать на марше нашу кормилицу – походную кухню на конной тяге.

Проскакав 10-15 километров, я обнаружил стоявшую на дороге повозку с едой без одного колеса, которое лежало рядом. Оказалось, что был утерян шплинт, который и удерживал

колесо на оси. Чтобы устранить неисправность, я тут же выдернул шомпол из своего карабина, одел колесо и вместо утерянного шплинта вставил в отверстие оси шомпол. Мы с поваром благополучно доехали до места расположения батареи, так что наш состав был накормлен вовремя. За выполнение задания командир батареи капитан Стародубов Василий Тимофеевич объявил мне благодарность. На следующий день, во время осмотра начальником артиллерии полка личного состава батареи и штатного оружия, я получил от него – два наряда вне очереди, за использование шомпола карабина не по назначению.

В истории человечества было много войн. При воспоминаниях о Великой Отечественной болит сердце и хочется лишь одного: пусть это никогда не повторится, пусть новое поколение живет мирно и счастливо. Боль, горе, ужасы, страдания – всё должно остаться в прошлом.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Конюхов Евгений Владимирович****, студент 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Лавренов Иван Тихонович

Воспоминания юнги

Я родился 14 ноября 1927 года в семье донского казака Лавренова Тихона Никандровича на хуторе Комаров, Дубовского района, Ростовской области. Русский, православный, член КПРФ.

В 1929 году моя семья – отец, мать, старшие сёстры Татьяна, Александра, Маргарита, Паня и я переехали на постоянное местожительство в город Ростов-на-Дону, где в 1942 году я окончил семь классов средней школы.

В ноябре 1941 года фашисты ворвались в наш любимый город. Снега ещё не было, но дул холодный, пронизывающий ветер, а немцы были одеты не по-зимнему. Город замер. Люди боялись лишний раз выйти на улицу. Мы, мальчишки, тоже побаивались, но любопытство брало верх. Один немецкий солдат из патруля подозвал меня и, тыча в меня пальцем, спросил: «Юда?»

Я отвечал отрицательно. Тогда он снял с меня тёплую шапку и напялил её себе на голову. Шапчонка была ему мала, соскакивала с головы. Другие солдаты смеялись, показывали на него пальцами, хлопали по спине, громко кричали.

Но шапку мне немец не отдал. Так я впервые встретился лицом к лицу с фашистами – завоевателями.

Пробыли немцы в Ростове недолго, всего пять дней. Но за это время не обошлось без неприятностей и в моей семье.

В первый день оккупации в доме появился Митька – один из жильцов нашего дружного дома, призванный в Красную армию ещё летом. Выяснилось потом, что он дезертировал. Для того чтобы выслужиться перед фашистами, он решил донести на коммунистов и красных командиров. Вот он-то и привел немцев в наш дом.

Жила в нашем доме на втором этаже старая коммунистка, член партии с 1907 года. Все звали её баба Васёна. Была она женщина необыкновенной доброты и смелости. Митька-поганец привёл к бабе Васёне немцев и кричал: «Где твой партбилет?».

Еще он кричал, что в доме живёт партизан. А надо сказать, что партизанами прозвали нашу семью. Мой отец был почётным Красным командиром, а меня соседи звали Ванька-партизан.

Дочь бабы Васёны Лида незаметно выскользнула из квартиры. Прибежав к нам, она предупредила, что сейчас здесь будут немцы.

Два окна нашей квартиры выходили на улицу, а жили мы на первом этаже.

Отец быстро надел пальто, рванул створки окна, от чего бумага, которой они были заклеены для сохранения тепла, порвалась, и выскочил на улицу.

Через несколько минут в квартиру вошли офицер и два солдата, их вёл Митька.

Офицер на чистом русском языке спросил об отце. Старшая сестра Таня ответила, что отец ушёл на Дон. Офицер осмотрел окно, увидел порванную бумагу, понял, что отец вылез в окно, но ничего не сказал. Солдаты обыскали весь дом, но ушли ни с чем. А через некоторое время во дворе раздались выстрелы. Выждав несколько минут, – они для нас были страшными, так как мы боялись за отца, Таня пошла во двор посмотреть, а, вернувшись, сказала, что во дворе лежит убитый Митька. Немцев поблизости не было. Кто «позаботился» о Митьке-предателе, мы так и не знаем. Ходили слухи, что это были наши партизаны, но баба Васёна и отец об этом никому не говорили.

В июне 1942 года я поступил в речной техникум им. Седова и сразу же был направлен на практику в город Калач на Среднем Дону. Сначала постигал флотскую науку на земснаряде, а затем на буксирном пароходе «Чапаев».

В июле 1942 года шли кровопролитные бои под Воронежем. Наш буксир подвозил к линии фронта баржи с оружием, боеприпасами и продовольствием.

На подходе к станице Вешенской матросы заметили фашистский самолёт-разведчик. Он долго кружил над баржами, а затем сбросил листовки с предупреждением о том, что если мы не прекратим движение, то буксир и баржу начнут бомбить. И действительно на другой день наш караван подвергся атаке с воздуха, во время бомбёжки затонула баржа с вооружением.

Капитан парохода вызвал нас, трёх студентов, и приказал покинуть буксир и пешком добираться до Сталинграда. Мы же решили пробираться в Ростов.

На поезде доехали до города Сальска, а там узнали, что в сторону Ростова поезда не ходят. Дальше надо было идти пешком по дороге, по которой нескончаемой вереницей тянулись беженцы и отступающие войска. Мы шли в другую сторону. Заночевали на станции Целина в 30-ти километрах от Сальска, а утром снова в дорогу.

Примерно в девять часов из-за стогов, в километре от дороги показались немецкие танки и пехота. Все бросились с дороги в степь, а мы втроём, женщина с двумя детьми и два красноармейца укрылись в большой трубе под дорогой.

Вскоре нас обнаружили солдаты, которые собирали пленных. Нам, подросткам и женщине с детьми приказали идти в станицу Целина и там зарегистрироваться в комендатуре. Но нам удалось убежать от фашистов, и мы пошли в Ростов по уже занятой врагом территории.

Через несколько дней мы добрались до города, и здесь я узнал, что вся моя семья эвакуировалась. Приютила меня баба Васёна. А вскоре немцы начали угонять молодёжь в Германию. Чтобы избежать ареста, мне пришлось несколько недель прятаться в подвале дома, а затем потихоньку выбираться из города.

Я отправился на свою малую родину - на хутор Комаров (это в 300 километрах от Ростова).

На десятый день я одолел это расстояние, нашёл семью, но, к сожалению, не всю. В Цимлянске у переправы через Дон при бомбёжке погибли моя мать и четырёхлетний племянник Борис.

Хутор Комаров находился вдалеке от всех дорог и в 50 километрах от железной дороги, поэтому немцы к нам наведывались не очень часто, а когда приезжали, все, кто помоложе, прятались. Зимой, после победы в Сталинградской битве, в хутор вошли войска Красной армии. Из эвакуации возвращались жители, а пригнали также знаменитые донские табуны лошадей и стада, которые смогли эвакуировать и спасти во время отступления наших войск.

В колхозе не хватало рабочих рук, и я стал работать табунщиком. Но всё чаще я возвращался к своей детской мечте стать капитаном корабля, и у меня постепенно созрело решение бежать к морю и устроиться юнгой на боевой корабль. Отец к этому времени был занят своей новой семьёй, в которой, как я понимал, места для меня не было, и мой побег, наверное, не был для него неожиданным, он знал о моих планах.

Весной я добрался до станции Котельниково, дождался воинского состава, на котором ехали моряки, и упросил их взять меня с собой. Меня взяли воспитанником (было такое звание в армии во время войны).

Мы приехали в Одессу на формирование, и я попал в отряд бронекатеров «Большие охотники». Немецкая эскадра находилась в это время у румынских берегов. В задачу нашего боевого морского отряда входила защита наших вод от вражеских подводных лодок и разведка для безопасного прохождения больших военных кораблей. Наш отряд бронекатеров так и назывался охотники за подводными лодками. Служба мне очень нравилась, правда, порой приходилось нелегко. Как и все матросы, я подчинялся строгому воинскому распорядку и выполнял всю работу, которую мне поручали. Команда относилась ко мне очень хорошо. Я действительно чувствовал себя в семье, воспитанником сразу многих добрых, порядочных и умных людей, которые относились ко мне по-отечески. В это время, несмотря на моё небольшое воинское звание юнга, я ощущал себя настоящим моряком и защитником Отечества. И я им был, так как постоянно участвовал в боевых выходах на-

шего отряда на защиту отвоёванной у фашистов территории. Об этом мечтали многие мои сверстники. Но повезло мне.

К моему глубокому сожалению и разочарованию, в конце 1944 года стали более тщательно исполнять приказ об отчислении воспитанников из рядов Красной Армии и Военно-морского флота и направлении их в Суворовские и Нахимовские училища.

Но учиться я не хотел (ведь я - боевой морской волк), я хотел воевать и снова стал пробираться на запад, к линии фронта. В городе Винницы обратился в военкомат с просьбой о зачислении в армию, меня обнадёжили. В марте 1945 года в возрасте 17 лет я был призван в ряды Военно-морского флота.

Службу, вернее, курс молодого краснофлотца проходил в Московском флотском экипаже, расположенном в Химках, под Москвой.

На всю жизнь мне запомнился дождливый день 24 июня - Парад Победы.

Мы - молодые матросы обеспечивали порядок в городе, а затем прошли по Красной площади, приветствуя руководство страны. Вечером, растянувшись большой цепью по берегу Москвы-реки в районе Парка Культуры, салютовали из ракетниц.

Мне было 17 лет, но в то время, участвуя в салюте Победы, я чувствовал, что в каждом залпе есть и моя частичка души, моя мальчишеская битва с врагом.

В начале июля 1945 года я был направлен в город Ленинград и зачислен курсантом в школу радиометристов. Здесь я теоретически постигал морскую науку и окончил школу с отличием.

Началось распределение матросов по флотам. Кто-то уехал на Тихоокеанский, кто-то остался на Балтике, а я уехал в Севастополь, на Черноморский флот.

Корабль, на котором мне посчастливилось служить, назывался крейсер «Волга». Он был построен в Испании, а в период испанской гражданской войны, пришёл в 1936 году в Одессу с несколькими тысячами испанских детей на борту.

При переходе в Одессу «Хуану Элькану Себастьяну» (так корабль назывался раньше) преградили путь два итальянских эсминца. Командир корабля, не имея никакого вооружения на

борту, пошёл на таран. Удалось уйти, но форштевень (нос корабля) навсегда остался кривым.

С началом войны корабль был вооружён пушками, пулемётами и принимал участие в боевых операциях. В 1942 году из осаждённой Одессы он эвакуировал 25-ю Чапаевскую дивизию и тысячи беженцев. Затем в порту Поти стал до конца войны базой для подводных лодок.

С 1946 года на этом корабле проходили штурманскую практику курсанты военно–морских училищ. Поэтому с мая по октябрь крейсер был в море, заходя в порты Батуми, Поти, Севастополь, Одессу для пополнения запасов горючего, боеприпасов и продовольствия. В море постоянно отрабатывались различные боевые ситуации, артиллерийские стрельбы. А однажды пришлось стрелять по «щиту» (надводная цель) и по «конусу» (воздушная цель), так как в районе Лазаревской судно стали преследовать смерчи, которые удалось погасить только точными выстрелами из орудий.

Каждый год весной и осенью проводились учения. Тогда задействовались все силы Черноморского флота: корабли, авиация, пограничники, морская пехота и другие службы. Эскадра по боевой тревоге выходила в море, выстраиваясь в кильватер или в строй уступа. Парад военных кораблей – это незабываемое и внушительное зрелище: сначала шёл флагман линкор «Севастополь», затем гвардейские крейсеры «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Молотов», эскадренные миноносцы, охотники, вспомогательные корабли. И мы, рядовые матросы, знали, что есть сила, способная защитить нашу Родину от любого врага.

Отступая, фашисты оставили в море очень много якорных мин. Ещё долго после войны тральщики обезвреживали их и чистили море, делая плавание по нему безопасным. В 1947 году сигнальщики нашего корабля в районе Тендровской косы обнаружили сорвавшуюся с якоря мину. Наш корабль шёл прямо на мину.

Она была обезврежена выстрелами артиллеристов. И таких случаев в послевоенные годы было много.

В 1948 году я был откомандирован для повышения квалификации в Ленинград, вернувшись на свой корабль, стал командиром РТС (радиотехнической службы). Почти восемь лет

моя жизнь была связана с военно-морской службой то в качестве юнги, то в качестве матроса и младшего командира.

Я мечтал остаться служить на военном флоте, но обострившаяся болезнь - астма, помешала мне продолжить службу. Рядом с морем я начал задыхаться, морской воздух для моих лёгких оказался слишком влажным.

В ноябре 1951 года я демобилизовался и уехал в Москву.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Евдокимов Иван Валентинович****, студент 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Максимова (Могилатова) Ольга Митрофановна

Переводчица в штабе

Я родилась в селе Ново-Воскресёновка, Борисоглебского района, Воронежской области 2 июля 1923 года в русской православной семье. Когда мне было семь лет, родители отдали меня в городскую школу, в которой мне очень нравилось учиться и общаться со сверстниками. В 1938 году в возрасте пятнадцати лет я вступила в коммунистический союз молодежи. У всего класса любимым предметом был немецкий язык, так как вел его наш классный руководитель - замечательный человек и педагог. Он крайне ответственно относился к своему предмету, буквально муштровал нас. Уроки проходили очень интересно: на них мы говорили только на немецком, русский же использовали лишь при переводе. Могла ли я тогда предположить, что со временем мне будет без него не обойтись, что он станет моей каждодневной работой, а от уровня моих знаний будут зависеть жизни людей?!

21 июня в школе был выпускной вечер и, конечно, школьный бал. Все были такие нарядные, красивые, молодые. Каждое лицо украшала искренняя улыбка радости, которой, казалось, не будет конца. Мы тогда думали, что весь мир открыт перед нами, что наши мечты станут реальностью и всё, что ни пожелаем, обязательно исполнится.

А уже на следующий день была война. Только узнали мы

об этом не сразу. 22 июня, рано утром весь наш десятый класс уехал за город, в парк Когановича. Пробыли мы там до пяти часов дня, а когда стали возвращаться, то обратили внимание на странную ситуацию: выходной, вроде бы, день, но в парке нет ни души, и оркестр не играет. В центре парка увидели народ, который собирался около радиорепродуктора.

- Что случилось? - спросили мы.

- Как, вы не знаете?! Война началась, - услышали мы, и все сразу стало ясно. Радостное настроение быстро улетучилось, и мы стали расходиться по домам. По дороге молчали, только девочки тихо плакали – переживали за мальчиков.

В городе началась мобилизация, принимались добровольцы. Я хотела чем-то помочь, поэтому пришла в ближайший к дому госпиталь, куда очень скоро стали поступать раненые. Для того чтобы стать санитаркой, мне не хватало знаний и умения, и мне предложили собирать по кварталам книги, а потом разносить их по палатам, раздавать солдатам. Тяжелораненым я сама читала вслух. Так проработала я все лето и всю осень, а зимой госпиталь переехал вглубь на Урал.

В январе 1942 года я обратилась в организационный комитет комсомола, но в городе для меня работы не нашлось, и мне предложили отправиться на фронт. Я, не задумываясь, согласилась. Ответственный за формирование воинских частей из горожан велел мне явиться через неделю с вещами на станцию Воронеж-2 . Домашним я ничего не сообщила, лишь в последний день перед уходом сказала: «Так, мол, и так, как хотите, я ухожу на фронт», - и ушла. На станции собралось тогда много девушек таких же, как я. Среди них встретила я свою подругу Марию Струкову. Мы обе обрадовались этой встрече и решили по возможности не расставаться. Все расселись по вагонам, и поезд поехал без остановок до города Ельца, Липецкой области. На пункте распределения я и Мария сказали, что хорошо знаем немецкий язык. Пока решалось, куда именно нас направить, мы неделю жили в общежитии. Потом направили нас в Брянск, в штаб Брянского фронта. Тут нас с Марией разлучили, так как ее направили переводчицей в дивизии, а меня оставили при штабе 13-й армии. Штаб 13-й армии, только-только формировавшийся, насчитывал тридцать человек, распределенных по отделам по два-три человека. Меня определили в оперативный отдел на должность оперативно-

уполномоченной в звании младшего лейтенанта. Правда, состав штаба периодически менялся: кто-то возвращался домой или попадал в госпиталь или погибал, тогда его заменяли на солдата, вышедшего из госпиталя: на передовую такому было нельзя, только в штабе здоровье позволяло работать. Иногда, наоборот, из штаба переводили в дивизию. Тогда я еще носила погоны старого образца: вместо звездочек у меня было два треугольничка. Работала я в штабе переводчицей. Ошалевшие немцы, когда бежали, кидали целые штабы – они им уже были не нужны. К нам попадали документы на немецком языке, оставленные противником на поле боя, я их переводила. Это были документы оперативного характера: распоряжения или наставления немецкого командования. Чаще всего они были написаны по образцу: такой-то роте, воинской части и так далее срочно занять такую-то и такую-то позицию. Кроме распоряжений была еще и корреспонденция - полевые немецкие газеты. Из одной такой газеты мы узнали, что на Гитлера было покушение среди его же окружения. Позже и уже из другой газеты мы узнали, что оно не получилось. Писали, что когда одна из немецких армий стояла в Западной Украине, в ее штабе происходило заседание во главе с фюрером. На заседание пришёл докладчик и принес с собой портфель, начиненный взрывчаткой. Тот докладчик поставил портфель у ног Гитлера, но последний его отодвинул от себя. В газете ничего не говорилось про дубовый стол, который спас Гитлера. Было сказано, что когда заседание окончилось и все вышли, здание штаба взорвалось, то есть часовой механизм бомбы был установлен неверно. А еще позже я переводила сообщение немецкого верховного командования о том, что такие-то и такие-то расстреляны по обвинению в покушении на фюрера. Преступники были вычислены по сведениям, полученным из доносов. Немцы вообще друг друга все время подставляли из желания занять должность поближе к фюреру, так как очень боялись попасть на фронт.

Никакие документы, даже нештатные, в том числе и письма, я не имела права оставлять при себе: все передавалось начальству. Иногда я переводила и с русского на немецкий (листовки). Конечно, при штабе был профессиональный переводчик, но он работал по большей части с военнопленными. Видимо, переводчиков на фронте не хватало, потому что наш

часто уезжал в штабы других армий. Тогда я работала и на допросах. Я узнавала, какому полку, какой дивизии принадлежит пленный, чем он занимается. В общем, основные данные. Потом пленного запирали в камере и ждали переводчика, который доводил допрос до конца. А лично я на допросе всегда чувствовала к допрашиваемому ужасное отвращение. Тогда все были горячие, и иногда я даже думала, что, если бы дали мне на допросе топор, я бы его сразу же и зарубила.

Однажды к нам в штаб попал мальчишка из немецкой армии. Помню, привели его тогда зимой: он стоит, пилотку на уши натянул и дрожит весь, думает, что его сейчас будут расстреливать, а мы все смотрим на него и смеемся. Правда, дальнейшей его судьбы я не знаю, потому что им стал заниматься оперативный отдел.

Боевой путь проходил через город Елец (январь 1942 года), город Ливны (февраль 1942 года), село Заливенка (лето 1942 года), село Постоялые дворы (лето 1942 года), село Навесное (осень 1942 года), село Грязцы (осень 1942 года), город Чернава (ноябрь 1942 года), село Калинино (январь 1943 года), село Студеное (январь 1943 года), село Красный уголок (февраль 1943 года), село Золотухино (февраль–май 1943 года), село Красный Лиман (июнь 1943 года), село Бобровка (июнь 1943 года), село Кореневка (июль 1943), село Бельдяшки (июль 1943), село Макеевка (июль 1943 года), село Соломино (август 1943 года), село Хоросея (август 1943 года), река Сан (август 1943 года), село Положки (сентябрь 1943 года), село Пролетарское (сентябрь 1943 года), село Ерламовка (октябрь 1943 года), село Козероги (октябрь 1943 года), село Сивки (ноябрь 1943 года), город Бобер (ноябрь 1943 года), город Коганович (ноябрь 1943 года), село Сорновичи (ноябрь 1943 года), село Коростень (ноябрь 1943 года), село Симаковка (декабрь 1943 года), город Новоград-Волынский (декабрь 1943 года,. село Митиричи (январь 1944 года), город Ровно (февраль 1944 года), город Городище (февраль 1944 года), город Дадув (март 1944 года), село Башкевичи (март 1944 года), село Никитичи (апрель 1944 года), город Дубно (май 1944 года), село Студзянка (осень 1944 года), село Миньковце (осень 1944 года), село Ситное (осень 1944 года), Польша (февраль 1945 года), юг Германии (весна 1945 года), город Прага (май 1945 года).

Возвращалась с войны через город Прагу (май 1945 года), город Львов (лето 1945 года), город Уссурийск (август 1945 года), город Владивосток (зима 1945 года), город Новосибирск (июнь 1947 года), город Воронеж (июнь 1947 года).

***

Мой фронтовой путь начался в Орловской области, где мы пробыли с февраля 1942 по май 1943 года. Мы в основном занимали разрушенные села. В них отыскивали полуразрушенные дома, кое-как утепляли их и жили. Редко нам встречалось местное население, так как оно или было угнано в Германию или партизанило по лесам. Всю весну мы стояли в Ливнах, потом прошли Заливенку, Постоялые Дворы, Навесное и Грязцы. Вспоминаю, как в Постоялых дворах произошёл один забавный случай. Была у нас при штабе боевая девушка - Ольга Громова, увидев которую, не скажешь, что она хлебнула фронтового лиха. Так вот в одно утро просыпаюсь я и вижу Ольгу, которая сидит на кровати и смеется. Присмотрелась - на пальце у нее сидит желтенький, как одуванчик, цыпленок, а сама она говорит, улыбаясь: «Смотрите, какой хорошенький!»

На 7 ноября мы пришли в Чернаву и там встречали новый 1943 год. В январе были в селах: Калинине, Студеном, Красном Уголке, а в феврале стояли на станции Золотухино (между Курском и Орлом). В Золотухино, как раз при вокзале, была баня, которую все девушки сразу заприметили и загорелись желанием в ней помыться. И вот на восьмое марта мы с девчонками все-таки отпросились в эту баню. Так славно мы тогда напарились, намылись, но тут как раз налет немецких бомбардировщиков с Орла на Курск. И пришлось нам, чистым, но мокрым бежать в бомбоубежище спасаться. А оно ведь все сплошь земляное, так что все мы опять перепачкались. В общем, мытье наше пошло насмарку.

Здесь же, в Золотухино, но во время другой бомбардировки произошёл один потрясающий случай, который я, наверное, до конца жизни не забуду. Когда началась бомбежка, мы сидели в доме и не успели добежать до бомбоубежища. В кювет напротив нашего дома упала бомба, но не взорвалась. Если бы она тогда взорвалась, меня бы, конечно, сейчас уже в живых не было. Прошло немного времени, и на ее обезвреживание

послали сапёров, а мы так и не выходили из дома. Когда же сапёры обезвредили и раскрыли ее, с виду вполне обыкновенную бомбу, то обнаружилось, что внутри она была набита кирпичами, гвоздями и прочим схожим материалом, но самого взрывчатого вещества в ней вовсе не было. Зато лежал в ней скомканный листочек бумаги, записка, со словами: «Чем сможем, тем поможем». Значит, эту бомбу собирали на немецком заводе наши советские военнопленные и, рискуя своими жизнями, специально допускали ошибки, чтобы уберечь нас от погибели.

О селе Студеном у меня остались очень неприятные воспоминания. В это село нас отправили обустраиваться с продуктами из расчета на три дня. Потом же начался такой сильный буран, что все дороги замело. Сани, которые должны были доставить нам следующую партию продуктов, просто не могли проехать, и нам пришлось с тем выделенным запасом продуктов прожить не три, а целых десять дней. Нам было очень голодно, но даже ту скромную пайку мы не съедали всю, а делились с местными ребятишками – им-то есть хотелось не меньше нашего. Помню, подошёл ко мне тогда один казах, звали его Сатарбек Килибаев, посмотрел на мою худющую шею и даже отшатнулся от меня. А потом сказал: «Ну и ну, солдатка, смотреть не на что – кожа да кости. Как же ты воевать собираешься?» И я ему тогда ответила: «А ты сам попробуй продержаться десять дней на трехдневном пайке, а мы еще и работаем, другого-то не дано». Правда, надо сказать, нам помогали местные жители: разбавляли кукурузную кашу водой, добавляли мерзлую картошку и варили нечто вроде супа. Через десять дней мы получили выделенный на наш штаб мешок замороженного лука. Не знаю, каким бы он показался мне сейчас, но тогда был он очень вкусным. Ребята набивали им карманы и ели его в течение всего дня. Но это недолго продлилось – на следующий день наконец-таки привезли продукты.

Летом 1943 года, когда мы вошли на территорию Курской области, положение наше стало резко ухудшаться. Немцы были уже совсем близко - в 15 километрах от Курской дуги. К нам привезли тогда «Катюши», которые работали ночью. Даже в кромешную тьму от их залпов было так светло, что читать можно было. Как известно, немцы обратились в бегство, а мы

поехали за ними 50 километров на запад без остановок. Деревеньки, села и маленькие города сменяли друг друга. Мы только и успевали, что читать названия: Красный Лиман, Бобровка, Кореневка, Бельдямки, Макеевка, Соломино, Хоросея и множество других, совсем маленьких, буквально в несколько домов.

В селе Красный Лиман я и другие девчонки ходили вечером гулять до ручья и заодно мыли в нем сапоги.

О Хоросее я хочу рассказать поподробнее, так как в ней мы простояли довольно долго. Хоросея – это село партизанского района Ковпака. На общем фоне войны это село сильно выделялось, оно было не похоже на другие: здесь не было ни одного немца, дома не были разбиты. Но, что самое удивительное, работал колхоз - засевал поля и кормил солдат. Меня и еще трех девушек приставили к одной хозяйке на постой. Помню, в первый день мы принесли в котелках положенный нам обед. Хозяйка смерила его взглядом и сказала: «Давайте, девочки, поступим следующим образом: тот обед, который вы получаете, я буду отдавать свиньям на корм, а вас буду кормить своей домашней едой». Что это были за блюда! Мы себе даже представить ничего подобного в тех условиях не могли. Хозяйка заливала картошку сметаной в горшочке и запекала в русской печи. Иногда она готовила пшенную кашу, да не на воде, а на молоке и подавала со сливочным маслом. Мы, девчонки, за неделю поправились на три килограмма.

Здесь же, в Хоросее, помню я еще один забавный случай с Громовой Ольгой. Однажды, когда по небу летели наши самолёты, мы перепутали их с самолётами противника, подумав, что начинается налет. Все стали прятаться, а Ольга, которая до этого сидела на стоге сена, стала с него спускаться. И вот катится она по этому стогу и падает прямо на корову. Корова разъярилась и стала гоняться за неосторожной девчонкой. Громова на бегу хотела остановить корову и схватила ее за рога, но обе они остановиться уже не могли. Ольге деваться было некуда, и она стала звать на помощь. На ее крики выбежала хозяйка, расцепила их и отвела корову в сарай, а то так бы и бегали они по двору до вечера.

В Хоросее мы простояли лето 1943 года, а осенью отправились дальше, в Сумскую область, и все время потом шли на запад. За сентябрь и октябрь прошли Положки, Пролетарское,

Ерламовку – это все небольшие деревушки. В конце октября мы уже были в Черниговской области. В селе Козероги произошло очень важное для меня событие: 29 октября я в возрасте двадцати лет добровольно вступила в Коммунистическую партию прямо на фронте, в которой состояла до августа 1991 года.

Вспоминаю я очень страшную бомбежку, которая застала нас на переезде Сандомир через реку Сан. Свистели бомбы, немцы бросали осветительные ракеты, которые взрывались чуть ли не у нас под ногами. Мы были как на ладони, и повернуть назад нельзя было, и укрыться негде. Это настоящее чудо, что я тогда осталась в живых и даже не была ранена. И тут мне открылась та самая, другая страшная сторона войны. Там, где раньше стояли городки, жили люди, и жизнь текла своим чередом, теперь нас встречали жуткого вида руины. Деревни были полностью разбиты, кругом валялись груды металла. От вида разорванных трупов людей и лошадей бросало в дрожь. Как же мне тогда было страшно, как болела душа за всех тех, кто сложил свою голову, чтобы мы могли сейчас свободно жить и вспоминать о тех далеких годах!

Осенью мы быстрыми темпами шли на запад, в ноябре прошли насквозь Черниговскую область - Сивки, Бобер, Коганович, Сорновичи, Коростень. Уже в конце 1943 года мы вошли в Житомирскую область (Симаковка, Новоград-Волынский), а новый 1944 год уже встречали в Ровенской области. Январь мы провели в Митиричах, а в феврале уже достигли города Ровно. И опять пошла цепочка городов и деревень: Городище, Дадув, Башкевичи, Никитичи. На 1 мая мы остановились в городе Дубно и долго там пробыли – май и все лето. Потом нас направили в Польшу. За осень мы прошли Студзянку, Миньковце и Ситное.

В Западной Украине, в Миньковцах, произошёл с нами довольно забавный случай. Стояла зима, конец декабря, было холодно, но нам, девчонкам, очень уж хотелось помыть голову перед Новым годом. Мы нашли сарай с небольшой печкой. Но волосы у всех были длинные, и пока, наклонившись, мыли затылок, волосы впереди уже превращались в сосульки. Вот и пришлось нам их долго и очень аккуратно греть около печки, а то ведь они и отломаться могли.

Весной 1945 года немцы все время отступали. Они тогда

постоянно попадали в котлы и, как это ни было странно, постоянно кидали нам с самолётов свои провокационные листовки. В них, написанных по-русски, говорилось, что Москва пала, Сталина убили, Союз прекратил свое существование. Предлагали нам сдаться в плен, обещали, что добровольно сдавшимся будет лучше, чем другим, их отправят на работу. Я не помню ни одного разумного человека, который тогда мог этому поверить, все только смеялись. Уже мы одержали победу в Сталинградской битве, а немцы писали, что в стране разруха, а они придут и все устроят. Нам помогала безусловная вера в победу – мы ни единой мысли не допускали, что победит противник, абсолютно были уверены в обратном. Наоборот, всегда только и говорили: «Подожди, вот до Берлина дойдем, тогда погуляем». А когда на наших глазах целые партии немецких военнопленных перегоняли, смеялись все над «Великой германской империей». Климат у нас суровый, не европейский, а они идут, каким-то тряпьем обмотанные: у кого на голове ушанка порванная, у кого – бабий платок, чтобы уши не отморозить. Жалко на них было смотреть, жалко не как врагов, а как людей, что они в таком состоянии.

Когда мы проходили по югу Германии, немцы сделали попытку прорваться, и нас развернули, направив в Прагу. Нас Злата Прага встречала как долгожданных гостей. Когда мы ехали по центральному пражскому мосту, горожане выбегали нам навстречу и засыпали нас сиренью. Мы в ту весну в ней буквально купались. Именно в Праге мы встретили самый долгожданный за годы войны день - день Победы над фашистской Германией - 9 мая. Тут нечего и говорить – радости нашей не было конца. На нас, победителей, вся Европа смотрела с уважением и благодарностью. За спиной сами собой, как тогда, в июне далекого 1941 года, выросли крылья.

Война закончилась, кое-кто уехал домой. Но началась новая война, и через несколько дней после победы в Великой Отечественной примерно за десять дней оформили нам документы, штаб наш переименовали и отправили на войну с Японией. Летом мы уже были во Львове, в котором простояли две недели до дальнейшего распределения. Мы расположились в одной школе на ночлег, на ночь выставили часовых. Утром мы обнаружили, что одного из наших часовых из роты приштабной охраны убили бендеровцы. Видно, судьба такая – пройти

всю войну, а погибнуть на своей территории уже после победы.

Продолжился наш путь на восток. В конце лета мы были в Уссурийске, а затем во Владивостоке. Мы еще были в дороге, когда узнали, что война с Японией уже закончилась. Во Владивостоке нас взяли в краевое управление Министерства внутренних дел, где я работала делопроизводителем и секретарем. В этом же городе я очень быстро познакомилась с молодым матросом и летом 1946 года вышла за него замуж. 27 мая 1947 года мужа моего демобилизовали и меня с ним заодно. Войну я окончила в звании лейтенанта, которое мне дали в 1943 году, а после демобилизации осталась в звании лейтенанта запаса.

Сразу после демобилизации мы поехали к моим родным в Новосибирск. В доме моих родителей мы прожили неделю. Потом я с мужем и мои родители уехали в Воронеж, а моя сестра и ее муж остались. В Воронеже трудоустроилась воспитательницей в общежитии, затем работала библиотекарем в областной, а позже в узловой библиотеке станции Воронеж-1. Потом работала заведующей культурным отделом Коганови-ческого районного исполнительного комитета.

В 1957 году я переехала в Москву, в которой до пенсии работала воспитательницей в детском саду. Выйдя на пенсию, я работала зимами на почте.

Награды

За годы войны я была награждена:

- медалью «За боевые заслуги» (№ 1191567) 15 апреля 1947 года указом № 166222, подписанным секретарем президиума Верховного Совета СССР Горкиным;
- орденом Отечественной войны 2-й степени указом президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года. Орден вручен секретарем президиума Верховного Совета СССР (подпись не разборчива);
- юбилейными наградами.

***

Если же в целом говорить о войне, то надо сказать, что все было: наступления и затишье, победы и поражения, смешное и

горестное. В штабе, конечно, ко мне как к девушке относились по-особенному. При переездах я всегда сидела не в кузове, а в кабине, на переднем сидении. Куда бы мы ни приезжали, начальник штаба первым делом заботился о том, как мне обустроиться. Что и говорить, ко мне вообще все хорошо относились.

Бомбардировка ли, пожар – всегда первым делом мы спасали документы.

И, конечно, совсем мало на войне мы спали. Как сейчас помню: изба, четверо нар и нас, штабных, восемь человек. Так и спали – посменно по два часа. Вроде бы только прильнула к подушке, а тебя уже будят. Встаешь и опять принимаешься за работу. Сколько же текстов я перевела за годы войны! В начале считала, да потом со счета сбилась. Каждый день, если это был не переезд, мне приносили целую кипу бумаг, а я сидела, разбиралась в них и переводила. Иногда давали нам что- то вроде выходных – дни, когда мы не работали. Мы, девчонки, тогда собирались, чтобы постираться, помыть голову или заштопать одежду. Таких выходных было очень мало, а когда наша армия пошла в наступление, особенно в 1944 году, то они и вовсе прекратились. Все от работы просто разрывались. Я, если заканчивала со своей частью, то помогала другим.

Сейчас уже кажется, что все это было не так страшно и не так опасно. Да, в самих боевых действиях я не принимала участия. Все населенные пункты, мною перечисленные, освобождала армия, штаб же ехал в тылу, а потом наводил порядок на месте.

Самое тяжелое, с чем я не могла смириться на фронте, были похороны наших солдат. Помню, уходят ребята в разведку, а у тебя в ожидании сердце замирает. И, как бы это ни было горестно, возвращались всегда далеко не все. Как же больно было осознавать, что того, с кем ты вчера мечтала о победе, уже нет в живых. Но надо идти дальше, надо выжить, надо дождаться сладкого дня победы, в который все верили безоговорочно.

За всю войну я ни разу не была ранена – Бог миловал. Один только раз, когда мы ехали по дороге на юге Германии, нас остановил красноармеец и сказал, чтобы мы разворачивались, так как немцы прорываются вперед. И вот в этот момент

меня задело осколком в бедро, но случай был не слишком серьезный, и санитарка сделала мне перевязку, хотя шрам остался до сих пор.

На войне не погиб никто из моей семьи. Летом 1942 года их эвакуировали в Новосибирск, где они работали при заводе «Электросигнал», который выпускал радиоприемники и радиосистемы для армии. Мой отец, Митрофан Иванович, был бухгалтером в отделе Народного комиссариата внутренних дел при заводском управлении, мама была библиотекарем в заводской библиотеке. Моя старшая сестра Мария и ее муж работали непосредственно на самом заводе. Мария сейчас жива, ей восемьдесят шесть лет, но на фронте она не была.

В любые времена, в каждой ситуации существует то, что помогает человеку не сломаться, выдержать все испытания и идти дальше. На войне эту роль выполняли почта и песни. Письма мы писали при каждом удобном случае и с нетерпением ждали ответа от родных. Я домой писала, что у меня все в порядке, что питаюсь я хорошо. Родные мне писали каждую неделю, а я иногда две–три недели ничего не получала, зато потом целую пачку писем читала. Родители очень волновались за меня, писали, что каждую ночь меня во сне видели. Однажды мама из газеты узнала, что погибла девушка с похожей на нашу фамилией. Мама пошла в военный комитет, но там ей ответили, что ее оповестят тогда, когда придет извещение. Мама написала мне письмо и вскоре успокоилась, так как, естественно, ей пришёл от меня ответ. Кроме писем я всегда отправляла родителям немного денег в местный районный военный совет по денежному аттестату. На фронте я получала зарплату в размере восьмисот рублей, но это было немного, к примеру, буханка хлеба стоила сто рублей. От этой суммы я оставляла себе на непредвиденные расходы двести, ведь нужно было купить зубной порошок и прочие мелочи, а все остальное отправляла в Новосибирск. Ни разу не было случая, чтобы родители не получили денег. Семье было сложнее, мама даже писала, что они ходили в местную столовую и доедали объедки за другими.

Наши же фронтовые песни, это, прежде всего, «Катюша» и «Северный вальс» («Ой ты, ноченька, ночь морозная…»). Здо-

рово они нас тогда поддерживали. У меня в голове всегда песня, которую потом в 60-70–х годах исполняла Ольга Воронец. Вот отрывок из нее:

Дочери, дочери, добрые дочери,
Выросли вы невзначай.
Мы для вас счастье пророчили,
Прочь отгоняли печаль.
Нас наша молодость в годы военные
Долго ждала, заждалась.
Видно, поэтому очень нам хочется
Видеть счастливыми вас.

У меня две дочери, и, возможно, я в свое время тоже внесла небольшой вклад в их молодость, не знавшую битв, бомбардировок и смертей. Очень уж нам тогда хотелось, чтобы наши дети не пережили того, что пережили мы.

Новому поколению, сегодняшней молодежи я хочу пожелать, чтобы они не забывали стариков и хранили традиции. Чтобы помнили и уважали тех, кому они обязаны сегодняшним днем – солдат. Мне бы хотелось, чтобы каждый сейчас с кличем «За Родину!» мог броситься грудью защищать свою страну, невзирая на то, какой правитель стоит у власти. Ведь Россия была, остается и будет матерью для каждого из нас и, безусловно, заслуживает лучшей доли.

Май 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Голубева Ольга Александровна,*** *студентка 1-го курса гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Мишин Лев Николаевич

Балтийские "будни" 1943-1945 годов

Родился я в простой семье, до десятого класса учился в школе №2 имени Короленко в Ногинске. О войне узнал на военных сборах ОСОАВИАХИМа в Вешняках, Московской области во время соревнований. Как только услышали эту весть по радио - тут же всех распустили по домам. В десятом классе проучился только одну четверть. А числа 9 ноября, вернувшись со школы, как обычно, пошёл дрова колоть. И тут заходят три одноклассника и говорят:

- Пошли в военкомат просится на фронт.
- Надо с родителями посоветоваться.
- Что советоваться? Ясно, что не отпустят.

Пошли в военкомат. Там нас тоже стали отговаривать: "Успеете, мол, еще навоеваться". Но мы решили твердо, что пойдем на фронт. С родителями простились дома; договорились, что дальше провожать пойдут девчонки из класса. Они доехали с нами до Фрязево - дальше не пускали. Так с песней "Прости, прощай Ногинск ты наш любимый" отправились из родного города на войну пять добровольцев. Пока ехали с девчонками, договорились, что все, кто останутся живы и здоровы, ровно через десять лет встретятся у школы.

Из Москвы нас отправили в Загорск на сборный пункт. Там рассортировали по родам войск. Меня направили в Ле-

нинград в Краснознаменный Балтийский флот. Было это в ноябре 1943 года. Ехали в северную столицу в обход - блокада не была ещё полностью снята. По дороге в районе Вологды попали под бомбёжку, но сильно не пострадали. В Ленинграде пробыли три дня. Город оставил угнетающее впечатление: народу не видно, транспорт не ходит, провода оборваны, на улицах таблички: "Эта сторона улицы наиболее опасна", без конца - обстрел. Уезжали в Кронштадт на барже ночью; опять попали под артиллерийский обстрел, но все обошлось благополучно.

В Кронштадте нас отравили в военно-морскую школу. Отучился я там по специальности рулевого-сигнальщика четыре месяца и ввиду того, что закончил её на все пятерки, мне предоставили выбор - на каких кораблях хочу служить. Я выбрал наиболее действенные в то время катера - морские охотники. Направили меня в истребительский отряд второго дивизиона катеров морских охотников. На одном из катеров незадолго до этого убило рулевого-сигнальщика, и на его место поставили меня. С тех пор началась фронтовая жизнь.

Почти сразу по прибытии в дивизион случился мой первый бой. Были мы вечером в Кронштадте на базе, смотрели фильм. Тут входит дежурный и объявляет боевую тревогу второму дивизиону морских охотников. Все сразу побежали на катер. Так как на борту должны быть два рулевых-сигнальщика, то один из них находится у штурвала, а другой у 45-мм пушки - заряжающим. В этот раз я должен был быть у пушки. Вышли из базы, прошли минут тридцать-сорок видим: на горизонте вспышки. Это наши корабли освобождают дорогу на Выборг от мин, на них налетели «фокке-вульфы»: летают кругами, бросают бомбы. Но ни одной бомбы в тральщик не попало. Увидев подмогу в виде нашего дивизиона, самолёты испугались: покидали все свои запасы в воду и улетели. На обратном пути я был у штурвала. Начался первый в моей жизни шторм где-то в балла четыре, четыре с половиной. Командир предлагал мне замену, но я отказался: дескать перетерплю. И выдержал, а после стало проще – привык и более сильные шторма выдерживал.

На протяжении войны мы вели активные действия по освобождению островов Финского, Выборгского, Рижского заливов, а также побережья Балтийского моря вплоть до Данци-

га, сопровождали десанты. Также ходили в длительные походы по обнаружению и уничтожению вражеских подводных лодок. Для этого на катере был акустик, который прослушивал на акустической аппаратуре шумы двигателей подводных лодок. Если таковые обнаруживались, то он докладывал командиру, который в свою очередь поднимал тревогу. Так, однажды, обнаружив подводную лодку противника, три катера нашего дивизиона построились в ряд и начали сбрасывать глубинные бомбы. Шумов стало не слышно, появились масляные пятна, мы подумали, что подбомбили её, но ошиблись - лодке удалось уйти. Только на следующий день другому катеру удалось ее добить. Иногда для обнаружения и уничтожения вражеских подводных лодок мы использовали буксируемую на металлическом тросе мину. Для этого мы задавали ей определенную глубину (обычно восемь–десять метров) и делали на большой скорости рейсы. Если бы лодка оказалась под нами, то она обязательно бы наткнулась на мину.

Один раз стояли в ночном дозоре в Выборгском проливе и вдруг видим – взрыв на месте, где должен стоять катер соседнего дивизиона. Немецкая подводная лодка торпедировала его, и когда дым рассеялся, мы увидели только половину катера, а людей, имущество и доски плавающими рядом в воде. Мы взяли этот катер на буксир, но, к сожаленью, далеко не всех удалось спасти.

Когда блокада Ленинграда была окончательно снята, меня взяли в группу участвующих на митинге, посвященном этому знаменательному событию. Привезли нас в Ленинград, построили в шеренгу и пошли мы на Дворцовую площадь. Смотрю, на мосту стоит регулировщица. Присмотрелся – да это дочка моего учителя по физике, тоже учившаяся в школе имени Короленко. Я не выдержал, побежал из строя к ней. Начал расспрашивать, как она здесь оказалась, что сейчас происходит в Ногинске. Это было своего рода кратковременное "свидание с частичкой родного города" во время войны.

На базе в Кронштадте был свой клуб, и в перерывах между походами мы ходили в увольнение в кино, на танцы. На катере, когда было все спокойно, тоже отдыхали: пели песни под гитару, гармонику, у нас был даже патефон с пластинками. Вообще моряки – народ веселый.

На катере был определенный порядок. Каждое утро с восходом солнца поднимали, а при закате спускали флаг. Кроме этого у каждого был свой определенный участок для уборки, на которую отводилось специальное время. На катере не было даже кока, поэтому готовили тоже сами. Было очень много рыбы – после бомбежки мешками собирали камбалу, треску, салаку.

Войну закончил в Данциге со своим дивизионом морских охотников под командованием старшего лейтенанта Васильева. За всю войну на нашем катере никто сильно не пострадал. Но смерть с войной вошла практически в каждую семью и моя не стала исключением. Сестра в 1941 году добровольно ушла на фронт, дошла до Берлина, домой вернулась инвалидом и через год умерла от туберкулеза. Дядя был врачом, под Ленинградом вместе с моим двоюродным братом попал под обстрел – оба погибли. Тетя во время войны умерла в Ногинске, не выдержав очень тяжелой жизни.

Война прошла, но оставила после себя очень много разрухи. В октябре 1945 года я ехал из Калининграда в Таллинн. По дороге проезжал через Лежаву, Ведав, Ригу. В столице Латвии я увидел зрелище, которое до конца жизни не смогу забыть – казнь семи немецких генералов, командующих прибалтийской группировкой. Привезли их каждого на отдельной машине, подвели к виселице. И на все это смотрела огромная толпа народа.

Но с окончанием войны моя служба не окончилась. Я отслужил еще пять лет и окончил ее в звании старшины первой статьи, а домой в первый раз после ухода на фронт попал только в 1946 году на Новый год, когда мне дали десятидневный отпуск.

Несмотря на то что морская служба очень сложна, я рад тому, что провел на ней семь лет. За это время я очень многому научился и приобрел качества, необходимые в повседневной жизни.

Награды

Орден Отечественной войны 2-й степени, орден «Знак почета», медаль «За победу над Германией», медаль «За оборону Ленинграда» нашла меня только через пятьдесят лет после

окончания войны, так как меня то и дело переводили из дивизиона в дивизион.

Публикации о ветеране:

1. Газета "Знамя коммунизма" – "Мальчики уходят на фронт". 1970 год.
2. Газета "Богородские вести" – "Мишин слушает".
3. Газета Богородские вести" – "Путь к причалу" (Гладышев).
4. Газета "Волхонка" – "Времена не выбирают"
5. Газета "Богородские вести" – “Серьезно, по-деловому”. 2000 год.
6. Газета "Волхонка" – "Высшая добродетель". 2001 год.
7. Газета "Волхонка" – "Морской охотник" (Чижова)

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Козлова Наталья Владимировна**, студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Мруг Василий Пантелеевич

Огненный таран

Я родился 23 октября 1926 года в поселке Херсонском, Хобдинского района, Актюбинской области (Казахстан).

Украинец, православный христианин, беспартийный, секретарь совета ветеранов войны 1-го гвардейского танкового Донского ордена Ленина краснознамённого ордена Суворова корпуса.

В 1943 году окончил среднюю школу, а после войны, в 1955 году - Военный институт иностранных языков.

О начале войны узнал, в полеводческой колхозной бригаде, где я работал учётчиком после окончания 8-го класса в селе Ново-Алексеевка (райцентр), Хобдинского района Актюбинской области.

В Красную Армию был призван по окончании 10 класса 9 ноября 1943 года. В город Актюбинск прошли пешком 150 км за трое суток. Нас было около 200 ребят. По прибытии на сборный пункт города нас разместили в какой-то школе и через несколько дней погрузли в теплушки и отправили на станцию Алкино, что в 25 км от города Уфы (Башкирия). Вместе с нами, актюбинцами, были призывники из Оренбургской и Гурьевской областей. В 28-й запасный стрелковый полк мы прибыли 19 ноября 1943 года. Сразу же нас отправили в баню, переодели, и началась боевая подготовка.

20 апреля 1944 года погрузили в теплушки (целый эшелон), практически весь наш 28-й запасный стрелковый полк 4-й запасной стрелковой бригады. На фронт ехали полмесяца, петляя по разным станциям, чтобы ввести в заблуждение противника. На фронт прибыли 5 июня 1944 года на станцию Липы (Белоруссия). Впервые увидели боевой танк на станции и самолёты противника, которые бомбардировали наши войска. В звании красноармейца был зачислен автоматчиком в 15-ю гвардейскую танковую Речицкую краснознаменную ордена Суворова бригаду 1-го гвардейского танкового Донского корпуса.

До начала операции под кодовым названием «Багратион» занимались боевой подготовкой, находясь иногда под обстрелом и бомбардировками самолётов противника.

Боевой путь проходил вначале по территории Белоруссии. Принимал участие в освобождении городов Бобруйск, Минск, Слоним, Молчадь. В августе перешли государственную границу и остановились под городом Пултуск, что в 60 км от Варшавы. Затем шли бои на территории Полыши и Германии.

Итак, я на фронте. Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии Рокоссовский Константин Константинович, командующий 65-й армией - генерал-лейтенант Батов Павел Иванович, командир 1-го гвардейского танкового Донского корпуса – генерал-майор танковых войск Панов Михаил Федорович, командир 15-й гвардейской танковой Речицкой бригады - гвардии полковник Кожанов Константин Григорьевич, командир мотострелкового батальона - гвардии майор Родионов Юрий Сергеевич, командир мотострелковой роты - гвардии старший лейтенант Грищенко Игорь Владимирович, командира взвода не помню, так как он был убит в первый же день боевых действий, командир отделения - сержант Мокляков.

Боевая подготовка проходила в сложных условиях предстоящих боевых действий. Нас учили ползать по-пластунски, рыть окопы, бросать учебные, а затем и боевые гранаты. Командир роты гвардии старший лейтенант Грищенко И.В. повёл нас по болотам, идя впереди нас, новичков. Иногда по шею в воде мы шли по указанному маршруту. Этим самым командир роты приучал нас не бояться оказаться в случае чего в Пинских болотах во время боя.

До самого последнего момента гитлеровское командование было убеждено, что в Белоруссии советские войска могут предпринять наступление, не преследующее решительных целей. Однако вражеское командование все же принимало меры к тому, чтобы максимально укрепить оборону белорусского участка фронта в инженерном отношении, Этому способствовали и выгодные условия местности: большое количество рек, озер, болот и лесных массивов.

Выход корпуса в новый район осуществлялся комбинированным маршем. Боевые машины и наиболее тяжёлые грузы перевозились по железной дороге, а личный состав - на автотранспорте. Танки и автомобили двигались по строго рассчитанному графику, так же и в ночное время. Контроль за дисциплиной марша осуществлялся офицерскими контрольными постами на рубежах регулирования и специально выделенными офицерами на подвижных средствах связи.

Главный удар планировалось нанести через болото, где оборона противника слабее. В новом районе расположения бригады проводилась большая работа по обучению личного состава действиям в особых условиях. В специально подобранных и оборудованных районах механики-водители днем и ночью учились преодолевать заболоченные участки гати и двигаться по колейным мостам.

Автоматчики занимались тем же. Помогали заготавливать большое количество брёвен, фашин, бревенчатых колей. Все это грузилось на гусеничные тягачи, чтобы при необходимости их можно было быстро доставить к препятствиям.

Словом, были приняты все меры к тому, чтобы обеспечить успешные действия войск в лесисто-болотистой местности.

Наконец, на рассвете 24 июня 1944 года началась артиллерийская подготовка. В небе пронеслись самолёты. Со стороны противника доносились мощные раскаты взрывов - это рвались снаряды, мины и авиационные бомбы. Земля гудела.

Колонны танков выдвигались по узким гатям в заболоченных участках, затем разворачивались в боевой порядок и вступали в бой, ведя огонь по противнику из пушек и пулемётов. Мы, автоматчики, сидели в это время за башней танка, на трансмиссии.

Бои продолжались и ночью. Враг оказывал упорное сопротивление. Объяснялось это тем, что наши войска приближа-

лись к станции Пильня, которая являлась базой снабжения войск противника. В лесах вокруг станции находились склады с боеприпасами, вооружением и другим военным имуществом.

В середине дня 25 июня нам удалось овладеть станцией Черные Броды и станцией Пильня, уничтожив при этом много живой силы и техники противника, были захвачены склады с боеприпасами, эшелон с продовольствием и бронепоезд. В этом бою героический подвиг совершил экипаж танка гвардии лейтенанта Комарова Дмитрия Евлампиевича из нашей бригады.

Часть танков ворвалась на занятую немцами железнодорожную станцию. Среди этих танков был и танк гвардии лейтенанта Комарова. В первой стадии боя между нашими танками и бронепоездом завязалась артиллерийская дуэль. Немцам удалось попасть в машину Комарова и поджечь её. Танк загорелся. Но врагу рано ещё было торжествовать победу. По приказу командира танка Комарова горящий танк рванулся вперёд на бронепоезд и со всего разгона ударил по бронеплощадке. Танк Комарова совершил огненный таран.

От страшного удара бронеплощадка бронепоезда сошла с рельсов. Ее башня была повреждена и прекратила огонь. Более того, таран решил исход боя. Во время тарана погиб механик-водитель танка Бухтуев Михаил Артемьевич. Командиру танка лейтенанту Комарову удалось покинуть танк через аварийный люк в днище танка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР танкисты гвардии лейтенант Комаров Д.Е. и гвардии сержант Бухтуев М.А. /посмертно/ были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Этот таран вошёл в историю Великой Отечественной войны как «таран на рельсах».

На рассвете 27 июня наши войска предприняли наступление на Киселевичи (окраина Бобруйска). Удар был настолько стремительным и неожиданным, что фашисты буквально все бросали на дороге. К вечеру 27 июня город был освобождён от немецко-фашистских захватчиков, лежал весь в руинах и горел.

После освобождения города мы продолжали вести бои вплоть до 30 июня по уничтожению окруженной бобруйской группировки. После её уничтожения наши войска подошли к реке Свислочь.

В дальнейшем наши подразделения двигались в сторону столицы Белоруссии. Так, танковый батальон нашей бригады с десантом на борту, прикрываясь лесом, вышел фашистам в тыл и внезапной атакой овладел железнодорожной станцией Талька. Этот манёвр и стремительная атака в сочетании с метким огнём ошеломили врага, и он в панике бежал. Стремительные и умелые действия батальона открыли дорогу для наступления главным силам. Командир батальона гвардии капитан Наумов Кондратий Иванович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В этом рейде принимал участие и я. Гвардии капитан Наумов впоследствии погиб и был похоронен в городе Речица, Гомельской области Белоруссии.

Наши подразделения идут дальше. Не выдержав удара на рубеже реки Талька, противник отступил в направлении Марьиной Горки, ведя сдерживающие бои и прикрываясь минно-взрывными заграждениями. В Марьиной Горке наши войска освободили 80 советских детей в возрасте 8-12 лет. Перед глазами гвардейцев предстали живые скелеты, обтянутые кожей. Дети едва держались на ногах, посинели от длительного голодания. Казалось, что малейшее дуновение ветра - и дети упадут, так они были истощены. Оказалось, что гитлеровцы превратили детей в доноров. Они брали детскую кровь для своих раненых.

Утром 3 июля подразделения нашей бригады ударом с запада овладела городом Пуховичи, отбросив противника в северо-восточном направлении.

В 13 часов 3 июля подразделения нашей бригады ворвались в Минск. Противник, преграждавший путь нашим войскам, был отброшен в котёл восточнее столицы Белоруссии.

Надо было видеть, как жители Минска встречали наши войска. Кругом было ликование. Граждане Белоруссии бросали цветы впереди идущих танков. Люди зазывали воинов во дворы, где были накрыты столы для угощения освободителей. Незабываемая картина!

К вечеру наш батальон устроился на ночлег в районе кладбища, а к исходу дня 5 июля он был сосредоточен в лесу, в 60 км южнее столицы Белоруссии, в составе нашей бригады.

Сосредоточение корпуса в лесу было произведено для организации дальнейшего наступления в сторону города Слоним и населенного пункта Молчадь. Преследование противника

завершилось успешно, и эти населённые пункты были освобождены к утру 9 июля 1944 года. А к исходу 9 июля наш танковый корпус был выведен в резерв фронта и продвигался вперед по мере продвижения боевых частей Красной Армии.

На завершающем этапе операции «Багратион» наш корпус оказался на рубеже Острув, Мозовецк и далее по южному берегу р. Западный Буг.

Наш танковый корпус вновь был введен в бой из резерва.

В августе 1944 года войска вышли к государственной границе. Предстояло сделать ещё одно усилие - выйти к реке Нарев и захватить плацдарм на его западном берегу, Противник хорошо понимал важность этого естественного рубежа, прикрывающего подступы к границам Восточной Пруссии, и поэтому предпринимал все меры для его удержания. Разведка сообщала, что на правом берегу р. Нарев враг проводил интенсивные инженерные работы по созданию оборонительного рубежа. Нам нужно было с ходу, собрав все силы, форсировать Нарев. А если не удастся, то нужен темп и темп. Захват плацдарма на западном берегу Нарева входил в планы Верховного Главнокомандования. Следовательно, задачу трудно переоценить. Открывались широкие возможности, с одной стороны, для выхода к границам Восточной Пруссии и изоляции всей восточно-прусской группировки фашистских войск, с другой - обхода Варшавы с севера.

Началась усиленная подготовка к предстоящим боям, в успехе которых важную роль сыграли решительные действия нашего 1-го гвардейского танкового Донского корпуса. К 22 августа корпус сосредоточился в лесу в 60 км юго-восточнее Варшавы - столицы Польши. Здесь для доукомплектования танковых бригад и самоходно-артиллерийских полков было получено 150 танков Т-34 и 31 самоходная установка. Получили пополнение и подразделения мотопехоты. Я хорошо помню, что в наш мотострелковый батальон пришли бойцы из госпиталей после ранения. Это были люди, побывавшие в боях, имеющие боевой опыт. Одновременно заменялось и обновлялось артиллерийское и миномётное вооружение. Словом, наш народ щедро отдавал фронту всё, в чём нуждались войска для продолжения наступления. Развернулась в подразделениях напряженная боевая учёба. Главное внимание обращалось на сколачивание мелких подразделений. На занятиях нам приви-

вались навыки наблюдения за полем боя, умелого использования особенностей местности и ведения меткого огня. Весь личный состав обучался способам преодоления минных заграждений. На совместных учениях мотострелков, артиллеристов и танкистов отрабатывались вопросы взаимодействия.

К тому времени командование приобрело большой опыт в руководстве войсками. Постоянно проводилась партийно-политическая работа с бойцами и офицерами, как в подготовительный период, так и в ходе боевых действий. Весьма детально изучались вопросы организации ввода в бой нашей части в прорыв и самостоятельного форсирования водных преград с ходу. При этом наряду с отработкой оперативно-тактических вопросов обобщался опыт предыдущих боев, анализировались ранее допущенные ошибки. Проводились командно-штабные учения на местности со средствами связи. Главное внимание уделялось организации управления боем, в том числе и при форсировании водных преград.

Внимательно изучался прибывший на пополнение личный состав. Особое внимание было уделено тем военнослужащим, которые побывали в плену. Надо было правильно расставить их по должностям и помочь скорее войти в боевую семью подразделений.

Большое воспитательное значение имело посещение личным составом немецко-фашистского концлагеря Майданек вблизи г. Люблин. После освобождения Красной Армией этого города было установлено, что в 1941 году фашисты создали здесь лагерь уничтожения. Своими глазами воины-гвардейцы увидели обнесенную несколькими рядами проволоки с пропущенным электрическим током территорию, высокие вышки с прожекторами для охраны. Внутри - деревянные бараки, отгороженные один от другого колючей проволокой, чтобы не было общения между обитателями. Там же находилась так называемая «баня». Её действительно можно было принять за обычную баню. Но при более пристальном осмотре возникал вопрос, зачем предбанник отделён тяжелой металлической дверью от моечного отделения? Оказывается, здесь творились чудовищные злодеяния. Это небольшое помещение являлось камерой удушения людей. В предбаннике их раздевали догола и быстро загоняли в «моечное» отделение - бетонный склеп, вмещающий более 250 человек, и закрывали тяжелую сталь-

ную дверь. А с крыши по трубам в него впускалось отравляющее вещество, от которого через 10 минут все гибли. Мощными вентиляторами помещение проветривалось. Трупы убирались и сжигались. Таким образом, ежесуточно уничтожалось до 1500 человек. Золу сожженных трупов фашисты упаковывали и посылали своим земледельцам для удобрения полей. У некоторых узников сдирали кожу и пускали в переработку для производства дамских сумочек, портмоне, папок для бумаг и других изделий. Фашисты ничем не гнушались, лишь бы извлечь выгоду. Я был в группе солдат и офицеров, прибывших на осмотр этого лагеря смерти. Впечатление жуткое, другого слова не найдешь.

22 августа 1944 года корпусная газета «Вперёд на врага» в статье «Бойцы и офицеры нашей части осматривают люблинский лагерь уничтожения» писала: «В суровом молчании шагают гвардейцы по огромной территории люблинского лагеря. Они видят длинные ряды бараков за двойными рядами колючей проволоки, видят сторожевые вышки с пулемётными гнёздами, видят казармы охраны... Да, отсюда не убежишь! Немецкие палачи цепко держали в руках свои жертвы. Десятки тысяч людей, заключенных в эти бараки, не могли вырваться на свободу, они были обречены на смерть, на уничтожение.

На нашем пути рядом с открытой траншеей - огромная груда человеческих костей. Ребра, бедренные кости, позвоночники... Десятки черепов с проломленным теменем. Это останки людей, злодейски умерщвленных не менее двух лет назад. А в нескольких шагах другая траншея, а в ней - трупы мужчин, женщин, детей, убитых совсем недавно.

Гитлеровцам не удалось уничтожить всё эти красноречивые свидетельства своих злодеяний. Внимательно осматривают бойцы адскую фабрику смерти. Слова гнева и проклятия по адресу немецких палачей вырываются у наших гвардейцев. Всё новые записи делают в своих тетрадях агитаторы...

Сколько же всего убито людей в люблинском лагере, спрашивают солдаты. Трудно ответить на этот вопрос, нужно подойти на склад обуви, оставшейся от убитых. Здесь около 800 пар ботинок, туфель, сапог. Огромное количество женской и детской обуви». Вот так описала наша корпусная газета посещение лагеря смерти в Майданеке.

До этого многое было известно о зверствах, чинимых гит-

леровцами. Но то, что они творили в лагере смерти, превзошло все, что творила инквизиция средневековья. Пусть молодое поколение не забывает об этом.

В лагере побывали воины, специально отобранные от каждой роты и батареи. Они потом были лучшими пропагандистами по воспитанию ненависти к фашистам.

В подготовительный период к боям большое внимание уделялось распространению опыта мастеров меткого огня. Перед воинами выступали бывалые автоматчики, сержанты и офицеры. Они давали полезные советы по ведению боевых действий в различных условиях. В последующих боях это принесло большую пользу молодым воинам, к которым и я себя относил.

В эти же дни в торжественной обстановке вручались ордена и медали отличившимся в боях красноармейцам, сержантам и офицерам. Командиры подробно рассказывали о подвиге каждого награжденного. Для нас, молодых воинов это событие было особенно показательным. Хотелось и самому побывать в подобной обстановке. Но всё впереди.

К исходу 29 августа было получено распоряжение быть готовыми к совершению марша двумя ночными переходами. Подразделения были подняты по тревоге, а через час мы уже находились на марше. 31 августа наш батальон вышел в назначенный район в лесу, в 2 км западнее Брок, это где-то в 100 км юго-западнее Белостока (Польша). К исходу второго дня наш корпус должен был выйти к реке Нарев. Личный состав приводил в порядок материальную часть боевых и вспомогательных машин. Нам, мотострелкам, было приказано помогать в этом танкистам, что мы с удовольствием и делали. Заканчивался подвоз материальных средств и десяти суточных доз продовольствия.

До начала боевых действий были изучены состояние и характер действий противника и местность. Местность в полосе предстоящего наступления была лесистая с небольшими открытыми участками, прилегающими к населенным пунктам, что позволило противнику создать систему фланкирующего огня всех стрелковых и противотанковых орудий. По левому берегу р. Нарев, от Пултуска до Сероцка, раскинулся лесной массив шириной 2-3 км. Здесь противник создал предмостные укрепления и оборонял их малыми силами. Нам, воинам мото-

стрелкового батальона, было объявлено о готовности к наступлению к вечеру 2 сентября.

Хотя задача на форсирование р. Нарев не ставилась, однако предусматривалась возможность преодоления реки с ходу и захвата плацдарма на правом берегу Нарева. Была предусмотрена необходимость выдвижения к водной преграде переправочных средств.

Огонь поддерживающей артиллерии был спланирован по рубежам и объектам, установлены сигналы его вызова и прекращения. Были согласованы действия с поддерживающей авиацией. Она должна была вести разведку противника в интересах наших подразделений.

Задачей авиации было своевременно обнаружить подходы резервов противника, переправы /мосты/ через р. Нарев на участке Пултуск, Сероцк, определить местонахождение вражеской артиллерии и подавить её. Серьёзное внимание уделялось инженерному обеспечению наступления, которое было назначено на утро 3 сентября 1944 года.

Сапёры Огнев Павел Александрович и Гуняков Михаил ночью приступили к разминированию берега р. Нарев, чтобы обеспечить преодоление её танками. В студеной воде сапёры (старшим группы был Огнев П.А. – москвич, а сибиряк Гуняков Михаил был подручным) обезвредили около сотни противотанковых мин. К утру 3 сентября работа сапёров была закончена. Окоченевших воинов угостили стаканом водки, чтобы не заболели, и они на какое-то время отключились.

Забегая вперёд, скажу, что, работая с документами бригады в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске, я нашёл препроводительное письмо за подписью командира бригады гвардии полковника Кожанова К.Г. и начальника штаба бригады гвардии подполковника Якушина В.В. с приложением наградных листов на Огнева П.А. и Гунякова М. Огнев представлялся к званию Героя Советского Союза, а Гуняков к награждению боевым орденом Красного Знамени. Кто-то синим карандашом вычеркнул фамилию Огнева. Был ли послан наградной лист на Огнева, трудно сказать, только известно, что Огнев не получил ничего, даже медали «За отвагу», хотя именно он руководил работой своего подопечного. А Гуняков был удостоен ордена Красного Знамени. После войны я встречался с Огневым, и мы с ним говорили на эту тему. Бу-

дучи человеком скромным, Павел Александрович говорил: «Да ладно, в жизни всё бывает». Вот так судьба сыграла злую шутку с отважным воином.

Где-то в 80-х годах я разговорился с бывшим командиром нашей бригады генерал-полковником танковых войск Кожановым Константином Григорьевичем и затронул этот вопрос. Он мне сказал, что помнит, как сапёры обеспечили переправу через р. Нарев, но детали не помнит, а именно, кто проделал эту титаническую работу и кто за это был награждён или не награждён. Так эта история и канула в Лету.

Ночь прошла спокойно. Личный состав отдохнул, утром принял горячую пищу и был готов к выполнению боевой задачи. В 10 часов 30 минут началась артподготовка, продолжавшаяся около 20 минут.

Однако корпус в этот день введен в бой не был, так как стрелковые части успеха в наступлении не имели. Корпус вступил в бой лишь в 8 утра 4 сентября 1944 года. Через час подразделения нашей бригады ворвались на позиции врага и хотя медленно, но упорно продвигались вперед. Медленно, потому что противник оказывал упорное сопротивление. Тем не менее, к вечеру 5 сентября подразделения нашей бригады были на правом берегу. Образовался плацдарм, но бой на нем не прекращался. В течение нескольких дней гитлеровцы несколько раз переходили в контратаки, однако успеха не имели. Постепенно плацдарм расширялся, и к 10 сентября наши части перешли к обороне. Подразделения занялись оборудованием в инженерном отношении своих позиций и готовились к отражению вероятного наступления противника. Были отрыты траншеи, щели и блиндажи для личного состава. Во время интенсивного обстрела наших позиций я был 14 сентября легко контужен. Лечился в роте. Через несколько дней был в строю. Наступили затяжные оборонительные бои, подразделения получали пополнение личного состава, создались благоприятные условия для последующих действий в Восточно-Прусской операции.

В декабре 1944 года наш корпус находился в резерве фронта. В это время проходило доукомплектование его личным составом и боевой техникой. Совершив два ночных перехода, наша бригада к утру 13 января сосредоточилась в районе южнее Заторы в готовности к боевым действиям. В это время

корпус входил в состав 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Рокоссовского К.К. Наша танковая бригада вступила в бой 15 января 1945 года и продолжала наступать в направлении Ново-Място. При этом противник широко применял против танков и самоходных установок фаустпатроны.

Вспоминаются бои за города Тухель, Бронница и Квашин, особенно за последний населенный пункт. В этом бою временно исполняющий должность командира нашей бригады подполковник Лелюх И.П. 14 марта 1945 года с тремя танками (два из них были неисправны) и отделением автоматчиков оказался отрезанным от бригады, связь с ним была прервана. Для восстановления связи с группой гвардии подполковника Лелюха начальник штаба бригады гвардии подполковник Якушин В.В. направил меня, попавшегося ему на глаза, выполнить эту задачу. Мне предстояло преодолеть небольшой заслон автоматчиков противника. Прикрываясь кустарником, короткими перебежками, а где и ползком, я уже в сумерках незаметно приблизился к позициям противника. Выбрав наиболее выгодное направление, метнул несколько гранат, дал автоматную очередь, а затем бросился вперед и укрылся в воронке. Так пробираясь от одного укрытия к другому, мне удалось прорваться к группе Лелюха и сообщить ему, где находится штаб бригады.

Далее шли бои в направлении Данцига. Корпус закончил боевые действия в 14 км от города Ростока на побережье Северного моря в Германии. В это время я был по-прежнему гвардии красноармеец. Моим командиром роты в это время был гвардии старший лейтенант Дядык Фёдор Маркович.

Уволился из армии по болезни 22 июня 1975 года в звании полковника. Увольнение имело место в городе Москве с должности редактора военной и военно-технической литературы на французском языке. Однако продолжал работу там же, в Управлении издательства военной и военно-технической литературы на иностранных языках Министерства обороны.

Награжден:

- орденом Отечественной войны 2-ой степени № 1032552,

указ президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года. Орден вручен 20 апреля 1985 г. начальником Управления Издательства генерал-лейтенантом Калашниковым Константином Фёдоровичем. Награждён в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне;

- медалью «За отвагу» № 2330010. Награждён приказом командира 15-й гвардейской танковой бригады гвардии полковником Кожановым. Вручена 10 апреля 1945 г. им же. Награждение состоялось в перерыве между боями. Награждён за события у населенного пункта 14 марта, описанные выше;

- медалью «За боевые заслуги». Награждён приказом командира 15-й гвардейской танковой бригады 25 апреля 1945 г. за успешное выполнение приказов командования в боях под Данцигом. Медаль вручена 10 мая 1945 г. командиром той же бригады.

- медалями без номеров:

«За победу в Великой Отечественной войне», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «XXX лет Советской армии и флота», «40 лет Вооружённых сил», «За безупречную службу 2-ой степени», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооружённых сил», «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран Вооружённых сил СССР», «60 лет Вооружённых сил СССР», «40 лет победы в Великой Отечественной войне» «70 лет Вооружённых сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «Жукова».

В войне погибли родственники - двоюродные братья:

Лучко Степан Иванович, 1922 года рождения, в июне 1941 г. при обороне Бреста;

Лучко Владимир Иванович, 1915 года рождения, в феврале 1942 года при обороне Москвы.

Кроме двоюродных и троюродных, других родственников не имею

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Егоренков Павел Алексеевич****, студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Мусаэлян Эрик Суренович

Жизнь моя была спасена

Родился я 30 марта 1919 года в селении Тертер, Тертерского района, Азербайджанской ССР. Национальность - армянин. Вероисповедание - атеист. Не вступал ни в какие организации.

Я проучился 10 лет в 4-й школе г. Баку и в 1936 году поступил в Энергетический институт. Проучился там до третьего курса. Но в 1941 году началась война, и меня отправили на строительство оборонительных сооружений (противотанковых рвов) в район города Вязьма. Туда был направлен весь институт. Через эти места пролегал путь немецких войск. Мы копали длиннющие траншеи, в которые теоретически должны были проваливаться немецкие танки. Но немцы каким-то образом узнали про это, обошли наши рвы с северной стороны и шли как раз в нашу сторону. Нас срочно убрали оттуда и эвакуировали в Восточный Казахстан, в г. Лениногорск (ранее он назывался г. Риддер). 1 сентября я с группой студентов в качестве добровольцев, был направлен местным военкоматом в г. Тейково Ивановской области, где формировалась 1-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Меня записали в 13-й воздушно-десантный полк под командованием командира полка Исхакова. Там нас муштровали и делали из нас хороших бойцов.

Я хорошо помню некоторые эпизоды подготовки к десантированию в тыл врага. Подготовка производилась с аэроста-

тов, поднимавшихся на высоту до 700 метров. В корзине аэростата размещались 4 человека с парашютами за спиной. Парашюты укладывались лично каждым под руководством инструктора. Укладка была весьма ответственным делом, так как ошибка при укладке могла кончиться трагически, как и случилось с одним участником прыжков. Он для более правильной укладки связывал фалы купола парашюта веревочкой, которую обязательно следовало развязать и удалить перед складыванием парашюта. Вот удалить веревочку он трагически забыл, а инструктор прозевал этот момент. В результате, когда он спрыгнул с корзины аэростата, парашют в полете, конечно же, не раскрылся, и он погиб, достигнув земли.

Со мной же был такой случай: в корзину сели 4 человека. Одни были ближе к месту для прыжка, другие дальше. Во время прыжков корзина сильно раскачивалась, и тем, кто прыгал одним из последних, было страшновато оторваться от корзины (внизу при этом коварно качалась земля). Я по молодости, не желая проявить трусость, вызвался прыгать последним. Но, когда аэростат поднялся в воздух, я сильно пожалел об этом. Я прыгал первый раз, и было очень страшно. Но я все-таки оторвался от корзины и почувствовал, что веревка, которой он был привязан к аэростату, натянулась, парашют раскрылся, и я ощутил такую радость, какую в жизни больше никогда не испытывал. Я как бы застыл в воздухе и стал плавно приближаться к земле, весело болтая ногами, что было категорически запрещено делать, потому что можно было сломать себе ноги при ударе об землю. Но я вовремя вспомнил об этом и по всем правилам приземлился, ничего не сломав.

В свободное от учений время я занимался музыкой. В школе я играл на духовых инструментах, и поэтому меня в период формирования дивизии сунули в духовой оркестр. А у меня был приятель, у которого абсолютно не было музыкального слуха. Но мне очень хотелось запихнуть его в этот оркестр, потому что музыкантов особенно не муштровали и жилось им лучше, чем остальным. И вот однажды мне поручили проводить репетиции. Я, конечно же, воспользовался удачным стечением обстоятельств и посадил приятеля за барабаны, потому что на других инструментах он из-за отсутствия слуха просто не мог играть. Но, оказалось, что у него еще и не было чувства ритма, и во время репетиции мне приходилось махать

ему рукой, когда нужно было ударять.

Как только началось наше участие в контрнаступлении на южном участке фронта, нашу десантную дивизию и, соответственно, полк, в котором я служил, перебрасывали с участка на участок, где осуществлялись прорывы с забрасыванием группами, иногда малыми, а иногда большими в тыл врага. При этом захватывались населенные пункты, что вызывало в немецкой армии большую панику. После этого мы удерживали захваченную позицию и ждали подхода наших основных частей, с которыми мы соединялись и продолжали наступление.

Боевой путь я начал с города Старая Русса, где мы сидели в обороне и готовились к десантированию в 1942 году. В начале 43-го года десантирование в тыл врага было отменено, потому что провалилась операция на Северо-Западном фронте и 18 февраля 1943 года нашу дивизию перебросили на фронт под Воронеж. Оттуда мы все время участвовали в наступательных боях на города: Звенигород, Шпола (в последнем нам попались цистерны со спиртом. Мы их простреливали, и оттуда лились струи чистейшего спирта, который мы с жадностью употребляли), Богуслав, Канев, г. Будапешт, при форсировании р. Днестр, г. Эгер, г. Сикса, при форсировании р. Дунай, г. Годонин, г. Нитра, форсирование р. Грок, города Комарно, Нове Замки, Малацки, Брук, Бановце, Бухарест, Брно, Банска-Штьявница, Глоговец, Сенец и другие.

После небольшого отдыха под Прагой наша дивизия была направлена на Дальний Восток, где участвовала в боевых действиях при форсировании горного хребта Большой Хинган, преодолении безводных степей Монголии и освобождении Маньчжурии.

***

1943 год: оборона одной из важных высот под Старой Руссой. Немцы долго и яростно обрабатывали эту высоту и окружающие места артиллерийским огнем. Каждый день было много убитых и раненых. Одно ранение в голову получил и я, но, слава Богу, легкое. Оборона длилась довольно длительное время. Укрытиями служили только старые, большие, великовозрастные деревья, на которых и располагались наши наблюдательные пункты. Пункты эти были на самых верхушках де-

ревьев. Добирались до них по деревянным связям. Немцы, видимо, тоже наблюдали за нами. Однажды они засекли наши позиции и устроили такой мощный минометный налет, что два огромных дерева от взрыва крупных мин под самым низом вырвало из земли и они, переместились вокруг остальных из общей связки деревьев. Как ни странно, никто не был ранен, даже из тех, кто сидел с биноклем наверху.

Наша часть, 13-й гвардейский воздушно-десантный полк, находилась в обороне под Старой Руссой весь зимний период. Никаких строений в этих местах не было, сооружать что-нибудь в условиях обозреваемости со стороны противника было нельзя, поэтому приходилось отдыхать и спать на снегу. К утру мы обычно просыпались в луже, так как снег под нашими телами за ночь успевал растаять. Мы промокали насквозь, а если учесть, что стояли минусовые холода и далеко не у каждого из нас были запасные вещи, мы часто болели и вообще чувствовали себя не слишком комфортно. Так было довольно долго, пока не началась подготовка наших войск к контрнаступлению на южном участке фронта.

Наша дивизия готовилась к десантированию в тыл врага. Нам были розданы прекрасные десантные пайки с шоколадом и настоящим и любимым всеми спиртом. Пока шла подготовка к десантированию, изменилась ситуация на южном участке фронта, и наша дивизия была срочно направлена в район Воронежа для участия в наступлении. Конечно, спирт с шоколадом везти туда не пришлось, так как шоколад был съеден, а спирт успешно выпит.

***

Вспоминается эпизод, произошедший во время одной из тыловых операций. Операции предшествовала массированная артподготовка одного из участков фронта, после которой через линию фронта была пропущена группа 13-го полка в тыл к немцам на глубину 30-50 километров. Я в качестве топографа должен был вывести полк к определенному населенному пункту, который предстояло захватить в определенное время и удерживать до подхода наших войск. Двигаться надо было только ночью и по азимуту, учитывая то, что местность абсолютно не соответствовала имеющимся у нас топографическим

картам. В пути нам попался немец из одной деревушки, который знал, как пройти к заданному населенному пункту. Мы решили переночевать и утром снова начать движение. Я должен был нести ответственность за немца. К утру отряд, пробудившись, стал собираться в путь. Ко мне подошёл политкомиссар полка и спросил, где немец. Его поблизости не было. Стали искать, но никак не могли найти его. И, когда разъяренный политкомиссар вынул из ножен шашку с угрозой зарубить меня, если я его не найду, солдаты заметили какое-то движение в стоящем рядом стоге сена. Из-под стога выполз потерянный человек, таким образом жизнь моя была спасена.

Вскоре мы достигли места назначения, окружили деревню и захватили её, выполнив задание командования.

Вспоминается еще такой эпизод из тыловых операций на курском направлении. В ходе очередной контратаки немцам удалось загнать часть нашего полка в огромный ров. Продолжать наступление они не решались, так как не знали точно, сколько у нас было сил. С нами было несколько наших танков. До наступления ночи нам, сидевшим во рву, удавалось удерживать немцев от активных действий. Но к утру командование договорилось под прикрытием наших танков сделать попытку вырваться из окружения. Перед рассветом наши танки устремились в сторону противника, люди за ними. Ночь еще продолжалась, и это несколько облегчало задачу. Немецкие танки пока не двигались, но своими прожекторами освещали все время поле действия. Именно в такой критический момент у меня схватило живот, и мне ужасно захотелось в туалет. Что было делать – и позориться не хотелось, и с жизнью расставаться жалко было. Вдруг под лучом немецкого прожектора я увидел довольно глубокую траншейку впереди, решил прыгнуть туда, сделать там быстро свои дела а потом догонять умчавшихся вперед своих ребят. Я так и сделал. Закончив быстро свои низменные дела, я дождался, пока луч прожектора ушёл в сторону, выпрыгнул из траншеи и с чистой душой помчался догонять товарищей, уже далеко ушедших вперед.

Когда наши войска наступали на Курск, наш отряд оттянули в тыл (30 километров от Курска). Деревушка, в которой мы обосновались, называлась Мышеловка. Когда мы узнали, что находимся далеко от фронта, мы решили, наконец, «оттянуться» после долгих месяцев лишений: мы выпили, повесе-

лились, а потом разделись и легли спать. Посреди ночи вдруг раздались крики, шум моторов танков и грохот разрывающихся снарядов. Оказалось, что немцы, отходя в Курск, оставили прямо в деревне в стогах сена сотню танков. Сейчас, конечно, смешно вспоминать: ведь мы в прямом смысле слова попали в мышеловку, но тогда нам было не до смеха. Мы перепугались, вскочили и, кто в чем был, бросились бежать. Основная часть бросилась в кукурузное поле. Я знал, где находится штаб дивизии, и побежал в ту сторону. За мной поехал танк, а, через некоторое время к нему присоединился ещё и немецкий самолёт. Как только самолёт пролетал надо мной, я бросался на землю, а затем вскакивал и бежал изо всех сил дальше. Местность была пересеченная, поэтому танк, на мое счастье, не мог ехать слишком быстро. Так я чесал от танка несколько часов, пока мне не удалось скрыться в лесу. А по лесу я уже спокойно добрался до штаба.

9 мая объявили День Победы, но для нас это был еще не конец войны: как раз в этот день мы пошли в наступление на Прагу, где ещё оставались немецкие войска, не сдавшиеся в плен. Им был предложен ультиматум, но они не сдались. После того как мы вытеснили немцев, нас перебросили на Дальний Восток на борьбу с Японией. Это был большой сюрприз для японцев, так как они не знали, что Россия тоже принимала участие в войне. Мы шли через горный хребет Большой Хинган. Это была пустынная местность, а то небольшое количество воды, которое нам встречалось, было заражено брюшным тифом. Вся вода была не пригодна для питья. Мы пили только из своих запасов, и вскоре наша вода стала заканчиваться. Нам пришлось пить очень мало, но вода всё равно очень быстро закончилась. Наш полк был настолько обезвожен, что нам пришлось разбрестись по пустыне в поисках хорошей воды. Самое обидное, что изредка шли дожди, но дождевую воду тоже нельзя было пить. Люди теряли сознание. Многие тогда погибли. Я сам чудом избежал смерти. Я помню, что свалился без чувств и пролежал без сознания довольно долгое время, пока кто-то не влил мне в рот воды.

***

Смешной случай произошёл во время одной тыловой операции в Европе, когда нас бросили в контратаку на юг. Тогда я и командир полка шли впереди группы, за нами шёл остальной отряд, а впереди - дозорные. Вдруг дозор возвращается и говорит, что впереди замечен немецкий солдат. Мы схватили его, чтобы выпытать из него расположение немецких частей. Однако оказалось, что он был вдребезги пьян. Он даже не мог связно говорить. Только через три часа, когда он немного протрезвел, нам удалось вытянуть из него кое-что.

Перед отправкой на Дальний Восток наш полк встал на отдых под городом Прага, в заповеднике. В один из дней нашего отдыха несколько солдат, включая и меня, выпросили у командира полка фаэтон и поехали на нем обозревать достопримечательности Праги. После долгой прогулки мы решили перекусить и заехали во двор большого дома. Мы достали еду и выпивку (спирт, конечно) и принялись было есть, но вдруг заметили, что из всех окон внутреннего дворика выглянули люди, изголодавшиеся при немцах, и стали наблюдать нашу трапезу. Нам пришлось попроситься в одну из квартир. Там оказалась семья русских эмигрантов, с коими мы охотно поделились.

В 1945 году нас перебрасывали из Европы на восток: нас посадили в эшелоны и повезли в Монголию. Когда мы приехали в городок Чайбалсан, нам пришлось покинуть наш поезд. Там были узкоколейные железные дороги, поэтому нас пересадили в другой состав. Это был крошечный поезд с маленькими вагончиками и почти игрушечным паровозиком. Пока мы ждали отправления, к станции подошёл караван верблюдов. Самый большой верблюд очень заинтересовался нашим паровозиком. Он подошёл вплотную к нему и стал разглядывать внутренности паровозика через трубу и окна. Караванщик с большим трудом сумел отогнать его от поезда.

Награды

Орденская книжка №720720

Орден Красной Звезды, №2006918, награжден 18 июля 1946 г.

«За боевые заслуги», №660750, награжден 18 июля 1946 г.

Орден Славы 3-й степени, №140025, награжден 18 июля 1946 г.

Орден Отечественной войны, №4885186, награжден 11 марта 1985 г.

Грамота Заслуженному строителю РСФСР. Награжден 22 февраля 1984 г. президиумом Верховного Совета РСФСР

Почетная грамота за достигнутые успехи в выполнении заданий пятилетнего плана в развитии народного хозяйства СССР и обеспечение ввода в действие новых энергетических мощностей.

«Почетный энергетик СССР» за заслуги в развитии энергетики и электрификации страны.

Некоторые публикации

1. Наладка электрооборудования электростанций и подстанций (М.: изд. «Энергия», 1966.)

2. Наладка и испытания электрооборудования станций и подстанций (М.: изд. «Энергия», 1979.)

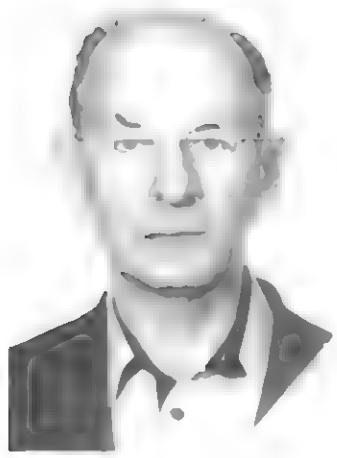
3. Справочник по наладке электрооборудования электростанций и подстанций. (М.: изд. «Энергоатомиздат», 1984.)

4. Наладка и испытание электрооборудования электростанций и подстанций (М.: изд. «Энергоатомиздат», 1986.)

5) Как оценить возможность включения в работу нового электрооборудования (М.: изд. «Энергоатомиздат», 1994.)

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Роднянский Павел Александрович****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*



Нехорошев Юрий Михайлович

Время между боями в прибалтийских странах проходило неспокойно

Родился я 4 августа 1924 года в Кунцевском районе города Москвы. Русский, вероисповедание - православие.

С 1944 по 1990 годы член Коммунистической Партии Советского Союза (в армии с 1944 по 1947 годы). На заводе работа л с 1947 по 1977 годы заместителем секретаря парткома Кунцевского радиомеханического завода, являлся председателем постоянно действующего производственного совещания завода, депутатом Кунцевского районного совета. А с 1977 года по настоящее время работаю в Открытом акционерном обществе «Центральный научно-исследовательский технологический институт "Техномаш"» главным специалистом.

В 1941 году окончил 10 классов московской школы (10-й класс - экстерном в связи с началом войны и бомбежками города Москвы).

В 1950 году окончил вечернее отделение Кунцевского радиомеханического техникума. В 1956 году окончил вечернее отделение Московского авиационного технологического института (МАТИ). В 1975 году окончил курсы повышения квалификации при Министерстве радиопромышленности по качеству и сертификации продукции, экономики, компьютерной техники.

Узнал о начале войны 22 июня в 11 часов, когда я был на даче у своих родных в Кунцеве, из выступления министра иностранных дел Молотова. Мне тогда шёл 16-й год, я был комсомольцем и старостой 9-го класса железнодорожной школы. Когда я с дачи поехал в Москву, где постоянно жил и учился, то на следующий день пошёл в свою школу. И там то я прочел объявление, что комсомольцы старших классов должны явиться в школу с запасом еды и одежды и участвовать 2-3 недели в работе по укреплению обороны дальних подступов к г. Москве (куда надо ехать и где работать - там не было сказано).

В начале июля месяца 1941 года комсомольцы старших классов нашей школы, в составе отряда комсомольцев Советского района Москвы, влились в общий отряд комсомольцев столицы. Мы все отправились на Киевский вокзал, где нас распределили по товарным вагонам. И все мы поехали в Калужскую область в город Юхнов, на строительство противотанковых рвов и дотов, для укрепления дальних подступов к Москве.

Наша работа в Юхнове по обороне Москвы, вместо двух-трех недель, проходила около двух с половиной месяцев. С июля по конец сентября 1941 года мы жили в сельской школе, спали на полу, работали с утра до темной ночи на рытье дотов и дзотов и укреплении берегов рядом протекавшей реки. Нам давали на день буханку черного хлеба и крынку молока, правда подкармливали сельские жители. Так что мы не голодали. Днем, во время работы, над нами на бомбежку Москвы пролетали немецкие самолёты и разбрасывали листовки с фотографиями, где говорилось о том что, сын Сталина сдался в плен и нам тоже надо прекращать работу и с этой листовкой, как с пропуском, переходить на немецкую сторону, где нам будет сохранена жизнь. Мы с удивлением читали эти листовки об успехах немцев и не верили тому, что в них написано, бросали их и снова продолжали свою работу.

Однако через некоторое время, после стремительного наступления немцев в районе Юхнова, нашему руководству строительными отрядами буквально чудом удалось реквизировать несколько трехтонок в районе и затем вывезти нас сельскими дорогами к железной дороге, а потом и доставить в Москву в свои школы (многие отряды комсомольцев остались

в окружении, и им пришлось вместе с отступающими войсками пробиваться в Москву с большими потерями).

В конце сентября мы вернулись в Москву оборванные, но счастливые, что мы живы и здоровы, и начали экстерном (Москву в это время продолжали бомбить) заканчивать 10-й класс.

Одновременно в 1942 году по направлению Московского военкомата я окончил краткосрочные военные курсы шоферов. Затем работал шофером на Московском авиационном заводе в Москве до декабря 1942 года, обеспечивая завод алюминиевыми заготовками для пропеллеров самолётов, позднее участвовал в снабжении столицы тульским углем в составе организации «Москва-уголь». А в Тулу доставлял воинскую и рабочую спецодежду с московских фабрик (имел бронирование от завода).

В январе 1943 года, имея бронь авиационного завода, я, как и многие комсомольцы г. Москвы, пришёл в военкомат Советского района и попросил направить меня на фронт.

В январе 1943 года военкоматом г. Москвы я был направлен в г. Гороховец Горьковской области, в 8-й учебный Автобронетанковый полк курсантом. В ноябре 1943 года окончил курсы учебного Автобронетанкового полка в звании младший сержант – командир бронеавтомобиля БА-64 (кстати, в нашем учебном полку служили представители почти всех национальностей бывших советских республик). Мы все дружили, и единственно, что нас русских с десятилетним образованием и шоферскими правами заставляли делать - это помогать нашим друзьям из других республик осваивать автобронетанковую технику и оружие, так как многие из них плохо знали русский язык и имели недостаточное образование.

В учебном полку в г. Гороховце командирами взводов были в основном украинцы, которые держали железную дисциплину, и нам, курсантам, здорово от них доставалось. Наряды за так называемые «нарушения» сыпались на нас, как из ведра, и мы по ночам нередко драили пол в казарме. Учитывая, что с 6 утра и до 11 часов вечера мы занимались боевой подготовкой в основном на воздухе в лесу, а питание было недостаточным, то большинство курсантов рвались уехать из учебного полка в действующую армию.

Наш учебный автобронетанковый полк, прежде чем направиться на фронт, получал материальную часть - танки Т-34,

самоходные установки СУ-76, бронеавтомобили БА-64 и другое вооружение на Горьковском автозаводе (из-за вывода из строя части цехов Горьковского завода нас задерживали в учебном полку).

Однако в связи с тем, что в конце 1942 года немецкая авиация бомбила завод и часть цехов, и оборудование завода было выведено из строя, личный состав нашей выпускной роты, в том числе и я, был направлен в ноябре 1943 года на Горьковский автозавод для работы в уцелевших цехах для помощи в изготовлении военной техники для действующей армии.

В апреле 1944 года наша рота получила наконец долгожданную военную технику (танки, самоходные установки и бронемашины). И всё это было направлено в действующую армию на Ленинградский фронт.

В Ленинграде я сначала был приписан к 21-му отдельному полку связи, а затем с 16 мая 1944 году был переведен в 185-й отдельный Ленинградский ордена Кутузова танковый полк Ленинградского фронта командиром бронемашины БА-64 взвода разведки танкового полка в звании сержант.

Командиром танкового полка был полковник Юнацкий (нашему танковому полку звание Ленинградского было присвоено ранее за прорыв блокады Ленинграда от немцев в 1943 году).

Боевой путь проходил через город Ленинград - май месяц 1944 года, город Териоки Ленинградской области - начало июня, линию Маннергейма (Финляндию), город Койвисто (Финляндия), город Выборг, в составе Ленинградского фронта, конец июня - июль 1944 года, командующий генерал армии Мерецков К.А.

После взятия города Выборга, наш 185-й отдельный танковый полк погрузили в эшелоны и в начале июля 1944 года направили в город Кингисепп, где в то время проходила линия фронта с немцами. Новым командиром танкового полка был назначен подполковник Кобозев.

С июля по октябрь 1944 года наш танковый полк проводил бои за взятие города Кингисепп, затем вступил в бои за освобождение прибалтийских республик. Подошёл с боями к городу Нарве и совместно с войсками Ленинградского фронта. В

конце июля штурмом взяли город Нарва. Командующим ленинградским фронтом был маршал Л.А. Говоров.

После чего полк прорвался на правый берег реки Нарва и штурмовал прилегающие к Финскому заливу высоты, где засели немецкие дивизии группы «Нарва» и власовцы. После взятия прилегающих высот и разгрома немецких дивизий и власовских на правом берегу реки Нарва наш танковый полк в связи с большими потерями личного состава и техники направили на пополнение личным составом и техникой в г. Ленинград.

В начале августа наш танковый полк вновь направили на фронт в Прибалтику.

С августа по октябрь наш танковый полк прошёл с боями и освобождал от немцев города прибалтийских республик. Совместно с 3-м Прибалтийским фронтом (командующий генерал Масленников) брал укрепленный опорный пункт немцев – город Тарту. А уже в сентябре полк участвовал в упорных боях за освобождение города Таллина в составе Ленинградского фронта. И затем вышел с боями на побережье Балтийского моря и освободил город Пярну.

Боевые действия закончил в городе Таллин (Эстония) в 185-м отдельном танковом Ленинградском ордена Кутузова полку в составе Ленинградского фронта под командованием маршала Говорова и командира танкового полка полковника Кобозева.

В конце октября и ноябре 1944 года, в связи с тем что Финляндия уже вышла из войны, а наше правительство заключило с ней договор на аренду сроком на 99 лет военно-морской базы Порккала-Удд, наш 185-й отдельный танковый Ленинградский полк, был снят с фронта, переименован в 1-й танковый Ленинградский ордена Кутузова полк морской пехоты и затем направлен в состав 1-й Мозырской краснознаменной дивизии морской пехоты Северного Балтийского флота, в пригород Хельсинки, где на полуострове Порккала-Удд были размещены советские войска для прикрытия Ленинграда и советской Карелии от возможного немецкого нападения и прорыва их кораблей в воды Финского залива.

С конца ноября 1944 года по май 1947 года я служил командиром бронемашины взвода разведки 1-го танкового Ленинградского ордена Кутузова полка морской пехоты в воен-

но-морской базе Порккала-Удд. Тогда я в штабе полка занимался техническим обеспечением материальной части имевшейся в полку военной техники, участвовал в учениях и боевой подготовке, а также партийной и общественной работе полка (заместитель секретаря комсомольской организации полка).

Ранений не имел, кроме мелких контузий, которые излечивал в медсанчасти полка.

В мае был демобилизован из армии в соответствии с Указом второй очереди мобилизации вооруженных сил СССР. Итак, место отбытия – город Хельсинки, Финляндия, военно-морская база Порккала-Удд, дата отбытия - май 1947 года, место прибытия – город Москва, Советский район.

Я был трудоустроен на должность инженера-конструктора отдела Главного технолога Московского радиотехнического завода в Кунцево по направлению Кунцевского военкомата.

Демобилизация в 185-м танковом полку в мае 1944 года прошла торжественно. Нас, танкистов, подлежащих демобилизации, русских, таджиков, туркмен, евреев и других национальностей в новой форме со всеми орденами сфотографировали совместно с командиром полка – полковником Кобозевым под знаменем нашего танкового, а также каждого танкиста отдельно под знаменем полка.

Дали в нашу честь в столовой обед, вручили сухой паек на дорогу, обмундирование и отправили на машинах на ближайшую станцию в Финляндии. А уже там нас посадили в поезд и отправили домой.

Награды

Я награжден 18 правительственными наградами, в том числе:

1) орденом Отечественной войны 2 степени, № 1045149. Указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. Место вручения - Кунцевский военкомат. Награжден за отличную службу и боевые действия на фронте в составе действующей армии в 1944 г.;

2) медаль «За отвагу», № 1535894. Указ президиума Верховного Совета от 1 октября 1944 г. Место вручения – г. Выборг, тогда было торжественное собрание полка, а вручил ме-

даль командир полка полковник Кобозев. Награжден за мужество и отвагу, проявленные при штурме и взятии Выборга;

3) медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Указ президиума Верховного совета СССР от 9 мая 1945 г. Эту медаль вручил командир танкового полка полковник Кобозев;

4) медаль «Жукова». Указ Президента РФ от 19 февраля 1996 г.;

5) медаль «Знак фронтовика»;

6) орден «Знак почета», № 299269. Указ президиума Верховного Совета от 25 июля 1956 г.;

7) юбилейными медалями: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина», медаль «Ветеран труда», медаль «300 лет Российскому флоту», медаль « В память 850-летия Москвы», знак « Почетный радист» МРП.

В войне погибли родственники: брат отца - Нехорошев Иван Михайлович в 1940 году в советско-финляндской войне.

Участвовавшие в Отечественной войне родственники умерли.

Моих собственных публикаций, как ветерана войны 1941-1945 гг. не было, кроме заметок в стенной газете завода и института, где работал и работаю сейчас.

На фронт я пошёл добровольцем, хотя имел бронь, так как работал на Московском авиационном заводе шофером.

Запомнилась служба в Гороховецком учебном бронетанковом полку. Жили сначала в землянках, затем в конце учебы в казармах. Служба в учебном полку проходила трудно: подъем в 6 часов утра, отбой в 11 часов вечера. Занятия проходили почти целый день прямо на улице, в лесных песчаных просеках. Строевая подготовка и учения с полной армейской выкладкой проводились также почти ежедневно. За малейшие «нарушения дисциплины» (не вовремя встал в строй после ут-

реннего подъема, а надо было не только убрать постель, но и самое главное - успеть за пять минут обмотать метровые обмотки, умыться, побриться) сыпались наряды вне очереди, и, как следствие, ночная уборка помещений казармы и муштра встать, лечь, встать, лечь и т.д. Командирами взводов были в основном украинцы, которые держали жесткую дисциплину, кормили недостаточно, и поэтому все время хотелось поесть. Самое большое счастье тогда было - это, если попадешь в наряд на кухню. Тут я со своими товарищами по службе наедался до отвала, и даже удавалось подкармливать весь свой взвод.

Упорные бои с финнами в мае-июне 1944 года на Карельском перешейке по штурму и взятию линии «Маннергейма в Финляндии, отчётливо помню по сегодняшний день. Несмотря на артиллерийскую подготовку по обстрелу укреплений финнов из орудий крупного калибра, бои по штурму линии проходили очень тяжело, и с нашей стороны было много потерь личного состава. После прорыва укреплений нашим танковым полком и выхода на новые позиции, первый раз увидел я в свои 19 лет, как поступают с отдельными нашими бойцами, которые не выполнили приказ командира и проявили трусость во время штурма линии Маннергейма. В перерыве между боями зачитали приказ командира полка, построили взвод автоматчиков и несколько бойцов расстреляли. Это было очень страшно. Трудно такое передать словами. Сразу на глазах наворачиваются слёзы при воспоминании об этом.

***

Вспоминается курьезный случай: после взятия линии Маннергейма наш танковый полк встал на кратковременный отдых. В штабе полка составили список отличившихся в боях танкистов для награждения. Необходимо было съездить в Ленинград за орденами и медалями. Мне приказали вместе со штабным работником, капитаном полка, выехать в город Ленинград на бронемашине за наградами. Было уже около полудня, и капитан приказал мне гнать бронемашину с большой скоростью, чтобы успеть получить награды в этот же день. Я прибавил скорость. В Финляндии были очень хорошие дороги, которые проходили между лесными хвойными массивами, по бокам которых нагромождены огромные каменные валуны высотой около трех-пяти метров, и за ними не было видно, что

впереди находится. На одном из поворотов, где стоял такой огромный валун, вдруг мне навстречу выскочила военная машина «студебеккер». Я, стараясь не врезаться в неё, вывернул свою машину немного правее, но в это время по правой стороне проходила колонна артиллерийской воинской части, за ней следовал обоз телег с имуществом и фуражом, запряженных лошадьми. Моя бронемашина на большой скорости со скрежетом проскочила между встречным «студебеккером», но задела телегу, нагруженную хлебом, на которой поверх накрытого брезентом хлеба сидела санитарка артиллерийского полка. От удара о мою бронемашину телега с хлебом отлетела в сторону, хлеб рассыпался, а санитарка, упав с телеги, так сильно ударилась о рядом стоящее дерево, что даже потеряла сознание. Когда я остановил бронемашину, к нам подбежали бойцы артиллерийского полка. Увидев свою санитарку лежащей без сознания, они окружили нас с капитаном и прижали к дереву, направив на нас автоматы. Но подошедший старшина полка сказал, что если санитарка не придет сейчас в сознание и умрёт, то он прикажет расстрелять нас на месте. Не передать того, что было в тот момент на душе, зная, что на фронте все может произойти обыденно и просто… К нашему счастью, к молодой санитарке стало возвращаться сознание, она порозовела, встала и в окружении бойцов медленно подошла к командиру артиллерийского полка. После выяснения инцидента командир артиллерийского полка и капитан штаба танкового полка с миром разошлись.

Таким образом, всё обошлось нормально.

Запомнились бои за освобождение города Нарва в Эстонии. По приказу командира полка я как командир бронемашины должен был вместе с радистом на бронеавтомобиле выехать и высадиться в нейтральной полосе между укреплениями немцев и командным пунктом нашего полка. Нас было трое: я, механик-водитель бронемашины и радист с радиостанцией. Поставив бронемашину за разрушенный кирпичный дом, мы залегли в вырытые траншеи. Радист наладил связь между командиром полка, находящимся в штабе полка, и командирами наших наступающих танков на немецкие траншеи (так делалось часто, когда между штабом полка и наступающими танками образовывалось расстояние 1-2 километра, а связь была очень слабой или совсем отсутствовала). Немец

засек нашу радиостанцию и открыл шквальный огонь. Мне с моими товарищами пришлось отстреливаться от пытавшихся прорваться к нам немцев из станкового пулемета «Дегтярева» из башни бронемашины. Несмотря на это, мы продолжали держать связь с командованием штаба полка и передавали командирам наших танков распоряжения командира по прорыву немецких траншей, вслед за которыми устремились в атаку пехотные подразделения. После чего мы прекратили связь.

В этом бою тяжело ранило механика-водителя моей бронемашины, к счастью, откуда-то вползла в нашу траншею подоспевшая к нам молодая девчонка-санитарка, сделала ему перевязку. Я сел за руль и под продолжающимся все ещё обстрелом немцев вывез тяжелораненого механика и радиста в расположение нашего полка. Впоследствии из-за тяжелого ранения моего механика-водителя направили в военный госпиталь.

Несколько дней спустя, когда шли бои за город Нарву, командир полка приказал мне выехать вместе с ним на бронемашине на передовые позиции наших наступающих танков, чтобы лично руководить боем. Мы под огнем противника немного не доехали до позиций. Командир полка вместе с адъютантом пополз на позиции наших танкистов, а мне приказал остаться в бронемашине и ждать их возвращения. Немцы засекли нашу высадку и снова открыли шквальный огонь по бронемашине. Рядом рвавшиеся снаряды рикошетили по броне машины, рвали колеса ее, которые вместо надувных резиновых были сделаны из гусматики, что здорово спасало от поражения бронеавтомобиль.

Через полчаса командир полка вместе с адъютантом пробрался ползком к бронемашине, и мы помчались в расположение штаба полка. Немец, снова заметив нас, открыл огонь из орудий и направил на нас разведсамолёт.

Мне пришлось гнать бронемашину с большой скоростью по проселочной дороге и лавировать между разрывавшимися у нас под колесами снарядами и обстрелом с самолёта. В этом бою ранило адъютанта командира полка, который вместо того, чтобы сесть в бронемашину, сел на капот бронемашины и был ранен разорвавшимся рядом с машиной снарядом. Мы с командиром полка под продолжавшимся обстрелом выскочили из бронемашины и по-пластунски доползли до раненого адъю-

танта, с трудом, но нам удалось затащить его в машину. К счастью, рана оказалась не очень тяжелой, и он скоро встал в строй.

Взвод разведки танкового полка, где я был командиром бронемашины, должен был обеспечивать разведку местности для наших наступающих танковых подразделений, а также проводить рекогносцировку местности, засекать позиции противостоящих немецких войск, обеспечивать связь штаба полка с наступающими нашими танковыми подразделениями, обеспечивать охрану вспомогательных подразделений танкового полка (ремонтных станций, радиостанций, технических подразделений, машин с боеприпасами, горючим и др.) при его наступлении. Это нам удавалось делать очень хорошо.

Вспоминается эпизод при освобождении Эстонии, когда мне приказали совместно со взводом разведки полка сопровождать технические подразделения полка за нашими наступающими боевыми танковыми подразделениями.

Взвод разведки и моя бронемашина возглавляли охрану тыловых подразделений полка. Вдруг я заметил впереди окраину деревни, где стоял немецкий танк, а вокруг него суетились немецкие солдаты. Командир взвода разведки дал команду развернуться в боевые порядки, и мы начали внезапный обстрел из пулеметов и пушки немецких танкистов. Немцы, не ожидавшие встретить наши войска, после непродолжительного боя развернулись и стали поспешно отступать на лесную просеку. Наши тылы, вспомогательные подразделения, обеспечивающие жизнедеятельность и боевую подготовку танкового полка, составляли более 50 машин: это были английские «доджи», американские «студебеккеры», нагруженные боеприпасами и горючим, советские трехтонки, на которых размещались полковая ремонтная мастерская с токарными и слесарными станками, полковая радиостанция, английские мотоциклы «индиана», бронеавтомобили. Все они, выстроенные в одну линию, растягивались в длину более километра, поэтому требовалась надежная охрана, особенно во время наступления и ведения боев нашим танковым полком. На этот раз все обошлось благополучно, и мы продолжали следовать за нашими наступающими боевыми подразделениями, прибыв без потерь на место расположения.

Запомнился эпизод военных действии в Прибалтике, когда наш танковый полк при наступлении на правом берегу реки Нарва в кровопролитных боях с немецкими дивизиями и власовцами понес большие потери, затем был направлен на пополнение в Ленинград. Однако выяснилось, что мы не смогли полностью пополнить нашу технику оптическими приборами, которые так и остались на наших подбитых танках в нейтральной фронтовой полосе. Наш взвод разведки получил задание командира полка направиться туда и снять с наших подбитых танков недостающие оптические приборы. Несмотря на систематический обстрел немцами нейтральной полосы, наши разведчики демонтировали все недостающие оптические приборы с разбитых танков и доставили их в полк.

Время между боями в прибалтийских странах проходило неспокойно. Часть населения, особенно старшее поколение, относилось к нам недружелюбно. Имели место случаи, когда наши бойцы, которые в одиночку посещали эстонские хутора с целью попить парного молочка, не возвращались обратно в часть, и мы не находили их следа. После нескольких таких случаев командир полка запретил нам в одиночку и без оружия посещать дома эстонских хуторян.

Таких эпизодов, за которые отвечали взвод разведки и я как командир бронемашины было множество. И они были обыденными в нашей фронтовой жизни. Мне тогда было 20 лет, и я воспринимал их спокойно, без особого страха, зная, что я должен всегда выполнять свои обязанности, как патриот своей страны, и член Коммунистической партии, хотя было иной раз очень трудно подавить в себе это чувство. А иногда приходилось просто подбадривать себя всегда находившимися при мне фронтовыми 100 граммами. Приходилось постоянно помнить о том, что мы ведем против Германии справедливую войну, но это не всегда удавалось, особенно когда на дорогах войны встречал в освобожденных городах и деревнях сожженных на кострах замученных и распятых наших солдат и офицеров. И иногда нам, танкистам, очень трудно было подавить нахлынувшие на нас гнев и злобу при виде, как расправляются с нашими бойцами, чтобы так же сурово не расправиться в бою с озверевшими немцами.

Ноябрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Семёнов Николай Викторович****, студент 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Ночевкин Николай Васильевич

Реку Висла форсировали под дымовой завесой

Родился я 27 октября 1922 года в городе Москве. По национальности русский, вероисповедание - православный. Бывший член ВКП (б), был комсомольцем.

Моя автобиография похожа на автобиографии многих моих современников, мечтавших о профессии военного.

Окончив в 1937 году семь классов, поступил в спецартиллерийскую школу, которую окончил в 1940 году. В том же году поступил в 3-е Ленинградское артиллерийское училище.

Начало войны, о которой много говорили, но в которую никто не верил, для многих людей было неожиданным. Люди узнавали о войне по радио, передавали эту страшную весть друг другу.

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 года. В это время мы, курсанты 3-го Ленинградского артиллерийского училища, были на сборах в лагерях, в Луге. Была объявлена тревога, и мы узнали, что это не учебная тревога, а война.

Велик был патриотизм советских людей. Выстраивались очереди на пункты мобилизации. Мальчишки подделывали свои метрики, чтобы им доверили оружие. Шла срочная подготовка солдат, а тех, кто прошёл подготовку, отправляли эшелонами на передовую.

Наш отдельный курсантский дивизион, сформированный в 1940 году из 3-го Ленинградского артиллерийского училища, находящийся в лагерях в Луге, 28 июня 1941 года по приказу отправили на фронт. Начал участвовать в боях рядовым-наводчиком 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20 под командованием командира батареи капитана Сучкова.

Далее мой боевой путь проходил в составе артиллерийских частей резерва Верховного Главнокомандующего. Эти части постоянно перебрасывали туда, где нужно было усилить огневую мощь на время прорыва или задержать противника.

После ранения продолжал боевой путь в составе 73-го стрелкового корпуса.

Населенных пунктов, через которые мы проходили, было очень много, но особо хорошо я помню города, где начинал свой боевой путь: это город Остров (лето 1941 года). Помню также Старый Оскол (осень 1941 года), Валуйки (осень 1941 года), Харьков (осень 1941 года), город Яссы (август 1944 года), город Бухарест (август 1944 года), река Висла (январь 1945 года), Верхняя Силезия (январь 1945 года), Бреслау (1945 год), Чехословакия (зима 1945 года), город Старый (Западная Украина) (май 1945 года - лето 1946 года).

К сожалению, часть населенных пунктов, через которые проходил мой боевой путь, приходилось оборонять от наступающего врага, а затем оставлять.

С горечью вспоминаю, как в Гатчинском парке мы копали окопы, пытались остановить фашистов, но приходилось отступать. Но мы не только оставляли, но и освобождали города, и советские, и города других стран, захваченных фашистами.

Освобождал город Яссы, город Бухарест в Румынии во время Ясско-Кишиневской операции в августе 1944 года в составе 2-го Украинского фронта под командованием генерала Р. Я. Малиновского, 52-й армии 73-го стрелкового корпуса, в штабе артиллерии корпуса. Начальник штаба - подполковник Браницкий С.К., командующий артиллерией генерал-майор артиллерии Никольский Н.К. в должности помощника начальника штаба.

Катовище (Верхняя Силезия) в январе 1945 года в составе 2-го Украинского фронта 52-я армия 73-й стрелковый корпус. Командир корпуса – генерал-лейтенант Мартиросян.

Братислава (Словакия) – 4 апреля 1945 года в составе 2-го Украинского фронта, (52-я армия, 73-й стрелковый корпус).

К сожалению, и после капитуляции фашистской Германии, еще нельзя было убирать оружие. В Западной Украине давали о себе знать фашистские прихвостни – бендеровцы. Наш 73-й стрелковый корпус весной 1945 года перебросили на Западную Украину в район городов Старый, Дрогобыч.

Я был в звании капитана в должности помощника начальника штаба артиллерии 73-го Силезского стрелкового корпуса.

Много товарищей погибло на моих глазах, многие получили серьезные ранения. Меня оберегала судьба, много раз я был на волосок от гибели, и лишь один раз осколок вражеского снаряда достал меня. Это было осенью 1941 года под Харьковом. Я получил осколочное ранение в спину при артобстреле наблюдательного пункта дивизиона. Лечили меня в госпитале в Хасав-Юрте в Дагестане. Весной 1942 года я был выписан и направлен в распоряжение отдела кадров командира артиллерии 52-й армии. Закончилась война с фашистами, угомонили бендеровцев, но я не расстался с армией.

Летом 1946 года по конкурсу поступил в Академию имени Дзержинского и в 1952 году ее окончил по специальности разведчика. Работал в Министерстве обороны в должности начальника Управления 12-го Главного управления в звании генерал-майора. Уволился в 1985 году.

Награды

Мои военные награды вручал мне начальник штаба 73-го Селезского стрелкового полка:

- орден Отечественной войны 2-ой степени, №267018;
- орден Красной звезды, №1279979;
- орден Красной звезды, №3457664;
- медаль “За победу над Германией”.

После войны был награжден:

- орден Красной Звезды, №267018;
- орден За службу Родине в Вооруженных силах СССР 3-ей степени, №8247;
- орден Трудового Красного Знамени, №1006871.

Получил также юбилейные медали:

- медали 20, 30, 40, 50 лет победы в Великой Отечественной Войне;

- медали 30, 40, 50, 69, 70 лет Вооруженных сил СССР;

- медаль "Ветеран Вооруженных сил", приказ МО №89 от 30 апреля 1984 г.;

- медаль "За безупречную службу в Вооруженных силах СССР", приказ МО №13 от 10 января 1961 г.;

- медаль "За воинскую доблесть в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина";

- медаль "Жукова". Президент РФ, указ от 19 февраля 1996 г.;

- орден Отечественной войны 1-ой степени, указ №506061 от 11 марта 1985 г.

За работы по совершенствованию оружия по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР №822-863 от 6 сентября 1977 г. присвоили звание лауреата Государственной премии СССР.

Вот такая моя биография. Когда меня просят рассказать какой-нибудь запомнившийся эпизод войны, описать чей-нибудь героический поступок, то могу сказать, что каждый день на войне – это отдельный эпизод, в котором есть и радость, что ты остался жив, и чувство горечи от утраты боевых товарищей. Поэтому все, что я написал в воспоминаниях, – это запомнившиеся эпизоды войны, которыми я хочу с вами поделиться. И пусть вас не удивляет, что там нет смешных случаев, ведь это настоящая война, настоящая трагедия. И прошу прощения, если мало, что помню, ведь 60 лет уже минуло, а мне 82-й год пошёл.

В 13 лет я остался без отца, умер он. Жили мы вместе с матерью на ее пенсию. В 1937 году подделал подпись матери (она была против) и подал заявление о поступлении в 1-ю Московскую спецшколу. Три года учился и окончил ее в 1940 году. Именными часами наградили меня при выпуске. Далее был направлен в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Там был трехлетний срок обучения. На первом курсе больше занимались теорией, а практических военных вопросов касались мало. Война застала нас в лагерях в Луге.

27 июня 1941 года в составе 8-й батареи курсантского дивизиона от 3-го Ленинградского артиллерийского училища отправился на фронт, в г. Остров в качестве наводчика 152-мм

гаубицы-пушки МЛ-20. Так начался мой боевой путь. Стреляли с закрытых огневых позиций и... отступали. Последний окоп для орудия вырыли в Гатчинском парке. Там прислали нам на смену необученных солдат. Я за три дня обучил солдата, которому предстояло быть наводчиком. А нас, всех курсантов, привезли в училище. Зачитали приказ о присвоении звания лейтенант, переодели в соответствующую форму и отправили кого куда. Я попал на Северо-Западный фронт командиром взвода разведки дивизиона 107-мм пушек 602-го пушечного артполка резерва ВГК.

Вот здесь-то я не один раз с благодарностью вспоминал свою 1-ю спецартшколу и пожилого полковника Глотова, который учил нас военному делу, дал нам краткие, но совершенно необходимые сведения о стрельбе наземной артиллерии, об устройстве и обращении со стрелковым оружием, которое было к тому времени. Солдаты в моем взводе были в летах, а на меня, девятнадцатилетнего мальчишку, они смотрели, как на Бога, всезнающего и всемогущего, а я сам ждал от них ответа. Но решать-то приходилось мне. Поскольку 602-ой пушечный артиллерийский полк был резервом ВГК, то нас непрерывно перебрасывали с одного участка фронта на другой.

Глубокой осенью 1941 года оказались мы в Валуйках, под Харьковом. Командир дивизиона указал мне наблюдательный пункт на стоге соломы, что был рядом с тригометрической вышкой. И враг не заставил себя долго ждать, так как наша стерео труба отлично просматривалась на фоне неба. Нельзя было занимать такой НП, но приказ есть приказ. Фашисты пристреляли тригометрическую вышку и по всем правилам перенесли огонь на наш стог. Снаряды, попадавшие прямо в стог, не взрывались, но один из них угодил в основание стога. Солидный осколок граммом на 100 весом, запутавшись в соломе, достал меня. Сбросило меня со стога, а из спины моей торчал пук соломы... Спасла мне жизнь соломка-то. Ну, а потом фронтовые госпитали и, наконец, госпиталь в глубоком тылу, в Дагестане, в Хасов-Юрте.

После выписки из госпиталя я попал в 1023-й гаубичный артполк большой мощности 203-мм гаубиц. Один снаряд весит 100 кг. Полк тоже РГК, входил в состав Закавказского фронта. Должность моя - помначштаба полка. Я же всё хотел быть командиром батареи, чтобы стрелять, но никак не получалось.

Дальше полигонных стрельб не шло дело. На базе этого полка была сформирована 126-я гаубичная артбригада БМ РВГК. Я - помощник начштаба бригады.

Так как дальность стрельбы 17 км, то близко к передовой мы не подходили, то есть были вне досягаемости огня стрелкового оружия. Далее - штаб артиллерии 73-го стрелкового корпуса. Я помначштаба артиллерии корпуса. Корпус входил в состав 52-й армии 2-го Украинского фронта.

В августе 1944 года 73-й стрелковый корпус в составе трех дивизий и артбригады участвовал в Яссо-Кишиневской операции, которая началась на границе с Румынией. В то время практиковался такой вид боя, как артиллерийское наступление, и я участвовал в качестве помначштаба артиллерии корпуса. Была создана группировка из трехсот стволов на километр фронта! Много пришлось поработать, чтобы разместить всю эту массу, поставить всем задачу, установить порядок огня.

Рано утром по сигналу залпа "Катюш" наступление началось залпом всей артиллерии. Два часа длилась артподготовка. Хотя погода была ясная, стало темно, как вечером. Облако дыма и пыли закрыло солнце! Пехота в атаку пошла без выстрела, потому что всё было вспахано.

Фашисты бежали даже с дальних подступов, румынские солдаты сотнями сдавались в плен. Бухарест был взят. Крупная группировка фашистов полностью уничтожена. Румын мы в плен не брали, отправляли их по домам, а пленных немцев было несколько тысяч. Румынский царь Михай объявил войну Гитлеру.

Далее наш корпус был переброшен в Польшу северо-западнее Львова на сандомирский плацдарм, откуда началась Висло-Одерская операция. В ней я тоже принимал участие. В январе 1945 года также было организовано и осуществлено артиллерийское наступление. Реку Висла форсировали под дымовой завесой. Наши потери были незначительные, в основном от авиации. Заняли Верхнюю Силезию, за что 73-й корпус получил название Силезский. Потом безуспешно пытались овладеть городом Бреслау. Это большой, весь кирпичный город. Подвал каждого дома был превращен в дот. Мы понесли большие потери, штурм не удался. И тут пришла опять на помощь артиллерия. Прислали 280-мм мортиры БР-5. Один

снаряд весил 200 кг. Это был март 1945 года. Наш корпус ушёл далее на запад, а окруженный Бреслау поручили другим войскам, и он остался глубоко в тылу. Вошли в Чехословакию. Если бы вы знали, с каким восторгом народ встречал нашу армию! Ни один городок нельзя было без остановки проехать. Забрасывали цветами сирени. "Наздар, наздар", - кричали нам. Помню, мне, грязному, пыльному и небритому на руки передали маленькую девочку в белом платьице, и она доверчиво своими ручонками обняла мою шею. Какие же мы оккупанты? Больно слышать сегодня такое.

52-й армии была поставлена задача прикрывать южный фланг берлинской группировки наших войск. Фашисты с юга пытались нанести удар, чтобы не допустить наши войска к Берлину. Наш корпус занял оборону в районе Котбуса. Атаки следовали одна за другой, но успеха не имели. Берлин был взят, а мы снова отошли в Чехословакию. Войну закончили 11 мая. Небольшая группировка фашистов не подчинилась приказу Кейтеля прекратить войну, и нашими солдатами из разных частей, без всяких планов и приказов, была уничтожена. Так закончил я свой боевой путь. Судьба была благосклонна ко мне. Полы моей шинели в восьми местах имели пулевые пробоины, но ни одна пуля не задела меня. На спине шинель была пробита осколком. Во время обстрела с самолёта пулей мне сбило шапку с головы. Как вы думаете, кто меня охранял?

Во время лечения в госпитале после осколочного ранения, я познакомился с местной девушкой, и мы полюбили друг друга… Эта чудесная девушка обещала ждать меня. Я тоже обещал ей, что как только мы разобьем фашистского гада, то обязательно к ней вернусь. Забегая вперед, могу сказать, что сразу же после войны я с одним чемоданчиком поехал за своей любимой, забрал ее с собой в Москву, и мы поженились. Правда, позже судьба нас развела. У меня была другая семья, но моя любимая ждала меня, она даже не забрала документы о разводе и не меняла фамилию. Спустя много лет, когда я уже похоронил свою вторую супругу, мы снова встретились, поняв, что та любовь, проверенная войной и временем, - самая крепкая. Теперь мы снова вместе, и я надеюсь, что уже навсегда.

После войны служил в армии до 1985 года. Окончил службу в Министерстве обороны в должности начальника

Управления 12-го Главного управления в звании генерал-майора. Лауреат Государственной премии СССР.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Зверева Надежда Андреевна**, студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Остапенко Михаил Кириллович

Первое боевое крещение

Я родился в 1926 году в Кулундинской степи, Алтайского края. Начальную школу окончил в своем селе Апаевка, Ключевского района. А затем три года учился в селе Курск. В 1941 году окончил семь классов, и началась война. Но мне, как и двум моим младшим братьям, и до того горя хлебнуть пришлось немало, так как 1934 году умерла наша мама. А мачеха у нас была похлеще, чем в сказке «Золушка».

Отец наш погиб под Москвой в феврале 1942 года, а мачеха, бросив нас на произвол судьбы, ушла в дом своей матери. Около года мы жили одни, а потом нас приютила родная сестра мамы - тетя Маня, хотя у нее было четверо своих ребят, а её муж тоже погиб на фронте.

30 октября 1943 года нас, шестерых 17-летних пацанов из одной деревни, призвали в армию. Увезли в г. Ачинск, Красноярского края, в 128-й запасный стрелковый полк, во 2-й пулеметный батальон. Шесть месяцев учили нас военному делу, готовили наводчиков станкового пулемета «Максим». Готовили по-настоящему, жестко...

В апреле 1944 года с маршевой ротой мы отправились на фронт. До Смоленска ехали в теплушках, а затем пешим маршем прибыли в район Красного Бора (Красное). Здесь нас тро-

их - Петра Шишкина, Роберта Спирова (эвакуированного к нам из Ленинграда) и меня - определили во 2-ю пулеметную роту 620-го стрелкового полка 164-й стрелковой дивизии. Несколько дней нас откармливали, так как мы все были очень худые (я, например, весил 42 кг), обучали непосредственно в боевой обстановке. Учили ведению боя в крупном населённом пункте, преодолению водных преград и болот ввиду предстоящих боев за освобождение города Витебска.

23 июня 1944 года началось наступление нашего 3-го Белорусского фронта (операция «Багратион») под командованием самого молодого командующего фронтом генерала армии Черняховского Ивана Даниловича, дважды Героя Советского Союза, впоследствии погибшего на фронте в феврале 1945 г. Одновременно с нами началось наступление 2-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

Сам Витебск был очёнь укреплён и подготовлен к круговой обороне, особенно по р. Лучеса. Непосредственно на Витебск наступали: 39-я армия генерала Людникова И.И., куда входила и наша 164-я стрелковая дивизия, - с юга, а с севера наступала 43-я армия генерала Белобородова А.П. (1-й Прибалтийский фронт). Незадолго до наступления мы узнали, что союзники, наконец-то, открыли второй фронт в Европе, высадившись на севере Франции, в Нормандии.

Наступательный порыв наших войск был очень велик... Наш 620-й стрелковый полк наступал во втором эшелоне дивизии. Во второй половине дня нас встретил на марше командир дивизии полковник Синицин Г.И. Он ехал на открытом американском «виллисе». Командир полка подполковник Сонис Я.Я., ехавший впереди полка верхом, соскочив с лошади и сбросив с плеч кавалерийскую бурку, стал докладывать комдиву. Тот прервал его, не выходя из машины, встал во весь рост и произнес перед нами небольшую речь. Ознакомил нас сначала с положением на передовой, сказал, что наступление развивается успешно, а потом скомандовал нашему полку: «Смирно! Направо! Вперед на запад шагом… марш!!!».

Наша дивизия продолжала наступление юго-западнее Витебска, навстречу 43-й армии. И в ночь на 25 июня мы вышли к р. Западная Двина, где встретились с частями 43-й армии. Окружив витебскую группировку немцев, расчленили ее на две группы, затем еще на три. Озверевшие фашисты жестоко

злобствовали, жгли все, что могло гореть. В Витебске не осталось ни одного целого дома! Немцы часто контратаковали нас. Мы как раз оказались на направлении их главного удара. Несмотря на большие потери, они лезли на юго-запад, на соединение со своими войсками. У них были и танки, и штурмовые орудия. Основная тяжесть по отражению контратак немцев выпала на долю нашего 620-го стрелкового полка и 17-й гвардейской дивизии 43-й армии. За день 25-го и ночь на 26 июня было отражено 18 контратак фашистов. Нашему полку был придан батальон 2-го гвардейского мотоциклетного полка. Но и наши потери были тоже очень большие.

На какие только варварские методы не шли фашисты! Например, в ночь на 25 июня 1944 года стало известно, что днем в районе обороны 742-го стрелкового полка нашей 164-й стрелковой дивизии немцы готовят провокацию. Согнав местных жителей, в основном стариков, женщин и детей, они попытаются под их прикрытием прорваться на запад. Командование полка совместно с одним мотоциклетным батальоном в течение ночи незаметно для фашистов вырыли и хорошо замаскировали окопы и траншеи, разместив в них полковую роту автоматчиков и роту мотоциклистов. А местных жителей сумели предупредить, что, как только дадут красную ракету, все должны сразу залечь. Так все и было сделано. Когда жители приблизились к окопам, была пущена ракета, и все они одновременно упали на землю. По фашистам был открыт ураганный автоматно-пулеметный огонь. Большая часть их была уничтожена, остальные сдались в плен.

Освободив село Юдовка, мы узнали еще об одном зверстве фашистов: под предлогом борьбы с сочувствующими партизанам немцы убили 72-летнюю старуху - Клементьеву Евдокию Петровну, а 30 мирных жителей деревни закопали в землю живыми. В одном из сел фашисты забросали целый колодец живыми детьми и всех их уничтожили.

В шесть часов утра 26 июня 1944 года, после кровопролитного ночного боя, город Витебск был освобожден. Были захвачены большие трофеи: оружие, боеприпасы и продовольствие - 52 склада. Фронт ушёл дальше на запад. Но нашу 164-ю дивизию в числе нескольких других оставили для уничтожения окруженных немецких группировок, так как на предложение капитулировать фашисты ответили отказом.

Поздно вечером 26 июня прошёл слух, что немецкая группировка ликвидирована. Все как-то расслабились. Привезли ужин, все стали есть, уже не прячась в окопы. Я со своим «Максимом» находился на охране командного пункта командира батальона. Впереди были две траншеи стрелков и три наших пулемета «Максим». Было уже за полночь, когда с запада на небольшой высоте появился немецкий самолёт-разведчик «Рама», как мы его называли. Летел он низко и что-то громко передавал на немецком языке. Как мы узнали позднее, это было обращение к окруженным немцам с указанием координат их наступления. Защелкали стоящие в стороне зенитки. Кто-то стрелял по самолёту из автоматов и винтовок. Самолёт пролетел, и все стихло.

Прошло еще некоторое время. Многие, поужинав, уже успели прикорнуть после положенной чарки водки. И вдруг началась бешеная, ураганная автоматная стрельба. Раздались крики: «Гансы! Фрицы! Огонь!». Все бросились к своему оружию и открыли ответный огонь. Фашисты шли в психическую атаку, во весь рост, стреляя на ходу, все они были пьяны. Их сопровождали восемь танков и шесть штурмовых орудий. Недалеко от нас стоял сарай с сеном. Мой земляк, ординарец командира нашего взвода М.М.Коломийцева, Петр Шишкин, поджег сарай из ракетницы. Стало светло, как днем. Стоявшие впереди нас «Максимы» строчили непрерывно. Один из них немцы уничтожили быстро, хотя пулеметчики, как мы увидели утром, уложили их немало. А второй, где наводчиком был Роберт Спиров, стрелял непрерывно во фланг фашистов, уничтожив их несколько десятков. Пулемет замолчал только тогда, когда закончились патроны.

Так как фашистов было не менее тысячи, им удалось ценой больших потерь преодолеть две стрелковые траншеи. Они двинулись прямо на КП батальона, где мы находились. Командир батальона капитан Засухин, имеющий несколько боевых наград, выскочил наружу из блиндажа и сразу же погиб, скошенный автоматной очередью. Командир нашей пулеметной роты старший лейтенант Чернышев лег за мой пулемет наводчиком, а я лег за второго номера, подавая ленту с патронами. Мы стали непрерывно вести огонь. Рядом с нами отстреливались солдаты взвода разведчиков, взвод автоматчиков полковой роты (среди них был рядовой Исаак Аронович Альт-

вергер, ныне председатель Совета ветеранов нашей 164-й стрелковой дивизии), все вооруженные автоматами ППШ, сапёры, связисты и т. д. Но фашисты лезли как ошалелые...

Две наши самоходные артиллерийские установки, находившиеся левее нас, стали отходить задним ходом, стреляя на ходу. Недалеко от нас рвались немецкие мины. Мы все дружно стреляли. И слышали стрельбу двух наших «Максимов» на правом и левом флангах. Прямой наводкой била помогавшая нам батарея 494-го артполка, под командованием капитана В.А.Галкина.

Старший лейтенант Чернышев получил пулевое ранение в левое плечо, и его рука повисла, как плеть. Он приказал мне лечь за пулемет. Я вел огонь, пока не израсходовал все патроны. Затем я схватил валявшуюся рядом немецкую винтовку с трассирующими пулями, из которой уложил еще нескольких фрицев. Фельдшер стал перевязывать рану командиру роты. Меня удивило, что он ни разу не застонал, хотя пуля сидела очень глубоко. Мне было жаль расставаться с ротным командиром, я привязался к нему. Он был в два раза старше меня и называл меня сынком. Я был маленький, худенький, да еще круглый сирота...

Тем временем бой продолжался. В командование батальоном вступил начальник штаба лейтенант Моисеев. Мы уже стали отбиваться гранатами - и нашими, и немецкими на длинной деревянной ручке. Лейтенант Моисеев приказал нам ползком, по очереди, отходить. Я снял замок у «Максима», положил его в свой вещмешок. А пулемет опустил на дно окопа и засыпал его сеном. Мы отошли метров на четыреста, к шоссе Витебск - Орша. Залегли в кювете. Отстреливались последними патронами, но немцев не пропустили. Только небольшая группа фашистов прорвалась на стыке полков и ушла в лес. Днем их добили.

Это было моим первым по-настоящему боевым крещением! Иногда спрашивают: «А было ли страшно на войне?» Конечно, было! Кому же жить не хочется? Когда в ночь на 27 июня мы вели жестокий и неравный бой, я как-то и не думал о страхе. Стремился все сделать так, как нас учили в учебном центре в Ачинске, где нас хорошо подготовили. И я делал все как надо. Рядом были опытные командиры и друзья. А когда кончился бой, стало очень тихо. Только тогда я почувствовал,

как дрожат руки и ноги. Стало страшно, когда представил, что могли ведь убить... Но, слава Богу, выжил. И в этом первом бою, и во многих еще более тяжких сражениях. Я перенес два тяжелых ранения. Закрыл собой в бою командира роты и 52 года носил в себе вражескую пулю, которую извлекли только в 1996 году.

А по поводу страха на войне очень хорошо написала известная фронтовая поэтесса Юлия Друнина:

Я только раз видала рукопашный:
Раз наяву - и тысячу во сне,
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне!

В это же самое время, то есть в 1 час ночи 27 июня 1944 года, около 3000 немцев перешли в контратаку в направлении совхоза Ходцы, где держали оборону наш 620-й стрелковый полк и батальон мотоциклистов. Немцы потеснили 1-й батальон и вышли к командному пункту полка. Весь КП полка вступил в схватку. Оружием, гранатами, ножами и кулаками сражались: командир полка подполковник Я.Я.Сонис, начштаба майор Я.В.Гичев, замполит полка майор Г.С.Лядов, командир 494-го артполка майор Гаврилов, его заместитель майор Миролюбов, все офицеры, сержанты и солдаты штаба полка. Утром возле командного пункта насчитали 86 трупов немцев, 120 фашистов сдались в плен.

В эту ночь храбро сражался весь личный состав полка, 6-я рота 2-го батальона 620-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Мусаткина захватила в развалинах деревни Черепки около 500 пленных. Особо отличились разведчики 244-й отдельной разведроты, приданной нашей дивизии, под командованием старшего лейтенанта Князева Игоря Федоровича. «Человек из легенды» - так называли его. Отлично зная немецкий язык, он пробирался в окопы немцев, захватывал языка, а в блиндаже мелом оставлял надпись: «Взял пленного. Разведчик Игорь». К сожалению, в эту ночь он погиб, прикрывая отход своих подчиненных.

27 июня наш командарм предъявил ультиматум окруженным немцам, и с 12 часов 27 июня они стали сдаваться в плен. На участке нашего 620-го стрелкового полка в плен сдались

командир 53-го армейского корпуса генерал Гольвицер, его начштаба - полковник Шмидт, другие генералы и офицеры, Генерал Гольвицер был любимцем Гитлера. 6 ноября 1943 года Гитлер, посетив Витебск вместе с командующим группой «Центр», назначил Гольвицера комендантом Витебска, обещая ему всяческую помощь и поддержку в надежде, что он удержит город очень долго. А они продержались всего четверо суток. За это время только наша 39-я армия взяла в плен 8149 человек. Всего через армейский пункт военнопленных прошло более 19 000 немцев.

Правительственными наградами были отмечены в нашем 620-м полку около 120 человек. Я и мой земляк, Петр Шишкин, получили медали «За отвагу», а лейтенант Коломийцев — орден Красной Звезды.

26 июня 1944 года Москва салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов 20 залпами из 224 орудий. Наша 164-я дивизия получила наименование Витебской, а за участие в освобождении города Каунаса была награждена орденом Красного Знамени и стала называться 164-й стрелковой Витебской краснознаменной дивизией. Она трижды получала благодарность от Верховного Главнокомандующего, а каждый воин ее получил специальное печатное благодарственное письмо за подписью Верховного.

В нашей дивизии служили и дружно воевали воины 38 национальностей. По Белоруссии и Литве мы прошли 550 километров, почти половину - с боями. Нас называли дивизией прорыва: бросали на самые тяжелые участки, где надо было прорвать оборону врага. Поэтому нас перебрасывали из одной армии в другую, всего мы воевали в составе тринадцати армий.

Известна наша дивизия еще и тем, что именно в ее составе начала свой боевой путь 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша. Это произошло 12 октября 1943 года в районе белорусской деревни Ленино.

Хотя я воевал в составе дивизии чуть меньше года, за это время она стала Витебская и краснознаменная. Так что на ее знамени есть и мои капли крови. Воюя в ее составе, я получил две боевые награды: медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Здесь я подрос, возмужал и стал настоящим солдатом. Получил воинское звание сержант, приобщился к комсомоль-

ской работе. Все это впоследствии мне очень пригодилось.

Но первое боевое крещение мне снится до сих пор! Тем более, что мне часто приходится выступать перед молодежью: учащимися, солдатами воинской части 6549, откуда я ушёл в отставку и где состою на учете как ветеран. Последний четверг каждого месяца мы собираемся в городке Подбельского, в клубе Центрального округа ВВ МВД. А недалеко от метро «Преображенская площадь», на 2-й Пугачевской улице, в школе № 372 находится музей нашей 164-й Витебской краснознаменной стрелковой дивизии. В этой школе мы встречаемся довольно часто, выступаем перед школьниками. По праздникам ходим на Преображенское кладбище возлагать венки на могилы похороненных там воинов, выступаем на митингах. Со школой у нас очень хорошие, дружественные отношения,

Помнят о нашей 164-й дивизии и в Белоруссии. В июне 1994 года нас, ветеранов, приглашали в город Витебск на празднование 50-летия освобождения Белоруссии. Четверо суток, с 24 по 27 июня 1994 года, мы провели как в чудесной сказке. Нас встречали как самых дорогих гостей! Бесплатно кормили, поили, развлекали. Мы шли впереди войск на юбилейном параде. Многие люди подходили к нам, обнимали, целовали и дарили цветы. Особенно тепло нас встречали в школе № 22. Показали нам чудесный концерт, угостили прекрасным обедом, преподнесли многочисленные подарки. На витебском телезаводе «Витязь» есть музей нашей дивизии. Он тоже хорошо шефствует над нами. Большое всем спасибо!

Жизнь продолжается!

Награды

Медаль «За отвагу» (№ 1281934), орденом Красной Звезды (№ 2004761), орденом «За боевые заслуги».

Указом президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Указом президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года награжден медалью «За взятие Кёнигсберга» (А № 027426).

Указом президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 года награжден юбилейной медалью «XXX лет Советской армии и флота».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 года награжден юбилейной медалью «40 лет Вооруженных сил СССР».

Награжден медалью «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел СССР» приказом министра Внутренних дел СССР №217 от 8 апреля 1959 года.

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года награжден юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 года награжден юбилейной медалью «50 лет Вооруженных сил СССР».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года награжден юбилейной медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

От имени Совета ветеранов 16 гвардейской армии награжден почетным знаком «Ветеран 16 гвардейской армии», «За мужество и героизм, проявленные в боях за Родину в Великой Отечественной войне» (9 мая 1977 г.)

В соответствии с Указом президиума Верховного совета СССР от 28 января 1978 года награжден юбилейной медалью «60 лет Вооруженных сил СССР».

В 1980 году вручен нагрудный знак «Ветерану ударной армии 1941-1945гг.».

В 1984 году награжден Знаком ветерана 164 КВСД.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (А № 458877).

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 года награжден юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В соответствии с Указом президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 года награжден юбилейной медалью «70 лет Вооруженных сил СССР».

Награжден юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Награжден юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (указ от 23 марта 1995 года) (П № 12483076).

Награжден медалью «ЖУКОВА» (указ от 19 февраля 1996 года)(Г № 0893430).

Так же был награжден медалями «200 лет Министерства Внутренних дел России» и «80 лет Вооруженных сил СССР».

От пули соседа прикрыть

Только раз выпадает нам жить,
И второй мы взаймы не одолжим.
Но от пули соседа прикрыть
Кто-то должен, в бою, кто-то должен.

В конце 1944 года наши войска в Курляндии (Прибалтика) прижата к Балтийскому морю, а затем отрезали от основных сил большую группировку немцев (от Тукумса до Либавы), более 33 дивизий.

21 декабря 1944 года мы перешли в наступление. Наша 164-я стрелковая Витебская краснознаменная дивизия («дивизия прорыва» как нас называли) была в первых рядах наступавших. Мы освободили несколько деревень и хуторов. Взяли большие трофеи.

Наша 4-я стрелковая рота 620-го стрелкового ордена Александра Невского полка, к вечеру 23 декабря продвинулась далеко вперед. Заночевали где-то в лесу. А рано утром, когда еще было совсем темно, фашисты нас опередили, перейдя в контрнаступление. Наша рота оказалась в окружении, так как соседи отошли. Командир роты старший лейтенант М.М.Коломийцев принимает решение: прорываться к своим. Я все время был при старшем лейтенанте. Мы привязались друг к другу. Тем более, что из пополнения, прибывшего в полк весной 1944 года в районе Красное (Смоленской области), в

строю осталось всего несколько человек, в том числе комроты и я. Оба мы были ранены. И оба вернулись в свою часть.

Был морозный день. Снега было мало, так кое-где запорошило. Но лужи и земля были замёрзшие.

И вот по команде мы вскакиваем и, стреляя, бежим вперёд. Я бежал чуть левее и чуть впереди старшего лейтенанта… Кругом лес. И, вдруг! Откуда-то перед нами возникла группа фрицев и открыла по нам огонь. Пули задевали за ветки деревьев, трещали разрывные пули. У немцев их было много. Старший лейтенант командует: «Вперед! Вперед!»

И вот я заметил, что один офицер, из-за дерева стреляет в старшего лейтенанта из пистолета. Я бросился чуть вперед и заслонил старшего лейтенанта собой, стараясь отрезать фашиста очередью из автомата. Но фашист меня опередил. Меня ударило в грудь. Я почувствовал острую боль в желудке, задохнулся и потерял сознание. В мозгу только промелькнуло: «Вот и моя очередь наступила!»

Очнулся я быстро. Наши все лежат, отстреливаются. Рядом со мной лежит Иван Козаков, сержант. Он меня спрашивает: «Куда тебя задело?»

Я отвечаю: «Вроде, в живот».

- «Бежать сможешь?» - «Наверное, смогу». – «Будем прорываться», - говорит.

- «А того фрица, который в меня стрелял, прикончили?» - спрашиваю я.

- «Да, - говорит, - я его срезал. Унтер или фельдфебель был. Из парабеллума палил».

Я хотел поправить автомат, он мне мешал своим круглым диском. Поднял левую руку, а из рукава телогрейки кровь хлещет. Пошевелил кистью левой руки, только большой палец чуть-чуть шевелится, а остальные – нет.

Я Ивану говорю: «И в левую руку еще долбанули».

- «Ничего, терпи, - отвечает, - скоро дома будем!»

Бежал я со всеми вместе, стреляя одной правой рукой. Левая висела как плеть. Из нее струилась кровь. Падал и вновь поднимался и снова бежал. Помню все смутно. Мне все время сильно хотелось пить. Я падал в кювет, грыз зубами лед и опять поднимался и бежал.

Приближаясь к своей передовой, мы выскочили на поляну, но тут попали под свой пулеметный огонь.

Кто-то свалился, был ранен или убит. Все, как по команде, заругались матом! Стрельба прекратилась. И когда вскочил в свои окопы, я выдохся и вновь потерял сознание…

Очнулся от резкого запаха. Надо мной стоял старший сержант с толстой санитарной сумкой через плечо. Санинструктор давал мне нюхать нашатырный спирт. Потом он наложил жгут на левую руку выше локтя, сказав, что я потерял много крови, уложил меня на носилки, и два солдата понесли меня в санитарную роту. Там мне сделали глубокий укол в рану, в живот. Сняли жгут с левой руки и наложили шину и гипс, от кисти до плеча, буквой «Г». Рука была вся в грязи, прямо на грязь и наложили. А через правое плечо к левой руке сделали повязку.

Затем на полуторке, в кузове, вместе с другими ранеными, отправили в медицинский санитарный батальон – медсанбат.

Машина шла по очень разбитой фронтовой дороге, и все раненые очень стонали, вслух ругая шофера отборной бранью.

В медсанбате меня положили в большую, как зал палату, прямо на землю, правда, на матрац, под которым была солома. Меня мучили жар и жажда, я просил пить, но воды мне не давали, смачивали только губы влажным тампоном из марли. Я продолжал стонать. Тогда санитар пригласил ко мне врача, молодую симпатичную женщину. Она осмотрела мои раны и ушла. А через некоторое время пришли санитары с носилками и унесли меня в операционную.

В операционной солдатскими обмотками привязали мои руки и ноги к столу. Пришли несколько хирургов и медсестер. Среди всех выделялся один врач. Был он высокого роста, широкоплечий, говорил приглушенно, но твердо. Он несколько минут обстукивал мою рану, нажимал со всех сторон. Давал делать то же другим врачам, и операцию отложили. Потом приходило еще несколько человек во главе, как мне сказали, с главным хирургом – высоким мужчиной в очках. Он долго меня ощупывал, стучал пальцами и тоже сказал: «Давайте пока понаблюдаем». И меня опять отправили на свое место, а затем перевели на деревянные нары, на второй этаж.

Три дня мне не давали есть, а только пить, и то чуть-чуть. Часто делали какие-то уколы. Потом мне стали давать есть – бульон и манную кашу. Приносили по 100 граммов водки,

обычно в обед. Но я ее еще не пил, и, пожилой сосед, раненный в ногу, пил за меня и пытался меня учить пить.

Я был лежачий больной, и вставать с нар мне не разрешали, благо в туалет по тяжелому я не хотел, а по легкому приспособился ходить в немецкий плоский котелок.

В медсанбате я провел дней 5-6. Там же я получил и первую радостную весточку – меня нашёл и навестил старший лейтенант М.М.Колошинцев. Он рассказал мне о делах в роте и батальоне, передал привет от ребят-однополчан. Сказал, что на меня он подал представление на присвоение мне звания Героя Советского Союза. Но никакой награды я не получил. Недавно я узнал, что командир дивизии полковник Синицин не пропускал никого на Героя, так как сам он не был Героем. Начальник политотдела дивизии полковник Сидоров был Героем Советского Союза, но он получил это высокое звание в другой части и к нам прибыл уже Героем. Так в нашей дивизии нет ни одного Героя. Наверное, оно единственное в Вооруженных силах, которое не вырастило ни одного Героя. Я после войны писал в Министерство обороны и к 50-летию победы – Б.Н. Ельцину. Оттуда письмо обычно направляют в Главное управление кадров Министерства обороны. Заместитель начальника управления В. Подустов в последнем ответе от 17 октября 1995 года №173-3/65822 бюрократически мне ответил: «Ничего нового мы Вам сообщить не можем».

А я сколько боли перенес, сколько крови потерял от операций по извлечению пули. Пытались ее извлечь в 1945 г. в больнице им. Ботника, в 1986 году в Центральном госпитале МВД СССР. Под наркозом были тяжелые операции, но так и не извлекли. В 1994 году в госпитале ветеранов войны № 3 отказались извлекать пулю. А в 2003 году 50 дней (с 5 июля по 25 августа) пролежал в институте им. Склифосовского. Мною занимались лично директор института – профессор Ермолов А.С. и его заместитель по лечебной части профессор Абакумов М.М. И решили, что пулу трогать не стоит. Рентгеновские снимки моей пули взяли и в Музей медицины, и студентам демонстрировали, и слайды делали. В общем, я являюсь уникальным экземпляром «эха войны». Однако никакого вознаграждения я за свой поступок не получил.

Но вернемся к нашей встрече в медсанбате со старшим лейтенантом Коломийцевым. Он угощал меня ромом (впервые

в жизни попробовал) из своей фляжки, трофейным шоколадом, галетами и еще чем-то. Я отказывался пить и есть, ссылаясь на то, что мне нельзя еще есть, а он только приговаривал: «Ешь все подряд, что есть и быстрее поправишься».

И действительно, с того часа я стал есть все подряд. И даже у санитара просил добавки, так как меня держали на строгой диете и кормили впроголодь.

Расставались мы со старшим лейтенантом Коломийцевым очень тепло. Это было второе расставание. Первое летом, когда его ранило в ногу, и я его на лошадях отвозил в медсанбат. А теперь мы поменялись ролями: я уезжал в госпиталь, а он возвращался на передовую, в окопы. И когда уже обменялись адресами, обнялись, расцеловались по-русски троекратно, он вдруг говорит: «Подарю тебе на память самую дорогую для меня вещь». И вытаскивает из заднего кармана брюк завернутый в белый носовой платок маленький пистолет – браунинг. Я отказывался от такого дорогого подарка. А он говорит: «Я себе еще в бою добуду, а тебе на гражданке в борьбе со всякой нечестью пригодится». Он мне говорил, что меня после такого тяжелого ранения или комиссуют совсем, или отпустят домой не менее чем на полгода. А за это время война кончится. Ну, а если после лечения будут отправлять на фронт, требуй направления в свой полк. До начальника госпиталя дойди, а добейся направления к нам. Мне заранее напиши, я затребую тебя в свою роту. А лучше требуй, чтобы тебя обязательно отпустили домой к двум младшим несовершеннолетним братьям, круглым сиротам. Обязательно съезди домой, помоги братишкам. Круглым сиротам очень тяжело!

Когда он уходил, другие раненые мне завидовали: «Какой хороший, душевный у тебя командир, это настоящий отец солдата!»

Но предсказания моего командира не сбылись. И домой меня не отпустили, и в свою часть не направили. И повоевать мне еще изрядно пришлось. И братья-сироты натерпелись, наплакались и хлебнули не один фунт лиха… А подарок любимого командира я хранил как зеницу ока. И хотя в магазине браунинга было всего три патрона, когда он мне подарил, но к нему подходили патроны от нашей винтовки.

После войны, где-то осенью 1945 года, я служил командиром отделения 5-й стрелковой роты 167-го гвардейского пол-

ка, 1-й гвардейской пролетарской, Московско-Минской, ордена Ленина, дважды краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова мотострелковой дивизии (сюда меня направили после госпиталя, в марте 1945 года), участвовал в штурме Кёнигсберга и Пиллау и после войны еще служил в ней (в Калининграде, где она стоит и сейчас) вплоть до декабря 1948 года. О моем пистолете узнал контрразведчик 2-го батальона – старший лейтенант. Он вызвал меня к себе, сначала угрожал отдать меня под суд, так как был приказ сдать все огнестрельное и холодное оружие. Я ему объяснил, как ко мне попал этот пистолет, что это подарок командира, которого я спас, заслонив собой в бою. Он мне не поверил и предложил взамен свои серебряные наручные часы. В первый раз я не отдал ему пистолет, хотя он лежал у меня в грудном кармане гимнастерки, но когда он вызвал меня вторично, стал шантажировать, угрожать, я отдал ему пистолет и от его часов отказался. А выйдя от него, очень плакал…

После войны я писал на родину старшего лейтенанта Коломийцева, в Воронежскую область, ст. Митрофановка, п/о Степная Михайловка. Но оттуда мне ответили, что вскоре после окончания войны он приезжал, забрал свою мать, адрес его неизвестен. Пытался найти его через райвоенкомат, но я не знаю его полного имени и отчества, и райвоенкомат отказался направить розыск.

На следующий день после посещения командира роты меня вместе с другими ранеными погрузили в санитарный поезд и отправили в тыл. Двое суток нас везли, и ночью мы прибыли в город Шяуляй. Мне так и не разрешили подниматься, и на носилках перенесли в санитарную машину (в это время репродуктор передал бой Кремлевских курантов. Наступил 1945 год – год нашей Великой Победы) и увезли в госпиталь (в/ч21623) г. Радвилишкис. Это в километрах 20 от Шяуляя. Там я лечился до 5 марта 1945 года. В госпитале мне сделали рентген, нашли пулю в животе, но сказали, что операцию делать не будут. На мою просьбу извлечь пулю врач ответила: «Дороже будешь, мальчик, с металлом».

Из госпитальной жизни мне запомнился очень молодой маленький солдатик, мой одногодок, рядом со мной лежал. У него было тяжелое ранение в позвоночник, и он самостоятельно не мог даже шевелиться. У него были пролежни. От него

исходил неприятный запах. Я ему помогал, чем мог. Кормил его с ложки, хотя ел он плохо, давал ему пить, если он просил, выносил «утку» и т. д. В госпитале вообще была большая взаимопомощь. Если посылку кто получал, делились со всеми. Письма читали вслух.

Нашу палату обслуживали две медицинские сестры – Нина и Валя. Работали они через день. К раненым относились очень хорошо. И вот, видя мучения моего соседа, они сопереживали вместе с ним. Ежедневно его обрабатывали. Нина часто украдкой плакала из-за его страданий, чем вызывала симпатию раненых, в том числе и мою. Я даже был тайно в нее влюблен. С тех пор любой Нине я симпатизирую.

После рентгена живота, где-то на третий день после прибытия в госпиталь, мне разрешили ходить, и я прогуливался по коридору. Останавливался возле репродуктора. Он был один на весь этаж. К репродуктору у раненых было особое отношение. Диктор Всесоюзного радио Ю. Левитан всегда заранее объявлял в урочный час: «Слушайте новое важное сообщение». И к назначенному времени возле репродуктора собиралась большая толпа. И раненые, кто на костылях, кто без ног (были и такие), и свободный персонал. Открывали все палаты, чтобы и тяжелораненые слышали.

Как только Левитан начинал: «От Советского информбюро…», устанавливалась гробовая тишина… Как будто все и дышать переставали. Слушали, стараясь не пропустить ни слова. Особенно воодушевлялись те, имена чьих командиров назывались в приказах Верховного Главнокомандующего. И, наоборот, в печаль впадали те, кто узнавал об отступлении их армии или фронта. И такие случаи бывали, правда, редко. Я, например, очень переживал гибель в 3-м Белорусском фронте генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, под чьим командованием и я воевал. Он был самый молодой командующий фронтом и уже дважды Герой Советского Союза. Если бы не погиб, то к концу войны был бы и трижды Героем, как Г.К. Жуков. Талантливый и горячий был генерал. Всегда лез в самое пекло. И погиб в феврале 1945 года, пытаясь проскочить обстреливаемый участок. Я видел его всего один раз, осенью 1944 года. Мы совершали пеший переход, а он обгонял нас, сидел возле водителя в кавалерийской бурке, ехал на аме-

риканском «виллисе». Проехал от меня в двух метрах. Я впервые видел тогда генерала армии – волевое, спокойное лицо.

Я хорошо запоминал передачи. Память у меня была хорошая все время. Потом приходил в палату и рассказывал тем, кто не слышал.

Более полутора месяцев левая рука была у меня в гипсе, с бинтом через плечо. Когда сняли гипс, то фронтовая грязь на руке засохла так, что медсестра Нина с трудом соскоблила и долго отмывала. А я не смог разогнуть руку в локте, хотя локоть не был поврежден. От длительного нахождения в гипсе рука атрофировалась. Ходил разрабатывать локоть в кабинет физкультуры и на электропроцедуры. А в целом левая рука после прострела так и осталась значительно слабее правой. К 27-й годовщине Красной Армии и флота, 23 февраля 1945 года, силами раненых, выздоравливающих и сотрудников госпиталя был подготовлен концерт, в котором я читал фронтовую поэму К. Симонова «Сын артиллериста» и стих «Как немецкий летчик Гес заработал крест». А еще пел две песни: «В далекий край товарищ улетает» - Никиты Богословского из кинофильма «Истребители», и дуэтом с одним сержантом «Тонкая рябина». Стихи эти я выучил еще в Ачинске.

А один капитан 3-го ранга (морской майор) замечательно пел английскую песенку «Мэри» на мотив «Вечера нам приносят прохладу». Вот она:

Мэри,

Дорогая, любимая Мэри,
Скоро в дом наш откроешь мне двери…
И обнимешь меня у порога,
После всех пережитых тревог.

Поцелуй мне подаришь свой жгучий,
Голосок твой услышу певучий
Это будет уж к дому дорога,
Всех счастливее в мире дорог.

Помню грустный день нашей разлуки,
Твои слезы и нежные руки,
Что обняли меня, провожая,

В тот далекий, безрадостный путь.

Образ Мэри всегда был со мною
Путеводною яркой звездою,
Сквозь опасность ведя, провожая,
И шептал он, моим только будь!

Пока выступали, а мы давали концерт во всех отделениях госпиталя, я запомнил эту песенку. Однажды, когда капитан 3-го ранга, не помню, по какой причине, не смог выступить, я его подменил. И хотя пел я хуже капитана, встречали тоже неплохо.

5 марта 1945 года мне вручили справку о ранении, в которой говорилось: «В бою за Советскую Родину сержант 620 стр. полка Остапенко М.К. 24 декабря 1941 г. был тяжело ранен.

Д-з: сквозное пулевое ранение левого предплечья с повр. локтевой кости и слепое пул. ранение в области эпигастрия.

Командир части 21623

Под-к м/с - Четверухин».

Это было мое второе ранение. И еще была легкая контузия с потерей сознания.

Вручили продовольственный аттестат: командировочное предписание нам выдали общее, на всю группу (нас было человек 10). Обмундировали нас во все старое. Правда, полушубок мне выдали белый, полуновый. Нам приказали явиться в штаб 3-го Белорусского фронта на сборный пункт, который находился уже где-то в Восточной Пруссии.

Никто нас толком не провожал. Медсестра Нина обняла и поцеловала меня. Она была удивлена, что нам выдали старое обмундирование. Посылала меня к начальнику госпиталя, но никуда мы не пошли, а на попутных отправились к фронту. Много шли пешком. Сухой поек нам выдали на трое суток, мы съели его еще в первый же день, а дальше пользовались «бабушкиным аттестатом», то есть как придется.

Добирались до передовой трое суток. Одну ночь ночевали на хуторе, у литовцев. Они же нас и кормили хлебом, картошкой, молоком. Два или три человека предлагали найти русских женщин и «погулять вволю». Но большинство настояли на следовании Долгу… Реку Неман переходили по понтонному мосту в районе г. Тильзит (ныне Советск, Калининградской

области). Из штаба фронта нас направили в штаб 2-й гвардейской армии, а оттуда – в 1-ю гвардейскую, пролетарскую, Московско-Минскую, четырежды орденоносную мотострелковую дивизию. Попал я в 5-ю стрелковую роту 167-го гвардейского стрелкового полка командиром отделения. В составе этой дивизии участвовал в штурме Кёнигсберга и Пиллау. Кёнигсберг мы штурмовали с юга, в районе Панарты. Много лазали по подвалам, коллекторам и различным подземным сооружениям. Там, под землей, был буквально второй город. Встречали много гражданских лиц, в основном женщин, детей и стариков. Некоторым оказывали помощь.

Штурмовали дома, превращенные в крепость. Буквально все окна домов были выложены толстым слоем кирпича. Участвовали и в штурме одного из фортов, стены которого даже снаряд не брал, и в штурме настоящей крепости-цитадели - Королевского замка. Геббельсовская пропаганда хвасталась, что крепость-цитадель неприступна. Там были очень большие запасы и боеприпасов, и продовольствия. Мы же Кёнигсберг взяли за три дня, с 7 по 9 апреля 1945 года.

В основном наша дивизия и принимала пленных фашистов из крепости-цитадели. Только воинами 2-й гвардейской армии было взято в плен 57640 немцев, в том числе и комендант крепости – генерал от инфантерии (было у немцев такое звание) Ляш Отто.

Кто побывал в первые годы после войны в Кёнигсберге и Пиллау, тот помнит, что в Кёнигсберге на стене крепости была надпись (она и сейчас есть): «Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова». И точно такая же надпись есть на кладбищенской стене при въезде в Пиллау (ныне Балтийск). Только вместо полковника там написано уже другое – генерал-майор.

Павел Федорович Толстиков, командир нашей прославленной 1-й гвардейской дивизии, за успешный штурм Кёнигсберга получил звание генерала и Героя Советского Союза.

После штурма Пиллау эта крепость и военно-морской порт фашистов были взяты 25 апреля 1945 года. Это был их последний опорный пункт фашистов на Земландском полуострове.

В апреле 1995 года нас, участников штурма Кёнигсберга, приглашали на празднование 50-летия штурма этой немецкой

твердыни. Впечатление незабываемое. Были мы там с 7 по 10 апреля 1995 года. Жили в той же казарме, в которой я служил первые годы после войны. Кормили и поили нас бесплатно. Состоялся парад войск Калининградского гарнизона, где мы, ветераны, шли во главе войск. А как нас приветствовали калининградцы! Это надо было видеть! Для нас были организованы два больших концерта, провели торжественное собрание с чудесным обедом. Мы посетили предприятия и организации. И опять обед, и памятные подарки, грамоты, адреса, книги о штурме Кёнигсберга и т. д. Впечатления самые превосходные!!!

7 мая 1945 года мы пешим маршем возвратились в Кёнигсберг и здесь встретили долгожданный День Победы – самый счастливый день в моей жизни!!! Самый светлый, самый радостный!

Но после войны мне и моим одногодкам, 1926 года рождения, срочную службу пришлось служить еще до 1951 года, - более 7 лет, когда подросли более молодые защитники Родины. Но я в том году уже стал офицером и посвятил всю свою жизнь армии.

5 июня 1996 года в Центральном госпитале МВД РФ группа хирургов во главе с В.И.Тарасовым наконец-то извлекла пулю из моего тела, которую я носил в себе 52 года. Она осталась у меня как военная реликвия.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Райчук Александр Сергеевич**, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Петропавлова Зоя Васильевна

Зажав один конец бинта в зубах

Я родилась 12 декабря 1919 года в деревни Городковичи, Рязанской области. Национальность - русская, вероисповедание - православная. Была членом комсомола, и ОСОАВИАХИМ, теперь член КПРФ. В 1937 году закончила школу.

До войны училась в Институте цветных металлов им. М.И. Калинина на металлургическом факультете.

Война застала меня в общежитии, когда я, как и большинство студентов в это время года, сдавала летнюю сессию. Да, уж какая тогда могла быть сессия, я уже летела в военкомат. А в военкомате уже сидели такие же отчаянные ребята-студенты, готовые в бой. Мальчишек, конечно, взяли, а вот девчонок отправили разносить повестки. Как я ни рвалась на фронт, меня не брали. Так и жила между институтом и военкоматом, пока в первых числах июля меня не вызвали в комитет комсомола и не назначили командиром роты студенток, направляемых на строительство оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве. Тяжело было на душе от сознания своей бездейственности, поэтому понятно, с какой радостью я и мои однокурсники восприняли решение отправить нас на строительство оборонительных рубежей. Сто девушек выехали в район деревни Жуковка, что под Брянском, и в душе каждой росло чувство ответственности за то дело, которое предстояло нам

выполнить. Работать приходилось под проливным дождем, по колено в воде, со стертыми до крови руками. Но ведь позади была Москва. Мы видели, как каждую ночь над нашими головами в направлении столицы проносились немецкие бомбардировщики, а запад горел багряным заревом. Мы не знали, чью жизнь унес этот взрыв, мы только продолжали работать, работать буквально с остервенением.

В августе старшекурсников отозвали в Москву для продолжения учебы. А к середине октября опасность прорыва немецких войск через Можайскую линию обороны создала под Москвой угрожающую обстановку. 13 октября было принято решение партийного актива столицы о мобилизации всех коммунистов, комсомольцев и трудящихся Москвы на отпор немецко-фашистским захватчикам и защиту столицы. А 16-ого числа я добровольно вступила в Третью московскую коммунистическую стрелковую дивизию вместе с моими лучшими подругами Люсей Головановой и Женей Корнеевой. Наша дивизия была создана в поддержку действующей армии. Под Москвой мы стояли во втором эшелоне, поэтому бой до нас не дошёл. Когда немцев разгромили, то с нами примерно месяц проводили учения, а в первых числах февраля передали Северо-Западному фронту для усиления войск, которые вели напряженные бои с 16-й немецкой армией в районе г. Демянска. 13 января нашу дивизию переименовали в 130-ю стрелковую дивизию. С Савеловского вокзала и до станции Черный Двор мы ехали в товарном вагоне, а потом долгим и изнурительным походом добирались несколько дней до исходных рубежей, останавливаясь на ночь в уже разрушенных деревнях. Иногда в деревне оставался не разрушенным какой-нибудь сарай, и нам, девушкам, полностью его отдавали. Но случалось, что порой и сарая не было, и нам приходилось спать на деревенских заборах, где два вертикальных столба, да поперек два бревна, вот и весь забор. Тогда кто-нибудь садился, обнимая столб, а все остальные уже за него и друг за дружку хватались цепочкой, так и спали, как воробушки на жердочке. И не падали ни разу, даже высыпались.

Что у меня осталось неизгладимым в памяти от военных лет, так это дружба. К бойцам мы относились, как к собственным детям, и все готовы были отдать, чтобы только они были целы и …живы. Переход был тяжелый - 100 километров, а

ведь мальчишкам надо было и винтовку нести, и мешок, да еще и пулемет тащить. Нам было видно, как им тяжело, а порой просто невмоготу. Тогда Женька говорила: «А ну-ка, дай я тебе помогу!». И тащила, хоть и было тяжело.

Одну шинель под бок стелили,
Укрывшись, спали под другой,
Сухарь заветренный делили
В окопах пополам с тобой.
И ночь бессонную в палате
Делили тоже пополам,
И редкий отдых на закате -
Все на двоих давалось нам.
Но для спасения Отчизны,
Когда придет последний час,
Не пожалеет целой жизни,
Мы знали, каждая из нас.

В наше расположение, что находилось под деревней Павлово, мы добрались под вечер 20 февраля 1942 года ужасно уставшие. А уже ночью был отдан приказ 2-му взводу нашей роты, который был прикреплен за мной, выйти на передовую линию. Хотя боя еще не было, мне приказали остаться на опушке, поодаль от передовой, где расположились наши бойцы. Приказ есть приказ, и всю ночь я ходила по опушке, меряя сапогами снег.

Ты меня, зима, не запугаешь,
Ярость пусть твоя белым-бела.
Разве ты, суровая, не знаешь –
Я ж в обнимку с холодом спала.
Разве ты забыла грохот пушек
И в лесу мороза перезвон,
И озноб от снеговых подушек,
Весь дырявый перед боем сон?
Пусть лютуют вьюги – непогоды,
Пусть кружит метель над головой,
Мне защита – пламенные годы
Бескорыстной дружбы фронтовой

Нам предстояло прорвать долговременную, сильно укрепленную оборону 16-й немецкой армии, сильно вклинившейся в пространство между Москвой и Ленинградом. Обязанность сандружинницы была несложной и не требовала больших знаний: мы шли в бой вместе с ребятами, перевязывали в бою раненых и оттаскивали их в безопасное место. Но все равно под утро, когда бой все никак не начинался, девчонки занервничали и делегировали меня к командиру: «Товарищ командир, санинструктор спрашивает, что делать?» А он: «Подожди, сейчас начнут стрелять, узнаешь, что делать». И действительно не успела я вернуться, началась стрельба. Бой был страшный, пули свистели над головой, кругом взрывались гранаты и стонали раненые. Перевязывали лежа, а к раненым подползали на животе. Я перевязывала бойца, когда меня что-то ударило и лицо покрылось кровью. Я не прочувствовала ни боли, ни страха, помню только, ко мне подбежала Люся и сказала: «Зайчик, ты ранена? Мы отомстим за тебя!». Она перевязала и побежала вперед, в бой за нашими солдатами. Немного придя себя, я снова поползла к раненым. А как по-другому? Ведь бойцы зовут, стонут. Перевязка, конечно, была не очень качественная, ведь одна рука у меня отнялась, и я перебинтовывала, зажав один конец бинта в зубах. Разлеживаться было некогда, а один боец, помню, лежал на самом верху бугра, и надо было как можно скорее его оттуда стащить подальше от снайперов и разрывных гранат. Так прошло часов шесть, бой продвинулся далеко вперед, и место, где меня ранило, уже стало относительно безопасной зоной. Приехали санитарки из санроты и, погрузив меня вместе с моими ранеными на сани, повезли подальше от боя и на время положили в бане:

Солома старая под нами.
Котел клубится, едок дым.
Мы на полу разбитой бани,
Дрожа от холода лежим.
У пулеметчицы Маруси
Насквозь раздроблена нога.
В бою не трусила Маруся,
Косила пулями врага.
У старшины на шее рана,
Сквозь белый бинт сочится кровь.

И в темноте, родная мама,
Он повторяет вновь и вновь.
Нет, не дошёл он до Берлина,
Но сделал все, что мог в бою.
В холодной бане ночью длинной
Я маму вспомнила свою.
Не спит, наверное, в Рязани,
Читая школьника тетрадь,
А над опухшими глазами
Висит волос седая прядь.
Когда придет конец страданьям,
Сказать не может наперед,
Но на желанный час свиданья,
Как все, надеется и ждет.
Пробила пуля разрывная
Грудь пехотинца-москвича,
Но боли он не ощущая,
Бежал в атаку сгоряча,
Потом упал. Перевязала
Его на поле медсестра.
Терпи, родной, ему сказала,
Терпеть недолго - до утра.
Тебя отправят в тыл с рассветом,
В Москве подлечат, и опять
Здоровым будешь - верно это,
Уж мне-то это лучше знать.
Красноречивыми словами
Не угодила москвичу,
Заскрежетал солдат зубами:
Я в бой с ребятами хочу!
Он стонет рядом. Слышу тихо:
Не верю в смерть, я жизнь люблю,
Тебе, сестренка, тоже лихо?
Конечно, лихо, но терплю.
Мороз февральский лезет в щели,
Раскат орудий режет ночь,
Метет поземка, стонут ели
Не в силах раненым помочь.

Залатав раны в ближайшей деревне, раненых отправляли в Москву. Я не поехала, осталась лечиться в части. Мне повезло, ранение было поверхностное, задеты были только мягкие ткани. Осколки гранаты попали мне в ногу и левую руку. Рука затянулась быстро, и, находясь в роте выздоравливающих, я уже помогала местным санитаркам, но вот рана на ноге никак не хотела заживать. Поэтому еще две недели я пролежала в медсанбате.

А вернувшись в часть, я узнала, что погибла Люся:

В большую жизнь открыта дверь.
Последний сделать шаг теперь осталось.
Манит от порога, вперед широкая дорога:
В свои цеха седой Урал
Тебя в тот год с дипломом ждал
И ждали фабрики Алтая,
Но доля выпала другая:
На запад избран путь тобой,
Там шла война, грел там бой,
Коварный враг к столице рвался.
От стен Москвы твой путь начался -
Военный путь студентки-комсомолки.
Дороги фронтовые долги…
Ты в сумке красного креста
Спасенье раненым несла,
И грело их смертям назло
Твое сердечное тепло.
В победу верили они.
Уже шёл март, но были дни
Морозны, ветрены и жарки.
Ночей не спала санитарки,
Как впрочем, все тогда не спали.
Мы отступали, наступали.
Тяжелый вражеский снаряд -
И снова многих нет ребят.
В воронке под комком земли
Кусочек свитера нашли.
Ты в зимний день его бывало
Под гимнастерку надевала.
В местах тех братская могила.

Над ней береза ветвь склонила,
И шлет прохладу в знойный день
Березы той густая тень.
Весною раннею отряд
Приходит маленьких ребят.
За жизнь их голову сложила
Здесь Голованова Людмила.

Был обычный военный день. Довольно тихо. Мы расположили свою палатку на краю болота, нам привозили раненых, мы перевязывали им раны, чтобы уже дальше отправить их в медсанбат. И вдруг начался минометный обстрел, наш пункт был расположен недалеко от дороги, и немцы наверное узнали, что по ней движутся наши войска. Дорога находилась в лесу, рядом с болотом, поэтому стреляли с большим разбросом. Взрывы гремели совсем недалеко, и кто-то сказал: «А знаете, мины не разрываются в болоте». И мы все вместе, неся раненых на носилках, полезли в болото. Сидели в самой трясине, и было страшно, и сердце, казалось вот-вот, вырвется из груди.

Эй, санитарки! крикнул кто-то:
От минометного огня
Нет мест надежнее болота.
И вот в болоте мы. Меня
Теперь все более тревожит
С плечом раздробленным солдат,
Ему помочь никто не может -
Его скорей бы в медсанбат.
Но слышен выстрел миномета,
Все нарастает мины вой,
Что пролетает над болотом -
Почти над нашей головой.
И мы с тревогой отмечаем:
Вот перелёт, вот недолёт,
А третья мина, мы-то знаем,
Ворвется в царствие болот.
И что нас ждет через мгновенье?
Никто не скажет наперёд,
Но хладнокровно, без волненья

Мы утешим – пронесет.

А обстрел все нарастал и нарастал. Ни разу в бою я не испытывала страха, и ничто так сильно меня не угнетало, как это томительное ожидание смерти. Но, слава Богу, все обошлось, и смерть миновала нас.

В этих боях наша дивизия разгромила более трех пехотных полков врага, ликвидировала так называемый Молвотицкий выступ и освободила более десяти населенных пунктов. Во второй половине 1942 года наша дивизия вела кровопролитные бои в районе так называемого рамушевского коридора между демянской и старорусской группировками противника.

Уже был июнь. Мы шли лесом, и начало темнеть, когда был отдан приказ, ставить палатки. А делать это мы не умели, но смотрели, как бойцы делают, и соорудили что-то похожее. Но, как оказалось, не столь надежное, потому что когда ночью хлынул дождь, мы промокли до нитки. И как сейчас помню, вскочили: «Ребята впустите!» А они: «Ребята подвинутся, сестренки пришли!» Вот так мы переночевали. Это был наш самый первый день под Старой Руссой.

Война - это не только боль, были и на войне моменты, заставляющие человека поверить, что есть еще на свете счастье. Никогда не забуду, как однажды среди нескончаемых боев, вдруг наступила тишина, и расцвели деревья:

О, это чудное мгновенье:
Вдруг в наступившей тишине
Листов зеленое кипенье
Услышать в мае на войне.
И будто в колдовском дурмане
Вдруг каждым нервом ощутить
Неодолимое желанье,
Назло вершившемуся жить.

Так вот под Старой Руссой, близ р. Робья наши войска занимали оборонительную позицию. И вот дорога на исходные рубежи, куда мы шли на смену другим подразделениям. Проходила она через мост, который немцы тогда пристреляли. Всего один раз ночью мы прошли по этому мосту без обстрела. Стреляли постоянно, стоило лишь показаться близ моста,

но идти надо было, и мы перебежками добирались до противоположного берега. Вот уже много десятков лет не отпускает меня во сне этот переход.

И снова сон: взвилась ракета,
Ночь, Робьи мутная вода
И мост. (А переправу эту
Враг, знаю, пристрелял тогда.)
Команды шепот глуховатый:
Пригнуться, быстро по мосту.
И вот бывалые солдаты
Ныряют дружно в темноту.
Едва достигли середины -
Нас накрывает мины вой.
И мы от взрыва этой мины
В ночи взлетаем над водой.
И в никуда полет ужасный
Нам превозмочь невмоготу…
Но, к счастью, прерван сон сей страшный
Я просыпаюсь вся в поту.
Проклятье, что за наваждень:
Уж не один десяток лет
Не отступает в сновиденьях
Почти действительный сюжет.

Днем и ночью мы оставались в своих окопах, считая выстрелы, гремевшие над нашими головами, держа оборону и не пуская врага на нашу землю. Был трудный бой, мы отбивали одну атаку за другой.

Вдруг голос: «Сестра, скорее, сестричка!», я, сломя голову, бросаюсь на зов. Взрыв, падаю и уже на животе подползаю к окопу, в котором, склонив голову на плечо, сидит солдат, зажав в руке письмо из дома, а из виска струится кровь. Я опоздала, а ведь еще совсем недавно он читал нам это письмо:

Пришло письмо из Подмосковья:
А в нем строка - родился сын,
Малыш отличного здоровья,
С отцовским волосом густым,
Глазенки, словно незабудки,

Легонек он совсем, как пух,
А голос звучный у Мишутки.
Письмо для всех читалось вслух.
И звучный голос на привале
Гремел счастливого отца.
Не мудрено, письмо мы знали
От первых строчек до конца.
Солдат мечтал, как он с сынишкой
Вдвоем на утренней заре
Все повторял с Мишуткой, с Мишкой
Рыбачить будем на Пахре.
Потом в мечтаньях невоенных
Вдруг заражался спортом он
И представлял, что сын, во-первых,
По бегу будет чемпион,
А, во-вторых, и это точно,
Что будет он играть в футбол,
А чтоб идти по жизни прочно,
Окончит много разных школ.
Был страшный день… Как это было?
Отбили пять атак подряд.
Кругом дрожало все и выло,
Снаряд, снаряд, еще снаряд:
Сестра, кричат, скорей сестрица!
Ползу на зов, призревши страх.
Ползком так долго не годится -
Бегу и падаю в кустах.
Еще рывок, в окоп вползаю,
Мои усилья не нужны.
Недышащий в руке сжимает
Письмо желанное жены
В висок смертельное раненье,
К плечу склонилась голова,
В глазах открытых удивленье,
Застыла неба синева,
Как будто он читал ребятам
Письмо, зажатое в руке,
Сложив мешок и каску рядом
В окопе тесном на песке.

***

Там же, под Старой Руссой, был и такой случай.

Мы занимали боевую позицию, ну, а немцы, как всегда, периодически нас обстреливали. Приходит наш связист, который проверял целостность проводов связи, и говорит, что на нейтральной территорий, совсем недалеко от немцев, лежит раненый. Пока светло вытащить его оттуда невозможно, но срочно надо перевязать. Ну, я вместе со связистом поползла, а где перебежками, прячась, то за кочку, то за бугорок, потому что стреляли все время. Проводив меня до раненого, он пополз дальше. Я перевязала рану, объяснила бойцу, что сейчас немцы нас отсюда не отпустят, а когда стемнеет, мы отнесем его на носилках. Уже было хотела возвращаться, а куда - не знаю. Когда к раненому ползла, назад-то не оглядывалась. Не выбрала себе направление и двигалась вперед, пока не услышала чью-то речь. Знаю, что человеческая, а русские или немцы, не могу понять. Спряталась за кочкой и не знаю, что делать, ползти или нет, а вдруг там немцы. Но, собрав волю в кулак, подползла поближе и услышала родную, русскую речь. Как же я обрадовалась! Правда, потом оказалось, что это уже другая часть. Когда стемнело, мы вынесли раненого с поля боя.

***

А в сентябре вышел указ правительства о демобилизации всех старшекурсников и направлении их на производство. Меня отправили в Москву, где я защитила диплом, затем была направлена на Московский медеплавильный завод.

Хлестала осень по панели,
Свисал унылый небосвод.
В солдатской шапке и в шинели
Пришла, я помню, на завод.
Нет, в честь меня седой начальник
Не вел восторженных речей:
Девчонка? (факт весьма печальный) -
У огнедышащих печей?
И печь, и плавку, и бригаду
Он мне доверить был не рад
Все – баба: был такого взгляда

Хоть трижды будь она солдат.
А мы (еще девчонки были)
Без выходных в дыму, в огне
Печь ненасытную грузили
С мужской бригадой наравне.
А чтоб приблизить день Победы,
Так после смены основной,
Мы выплавляли без обеда
Металл сверхплановый цветной.
Лихие годы отгремели
И в час свободный, не спеша,
Иду к печи, чтобы в шинели
Девчонку вспомнить у ковша.

Награды

Медаль «За отвагу», № 33025. Награждена приказам по войскам 34-й армии Северо-Западного фронта № 0196 от 11апреля 1942 г. в деревне Мареево.

Орден Отечественной войны 2-й степени, № 3086810. Награждена указом президиума Верховного Совета СССР от 11марта 1985 г.

«За оборону Москвы», АА № 045284. Награждена указом президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г. Вручен 26 января 1946 года.

«За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», Ф № 0452970. Награждена указом президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. Вручена 21 марта 1946 года Москворецким РВК майором а/сл. Хлоповым.

Публикации обо мне

Петровлова З.В. «Все на защиту Москвы».
«Сталь», №36, 5 декабря 1978 г.
Исайкин Сергей «Она защищала Москву».
«Наш – район Котловка», №11, 21ноября 1999 г.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Скворцова Юлия Владимировна****, студентка 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Плешаков Виктор Викторович

Как рождались лётчики-штурмовики

Я родился 17 марта 1917 года в городе Муром, Владимирской области. Национальность - русский. Вероисповедание-православный. Партийность - член КПРФ. Председатель совета ветеранов.

В 1931 году я окончил семилетку в городе Куля Баки Владимирской области.

В 1933 году я окончил школу ФЗУ при металлургическом заводе.

В 1937 году я окончил авиационный техникум в городе Горький.

В 1940 году я окончил Челябинское военное училище.

В 1951 году я окончил военно-политическую академию им. Ленина.

О начале войны я узнал 22 июня 1941 года в челябинском училище, где работал преподавателем, звание у меня было лейтенант.

Начал войну в октябре 1941 года в составе 686-го ночного бомбардировочного полка в должности комиссара авиаэскадрильи. Полк был сформирован в Челябинском авиаучилище из конструкторов и преподавателей. Начал войну в звании лейтенанта. Полком командовал подполковник Кулаков-Павлов.

Боевой путь начался с села Степыгино, Московской области (битва за Москву, октябрь 1941 по май 1942 года). Июнь 1942 город Ленинск, Сталинградской области (Сталинградская битва, июль 1942 по март 1943 года). Май 1944 полк прошёл через Белоруссию, Польшу, город Кёнигсберг, Варшаву и закончил войну в мае 1945 году в городе Штеттин.

В составе 184-го отдельного авиационного полка связи освобождал Кёнигсберг, Варшаву. На тот момент звание у меня было майор.

Слава Богу, серьезных ранений у меня не было.

Я не демобилизовался. Полк после войны перебазировался в Польшу, в северную группу войск Советской армии. И 1951 году закончил военно-политическую академию им. Ленина.

У меня два брата.

Первый - Андрей Викторович, 1920 года рождения. Он закончил химический институт и воевал в химических войсках в звании старшего лейтенанта. Он выполнял большие работы по противохимической защите наших войск. Дошёл до Германии, а после войны демобилизовался. Жил в городе Таганроге со своей семьей. Умер 10 лет назад.

Второй мой брат - Рем Викторович, 1924 года рождения. Он только учился в военно-инженерной авиационной академии в Ленинграде. И закончил ее после окончания войны, так что в боевых действиях не участвовал. Работал длительное время в исследовательском институте. Он умер 12 лет назад.

Награды

Орден Красного Знамени, № 29544. Награжден президиумом Верховного Совета. Вручал его в Кремле М.И. Калинин.

Орден Отечественной войны 1-й степени, № 112452. Награжден указом Верховного Совета. Вручал начальник войск связи 2-го Белорусского фронта генерал Борзов за белорусскую операцию 1944 года.

Орден Отечественной войны 2-й степени, № 218731. Награжден указом Верховного Совета. Вручал командир полка полковник Елесеев после войны в 1945 году.

Орден Отечественной войны 2-й степени, № 3012080. Вручен в 1985 году в связи с 40-м победы в Великой Отечественной войне. Вручал Ворошилов.

Орден Красной звезды, № 2072141. Вручен в 1942 году за Сталинград.

Орден Красной звезды, № 3159225. Вручен в 1942 году за оборону Москвы.

Орден Красной звезды, № 3614851. Вручен в 1969 году за участие в венгерских событиях.

Орден ГДР. № - нет. За защиту народа и отечества в серебре. 10 мая 1976 года. За работу советником в создании армии ГДР.

Крест храбрых. 1968 год. За освобождение Польши.

Медали.

1) Медаль «За боевые заслуги». №- нет. За выслугу лет.

2) Медаль «За победу над Германией». 9 мая 1945 года. Вручал командир 184-го отдельного авиаполка связи Елесеев.

3) Медаль «За оборону Москвы». 1 мая 1945. Вручал командир 184-го отдельного авиаполка связи Елесеев.

4) Медаль «За оборону Сталинграда». 24 июня 1944 года. Вручал командир 184-го отдельного авиаполка связи Елесеев.

5) Медаль «За взятие Кёнигсберга». 10 апреля 1945 года. Вручал командир 184-го отдельного авиаполка связи Елесеев.

Медали:
Сто лет со дня рождения Ленина, 1977.
За безупречную службу 1-ой степени, 1970.
Ветеран Вооруженных сил, 1958.
Сотый юбилей Жукова, 1969.
850 лет Москве, 1997.
Четыре юбилейные медали победы: 20, 30, 40, 50.
Пять юбилейных медалей Вооруженных сил.
Три польские медали.
Чехословацкая медаль за победу.

Московская битва

В училище формировались два полка на самолётах Р-5. При формировании 686-го ночного бомбардировочного авиаполка я был вызван на должность комиссара авиаэскадрильи. Весь полк состоял из друзей и знакомых, поэтому было намного легче и не так страшно. Родственники находились далеко, в городе Муроме, и провожать меня было некому. На фронт мы отправились на своих самолётах, сели на полевом аэродроме в

населенном пункте Степыгино. Наш полк разместился в бывшей психиатрической больнице, устроились нормально. Первые дни я и мои боевые товарищи занимались изучением района полетов, летный состав облетывал аэродром и его окрестности. Затем получили первые задания на бомбометание переднего края немцев в ночных условиях. При полетах линию фронта находили быстро, потому что она была очень близко к нашему аэродрому. Летали мы на небольших высотах 2-3 тысячи метров.

При подлете к линии фронта зажигались зенитки противника, чтобы помешать мне и моим товарищам наносить точные удары. Цель для бомбардировки выбирали сами, чаще всего это были колонны движущихся машин, которые даже не маскировались. Немцы чувствовали себя хозяевами положения, это облегчало нашу задачу. Сбросив бомбы и убедившись, что они попали в цель, возвращались на свой аэродром.

Когда немецкий прожектор попадал в самолёт, моментально со всех сторон открывался зенитный огонь. Пилоту приходилось умело маневрировать от снарядов. Я сам множество раз попадал под такой обстрел, но каждый раз уходил от этих прожекторов, и зенитные установки теряли меня из виду. Когда было облачно, я при обстрелах уходил в облака. Тем не менее, на аэродроме обнаруживались пробои в крыльях и фюзеляже, один раз на моем крыле насчитали двенадцать пробоин. Поскольку обшивка крыльев была матерчатая, а фюзеляж фанерный, то пули и снаряды пробивали насквозь, не попадая в жизненно важные узлы самолёта. Аэродром был близко, и я за ночь успевал сделать по два или даже по три вылета. Наряду с бомбами сбрасывались на территорию немцев и пачки листовок.

Как-то раз во время атаки большой группы вражеских бомбардировщиков я услышал команду: "Действовать самостоятельно!". "Наконец-то", - обрадовался я, но сердце от волнения забилось быстрее, ведь надо самостоятельно принимать решение. Вижу, один фашист пытается улизнуть в облака. Круто пикирую. "Догнать и уничтожить! Не дать уйти безнаказанным!". Бомбардировщик метался от одного облака к другому, а я за ним. Бешеная погоня захватила меня: только бы не упустить. Заметив, что он вошёл в облако с правым разворотом, я довернул свой самолёт так, чтобы встретить фашиста

под кромкой облаков. Через мгновение он вынырнул прямо передо мной. Почти в упор даю длинную очередь. Резко клюнув носом, "юнкерс" пошёл вниз, а я продолжаю преследование. Вдруг впереди возникло белое облако, и меня качнуло. Гляжу вниз - прямо подо мною немецкий аэродром. Вражеские зенитки яростно бьют по моему истребителю. Как я выбрался из этого огненного пекла, и сейчас не пойму. Скорее домой! Только бы добраться до своих, только бы хватило бензина! Наконец, вижу наш аэродром. Едва самолёт коснулся земли, как винт остановился - кончилось горючее.

За время действий с октября 1941 года и до конца Московской битвы мы не потеряли ни одного самолёта от огня противника. Лично я сделал шестнадцать боевых вылетов и за это получил первый орден Красного Знамени.

Сталинградская битва

В июне 1942 года я служил в составе 686-го штурмового авиаполка базировался в городе Ленинск, Сталинградской области, в должности комиссара авиаэскадрильи. Командиром полка в то время был Зотов, а комиссаром полка Никитин. Штурмовой полк, вооружённый самолётами Ил-2, наносил очень существенные удары по немецким войскам, которые рвались к Сталинграду и бились за то, чтобы овладеть им. У меня были иные задачи. Я рассказывал об обстановке на фронтах и в тылу. Я мобилизовывал людей на четкие, грамотные боевые вылеты. В этих сложных условиях я особенно уделял внимание вопросам смелости, отваги и бесстрашия во время боевых действий. На штурмовку немцев в Сталинграде и перед Сталинградом наши экипажи на боевые вылеты ходили строем: 5,7,9. Они шли на цели, которые им указывали заранее, или которые обнаруживали на поле боя: скопление танков, артиллерии или наземных войск. Наши летчики, находясь в строю и найдя цель, выстраивались в круг, по одному пикированию сбрасывали бомбы и вели стрельбу из пушек и пулемётов, которые имелись на самолёте. Выходя из пикирования после бомбометания, они становились опять в круг, в хвост к предыдущему самолёту, защищая его от истребителей противника, хотя нас прикрывали наши истребители. А это было дополнительное прикрытие впереди идущего самолёта, если на

него пойдет истребитель противника. Как правило, самолёты подвергались интенсивному зенитному огню, и самолёты подбивали и сбивали иногда, так что при заходе на линию фронта надо было смело стоять в строю, не бояться зенитного огня, а над целью умело маневрировать для бомбометания. Это все требовало отваги, мужества и высокого умения владеть летным средством. С этим справлялись очень многие, а если у кого были какие-то проблемы, я лично пытался помочь. Битва была очень тяжелой и без потерь нельзя было обойтись, потери самолётов и, что самое обидное - потеря летного состава, потеря друзей. Но полк непрерывно пополнялся и самолётами, и летным составом. В конце февраля 1943 года была окружена армия Паульса.

Я хочу перечислить наших лётчиков, командиров звеньев, моих друзей: Кочетков, Петраков, Топорков - это бывшие инструкторы из Челябинского авиационного училища. Командиры эскадрильи: Сухарев, Чубаров, Петренко, а также лётчики Чуркин, Гальцев, Хохлушкин, Мужиков, Тараканчик. Эти лётчики не раз бывали под огнем противника.

Чубаров Толя дважды был подбит. Один раз он прилетел на горящем самолёте, но сумел посадить его. А во второй раз он вынужден был выпрыгнуть из горящего самолёта и спасся. Он попал в расположение наших войск. Его там выходили и отправили в госпиталь. Он, кстати, после войны поступил в Сельскохозяйственный институт, потом работал в Министерстве сельского хозяйства, а в конце концов стал заместителем министра сельского хозяйства Казахстана.

Многие лётчики скромные, бесстрашные, мужественные, шли в бой и ни разу не спасовали перед врагом. И всегда при любых условиях возвращались на свой аэродром. Эти замечательные качества наших лётчиков явились серьезным условием победы нашей авиации над полем боя в битве за Сталинград. Многие из них были удостоены звания Героя Советского Союза: Кочетков, Топорков, Сухарев, Тараканчик. Так Родина отметила их мужество, храбрость, отвагу, проявленные при защите Сталинграда.

2-й Белорусский фронт

После сражения под Сталинградом попал на курсы заместителей командиров авиаполков по политчасти. Я стал заместителем командира полка по политчасти. В городе Алатирь Чувашской республики был сформирован 184-й отдельный авиационный полк связи, который был направлен на 2-й Белорусский фронт, для обеспечения авиационной связью его штаба. Задания выполнял лётчик, а во второй половине самолёта находился офицер оперативного отдела штаба фронта, который направлялся в подчинённые фронту соединения армии. Дело в том, что 2-й Белорусский фронт наступал с целью окружения немецких войск, поэтому передвижение офицеров связи автотранспортом было часто затруднено. Для этого и существовали экипажи нашего полка, чтобы в короткий срок, быстро доставить офицера связи в подчинённые штабы соединений для дачи указаний штаба фронта, изучения обстановки, получения разведанных, после этого офицеры доставлялись обратно в штаб.

Потом мы отправились из Белоруссии в Польшу. Мы перелетали небольшие расстояния на своих самолётах. В Польше, в городе Белосток мы остановились на некоторое время. Так как я был заместителем командира, приходилось искать жильё для всего лётного состава. Всех лётчиков мы разместили у местного населения, а столовую в небольшом польском ресторане, где нам готовили еду местные жители - в знак благодарности за освобождение их от немецких захватчиков.

После Польши мы отправились в Германию. В Германии были самые сложные бои, так как мы находились в логове врага. Войну мы закончили в городе Штеттин в мае 1945 года. В составе этого полка я освобождал город Кёнигсберг и Варшаву уже в звании майора.

Герой, который выжил

Однажды в период Сталинградской битвы произошёл такой случай с моим другом. Мы летели на самолётах Ил-2 в составе девятки. Моего друга Кочеткова Николая Павловича - заместителя эскадрильи сбила зенитная установка в тот момент, когда мы пролетали над окруженными немецкими вой-

сками. Мы уже считали его погибшим. Я принимал участие в написании на него наградного листа для присвоения ему посмертно звания Героя Советского Союза. Через полтора года встретили его в Москве, в театре. Оказывается, он сумел выпрыгнуть из своего самолёта, но при приземлении его парашют застрял на дереве, и он в бессознательном состоянии провисел там сутки. Но, слава Богу, его обнаружила пожилая женщина и принесла его к себе домой. Она выхаживала его около семи месяцев. По его рассказам, женщина очень хорошо ухаживала за ним, у него было тяжелое ранение, но она смогла его выходить. Много раз при приходе немцев она прятала его в подвале. После того как он стал себя нормально чувствовать, он вернулся к своим в полк. Таким образом, ему присвоили посмертно звание Героя Советского Союза, а потом утвердили. Сейчас он жив, здоров и живёт в городе Жуковском.

Пункт назначения

Когда я служил в 184-м отдельном авиаполку связи, произошёл такой случай. Наша работа по доставке оперативных офицеров связи из штаба фронта в войска была опасной, так как мы пролетали над немецким котлом. Там было множество зениток и пулемётчиков, которые при первой возможности начинали обстрел наших штурмовиков. Однажды молодой лётчик сержант Коля Корякин вёз офицера связи из штаба в войска. При возвращении в штаб, пролетая над немецким котлом, он попал под обстрел. Он пытался увернуться от зенитной очереди, но ему это не удалось, и одна из пуль попала ему в пах.

Истекая кровью, он долетел до аэродрома, хотя аэродром находился довольно-таки далеко. Ему удалось посадить самолёт с офицером связи. Когда самолёт остановился, мы подошли к нему, но пилот был уже мертв. Тяжело раненный, он сумел проявить мастерство и привёз обратно офицера связи.

Это не был единичный случай проявления героизма среди летчиков нашего полка.

Разгром станции

В одну из ночей полк в полном составе участвовал в бомбёжке станции, что западнее города Штеттин, куда, как донесла разведка, гитлеровцы подтягивали подкрепление. Ставя задачу, заместитель эскадрильи Кочетков добавил, что каждый экипаж может действовать самостоятельно, исходя из обстановки. Невысокая облачность и лунная ночь мало благоприятствовали полёту. Кроме того, на фоне светлых облаков самолёты были видны, как на экране, и немцы в таких случаях всегда вели сильный зенитный огонь, не включая прожекторов. Большую часть маршрута мы летели в облаках, лишь изредка ныряли вниз, чтобы уточнить курс. На подходе к станции действовали вражеские прожекторы. Мощные лучи насквозь пробивали тонкий слой облаков, создавая фантастическую игру света и тени. Разорвавшийся вблизи снаряд прервал ход моих мыслей. Самолёт тряхнуло. Огонь усилился, значит, цель близка, пора выходить на боевой курс. Даю ручку управления от себя, приглушая мотор, и мы вываливаемся из облаков прямо над станцией. Внизу неясно просматриваются длинные, тёмные линии - железнодорожные эшелоны. Сухарев сбрасывает осветительные бомбы, так и есть - все станционные пути забиты составами. Тут и теплушки с людьми, и открытые платформы, заставленные автомашинами, орудиями, танками, ящиками с боеприпасами. Сотня фашистов суетится внизу, спешно разгружая эшелоны. Штурман сбросил бомбы в самую гущу железнодорожных путей. Мне очень хотелось посмотреть, в какой именно состав они угодили. В тот, где больше техники, или где под брезентом топорщатся ящики со снарядами и патронами? Хорошо, если бы бомбы подорвали эшелон с боеприпасами, тогда и техника взлетит на воздух, и рельсы разметает, и разгрузочным командам достанется. Но, едва я склонился над краем борта, по глазам резанули лучи прожекторов. Пришлось сразу отпрянуть, сильный грохот потряс воздух. К глухим разрывам рвавшихся снарядов примешался сухой треск патронов. Прожекторы крепко схватили наш самолёт, мне не сразу удалось вырваться из их перекрестия. Маневрировать было трудно, до земли всего 500 метров. А разрывы все ближе. Сильно запахло гарью. Выжил из мотора всё до последней сотой доли лошадиной силы. Зенитный огонь

постепенно ослаб. Но лучи прожекторов всё ещё преследовали нас. Остервенели, должно быть, фашисты, не верится им, что можно выскочить из такого кромешного ада. Они надеются, что самолёт с минуты на минуту упадёт на землю. А вот и наш аэродром, он хорошо виден при лунном свете. Приземляясь, заруливаю на линию предварительного старта. "Ну и покромсали вас сегодня!" - встречает нас старший техник эскадрильи.

Сражение в Кёнигсберге

В осенний ветреный день 1944 года, получив боевое задание, мы взлетели с аэродрома. Внимательно слежу, как друзья подстраиваются сначала в звенья, потом плотный строй девятки. Приступаю к ориентировке и наблюдаю за погодой. С левой стороны наплывают отдельные островки облаков. Тревожусь, как бы облачность не закрыла цель. Смотрю на часы, делюсь своими сомнениями с командиром. Он молча кивает головой, соглашаясь. Размерный гул моторов, тёплые лучи солнца действуют успокаивающе, уходят все волнения предполётной подготовке. Сегодня мы бомбардируем противника в районе города Кёнигсберг. Сегодня уже нет такого чувства боли, которое всегда приходилось испытывать при полётах над городами и сёлами родной земли. Под нами плыли облака, просветы между ними становились всё меньше и меньше. Но по светлым полоскам шоссейных дорог, по ярко выделявшимся красным черепичным крышам ориентироваться было легко. Я стал готовиться к выходу на боевой курс. Впереди нас ведущая девятка экипажей соседнего полка, и её ведёт командир дивизии. Цель пока закрыта облаками. Но ориентируемся по шоссе, которое хорошо просматривается в разрыве облачности. Ставлю на прицеле расчётные данные, вдруг слышу тревожный голос командира: "Смотри, они бомбят!" Выпрямившись, я успел заметить, как отвалились бомбы от самолётов девятки впереди идущего полка. "Может быть, было перенацеливание?" - кричу стрелку - радисту. "Запроси, изменили ли цель?" Радист отвечает: "Задание не изменилось". Я тороплюсь определить в уме угол сноса на боевом курсе, но скорость самолёта не оставляет нам времени ни ждать ответа от радистов ведомых экипажей, ни делать перерасчёт данных бомбардировки. Город Кёнигсберг уже под нами. "Разворачи-

вайтесь на цель", - кричу я, и командир выводит девятку на заданный боевой курс, идем на цель. Даю команду, ловлю в прицеле цель, открываю люки, забываю обо всех тревогах и сомнениях. Цель идёт по линии прицела ровно. Все экипажи бомбят, значит точность удара зависит только от меня. Волнуюсь, цель коснулась кромки воздушного пузырька прицела. Нажимаю кнопку электросбрасывателя бомб, медленно дублирую ручкой механического сброса. Визирую прицел на бомболюки и вижу, как бомбы плавно уходят вниз. Слежу за ними в прицел, пока они не превращаются в маленькие чёрточки и не теряются на пёстром фоне далёкой земли. Перевожу визир на цель и, затаив дыхание, жду разрывов. Проходят томительные секунды, наконец, белыми облаками вспыхнули разрывы бомб. Точно! Скрывая радость, я докладываю командиру: "Отбомбились по цели!" Хотя зенитный огонь противника на этот раз был небольшой, самолёт Гальцена, видимо, получил повреждения. Он вдруг резко отстал от строя и со снижением ушёл влево. Гальцен - отличный лётчик, он уже не раз приводил подбитый самолёт на аэродром, и я без особого волнения докладываю командиру об уходе из строя самолёта Гальцена. В районе цели нет истребителей противника и мало зенитных разрывов. Видимо, враг выдыхается. Командую, разворот домой. Когда прошло напряжение полёта и бомбы сброшены, нас начинает волновать вопрос: было ли изменение цели? Сразу же после посадки, едва мы успели зарулить на стоянку, к нам подбежали из штаба полка, говоря, что мы бомбили не по цели. Командир быстро зашагал через аэродром, я бежал за ним следом. Только одна мысль билась у меня в голове, неужели опозорил полк к концу войны. "Где бомбили?" - резко спросил командир дивизии. Командир полка ответил: "По заданной цели". Тогда командир дивизии перевёл взгляд на меня. Я как бы очнулся и сказал: “Цель у города Кёнигсберг, товарищ командир дивизии”. Тогда он, повернувшись к командиру полка, произнёс: "С земли сообщили, что девятка Ил-2 отбомбилась не по цели. "А что, разве было перенацеливание?" - спросил я. "Причём тут перенацеливание?" - удивился командир дивизии. Цель у города Кёнигсберг. Но экипажу надо не только знать цель, но и бомбить по цели. Я оглянулся на стоянку. Командир полка, поняв меня, приказал идти к самолёту, поторопить проявление фотоплёнки. Я видел, как коман-

дир дивизии безнадёжно махнул рукой, и я побежал к стоянке, где техники снимали с самолётов фотоаппараты. Лётчики и штурманы взволнованно обсуждали вылет, но, когда я подошёл, смолки и уставились на меня. Я не выдержал и засмеялся. "Все в порядке, друзья. Только давайте скорее фотоплёнки. Перенацеливания не было!" Заулыбались радисты, легко вздохнули лётчики и штурманы. С Гальценом мы побежали в землянку, где уже разрежали фотоаппараты самолётов. Через несколько минут перед нами лежал снимок. На нем, в центре были видны город Кёнигсберг и цель, пересечённая серией белых облаков. В землянку спустились командир дивизии и командир полка. Все приняли положение “смирно”, а я молча протянул командиру полка фотографию.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Сивов Антон Геннадьевич****, студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Попов Михаил Александрович

Неописуемая психологическая атака

Я родился в Коми АССР, в селе Поёлдино, Сысольского района. Русский. С мая 1943 по 1985 год состоял членом КПСС. Выбыл из рядов партии по состоянию здоровья согласно личному заявлению.

Вскоре после моего рождения мама выехала к своему мужу, моему отцу, который жил и работал в то время в г. Сыктывкаре (бывший Усть-Сысольск). Как помню, детство моё прошло на берегу Сысолы-реки, где мы с друзьями играли.

В этом же городе я пошёл в детский сад, закончил сначала начальную школу, а затем 8 классов средней школы № 1.

В 1934 году по пришедшему письму был приглашен в г. Москву на учебу в техникум циркового искусства, который тогда находился на 5-й улице Ямского поля. Со 2-го курса техникума решил уйти, так как выбрал себе другую профессию: поступил в Высшую школу тренеров, на отделение художественной гимнастики и акробатики, а после первого курса перевелся на первый курс Института физической культуры (основное отделение).

С 1936 по 1940 год учился в этом вузе, который успешно закончил через четыре года.

Самое сильное мое воспоминание тех лет, которое потрясло не только меня, но и моих сокурсников, – это проводы с

четвертого курса (1939-1940 годы) наших друзей добровольцами на Карельский фронт. Николай Шутов, Юрий Павленко, Иван Тимошенко, Георгий Бремзе и брат Шутова Сергей погибли там смертью храбрых.

Произошло это так. Уже в самом конце войны командование послало их группу в разведку, где они попали в окружение роты белофиннов. Они оказали достойное сопротивление врагам, но силы, к сожалению, были неравны. Окружив, их закололи штыками. Так мужественно погибли мои однокурсники еще до начала Великой Отечественной войны. Но и на нашу долю вскоре выпали тяжелейшие испытания. Тем более, что в институте нам преподавали не только необходимые для дальнейшей работы практические и теоретические знания, но и кропотливо воспитывали нас в духе любви и преданности своей Родине и народу.

Тем более обидно, что сегодня студенты и преподаватели нового поколения нашего института не знают о героической гибели наших ребят, которые учились в этом вузе. Тогда и мы еще не знали, что вскоре всем нам предстоят впереди тяжелейшие испытания.

После окончания института я, как и почти все мужчины в 1940 году, был призван в ряды Красной Армии Красногвардейским райвоенкоматом.

10 ноября 1940 года, переступив проходную Чернышевских казарм (все военнослужащие называли их кратко - Черныши), я был направлен в 4-ю учебную роту 1-го прожекторного полка (командир полковник Аноров).

Начались суровые солдатские будни. Я вместе со своими новыми друзьями изучал военную технику, нес караульную и хозяйственную службы, нередко бывал дневальными по роте. Помню командира роты старшего лейтенанта Елконина, старшину роты – Терешонка, помощника командира взвода – младшего сержанта Чекрыжева. Прошло много лет, и сегодня фамилии большинства бойцов и командиров стерлись из памяти.

Весной 1941 года (февраль-март) к нам пришёл новый командир полка - майор И.Волков (генерал-майор в конце войны стал командиром дивизии). По приказу наркома обороны СССР Тимошенко изучение военного дела максимально напоминало боевые действия. Задача командования была подгото-

вить нас к войне. Помню, как рота ночью выезжала за город, где нам демонстрировали поимку и сопровождение самолёта в прожекторном луче. Однако таких учений, к сожалению, было очень мало.

В ночь на 22 июня полку по боевой тревоге было приказано выехать на боевые позиции по охране и обороне столицы. Началась Великая Отечественная война. Вместо увольнения в город меня вызвали в штаб полка, приказали уведомить призывников-прожектористов, чтобы они явились в полк на место службы. Для этого я должен был лично поехать к каждому из них домой и сообщить о необходимости явиться в военкомат. Почему-то запомнился адрес последнего призывника, он жил в Черкизово, возле церкви перед стадионом. Попал я туда лишь поздно вечером.

Вернувшись в полк, в своей роте уже никого не застал. На другой день на штабной машине старшина доставил меня на боевую позицию. Она находилась в 30-40 километрах от г. Подольска.

Прожекторная система № 401 состояла из спецавтомашины ЗИС-5, звукоулавливателя, прожектора, поста управления, с которого осуществлялись прожекторный поиск и сопровождение самолёта противника. Меня назначили пятым номером на пост управления. Это управление лучом прожектора по азимуту.

Боевой расчет системы состоял из командира взвода (старшего лейтенанта Семенихина), начальника системы (младшего сержанта Сухорукова), 1 и 2 номеров – это прожектористы, 3 и 4 – водитель автомашины и его помощник, 5 и 6 – бойцы на посту управления (азимут и угол места), 7 и 8 – слухачи, определяющие местонахождение самолёта, группа связистов и начальник звукоулавливателя (младший сержант Чумаков), а также запасные. Весь расчет включал в себя 20 человек.

В июне налетов на Москву еще не было. Лишь печальные сводки с фронта показывали истинное положение дел, которое, как известно, было для нашей страны тяжелейшим. Враг рвался к нашей столице.

Мы с утра вели фортификационные работы: рыли окопы для звукоулавливателя, прожектора, поста управления и боевой автомашины ЗИС-5. Все брустверы вокруг окопов обкла-

дывали дерном. Сверху вся боевая техника обязательно накрывалась специальными защитными сетками.

Первые налеты вражеской авиации на Москву начались ровно месяц спустя. - 24 июля. С наступлением сумерек была объявлена боевая тревога (положение № 1). По всей территории отчаянно завыли сирены. Звукоулавливатели (рупоры) настроили на западное направление. Задвигались шкалы поста управления. Мы стали совмещать их, чтобы точно направить звукоулавливатель и прожектор.

По командам «Есть самолёт» и «Луч» начинаем поиск самолёта. И вот первая удача. Самолёт - в луче, теперь важно его не упустить. Это - «Юнкерс-88» бомбардировщик, его курс - Москва, цель - бомбежка заводов, жилых зданий, железнодорожных узлов и других коммуникаций. Летчики, находясь в освещенной зоне и теряя ориентировку, были вынуждены сбросить свой страшный груз куда попало, на ближайший лес и поля, одна из бомб «пятисоток» разорвалась совсем рядом, взрывной волной резко сбросило нас и командира взвода на дно окопа.

Но для нас намного важнее было, что бомбы не дошли до столицы, это был наш скромный и первый вклад в победу.

Тут началась неописуемая психологическая атака. На нас полетели вдруг так называемые световые люстры, вся местность стала видна, как на ладони. В дополнение к этому появились различные шумовые эффекты: свист, завывание и т.п. Немецкие штурмовики и разведчики старались, воздействуя на психику, запугать нас, сломить волю. Но не тут-то было, мы не дрогнули, продолжали свое дело, хотя было страшно. А трассирующие пули из крупнокалиберного пулемета мелькали в нашем луче, словно серебристые шмели, готовые больно «ужалить» каждого. Но, к нашему счастью, этот налет, запомнившийся надолго, окончился благополучно для нашего расчета. Теперь трудно подсчитать количество налетов и освещенных нами самолётов врага. Фактическим определением качества нашей работы были целые дома, заводы и фабрики столицы, хотя отдельные самолёты врага и прорывались к ней, но существенных разрушений в Москве не было. И это нас радовало.

В знак поощрения Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин за отражение первого налета фашистской авиации

на Москву объявил всем прожектористам, аэростатчикам, летчикам, артиллеристам, ВНОСовцам благодарность. После нескольких ночей нас в соответствии с приказом командования перевели на другую позицию. Она была в четырех километрах от села Михайловское, в деревне Ярцево. До сих пор помню тригонометрическую вышку, возле которой мы развернули прожекторную систему (метров 400 от деревни), землянку, обложенную дерном, нары, на которых приходилось отдыхать, и капельки воды в дождливую погоду, падавшие с наката на нас, но, уставшие, мы этого не замечали. Дождливая погода и облачность создавали нам дополнительные условия для отдыха, так как в такую погоду немцы обычно массовые налеты не совершали. Вскоре взвод и наша 4-я рота вошли во 2-й батальон, который теперь стал уже полком, а бывший полк стал 1-й прожекторной дивизией.

Нельзя не отметить один из ярких эпизодов боевых действий. Стоял уже конец августа 1941 года. Враг был рядом, вплотную подходил к столице. До Наро-Фоминска недалеко, слышна беспрерывная артиллерийская канонада. Она напоминала далекие громовые раскаты перед дождем. На душе было тревожно. Не радовали и фронтовые сводки. В одну из тревожных ночей наш расчёт осветил вражеский бомбардировщик, который шёл курсом на Москву. Он попал в наш луч, и мы увидели, что это «Хейнкель-111». Ему пришлось сбросить бомбы, куда попало, и, развернувшись на 180 градусов, трусливо улетать на запад. Однако мы его цепко держали в световых объятиях. К тому же, заметив освещенный самолёт, западные прожекторные расчеты дружно включились в его сопровождение. Образовалась большая освещенная сфера, что было невыгодно для проведения атаки нашими истребителями. Дело в том, что небольшая зона освещения 3–4 лучами перед истребителями открывала возможность совершать внезапную атаку вражеской машины, скрытно подойдя из затемненного пространства, сохраняя при этом собственную невидимость. А в данном случае пришлось нашему истребку (МиГ-3) войти в освещенную зону, и его заметил противник. Началась перестрелка трассирующими пулями из крупнокалиберного пулемета с обеих сторон. Когда боезапасы закончились, наш истребитель, имея преимущество в скорости, быстро погнал вражеский самолёт, тараня его в хвостовое оперение, своим

винтом отрубил его. Потеряв управление, «хейнкель» начал стремительно падать вниз, и где-то за деревней Кресты мощный взрыв потряс воздух, еще один стервятник нашёл себе могилу. Я пытался узнать фамилию героя-летчика, но мне в то время это сделать не удалось.

Эта картина боя запомнилась на всю жизнь. Забыть события давних дней войны нельзя. А враг, несмотря на потери, рвался к столице. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность. В октябре месяце по приказу командования вся наша 4-я рота выехала на переформировку в г. Ликино-Дулево. По пути, не доезжая до деревни Мартемьяново (она находится в 8 километрах от станции Апрелевка), остановились в ожидании ночи. Развернули прожектор, так как была облачная погода, но с просветами между облаками. Мороз градусов до 10 градусов по Цельсию. Получили по телефону приказ окопаться, так как прорвались вражеские танки, нам выдали противотанковые гранаты. Не успев до конца отрыть окопы, услышали шум самолёта, он шёл на очень низкой высоте. Вывели лампу прожектора из фокуса, осветили широким световым лучом вражескую «раму», разведчик прощупывал нашу оборону. Войдя в зону освещенности, самолёт врага из крупнокалиберного пулемета трассирующими пулями начал обстреливать наш прожектор, а мы молча наблюдали, как они мелькали перед глазами, словно безобидные ночные светлячки. Самолёт, развернувшись, ушёл на запад. Но вскоре вновь вернулся и повторил свой маневр, пытаясь уничтожить наш боевой расчет. Утром, когда готовились в путь, ребята с прожекторов №1 и №2 увидели два пулевых отверстия в защитных отсеках, а внутри барабана обнаружили две крупнокалиберные пули. И вновь расчету повезло, пули врага никого из нас не задели, а вся земля вокруг была буквально изрешечена ими. Солдатское счастье и на этот раз было на нашей стороне. Когда прибыли в Ликино-Дулево, вызвали в штаб. Мне присвоили воинское звание младший сержант и дали новое назначение начальника прожекторной станции 413.

Пока мы были на переформировке, закончилось наконец наступление фашистов. Хорошо помогли сибиряки, физически крепкие ребята, готовые к тяжелым испытаниям. Советские войска, прорвав фронт, погнали хваленые фашистские полчища на запад.

В начале ноября (6-7 ноября) мы вернулись на боевые позиции возле станции Апрелевка, в деревне Хлопово, и начали нести службу. Устроились в деревне, в единственном каменном доме. А ротный контрольный пункт был рядом в деревне Мартемьяново.

Немцы стремительно отступали, налеты на нашем участке на столицу за редким исключением прекратились. Мы продолжали совершенствовать боевое мастерство, но в основном несли службу ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Так продолжалось до весны 1942 года. В мае в роту прибыли девушки. В деревне Мартемьяново для них мужчины подготовили жилье. Меня отозвали с позиции и поручили работу по подготовке девушек для службы на боевых позициях роты. Освободившихся мужчин отправили на фронт.

В 1942 году немецкий самолёт-разведчик, который мы осветили, обстрелял нашу позицию, но, к счастью, опять обошлось без жертв.

В 1943 году меня с расчетом 401 станции перевели в 193-й прожекторный полк.

При инспектировании позиции командир полка майор Морин дал положительную оценку службе нашего расчета. Мне было присвоено звание старшины, а, кроме того, вручили нагрудный знак «Отличник ПВО» и медаль «За оборону Москвы».

В 1944 году я был назначен начальником системы.

В 1945 году 24 июня я был назначен в головную маршрутную машину для участия в Параде Победы в составе 2-й зенитно-прожекторной дивизии.

В конце 1945 года я как человек, имеющий высшее образование, был демобилизован.

В 1945 году поступил на работу в Государственный институт физической культуры в качестве преподавателя кафедры гимнастики. Проработал на разных должностях до 1977 года. В 1953-1954 году был избран секретарем парторганизации института, был кандидатом в члены райкома КПСС. Делегат трех районных партийных конференций. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями Ветеран труда, войны и спорта. Участник салюта Победы 9 мая 1945 г. (наш расчет стоял на Малом Каменном мосту, возле кинотеатра «Ударник»).

В период моей работы в институте обучались многие выдающиеся спортсмены: К. Бесков, В. Юрзинов, А. Горшков, Ш. Тарпищев, Б. Лагутин, Ю. Сёмин и многие другие. Для оказания практической помощи по линии спорта был за границей – в Албании (1950 год), на Кубе (1962 год). В настоящее время нахожусь на заслуженном отдыхе.

Награды

1. Орден Отечественной войны 2-й степени. А № 946478. Указ президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 г.

2. Медаль «За храбрость, стойкость и мужество в ознаменование 40-летия Победы». № 3060631. Секретарь президиума Верховного Совета СССР.

3. Медаль «За победу над Германией». Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. От имени президиума Верховного Совета СССР.

15 октября 1945 г. Д № 0232927. Командир 1 зпр. дивизии полковник Волков

4. Медаль «За оборону Москвы». Указ президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г. 13 сентября 1944 г. Командир 1 зпр. дивизии полковник Волков. А № 031397

5. Медаль «Двадцать лет Победы». А № 5719119. Указ от 7 мая 1965 г., она вручена в феврале 1966 г. Калининским райвоенкоматом. Полковник Сивобород.

Удостоверение к знаку «25 лет Победы в ВОВ». Министр обороны. А. Гречко.

6. Медаль «30 лет Победы в ВОВ». От президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. Вручена 23 января 1976 г. военкомом Устиновым.

7. Медаль «40 лет Победы». Верховный Совет СССР от 12 апреля 1985 г. Вручена 10 июня 1985 г. военкомом Октябрьского района.

8. Медаль «Ветеран труда» от 3 ноября 1977 г. Вручена 28 октября 1977 г.

9. Медаль «50 лет Победы в ВОВ». Указ от 22 марта 1995 г. З № 7749181. Президент Российской Федерации.

10. Удостоверение и нагрудный знак «Ветеран 1-го корп. ПВО». Вручены 29 апреля 1979 г. генералом Васильевым.

11. Нагрудный знак «Ветеран спорта РСФСР». 1 октября

1986 г. от Российского Совета ветеранов физической культуры и спорта.

12. Медаль «50 лет Вооруженных сил СССР». Президиум Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 г. Вручена 8 мая 1969 г. Калининским райвоенкоматом.

13. Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР» от 28 января 1978 г. Вручена 28 мая 1979 г. военкомом Тимирязевского района.

14. Медаль «70 лет Вооруженных сил СССР». 28 января 1988 г. Вручена 22 февраля 1988 г. военкомом полковником Цыганковым.

15. Медаль «00-летия со дня рождения В.И. Ленина». Калининский районный Совет депутатов 1 апреля 1970 г.

16. Медаль «Жукова». Г № 0602401. Вручена 19 февраля 1996 г. Президент Российской Федерации

17. Знак «Фронтовик 1941-1945 гг.». 9 мая 2000 г. Зам. председателя генерал армии В.Л.Говоров.

18. Нагрудный знак «Участник парада Победы 24 июня в г. Москве». Удостоверение № 1542. Председатель полковник Привалов.

За период работы на кафедре гимнастики опубликовано более 50 научно-методических работ, основные из них – это главы в учебниках для техникумов и институтов физической культуры: «Акробатические упражнения» (Учебник для техникумов, 1950 г.), «Спортивная гимнастика» (Программа для спортивной молодежи. Москва, 1962 г.).

«Содержание учебной программы для спортивных факультетов» (Москва, 1964 г).

«Упражнения в лазании и перелезании». (Учебник для институтов физической культуры. Москва, ФиС, 1965 г.).

«Совершенствование учебного процесса по гимнастике для студентов спортфака» (Материалы итоговой научной конференции, кафедра гимнастики за 1965 г.).

«Классификационная программа по спортивной гимнастике для мужчин на 1966-1969 гг.» (упражнения на кольцах). Москва, ФиС, 1966 г.

«Производственная гимнастика, в режиме для трактористов» (Теория и практика физической подготовки, 1970 г. Комитет по физической культуре и спорту).

«Упражнения физической подготовки» (Учебник для институтов физической культуры. Москва, ФиС, 1971 г.).

«Прикладные упражнения», «Меры предупреждения травм», «Акробатика» (Учебник для институтов физической культуры. Москва, ФиС, 1971 г.).

«Обучение акробатическим упражнениям методом алгоритмических предписаний для женщин» (Гуолифк, 1972 г.).

«Упражнения на гимнастической скамейке». Учебное пособие. (Гуолифк, 1974 г.).

«Парные и групповые общеразвивающие упражнения». (Гуолифк, 1976 г.). И многие другие публикации.

Имеются личные неопубликованные статьи разных лет.

Март 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мосягин Егор Александрович****, студент 1-го курса факультета радиоэлектроники летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Примак Николай Тимофеевич

Загремело в воздухе «УРА!»

Я родился на Украине, в селе Вертиевка, Черниговской области, 8 сентября 1923 года. В 1940 году окончил Луганскую среднюю общеобразовательную школу, номер школы, к сожалению, уже не помню.

Когда началась война, я учился в техникуме Луганского мясокомбината, и по распоряжению правительства нас эвакуировали в Казахстан. Вскоре я попал на ускоренные курсы Ташкентского пехотного училища, и уже через три месяца, в апреле 1942 года, я пошёл на фронт в звании лейтенанта. Меня призвали в 422-ю стрелковую дивизию под командованием подполковника А.В.Ворона.

Мой боевой путь проходил через много городов. Все я уже и не помню, вот только некоторые из них: Белгород (июль 1943 года), Харьков (август 1943 года), Красноград (1943 год), село Станичное, посёлок Прихнеевка, Кировоград (январь 1944 года).

Война для меня началась под Белгородом. На левом крыле Курской дуги, на фронте Белгород, Тамаровка против наших соединений немцы сосредоточили крупную группировку войск. 4 июля на участке полка подполковника Григория Ски-

рута на нашу сторону перешёл солдат, по национальности австриец. На допросе он рассказал, что в ночь на 3 июля пехотная дивизия, в которой он служил, заняла траншеи: танки сосредоточены на западной окраине Белгорода, идущей вдоль шоссе Белгород - Харьков. Атака назначена на 5 часов 5 июля.

Готовность наших полков была ускорена. Замаскированная пехота сидела в траншеях, у пулемётов остались дежурные. Наше командование вовремя разгадало замысел врага и решило упредить его удар. Артиллерии было приказано начать огонь в 3 часа 50 минут. Время тянулось медленно. До начала атаки оставалось несколько минут. Каждый из нас думал о том, что вражеские артиллеристы, наверное, так же держатся за шнуры, и было страшно опоздать, не успеть опередить врага. …Огонь!!! Вздрогнула земля, всех оглушил раскатистый залп орудий. Наша артиллерия, как выяснилось потом, опередила врага на 10 минут. Советские воины разгромили врага и 5 августа 1943 года освободили города Белгород и Орёл. В этот день в Москве впервые прогремел артиллерийский салют в честь героических действий советских войск. Курская битва явилась полным провалом наступательной стратегии немцев и стала началом мощного летнего наступления наших войск.

Бои шли с переменным успехом. Немцы то оставляли рубежи, то, подтянув силы, бросались в контратаку и теснили наши войска. Советские войска, крепко зацепившись за выгодный рубеж, стойко удерживали его, затем переходили в атаку, громили и преследовали немецкие части, отходившие на землю Украины, на Харьков. Потерпев сокрушительное поражение на Курской дуге и потеряв такие крупные города, как Орёл и Белгород, гитлеровское командование стремилось удержать Харьков как крупнейший экономический центр и важнейший стратегический узел, от боёв за который решалась судьба всей Левобережной Украины. Рано утром 3 августа 1943 года на фашистскую оборону обрушился огонь артиллерии и мощные удары авиации. А как только огонь перенесли в глубину обороны противника, в атаку пошли пехота и танки. Уже 11 августа войска Воронежского фронта освободили Ахтыркой и Котельвой и перерезали шоссейную и железную дороги Харьков - Полтава. Видя создавшуюся опасность, немецкое командование стало стягивать под Харьков дивизии с юга-запада и других участков фронта. Но и после этого немцам не

удалось остановить продвижение наших войск. 23 августа 69-я и 7-я армии пошли на штурм внутреннего харьковского оборонительного обвода и самого города. В этом ударе участвовала и 57-я армия.

22 сентября соединения левого Юго-Западного фронта вышли к Днепру, северо-западнее Днепродзержинска, но сходу форсировать его не смогли, поэтому временно перешли к обороне. В полосе наступления нашей дивизии сводные отряды разбитых 320, 282, 39-й пехотных и 6-й танковой дивизии врага контратаковали наши части, осуществляя подвижную оборону. К 22-24 сентября 1943 года войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов вышли к Днепру и передовыми отрядами в ночь на 24 сентября приступили к форсированию этой мощной водной преграды и захвату плацдармов на правом берегу. Успешное наступление фронтов привело к тому, что к 25 сентября Левобережная Украина была освобождена, за исключением территории к западу от Лосева и востоку от Запорожья. За пять-шесть последующих дней Днепр был форсирован советскими войсками от Киева до Днепродзержинска.

К утру 11 апреля 1944 года части дивизии сосредоточились уже на молдавской земле. Марш наших частей совершался по маршруту: Котовск, Рыбница, Резина, Шестачи, Флорешти, Бельцы, Глодяны, Штефанешти, Батошаны, а от Батошан круто повернул на юг - к Хырлэу. 16 апреля, рассеяв мелкие группы противника возле селения Кубань и подойдя к мосту через р. Прут, солдаты нашей дивизии увидели сохранившийся пограничный знак, на одной стороне которого было написано «СССР», а на другой «Румыния». Загремело в воздухе «ура!». Здесь, на западной окраине села Кубань и на восточном берегу р. Прут, воины нашей дивизии закончили освобождение своей Родины от захватчиков. От румынского села Штефанешти, что на западном берегу р. Прут наши солдаты начали освобождение румынского народа от фашизма.

Было решено: по результатам проведения разведки боем вводить танки и главные силы дивизии. Все мы, почти не отрываясь от биноклей, смотрели на курган Пулина, растянувшийся вдоль фронта со своими двумя верблюдообразными вершинами. Румыны и немцы уже успокоились после потери своих офицеров и с раннего утра обреченно бродили по всему

кургану. Но вот за нашей спиной с какой-то необычной силой взвыли «катюши» дивизиона гвардейского полка полковника Чумака.

После «катюш» на курган обрушили свою сталь гаубичные и миномётные дивизионы артиллерийской бригады. Используя момент, наши войска стремительными бросками приближались к рубежу атаки, в 150-200 метров от полосы разрывов, прижавшись к земле, они ждали переноса артиллерийского огня и сигнала к атаке за дымовой завесой. Наш расчёт оправдался. Разведка боем обеспечила захват укреплённого кургана Пулина. Безуспешно пытался противник остановить продвижение наших солдат. Немецкие части начали поспешно отходить с кургана, бросая на поле боя пушки, пулемёты, миномёты, убитых и даже раненых солдат и офицеров. Во второй половине августа в Румынии рухнула диктатура маршала Антонеску. Румыния прекратила активные боевые действия на стороне Германии и вступила в союз с СССР.

Настала очередь трещать по швам немецко-венгерскому союзу. Незадолго до этого, в марте 1944 года, немцы оккупировали Венгрию, чтобы надежнее зажать её в тисках своего «нового порядка». Но венгерские войска выполняли приказы германского командования только под угрозой расправы с венгерскими солдатами. Армии 2-го Украинского фронта и армии 3-го Украинского фронта, уничтожив и пленив ясско-кишеневскую группировку противника, прорвали оборону в Карпатах, разгромили венгерскую пограничную армию прикрытия и приступили к освобождению северной, а потом и западной части Трансильвании. Поход начался. Справа, по узкой полосе, наступал полк Селищева, а слева - полк Ворона. Противник, отступая, сильно сопротивлялся, используя реки, ущелья и лес. Наши солдаты пробивались в горах, как когда-то суворовцы, беря каждый их метр с боем. 11 сентября солдаты овладели Банку, перерезали железную и шоссейную дороги Сигишоара - Одорхей и повернули на Прайд. К 10 часам 12 сентября забрались, наконец, на гору с отметкой «1777». С неё, повернув фронт на юг, атаковали Прайд и Совата, вышли на шоссейную и железную дороги Бланж - Тыргу - Муреш.

После 45-минутной артиллерийской подготовки солдаты нашей дивизии в ходе стремительной атаки прорвали оборону румын и двинулись к границе Румынии. Противник принимал

все меры, чтобы не пустить наши войска к пограничным дотам. Он цеплялся за каждую высоту, пытаясь помешать продвижению наших войск в глубь румынской территории.

Передо мной, командиром 233-го батальона была поставлена задача блокировать огневые точки противника, тем самым дать возможность нашим передовым группам продвинуться вперёд. Мной было принято решение одной ротой сделать демонстративную попытку блокировать огневые точки с фронта, а двумя другими ротами, обойдя высоту противника, захватить их и развернуть наступление двумя ротами по флангам огневых точек, уничтожив их. Этот манёвр имел успех. Мы блокировали доты, и наши войска беспрепятственно двинулись в глубь территории Румынии, которая в скором времени прекратила своё сопротивление и капитулировала. За успешное выполнение этой операции и манёвра я был награждён орденом Александра Невского.

В Берлине 8 мая 1945 года начальник генерального штаба верховного главнокомандования вермахта подписал Акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Но в районе Праги ещё продолжались ожесточённые бои. Гитлеровские генералы решили не сдаваться в плен Красной Армии, взорвать столицу Чехословакии город Прагу, уничтожить её население и только после этого отступить в зону наших союзников - США и Великобритании и там сложить оружие. В то время как наши войска добивали врага на берлинском направлении и в Берлине, 81-я стрелковая дивизия стремительным ударом разгромила гарнизон немецко-фашистских войск в городе Вышкове и освободила этот город. И тут же дивизия получила новую задачу от командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р.Я.Малиновского: разгромить части противника, прикрывающие Прагу с юго-восточной её стороны. А времени было для этого так мало! С наступлением темноты 8 мая части нашей дивизии, получив танки, автомашины, зенитную артиллерию, миномёты и до двух комплектов всех видов боеприпасов, приступили к выполнению поставленной задачи. С севера от Берлина по врагу, сосредоточенному в районе Праги, наносили удар танковые армии, с северо-востока на пражском направлении наступали войска 4-го Украинского фронта. С юго-востока, через мосты на р. Эльба, у Пардубице, и севернее Колина, спешила 81-я механизированная дивизия, проклады-

вая себе путь на Прагу. Так, благодаря героизму советских солдат, умению командиров управлять войсками в сложных условиях было пройдено за одну только ночь 250 километров. Утром юго-восточная часть города Праги с её населением была освобождена от нависшей смертельной угрозы.

Мощным бронированным тараном и боевым походом на Прагу 81-я механизированная дивизия закончила свой боевой путь в Великой Отечественной войне.

Войну я закончил под Прагой 9 мая 1945 года в звании майора под командованием генерал-майора И.К.Морозова.

Во время войны я получил два ранения: первым в 1942 году было пулевое ранение в ногу под Харьковом, но, к счастью, пуля не перебила кость. Я проходил лечение в медсанбате где-то 15-16 дней. А второе ранение оказалось более серьёзным. Это было в Румынии, под городом Яссы, там я получил осколочное ранение лица и контузию с потерей речи. После этого ранения я проходил лечение около месяца в медсанбате. Ещё было одно ранение руки, но это так, просто царапина.

После войны нашу дивизию сначала направили под Будапешт. Там нас погрузили в эшелон и направили в Японию. Но мы пересекли границу СССР лишь 3 сентября 1945 года, когда с Японией была завершена. И тогда наш эшелон направили на Украину, под Белую Церковь. Там некоторое время мы жили в землянках, но вскоре наши дивизии сократили и из нескольких дивизий сделали одну. Офицерский состав направили в отдел кадров Кировского военного округа. Нам предложили или продолжать службу в армии, или увольняться. У меня был друг по фамилии Губа, он был в должности комбата. Мы с ним решили, что будем увольняться. После прибытия в этот отдел кадров мы ждали две недели, и наконец нас вызвали на собеседование по поводу нашей дальнейшей службы. Первым пошёл мой друг. Он там был довольно долго и, когда вышел, сказал, что он решил остаться в армии. В ответ на мои упреки (ведь мы договорились увольняться), он сказал, что его уговорили остаться служить. Когда туда я зашёл, полковник спросил меня: «Ну что, останешься в армии?» Я спросил, что он может предложить? Он ответил, что может дать должность комбата учебного батальона, парашютно-посадочной дивизии под Белой Церковью. Я согласился. Когда я прибыл на место назначения, то сразу пошёл к командиру дивизии Иванову. Не

успел я ему представиться, как он мне сообщил, что мой батальон расформировали.

Я говорю: «И что мне теперь обратно ехать в отдел кадров?»

А он говорит: «Решай сам».

От командира дивизии я вышел расстроенным. И вдруг вижу едет командир полка подполковник Баталов, которого я знал.

- А ты откуда и куда?

Ну, я объяснил ему свою ситуацию, и он предложил мне идти к нему в полк. Так я попал в 357-й полк воздушно-десантных войск, который дислоцировался близ города Полоцк, что в Белоруссии.

Награды

Орден Отечественной войны 1-й степени, №164347;
Орден Красного Знамени, №172065;
Орден Александра Невского, №7511;
Орден Красной Звезды, № 944217;
Медаль за боевые заслуги (номер отсутствует)
Орден Красного Знамени, №30180;
Орден Отечественной войны 2-й степени, № 3054151.

Я уже до войны был сиротой, поэтому никого из близких во время войны не потерял.

Публикации про меня были в газетах, но это было лет 30 назад, а может и того больше, поэтому я не помню ни названия этих газет, ни дату их издания.

Зато хорошо помню один героический эпизод. Наша дивизия стояла на Украине. У нас при дивизии был свой военкомат, и мы призывали солдат из местных деревень. Так как мы не успевали одевать всех призывников и некоторые из них ходили в своей одежде, их стали называть «чернорубашники». Однажды я спрашиваю у одного такого призывника, здорового парня, с каким оружием он предпочитает воевать, а сам уже решил дать ему противотанковое ружьё (ПТР). Это довольнотаки массивное и тяжёлое оружие. Я не знаю, как он умудрился, но он смог из этого ружья, с плеча сбить немецкий самолёт «мессершмидт». Все просто ахнули от удивления. Эта новость

моментально разнеслась по всей передовой.

Ещё был один курьёзный эпизод. Когда наша дивизия вышла после окончания боя из Праги, мы увидели какие-то войска, и наши сразу же нанесли артиллерийский удар. Те, кого мы обстреляли, сразу подняли белые флаги. Потом выяснилось, что это были наши союзники - американцы.

Вот такие вот у меня остались воспоминания о войне…

Май 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гуранчеев Максим Александрович****, студент 1-го курса факультета радиоэлектроники летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Рябчуков Василий Николаевич

Война, жестокая и беспощадная

Родился я 1 января 1915 года в городе Старый Оскол, Курской губернии, ныне Белгородской области. По национальности русский, из христиан.

В 1939 году, являясь комсомольцем, в марте месяце вступил в члены ВКП(б), так что состою в Коммунистической партии более 60 лет.

В 1930 году окончил 9 классов средней школы, в августе поступил в горнопромышленное училище (шахта №169 "Вера" город Красный Луч, Луганской области.

Училище окончил в июне 1933 года, как молодой специалист был направлен на шахту №1. В сентябре 1936 года был призван в Красную Армию. Военную службу начал в 46-м отдельном стрелковом батальоне.

В 1938 году был зачислен курсантом Киевского военного училища. В связи с обстоятельствами окончил училище по ускоренной программе в августе 1939 года.

После Отечественной войны, являясь кадровым офицером, для повышения своего теоретического уровня, в 1949 году поступил, а в июне 1951 года окончил вечерний университет марксизма-ленинизма при политическом отделе Главного штаба и управления военно-воздушных сил.

В сентябре 1951 года стал слушателем Военной академии, которую в апреле 1955 года окончил.

После окончания Киевского военного училища получил назначение в Киевский особый военный округ, в 124-ю стрелковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Кировограде. Командиром дивизии был генерал-майор Сущий Филипп Григорьевич, комиссар дивизии - полковой комиссар Жиляков Георгий Иванович, начальник штаба дивизии полковник Рогочевский Самуил Миронович. Командир сапёрного взвода 781-го стрелкового полка - полковник Савельев Константин Федорович.

В связи с началом 1 сентября 1939 года военных действий Германии в Польше дивизия в полном составе с 17 по 28 сентября принимала активное участие в защите от оккупации территории Западной Украины.

В ноябре 1939 года 124-я дивизия в связи с советско-финляндской войной была переброшена на Карельский перешеек, в район города Сестрорецк, где с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года принимала участие в боевых действиях. После завершения боевых действий на оборонительной линии Маннергейма дивизия в конце апреля 1940 года возвратилась в город Житомир.

По приказу командующего Киевским особым военным округом Героя Советского Союза генерал-полковника Кирпалос Михаила Петровича, 124-я стрелковая дивизия из района Житомира была передислоцирована в Волынскую область и вошла в состав 5-й армии генерал-лейтенанта А.И. Потапова. Полки, части и подразделения 124-й дивизии были размещены в Сокале, Порицке и Тартаково, на правом берегу Западного Буга.

Там, на реке Западный Буг, я в должности командира сапёрной роты 781-го стрелкового полка дивизии, в 3 часа 45 минут утра 22 июня 1941 года вступил в боевые действия с фашистскими войсками, развязавшими вероломную войну против Советского Союза, которая длилась 1418 смертельно тяжелых дней и ночей…

В ночь перед началом войны командир дивизии генерал Ф.Г.Сущий доложил командующему 5-й армией генералу А.И.Потапову о перебежчике. Этот немецкий солдат Альфред Лискоф, сообщил о полученном войсками вермахта приказе

утром 22 июня 1941 года перейти в наступление против Красной Армии. Командарм выслушал доклад, приказал поднять дивизию по тревоге, занять оборону и действовать в строгом соответствии с установкой.

На рубеже Порицк, Тартаково, что по правому берегу реки Западный Буг дивизия заняла оборону.

За 30 минут до перехода германских войск в наступление против 124-й дивизии, командир 48-го мехкорпуса в своём донесении командующему 6-й полевой армией докладывал: «В полосе обороны русских перемещений не замечено. Сокаль вторую ночь в огнях. Русские сооружают укрепления не только днём, но и ночью при полном электрическом освещении. Видимо они ничего не подозревают о нашем сосредоточении и подготовке к военным действиям».

В 3 часа 45 минут 22 июня 1941 года части 48-го мехкорпуса обрушили всю свою огневую мощь, стремясь деморализовать боевой дух бойцов и командиров 124-й дивизии, с ходу выйти на оперативный простор.

На сокальском направлении под прикрытием артиллерии и авиации фашистские сапёры несли переправочные средства к р. Западный Буг, спускали их на воду.

С командного пункта по телефону прозвучал волевой голос командира дивизии генерала Сущего: “По фашистам огонь!” Артиллерия и минометы дивизии своим огнём накрыли фашистов, ринувшихся к переправе для форсирования р. Западный Буг.

У Сокаля 124-я дивизия в первом бою оказала героическое сопротивление, которого противник и не предполагал. 781-й стрелковый полк дивизии под командованием полковника Константина Федоровича Савельева вёл тяжёлый бой за мост через Буг с немецкими танками, которые с десантом автоматчиков стремились с ходу прорвать оборону. Когда два танка с автоматчиками достигли середины моста, сапёры полка взорвали его.

Я, отбивая атаку фашистов, был ранен осколком в висок, но продолжал руководить ротой в бою. К вечеру 26 июня 1941 года боевая обстановка для 124-й дивизии сильно осложнилась. Сосед справа - 87-я стрелковая дивизия отошла на рубеж населенного пункта Войницы. Была прорвана оборона частей

на стыке между 5-й и 6-й армиями, враг устремился вдоль рокадной дороги Брест - Киев, в глубь страны.

Дивизия несла невосполнимые потери: погибли командир 781-го полка полковник Константин Федорович Савельев, командир дивизии генерал-майор Филипп Григорьевич Сущий и полковой комиссар Георгий Иванович Жиляков. Дивизия упорно и стойко продолжала вести боевые действия за каждую пядь нашей земли.

Связь с командованием 5-й армии была утрачена. Отсутствовали продовольствие, боеприпасы, медикаменты, перевязочные материалы. Но боевой дух личного состава дивизии оставался стойким и высоким. Морально-боевые качества рядового и командного состава дивизии приводили в смятение фашистов.

28 июля 1941 года командир 406-го полка 124-й стрелковой дивизии полковник Тимофей Яковлевич Новиков, будучи ранен, принял решение выводить дивизию из окружения. Из бойцов и командиров дивизии он создал два условных полка, командовать ими приказал майорам Степанову и Чумаку. Капитан Павийчук стал руководить штабом дивизии. На рассвете 29 июня дивизия в районе Милятин прорвала вражеское кольцо окружения и с боями стала продвигаться в направлении Луцк, Ровно.

Полковник Новиков не просто выводил дивизию из окружения, а вел со своими воинами боевые действия, наносил удары по тыловым вражеским частям. Неустанно сапёры прокладывали колонный путь через реки и болота на Волынщине, форсировали реки Горынь и Случь.

Шли недели, а дивизия, опалённая огнём войны под боевым Красным знаменем продолжала вести боевые действия в глубоком тылу фашисткой армии.

30 июля 1941 года в районе города Овруг дивизия сосредоточилась в лесу на отдых. Линия боевых действий проходила по правому берегу р. Случь.

Проведя разведку переднего края боевых действий, полковник Новиков приказал форсировать р. Случь. Дивизия прорвала вражескую оборону и соединилась с действующими частями Юго-Западного фронта.

Так 124-я стрелковая дивизия под командованием полковника Новикова завершила 600-километровый путь по тылам

врага за 30 суток. За этот период дивизией было уничтожено до 800 вражеских солдат и офицеров, 50 орудий и миномётов, 270 автомашин и тягачей.

Верховный Главнокомандующий за проявленные в сложных условиях окружения стойкость, мужество и героизм в борьбе с оккупантами объявил всему личному составу дивизии благодарность

Полковнику Новикову было присвоено воинское звание генерал-майор, кроме того, он был награжден орденом Ленина.

После пополнения личным составом и боевой техникой дивизия вновь вошла в состав 5-й армии, вела боевые действия на киевском направлении с начала августа по 19 сентября 1941 года.

Войска вермахта на широком фронте наступали на полтавском и курском направлениях. Немецкая танковая армия захватила Нежин, Бахмач, Лубны и Хорол. Создалась вероятность окружения Киева.

19 сентября 1941 года по решению Военного совета командующий Юго-Западным фронтом Герой Советского Союза генерал-полковник М.П. Кирпонос отдал приказ войскам оставить Киев и отойти за Днепр. С рассветом войска вышли на правый берег р. Днепр, взорвали мосты, стали отходить в направлении Бровари, Дарница, Борисполь.

Так 124-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Новикова вновь оказалась в большом окружении. Начала свой отход от города Прилуки 19 сентября 1941 года, завершив свой выход с тяжелыми боями в направлении Бровари, Дарница, Борисполь, Гребёнка, Обоянь.

20 ноября 1941 года дивизия под командованием генерала Новикова соединилась с войсками Юго-Западного фронта, которым командовал Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко.

В начале декабря 1941 года 124-я стрелковая дивизия была отведена на формирование в город Воронеж. По завьюженным улицам остатки дивизии входили в город с фронта, квартирьеры в Придачах на р. Дон размещали уставших бойцов и командиров.

Командиром 124-й стрелковой дивизии был назначен полковник Александр Кондратьевич Берестов.

Комиссаром дивизии политуправление Юго-Западного фронта назначило полкового комиссара Ивана Николаевича Богатикова. Я стал инженером 781-го полка дивизии. На должность начальника штаба дивизии прибыл полковник Николай Тигранович Таварткиладзе.

5 января 1942 г. дивизия погрузилась в железнодорожные эшелоны и через легендарную Касторную убыла на фронт.

А 9 января 1942 г. на железнодорожной станции Новый Оскол она выгрузилась, вошла в состав 21-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ивана Михайловича Чистякова. 16 января 1942 г. дивизия вступила в боевые действия на Белгородщине, в направлении населенных пунктов Петровский, Шахово, Малиновка, Чижовка, Лески.

С февраля 1942 г. по 28 июля 1942 года дивизия вела боевые действия на Северском Донце, освобождая населенные пункты Петровский, Старый Салтов, Писаревка, Хатомля, Молодовое, Большая Бабка, Песчаное, Чугуев.

28 июня 1942 г. противник перешёл в наступление из района Белгород, Харьков в южном направлении. Прикрывая отход войск 21-й армии, 124-я стрелковая дивизия вела тяжелые арьергардные бои.

Дивизионные и полковые сапёры по пути отхода устанавливали минные поля, взрывали переправы через реки, сдерживали продвижение фашистских частей.

После каждого дня тяжелых боёв в полках дивизии всё меньше и меньше оставалось активных штыков и боевой техники.

5 июля на подступах к реке Дон, отражая танковую атаку, погиб командир дивизии полковник Александр Кондратьевич Берестов.

Оторвавшись от передовых частей врага, 124-я дивизия с малочисленным составом переправилась на подручных средствах на левый берег Дона, сосредоточилась в лесном массиве между городом Павловск и Белогорье. Пополнилась личным составом и боевой техникой.

15 июля 1942 г. командиром 124-й стрелковой дивизии был назначен полковник Александр Иванович Белов, а комиссаром дивизии - полковой комиссар Василий Тихонович Мартынюк. Я был назначен командиром 225-го отдельного стрелкового батальона.

17 июля войска 6-й полевой армии вермахта в районе города Серафимович, сосредоточившись на правом берегу Дона, изготовилась его форсировать и наступать с северо-запада к Волге, на Сталинград.

В ночь на 18 июля 1942 года командующий 21-й армией генерал-лейтенант И.М.Чистяков приказал командиру 124-й дивизии полковнику А.И.Белову форсировать Дон и занять на его правом берегу плацдарм: хутор Кузнечики, станица Усть-Хапёрская. Для захвата плацдарма 225-й отдельный сапёрный батальон под моим руководством собрал на левом берегу рыбацкие лодки, сосредоточил их в лесном массиве у берега Дона в готовности высадить стрелковые полки на правый берег Дона. Ночную темноту разрезали ракетные всполохи и трассирующие пулеметно-автоматные очереди фашистов.

Дивизионная и полковая артиллерия обрушила мощный огонь по обороне врага.

Сапёрные роты под прикрытием спустили переправочные средства на воду и отправились с передовыми подразделениями на правый берег.

Стрелковые полки ворвались в оборону фашистов с криком «ура», ломая сопротивление, они продвигались вперёд.

К утру дивизия перекрыла дорогу Клётская - Серафимович. Сапёры с ходу стали минировать подступы к захваченному плацдарму.

С 18 июля по 19 ноября 1942 года полки дивизии вели боевые действия за расширение плацдарма, овладев высотами, с которых хорошо просматривалась местность на подступах к левому берегу Дона. Сапёрный батальон создал на занятом плацдарме мощную инженерную оборону, установил 25 000 противопехотных и противотанковых мин, из них 12 000 бутылок с горючей смесью.

В пылающее лето 42-го на плацдарме за Доном произошла не совсем ординарная, но памятная для меня встреча с писателем Александром Серафимовичем. Произошло это 28 июля 1942 года. Проживая на юго-западной окраине города, где сапёры минировали левый фланг обороны дивизии, я и комиссар батальона Алексей Федорович Забалуев случайно встретили Серафимовича.

Он побывал с нами на передовой, а затем мы проводили его на КП в Кузнечики, к командиру дивизии полковнику

А.И.Белову. Он был под глубоким впечатлением от увиденного. Восхищенный мужеством и храбростью сражавшихся воинов, он написал обращение в дивизионной газете:

«Вперед, за Родину!

Отстоим Дон и Волгу!

Отстоим Русь-Матушку!

Под Ростовом немцы были разбиты. Бегут, теряют технику. Под Тихвином они разбиты, и Ленинград сохранил свои коммуникации. Под Москвой Гитлер сосредоточил много сотен своих войск. Это колоссальный дробящий кулак.

В победе они уверены. И вдруг страшное поражение. Немецкие орды покатились на запад.

То же самое будет и теперь! Будет! Должно быть! Немцы идут ва-банк. Они несчетно кладут свои полки и подходят к Дону. Несомненно, здесь повторится то же самое. Натиск немецких сил разобьется о две грозные для них линии – Донскую и Волжскую.

Порукой тому являются водные рубежи для обороны и подготовленность нашего командного состава к обороне в этом месте и то, наконец, что во время этого наступления враг понёс огромные потери в людях и технике. Но самым главным залогом успеха является дух героической Красной Армии, отстаивающей родную землю и уверенной в победе над фашистскими разбойниками. Здесь повторится для немцев еще разгром, уже испытанный под Москвой.

Я сам - донской казак, бывшей Усть-Медведицкой станицы, глубоко уверен, что наши казаки со всей силой, какая у них есть, будут отстаивать чудесную русскую землю, своих детей, жён и матерей, всю свою прекрасную жизнь, которую дало им социалистическое Советское государство.

Отстоим Русь-Матушку! В бой товарищи! Победа будет за нами!»

На рассвете 29 июля 1942 года газета «Вперёд, за Родину!» с обращением Серафимовича к личному составу дивизии была доставлена в окопы, на передовую.

Велика была роль газет на фронте. Они доставлялись на передовую наравне с боеприпасами и продовольствием. В минуты краткого затишья воины обращались к писательскому слову Александра Твардовского, Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Александра Корнейчука. Их выступления на стра-

ницах газет поднимали боевой дух воинов, воспитывали ненависть к врагу, призывали сражаться и побеждать.

Продолжая вести тяжёлые боевые действия на плацдарме, штаб дивизии получил приказ Верховного Главнокомандования №360 от 17 ноября 1942 года, в котором говорилось: «За проявленную отвагу в боях за отчизну с немецкими захватчиками, за овладение плацдармом на правом берегу реки Дон, за стойкость, мужество, дисциплину, организованность и проявленный героизм личного состава преобразовать 124-ю стрелковую дивизию в 50-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии - полковник Белов Александр Иванович».

Этим же приказом полки и части были преобразованы в гвардейские. 225-й отдельный сапёрный батальон был преобразован в 56-й отдельный гвардейский сапёрный батальон, которым я продолжал командовать в звании гвардии майора.

19 ноября 1942 года в 7 часов 30 минут утра 35 000 орудий Донского и Юго-Западного фронтов нанесли мощный удар по обороне фашистов. Артиллерийский огонь продолжался 1час 20 минут в полосе фронта шириной 26 километров.

После переноса артиллерийского огня в глубь немецкой обороны войска перешли в наступление.

К рассвету 19 ноября сапёры гвардейского батальона на высоте 220.0 - «Чепелев курган», в минных полях проделали проходы и обозначили их указателями.

С переносом артиллерийского огня в глубь обороны немцев гвардейские полки 50-й дивизии с сапёрами батальона прорвали передний край фашистов, и начали наступление в направлении Верхне-Царицынский, Перелаз, Верхне-Фоминский. Продвигаясь успешно вперед, дивизия уничтожила свыше тысячи солдат и офицеров противника. Было взято в плен до 800 фашистов, огромное количество вооружения.

Под ударом гвардейцев враг, отступая, оказывал яростное сопротивление, переходил в контратаки под прикрытием танков.

23 ноября 1942 года войска Донского фронта совместно с войсками Сталинградского фронта замкнули кольцо окружения в городе Калач вокруг 6-й армии Паулюса.

27 ноября 1942 года постановлением Совета Народных Комиссаров полковнику Белову Александру Ивановичу было присвоено воинское звание генерал-майор.

18 декабря 1942 года 50-я гвардейская дивизия была переподчинена 51-й армии генерал-лейтенанта Г.Ф.Захарова, которая входила в состав Юго-Западного фронта.

Продолжая вести тяжелые боевые действия, 19 января 1943 года 50-я гвардейская дивизия вышла к городу Каменск-Шахтинский. Переправившись на правый берег р. Северский Донец, она завязала бой за город. Сапёры 56-го батальона с ходу под огнем противника прокладывали путь полкам в минных полях.

К исходу дня дивизия, очистив город от оккупантов, стала преследовать отступающие части врага в направлении Ворошиловграда (ныне Луганск). С 20 января по 12 февраля дивизия вела боевые действия в направлении крупных населенных пунктов: Астахов, Давидо-Никольское, Первозвановка и районного центра города Лутугино. Сапёры батальона, обезвреживая инженерные заграждения, прокладывали путь дивизии. К 12 февраля 1943 года были освобождены населенные пункты и взят город Лутугино. 14 февраля 1943 года был освобожден 51-й армией областной город Ворошиловград.

15 февраля дивизия вышла к станции Штеровка в направлении города Боково-Антрацит, к которому 56-й гвардейский отдельный сапёрный батальон проделал проходы в минных полях фашистов.

В 7 часов утра 18 февраля 1943 года после артиллерийского удара по обороне врага гвардейские полки штурмовали, а к полудню взяли город Боково-Антрацит (ныне Антрацит).

К 28 февраля дивизия освободила населенные пункты Веселая Гора, Раевка, Крутогоровка и Желтое, вышла на рубеж: справа - город Славяносербск, слева - Родаково, заняла оборону в полосе совхоз «Долгое» - балка «Майорская».

В полосе обороны 50-й гвардейской дивизии личный состав 56-го отдельного гвардейского сапёрного батальона под моим руководством создал в предельно короткий срок плотную инженерную оборону. Было установлено 7500 мин и фугасов, 6000 метров проволочных заграждений из спиралей «Бруно» и пакетов «МЗП» - малозаметных препятствий.

3 марта 1943 года командир дивизии генерал Белов вызвал меня на свой командный пункт, где я ознакомился с приказом командующего 51-й армии, в соответствии с которым дивизия

должна была создать запасной оборонительный рубеж Желтое, Александровка до западной обороны города Ворошиловграда.

Ознакомившись с приказом, я доложил генералу о численности оставшихся в батальоне солдат, которые ведут инженерные работы по обороне переднего края дивизии.

Было принято решение обратиться к первому секретарю обкома партии А.И.Гаевому. В полдень 3 марта Антон Иванович принял нас, генерал Белов ознакомил его с приказом командующего 51-й армией. Я доложил, что для выполнения фортификационных работ в установленный срок ежедневно потребуется, как минимум, одна тысяча человек. Вверенный мне малочисленный сапёрный батальон понес большие потери в боях под Сталинградом и при освобождении восточных районов Ворошиловградской области.

Выслушав нас, Антон Иванович сказал: «Хорошо, народ города и населенных пунктов мы поднимем на выполнение оборонных работ. Но как быть с продовольствием? Голодный пожилой человек или подросток работать 10-12 часов не сможет».

Генерал Белов ответил: «Я думаю, комбат положительно решит вопрос, как накормить работающих горячим обедом…»

«Это не проблема. - заверил я. - Северский Донец изобилует рыбными запасами. Работающие ежедневно будут получать горячую пищу с хлебом».

Антон Иванович, прощаясь с нами сказал: «5 марта в 8 часов утра встречайте народ у перекрестка дороги Ворошиловград - Веселая Гора - Желтое…»

Две сапёрные роты батальона и тысяча жителей с 5 марта по 25 апреля, работая с 8 утра до 20 часов, с перерыв в один час на обед затратили свыше 50 000 человеко-дней, но завершили оборонительный рубеж.

10 августа 1943 года 50-я гвардейская дивизия, в полосе Славяносербск, Родаково сдала оборонительный рубеж 315-й стрелковой дивизии вышла в район населенного пункта Куйбышевский, то есть на левый берег реки Миус, вошла в состав 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В.Д.Цветаева (Южный фронт, которым командовал генерал-полковник Ф.И. Толбухин). В ночь на 13 августа 50-я дивизия сменила в обороне 127-ю стрелковую дивизию, заняв исходное для наступления положение.

56-й отдельный гвардейский сапёрный батальон проведенной разведкой установил расположение минных полей противника в полосе предстоящего наступления дивизии, на правом, возвышенном берегу р. Миус.

В ночь на 18 августа того же года сапёры проделали три прохода в минных полях, каждый шириной до 50 метров.

В 5 часов утра я доложил командиру дивизии о проделанной работе. В 6 часов утра вздрогнула донецкая земля. Артиллерия Южного фронта обрушила свою огневую мощь по обороне врага. В 7 часов 20 минут взвились красные ракеты - сигнал перехода к наступлению.

50-я гвардейская стрелковая дивизия, прорвав оборону противника, перешла в наступление. С 18 по 23 августа 1943 года полки дивизии с тяжелыми боями освободили населенные пункты Калиновка, Артемовка и Степановка, вышли на рубеж высоты «Саур-могила».

23 августа, отбивая контратаку автоматчиков с танками у подножия северных скатов высоты «Саур-могила», я был тяжело ранен в правое бедро и получил контузию. Меня отправили в медсанбат, а затем в эвакогоспиталь №1469, в г. Астрахань. В госпитале находился на излечении до 15 мая 1944 года.

Северо-Кавказский военный округ меня как командира отдельной воинской части из г. Ростова-на-Дону направил в распоряжение Главного управления кадров НКО г. Москвы, так как для меня Великая Отечественная война закончилась.

21 июля 1944 года после отпуска по ранению я был назначен для прохождения военной службы в 3-е управление спецслужб Государственного краснознаменного военно-воздушного института. Начальником управления был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Данилин Сергей Алексеевич.

С 15 апреля 1949 года по октябрь 1955 года я проходил дальнейшую службу в Главном штабе ВВС.

В связи с сокращением численности Вооруженных сил, был выведен за штат, проходил врачебную комиссию. На основании свидетельства за №25 от 20 октября 1955 года я как инвалид войны второй группы приказом Главкома ВВС №1387 от 30 ноября 1955 года был уволен в запас.

Награды

За боевые заслуги в годы Отечественной войны был награждён медалями: «За боевые заслуги», №2637864, «За отвагу», №81384», двумя орденами Красной звезды за №38668. Орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней за №458483 и 552631.

Вышеуказанные награды мне вручались командующими и членами военных советов 21-й армии Донского фронта, 51-й армии Юго-Западного фронта

В ноябре 1948 года временные удостоверения о наградах на фронте были заменены на орденские книжки, в которых были внесены только номера наград, без указания дат.

Мне выдана орденская книжка №329827, к ней проездные билеты и денежные купоны, выдана за подписью секретаря президиума Верховного Совета СССР Горкина.

Кроме боевых наград награждён юбилейными медалями:

«За участие в героической обороне Сталинграда»,
«За победу над Германией»,
«За доблестный труд»,
«Двадцать лет Победы»,
«Двадцать пять лет Победы»,
«Тридцать лет Победы»,
«Сорок лет Победы»,
«Пятьдесят лет Победы»,
«За оборону Киева»,
«В память 800-летия Москвы»,
«В память 850-летия Москвы»,
«Ветеран труда»,
«XXX лет Советской армии»,
«40 лет Вооружённых сил»,
«50 лет Вооружённых сил»,
«60 лет вооружённых сил»,
«70 лет вооружённых сил»,
«100 лет со дня рождения Жукова»,
«Защитник Отечества» - указ президента Украины Кучмы Л.Д. от 14 ноября 1999 года,
«200 лет МВД» с награждением нагрудным знаком «За отличие» от 15 апреля 2003 года,
«60 лет Сталинградской битвы».

Публикации

В издательстве «Донбасс» за 1973 год напечатан мой очерк под названием «Сапёры - первопроходцы», автор составитель писатель Тепляков Георгий Васильевич.

Книга «Твои освободители, Донбасс». 100 000 экземпляров, переиздана 4 раза.

После увольнения из армии в запас работал с 29 ноября 1955 года по март 1983 года начальником отдела охраны при РУВД Дзержинского исполкома Москвы.

В марте 1983 года был избран на профсоюзной конференции председателем профсоюзного комитета управления вневедомственной охраны ГУВД г. Москвы с численностью членов профсоюза 35 000 вольнонаёмных сотрудников.

В мае 1991 года сложил свои полномочия и вышел на заслуженный отдых.

С 1965 года по настоящее время являюсь председателем Совета однополчан 50-й гвардейской, четырежды орденоносный, Донецкой стрелковой дивизии. За 38 лет Советом была проделана активная патриотическая работа: ежегодные встречи с учащимися и трудящимися городов и крупных населённых пунктов, которые освобождали гвардейцы.

С помощью местных органов в городах - Серафимович, Луганск, Донецк, Каменец, Николаев, Порицк и крупных сёлах Чернышевская, Желтое, Тополи и других установлено 32 обелиска, памятника и стелы.

В школах и ПТУ созданы комнаты боевой славы дивизии, где размещены схемы боевых действий, альбомы с фотографиями рядового и командного состава дивизии с Героями Советского Союза.

В городе Донецк две улицы носят названия 50-й гвардейской дивизии и её командира генерал-майора Владыченского Антона Станиславовича.

В городе Николаеве названы улицы имени генерал-майора Белова Александра Ивановича и комиссара Мартынюка Василия Тихоновича, погибших 28 марта 1944 года при освобождении города.

В городе Серафимович названа улица имени рядового Аверьянова Николая Филипповича, закрывшего своим телом амбразуру пулемёта.

За успешные боевые действия 56-го гвардейского отдельного сапёрного батальона мне, командовавшему им, решением сессии Большенского совета 9 мая 1977 года было присвоено звание Почетный гражданин хутора Большой, Серафимовичского района.

Проходят годы, скоро собираюсь отметить своё 90-летие в год 60-летия Великой Победы. С болью в сердце вспоминаю первый день войны 22 июня 1941 года, который встретил на р. Западный Буг в 3 часа 45 минут в должности командира сапёрной роты 781-го стрелкового полка.

Испытал тяжёлую горечь двух окружений: на Западном Буге и под Киевом. Форсировал реки, прокладывал пути через озёра и болота.

Сражался на Дону и в степях под Сталинградом, без устали командуя гвардейским отдельным сапёрным батальоном.

Завершил войну и свой боевой путь у подножья высоты «Саур-могила», легендой воспетой, 23 августа 1943 года в 9 часов утра, когда, отражая атаку автоматчиков с танками, был тяжело ранен разрывом снаряда.

Послушай ветры
Над «Саур-могилой»,
Коснись рукою
Пахучих степных трав.
Здесь мужество с боями проходило,
Легендою для нас навеки став.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Панкратова Анна Александровна****, студентка 1-го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Сапетко Андрей Семёнович

Комсомолец - на самолёт!

Я родился 4 ноября 1923 года на Украине, в Васильковском районе, в селе Павловка. По национальности я украинец. По вероисповеданию – христианин.

В 1939 году закончил 10 классов сельской школы.

Руководствуясь ленинскими заветами о защите социалистического Отечества, Коммунистическая партия проявляла большую и неустанную заботу об укреплении оборонного могущества страны, об оснащении Красной Армии первоклассной для своего времени техникой, о подготовке высококвалифицированных военных кадров. Партия учила советских людей быть бдительными, всегда готовыми к защите великих завоеваний Октября. Ленинский комсомол взял шефство над Воздушным флотом. IX съезд ВЛКСМ бросил клич «Комсомолец – на самолёт!» и выдвинул задачу: подготовить для Красного Воздушного флота 150 тысяч летчиков. И вот уже тысячи юношей и девушек горячо откликнулись на этот призыв. Среди них был и я. В октябре 1940 года поступил в Днепропетровский аэроклуб. Занятия вели высококвалифицированные специалисты, опытные летчики. В сравнении с современной электронной и компьютерной тренажерной аппаратурой прежнее оборудование выглядит довольно примитивно, но в свое время оно сыграло немалую роль в развитии и совершен-

ствовании методических приемов обучения авиаторов. Шёл трудный поиск путей совершенствования системы и методов обучения, шла борьба за сокращение сроков, за снижение материальных затрат на каждого подготовленного летчика, техника. Полученные в аэроклубе знания и навыки впоследствии оказали нам, всем выпускникам, неоценимую помощь в обучении и воспитании летных кадров в процессе подготовки летчиков-истребителей в летных училищах, а также в работе с молодым пополнением в строевых частях Военно-воздушных сил. В том же году я и перешёл в одно из таких училищ - Одесское. Но не успел его закончить из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Спустя 10-15 дней после её начала нам выдали винтовки. В тот день я действительно почувствовал себя ответственным за себя, за своих товарищей, за свое Отечество.

Вспоминается один курьезный случай, произошедший со мной в те дни. Как-то, находясь в карауле на аэродроме, я охранял один из ангаров. Было зябко. Мысль все время возвращала меня к недавнему разводу караулов. Навязчиво повторялось строгое предупреждение: бдительность и еще раз бдительность. «А условия как раз на руку разным там диверсантам!» - подумал я с тревогой, пристально всматриваясь и вслушиваясь в густую темень. Но видел я лишь белые хлопья снега, слышал только завывание ветра. По моим подсчетам, прошло уже около часа, как я заступил на пост. Значит, осталось еще столько же. Постоял немного под «грибком» и снова зашагал вдоль стены. Ветер по-прежнему рвал полы шинели, бросал в лицо холодные и мокрые комья снега. Узкая полоса света обрамляла ангар по периметру. А дальше – черная стена, кромешная темнота. Дошёл до угла. Теперь – кругом, и в обратный путь. «А что за углом? Ну-ка, выгляни, посмотри! – заговорило во мне желание. – Вдруг что-то подозрительное?..» Выглянул. И в тот же миг получил удар по голове. Как стоял – так и сел. Шея стала мокрой, что-то потекло по спине. «Наверное, кровь», - подумал я и мгновенно нажал спусковой крючок. Прогремел выстрел – предупреждение о нападении на часового. Теперь – бороться! Я приподнялся и стал искать глазами диверсанта. Но его нет! Где же он? И тут взгляд мой упал на большую глыбу мокрого снега. «Так вон оно что…» Я облегченно вздохнул. Мне стало ясно, что произошло: мокрый

снег, отяжелев, сполз с крыши ангара в тот самый момент, когда я выглянул из-за угла… Печально и смешно! Однако поздно: был выстрел, и ко мне уже спешили на помощь. Из темноты выпрыгнул на свет запыхавшийся начальник караула, за ним появились вооруженные караульные. Пришлось все объяснять.

Немцы наступали на Одессу, поэтому училище перевели в Киргизию. Его я закончил в 1942 году. Здесь нас научили летать на И-16. До этого мы летали на У-2. За мной закрепили боевой самолёт. Это был уже совсем старенький истребитель И-16, вооружение его состояло из двух крыльевых пулеметов ШКАС нормального калибра и двух РС. Но я и такому самолёту был рад. Чтобы успешно воевать, на разборах воздушных боев я внимательно прислушивался к выступлениям командиров, к рассказам опытных летчиков, делившихся впечатлениями после удачно проведенных схваток с врагом. Даже самые разрозненные, отрывочные данные, касающиеся тактики немецких истребителей, я старался как-то осмыслить, понять.

После этого училища наш полк направили в г. Пензу, где мы учились летать на английских истребителях «харри-кейн». Помню первый полет на новом истребителе: небо было чистое, чистое. Далеко-далеко постирается горизонт, и чем выше поднимаешься, тем дальше он отодвигается, тем мельче становится все внизу. А самолёт послушен тебе. Только возьми ручку на себя - сразу же горизонт начнет проваливаться, уплывать вниз, и вот его нет - над головой только синее небо, пронизанное солнечными лучами. Неведомые силы придавливают тебя к сиденью – перегрузки все растут, дыхание затрудняется, все тело наливается тяжестью, ноги и руки становятся, словно свинцовые. Затем постепенно из-под головы снова надвигается горизонт, исчезает перегрузка – можно переводить машину в горизонтальный полет. Даешь координированным движением ручку управления и ножную педаль в левую или правую сторону, и самолёт тут же, незамедлительно начинает вращаться, выполнять левую или правую «бочку». Интересное ощущение: смотришь на капот мотора, и кажется, что не самолёт вращается, а земля и небо вращаются вокруг самолёта. Вроде бы, не сам ты вращаешься, а заставил крутиться землю и небо вокруг себя!

Выводишь снова самолёт в горизонтальное положение. Едва вывел, ставишь его в набор градусов под 45, отдаешь ручку от себя, и появляется ни с чем не сравнимое чувство невесомости, и ты валишься, летишь в голубую бездну…

На землю опустилась непроглядная ночь, и трудно было поверить, что даже под ее покровом продолжает жить и трудиться аэродром. Тускло, подсвечивая себе дорогу бледными лучами, пробивавшимися из узких щелей маскировочных фар, сновали между эскадрильскими стоянками автомашины с кислородными баллонами, масло- и бензозаправщики. У самолётов копошились наши верные боевые друзья и помощники – инженеры, техники, прибористы, оружейники. Низко наклонившись к раскрытым лючкам, колдуют они над двигателями, агрегатами и приборами. Самолёт - оружие коллективное. К боевому вылету он тщательно готовится на земле трудом большого числа специалистов многих служб полка и батальона аэродромного обслуживания. Летчик мысленно представляется мне на вершине своеобразной пирамиды, построенной трудом большого коллектива. Этот коллектив верит пилоту, вручает ему боевую машину как бойцу, призванному и способному в открытом сражении оправдать надежды своих товарищей – уничтожить врага! Мы высоко ценили труд каждого инженера и техника, каждого младшего авиаспециалиста, так как во многом от них зависели не только успехи боевого вылета, но и наши жизни: ведь это они готовили материальную часть самолёта, вылетающего в бой. И мы связаны крепкими узами дружбы и товарищества, единством целей, общностью интересов в этой трудной войне. Поэтому всегда старались в силу своих возможностей прийти им на помощь. Старались дать объективную оценку работе материальной части в воздухе во время полета, заправить горючим самолёт, произвести тщательный осмотр механизмов, настроить бортовую радиоаппаратуру. Хоть это была и небольшая, но все же помощь.

В мае 1943 году я был направлен в 1963-й истребительный авиационный полк в г. Саратов. В октябре 1943 года мы на истребителях сопровождали поезд с особо важной персоной. Как потом выяснилось, этой особо важной персоной оказался сам Сталин, который ехал на подписание Тегеранского договора.

Наше училище перевели в Сталинград. Время было трудное. Полеты производились редко: не хватало горючего, за-

пасных частей. Одежда и унты вечно были мокрые, а за день так находишься, что к вечеру еле добираешься до койки. Каждый вечер, сгрудившись у старенького репродуктора, мы слушали сводки Совинформбюро, спорили, обсуждали создавшуюся обстановку. Бои на всех фронтах шли по-прежнему ожесточенные.

Я попал на 1-й Белорусский фронт, где летал на Як-1, Як-7Б под командованием майора В.Г.Титова. С этим командиром я прошёл почти всю войну(до 1945 года, когда наш 147 гвардейский истребительный полк был расформирован в городе Рига). Я помню боевой вылет, в котором погиб мой лучший друг. Летим к линии фронта. На высоте 1500-2000 метров видимость ухудшается, появляется дымка. Погодные условия довольно сложные, земля еле просматривается. На горизонте справа появляется несколько точек. Вскоре становится ясно, что это «мессершмитты». Набирая высоту, они, как на воздушном параде, оставляя за собой шесть легких дымков, заходят нам в хвост. Мы заметили врага вовремя, начинаем маневрировать: сходимся и расходимся на разных высотах, делаем, как говорят летчики, ножницы. А «мессеры», не обращая внимания на наши маневры, тем временем выходят на прямую для атаки. Вижу, заходят на крайнего. А крайний – я… Мысль работает спокойно, четко. «Так… Как раз тот вариант, о котором я думал, тот, о котором спрашивал у более опытных летчиков. Развернуться им в лоб? Но ведь тогда я оторвусь от своих и наверняка не смогу удачно выйти из неравного боя. Что же делать? Пока маневр, и не давать им вести прицельный огонь, а дальше будет видно». Стараясь сохранить боевой порядок и строй, маневрируем. «Мессеры» ведут бой выше нас с истребителями ЛаГГ-3. А истребители-бомбардировщики уже пикируют на позиции фашистских войск. Теперь наша задача – надежно прикрыть их. В небе, как мне показалось, царила неразбериха: справа, слева, внизу и вверху проносились наши и вражеские самолёты, и я даже опасался, как бы не столкнуться с кем-нибудь из них. Конечно, позже я понял, что никакого хаоса тогда как раз и не было – летчики обеих наших групп действовали смело, точно и решительно. Начались петли, виражи, боевые развороты. Из стволов пушек и пулеметов вылетали длинные и короткие трассы очередей. От разрывов зенитных снарядов в небе образовались небольшие серые обла-

ка, которые постепенно расползались, а вскоре совсем исчезли. И тут навстречу друг другу несутся два истребителя – наш и немецкий. Бьют из всех огневых точек и сходятся в лобовую. Длится это мгновение. Кто первый отвернет, кто первый не выдержит? Огненное облако, оглушительный взрыв – и, кувыркаясь, летят к земле пылающие обломки, льется огненным дождем бензин, еще секунду назад наполнявший самолётные баки… Все, что осталось от двух самолётов и двух летчиков… Кто он, наш летчик? Этого пока не знал я, даже не успел заметить номер машины. Наши самолёты стали уходить из района атаки, и я, пристроившись к одному из И-16, следовал в общей группе истребителей. Только теперь я перевел дух и почувствовал, какими нелегкими были те минуты над линией фронта. Нет слов и нет красок, чтобы описать и обрисовать тот ад, что творился на земле и в воздухе. Управлять машиной стало труднее – давала себя знать усталость. Лишь на земле я узнал, что тем летчиком был мой товарищ Киреев.

Из города Саратова (1943 год) мы отправились в г. Тулу (1943 год). В очередном воздушном бою желание сбить вражеский самолёт было настолько велико, что я, не раздумывая, пошёл в атаку на одного из «мессеров». Сейчас я сближусь и… Но фашист меня заметил. Он сделал рывок и ушёл в облака. Досадно! Оглядываюсь – моих товарищей не видно. Набираю высоту – опять никого. Значит, увлекся и оторвался от группы. Взял курс на аэродром. Посмотрел на часы – времени в обрез. Вот-вот кончится горючее и мотор остановится. Надо срочно снижаться. Успокаивает то, что наверняка нахожусь над нашей территорией.

г. Калуга (1943 год)
г. Брянск (1943 год)
г. Минск (1944 год)
г. Мозар (1943год)

Разложив перед собой полетные карты, мы получали боевую задачу с указанием конкретного района боевых действий, времени, погоды, что давало возможность предметно изучать наземную и воздушную обстановку. Одни макеты у нас представляли вражеские бомбардировщики, другие – их прикрытие, третьи – истребители, прикрывающие поле боя. Каждому

ставили задачу. Мы принимали решение и, держа в руках модели своих самолётов-истребителей, совершали различные эволюции: «шли в атаку», «маневрировали», «выходили из боя», занимая более выгодное положение, «сбивали противника». Это так увлекало нас, что мы целыми днями не расставались с макетами самолётов и, как только выдавалось свободное время, разыгрывали какой-либо придуманный самими воздушный бой. А то воспроизводили бой, только что проведенный товарищами, прилетевшими с задания, и тут же обсуждали его детали. Долго и тщательно тренировались мы и в стрельбе. На специальной установке учились точности наводки под различными ракурсами, быстрому прицеливанию. Практически это выглядело так. Вот идет самолёт противника. Его скорость – 450 километров в час. Берешь прицел, определяешь ракурс, выносишь вперед точку прицеливания, начинаешь слежение, удерживание «вражеского самолёта» в прицеле. Точно навел – вспыхивает электрическая лампочка. Все это делалось со стремительной быстротой, чтобы воспитать энергичных, метких стрелков. В бою враг не будет ждать, пока ты прицелишься! Эта подготовительная работа на земле и в тренировочных вылетах оказала нам огромную пользу. В необходимости и значении проделанного труда мы убедились потом, в дни полетов на боевые задания, во время самых ожесточенных схваток с врагом. Занятия всегда проходили оживленно, интересно, часто вспыхивали горячие споры по какому-либо приему или элементу атаки либо в целом по проведенному воздушному бою.

Тут же находился и альбом воздушных маневров. Открывался этот альбом запоминающимся лозунгом:

ИСТРЕБИТЕЛЬ! ИЩИ ВСТРЕЧИ С ПРОТИВНИКОМ:
НЕ СПРАШИВАЙ, СКОЛЬКО ВРАГОВ,
А СПРАШИВАЙ – ГДЕ ОНИ?

Альбом то и дело пополнялся схемами новых приемов воздушного боя. В нем уже хорошо была разработана техника восходящей спирали, а позже здесь нашёл свое отображение новый в то время прием ведения боя, маневр, связанный с уходом под трассу противника на вираже. Вскоре этот маневр был развит, усовершенствован и превращен в оружие нашей наступательной тактики. Это был удачный прием. Подвергшийся атаке на вираже, наш летчик резко убирал газ, терял

скорость и управляемой нисходящей «бочкой» в сторону виража уходил под живот самолёта-истребителя противника. Немецкий истребитель в это время упускал из поля зрения наш самолёт, тогда именно наш истребитель оказывался в хвосте и в свою очередь наседал на врага.

У нас часто говорят, что у истребителя голова должна быть на шарнирах и вращаться на 360 градусов. Это не совсем правильно. Какими бы безотказными ни были эти «шарниры», летчик не сможет все время, сидя в кабине, крутить головой туда и сюда. Это трудно и не совсем эффективно. На фоне солнца так можно и не заметить противника. Станешь часто и подолгу осматривать хвост – отстанешь от ведущего, потеряешь его. А этого допустить никак нельзя! Но ведомый должен отлично знать, что делается у него над головой, внизу, в хвосте, смотреть, чтобы враг не подкрался со стороны солнца и в то же время не выпускать из поля зрения самолёт ведущего.

Село Барановщина (конец 1944 год)
г. Модлен под Варшавой
г. Торш
г. Бронбер
г. Познань
г. Лансберг (1945 год)

К концу войны я служил в 320-й авиационной дивизии под командованием лейтенанта Панова.

Возвращался я домой через город Познань, туда заехал на авиационный ремонтный завод за своим самолётом. Там встретил свою будущую жену - Ольгу Васильевну. Тогда она была ефрейтором. Мы поехали в г. Калугу, где жили ее родственники, а потом на Украину - к моим родственникам. Позже мы уехали в Польшу, а потом в г. Ригу.

Уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году нас переучивали летать на реактивных истребителях МиГ-15.

Хотя за всю войну мне очень везло (меня ни разу не ранили), но здоровье было подорвано. Поэтому меня и еще двух моих товарищей перевели в транспортную авиационную 90 эскадрилью, входящую в состав Московского округа противовоздушной обороны, где мы летали на Ли-2 и Ил-14. До 1962

года я летал на Ил-16, после чего я был демобилизован. В том же году переехал в Городок-17 Одинцовского района, Московской области, где и живу до сих пор.

Награды

На протяжении всей войны я получил Орден Красного Знамени в г. Бронберн за боевые отличия. Его вручил мне секретарь президиума Верховного Совета СССР А. Горькин (№1738605), а также Красную Звезду за боевые заслуги (№3486837) в октябре 1945 г.

Также получил:

- орден Отечественной войны 2-й степени (№2558987). 14 марта 1985 г.
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль в честь двадцатилетия Победы над Германией,
- медаль в честь тридцатилетия Победы над Германией,
- медаль в честь сорокалетие Победы над Германией,
- медаль в честь столетия со дня рождения Ленина,
- медаль в честь пятидесятилетия службы в армии,
- медаль в честь семидесятилетия Вооруженных сил СССР,
- медаль за двадцать лет безупречной службы в армии.

Всего получил 15 медалей.

Мне хочется, чтобы наша молодежь училась мужеству, любви к Родине, помнила, что наступит время, когда и ей надо будет сказать свое слово подрастающему поколению, проявить заботу о том, чтобы вырастить его достойным преемником славы отцов и старших братьев.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Голубева Татьяна Витальевна****, студентка 1-го курса факультета двигателей летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Ситников Николай Яковлевич

Теперь для нас с Вами будут другие экзамены…

Я родился 7 августа 1919 году в семье крестьянина в селе Ново-Ракитино, Лебедянского района, Липецкой области (в то время в Тамбовской губернии), русский, атеист, беспартийный, член организации Ветеранов ВОВ по месту жительства

Когда мне был год от роду, мой отец и мать, со мной и моим старшим братом четырех лет перебрались на постоянное жительство в Москву. Отец и мать были полуграмотными, поэтому городская жизнь для них была тяжелой. Отец делал все возможное, чтобы его дети получили законченное школьное образование. Школу-десятилетку я окончил в 1938 году и был принят на факультет английского языка во 2-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Начало Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии пришлось на весеннюю сессию за 3 курс. К тому времени я достаточно свободно владел английским разговорным языком, даже с осени 1940 года до весны 1941 года успел поработать устным переводчиком, агентом по встрече и проводам иностранных гостей ВАО «Интурист». Была введена плата за обучение в вузах, и мне пришлось искать приработки, которые, кстати, приходились на ночные часы, уже после дневных занятий в институте. Было очень трудно.

Место обучения

При нашем институте уже существовал военный факультет, готовивший переводчиков основных западных языков, поэтому уже в первые дни после начала войны я стал курсантом выпускного курса военного факультета, где был зачислен в группу будущих переводчиков для Военно-морского флота. Наш военный факультет осенью 1941 года был полностью эвакуирован по р. Волге до города Ставрополь-на-Волге (примерно там, где сейчас раскинулись корпуса автозавода города Тольятти). Занятия шли по ускоренной и очень напряженной программе, причем не только по языку, но и по ряду специальных предметов. В феврале 1942 года после сдачи экзаменов, вместе с еще пятью выпускниками, получившими дипломы, по железной дороге через г. Куйбышев (сейчас г. Самара) мы прибыли в распоряжение Главного штаба Военно-морского флота. Нам присвоили первое лейтенантское звание, обстоятельно проэкзаменовали, проинструктировали и направили двумя группами в г. Архангельск и г. Полярный, Мурманской области.

Вместе с моим другом Игорем Мелехом я попал в город Полярный, в распоряжение отделения офицеров связи, военных переводчиков английского языка разведотдела штаба Северного ВМФ.

Место службы

В отделении офицеров связи штаба флота нас было шесть человек под командованием капитана 2-го ранга Ригермана, человека в высшей степени эрудированного и блестяще знавшего английский язык. В задачу нашего отделения входила работа по переводу самой разнообразной специальной литературы, документов и переписки между нашим штабом и обосновавшейся в г. Полярном миссией британских ВМС, для координации совместных боевых действий наших флотов по проводке и защите морских конвоев из Англии и Северной Шотландии до Мурманска и Архангельска и обратно от наших берегов до Северной Норвегии. К тому времени вся Северная Норвегия и Финляндия были очень серьезно освоены немца-

ми: у них было много аэродромов, по сути дела, находившихся на небольшом расстоянии от линии фронта.

Начало войны

Так началась для меня война и мое участие в реальных боевых условиях. А узнал я о начале войны, сидя в тихом читальном зале Государственной библиотеки иностранной литературы, готовясь к очень важному устному экзамену по английской филологии. День был воскресный, окна зала открыты, и было слышно какое-то «бубнение» уличных репродукторов на соседней площади, что перед Моссоветом. В зале нас было человек шесть, все студенты нашего института, и каждый был углублен в свои учебники. Но вот неожиданно распахнулась дверь, и вошла наша однокурсница, сцепив пальцы вокруг горла, внезапно с хрипотцой сказала: «Ребята, война!..» Прошло столько лет, столько не менее грозных событий потрясли нашу когда-то великую державу, а вот этот сдавленный крик, обрушивший столько судеб и жизней, до сих пор не забывается.

Помню, что все, кто был в зале, как в замедленном кинофильме, тупо начали собирать книги и тетради и молча, медленно расходиться. В зале был еще преподаватель, которому мне предстояло на днях сдавать экзамен по филологии. Это был милейший человек лет 35. Он подозвал меня (мы все друг друга знали в институте!) и, попросив зачетку, тут же выставил отметку со словами: «Теперь для нас с Вами будут другие экзамены…» На площади перед репродукторами стояла молчаливая суровая толпа, слушавшая речь Молотова. Домой с Пушкинской на Сретенку я пошёл пешком… в душе была пустота, да и торопиться было некуда. Между прочим, рухнула и личная жизнь: моя возлюбленная уже на третий день войны уезжала в воинском эшелоне переводчицей румынского языка. Была тяжело ранена, чуть не умерла от тифа под Сталинградом, и, когда мы встретились осенью 1943 года, оказалось, что наши жизненные пути разошлись. Но до сих пор общаемся по телефону.

Вооружение противника

В Северной Норвегии, в Тронхейме, был мощный отряд немецких крейсеров, в шхерах и порту Петсамо были оборудованы базы подводных лодок. Наш флот состоял из небольшого количества миноносцев предвоенной постройки (трех или четырех) времен Первой мировой войны. Подводные лодки базировались на базе города Полярный, а морская авиация - в порту города Ваенга (ныне Североморск). Разведывательные гидросамолёты взлетали из Ваенги с сухопутного аэродрома. На боевые операции уходили как бомбардировщики, так и истребители прикрытия. Но было довольно много подводных лодок малого, среднего и высшего класса «К» (крейсерские). И, конечно, мощная группа торпедоносной авиации.

Тяжелые будни

Помимо обширной работы с разного рода документами, три офицера связи регулярно выходили на боевые операции на борту наших и английских кораблей, вступавших в прикрытие идущих из Англии союзных конвоев с необходимым снаряжением для фронта по условиям соглашения о ленд-лизе, в качестве помощи в борьбе против общего врага. Наши корабли уходили встречать очередной конвой в районе севернее Нордкапа, где вступали в совместное охранение и защиту тяжелых и тихоходных транспортных судов, которые шли, как правило, тремя колоннами, и везли в своих трюмах военное снаряжение, боевую технику, продовольствие, медикаменты, танки и самолёты. После разгрузки в Мурманске и Архангельске уцелевшие от атак подводных и надводных кораблей противника суда с разного рода грузами (главным образом, руды полиметаллов, хром, никель и т.д.), под прикрытием союзных военных кораблей, нашей авиации и миноносцев, снова пускались в обратный путь к берегам Англии. Из нашего отделения офицеров в боевые походы в море ходили всего трое: наш непосредственный старший группы, который, как и мы, окончил военный факультет, прибыл в г. Полярный несколько раньше, Мелех Игорь и я. Две наши женщины были не в счет, как и, как нам казалось, глубокий старик (ему было под 40), но он был подслеповат и очень тщедушен, однако, язык знал пре-

восходно. Что касается меня, то из-за молодости и некоторой азартности характера всякий выход в море был для меня как праздник. Даже в голову не приходило, что какой-то из моих походов может оказаться последним. На наших кораблях нас, переводчиков, встречали радушно и очень заботливо. Для координации действий кораблей охранения, кроме своего переводчика, на нашем был весь поход офицер связи английской миссии с двумя радистами. Он поддерживал связь с командованием эскорта и следил за сообщениями из Лондона.

Нравы союзников

Надо сказать, что хотя мы считались союзниками по борьбе против нацистской Германии, говорить о сердечности отношений между нашими моряками и сотрудниками британской военно-морской миссии в городе Полярном не приходилось. Конечно, были исключения, но это касалось только наших офицеров, хорошо владевших английским языком. Кроме того, неусыпно следила наша контрразведка. Мы, офицеры штаба флота, знали, кто из английских офицеров, прикидывались, что не знают русского, постоянно стремился оказаться в толпе наших моряков, скажем, в фойе Дома культуры, когда там показывали кинофильмы или были еще какие-нибудь мероприятия с участием свободных от вахты матросов и офицеров. Однако надо сказать, что несмотря на обоюдную настороженность и подозрительность, в некоторых случаях возникали теплые отношения.

Совместные походы

Мне пришлось пробыть около недели на борту английского тральщика во время перехода двух таких боевых кораблей британских ВМФ из города Полярный в Архангельск. Перед этим походом меня тщательно проинструктировали о цели этой операции, а именно: конвоирование под прикрытием двух английских тральщиков, построенного перед самой войной огромного арктического ледокола «Иосиф Сталин». Наше командование очень опасалось за сохранность этого крупного судна, которое тщательно скрывали где-то в глубине Кольского залива. Поскольку такая мишень была бы для немецких са-

молётов слишком заманчивой, и было решено оттранспортировать его в Северную Двину. Так я оказался «гостем» моряков английского тральщика «Брамбол» («Ежевика»). У меня сразу установились самые дружеские отношения с главным механиком-шотландцем, аристократом-штурманом, старшим артиллеристом и торпедистом, а также с казначеем. Все свободное от вахты время они проводили в кают-компании, где я дневал и ночевал за неимением лишней каюты, и мы много и подробно обсуждали развитие событий вокруг Сталинграда, морских сражений на Средиземном море и в Северной Атлантике и т.д. Здесь уместно отметить, что командир «Брамбола» и его старший помощник делали вид, что наши посиделки их не касаются. А вот другой офицер, как и я, ходивший с инспекционной поездкой из Лондона в Архангельск, не упускал случая, чтобы во время «перекуров» в кают-компании с издевкой не поинтересоваться моим мнением относительного того, что будет, когда гитлеровцы сбросят наши измотанные боями войска в Волгу, а для немцев откроется за Уральским хребтом путь в сердце Азии. К чести других офицеров следует сказать, что их коробили бестактность и неуместность обращаться с такого рода вопросами к рядовому советскому офицеру. Помнится, что штурманский офицер корабля, виконт по аристократической иерархии, в довольно резкой форме осадил коллегу при полной поддержке других офицеров.

Военные потери

Распрощавшись с экипажем английского тральщика, я получил распоряжение лететь на нашем транспортном самолёте в Мурманск. При подлете туда мы попали под яростную бомбежку немцами самого города и военно-морской базы в Ваенге. Самолёт наш садился по поврежденной посадочной полосе, но все обошлось. В тот же день я докладывал командованию о перипетиях моей командировки. А спустя, кажется, месяц, когда очередной возвратный конвой, уходивший от нас в Англию, попал под мощнейшую атаку немцев с воздуха, моря и из-под воды, наши службы приняли сообщение о гибели у берегов Норвегии минного тральщика «Брамбол». Насколько мне известно, экипаж героически сражался и ушёл под воду вместе с кораблем. До сих пор в памяти четко проступают

симпатичные, улыбчивые лица офицеров с «Брамбола». Вспоминается и лицо кряжистого простецкого летчика-североморца Героя Советского Союза Сафонова, гибель которого мне пришлось наблюдать с капитанского мостика нашего миноносца во время тяжелого боя при подходе к Кольскому заливу. Наблюдая за воздушным боем, я в бинокль увидел стремительно снижавшийся наш истребитель. Упал он, вспенив воду, примерно на расстоянии километра от правого борта нашего корабля. Вахтенный сразу доложил штурману, что видел сверкнувшую кабину. Но летчик не покинул её. Туда устремились наши корабли, но безрезультатно. Только по прибытии в базу я узнал, что это был единственный наш самолёт, не вернувшийся с боя.

Меткий артиллерист

В другой раз, когда мы прибыли в Ваенгу, настало как раз время обеда, а немцы снова решили нас бомбить. По боевому расписанию роль официанта в кают-компании выполнял артиллерист-наводчик носовой оружейной башни. Немцы шли плотным строем, но наш «официант» с первого выстрела попал в ведущего группы бомбардировщиков, он взорвался, повредив рядом идущий самолёт, и с неба посыпались обломки уже двух немецких самолётов-бомбардировщиков.

«Вкусный» обед

Второй анекдотический случай произошёл, когда наш отряд из двух миноносцев должен был возвращаться из Белого моря. Надо сказать, что шторм на Белом море во много раз бывает мощнее океанской зыби Баренцева моря. Близилась ночь, шторм набирал силы, и двигатели кораблей еле-еле справлялись с тем, чтобы противостоять напору ветра и волн. Была ночь, и по законам военного времени никаких огней на кораблях не полагалось. Время близилось к ужину, и все, кроме вахтенных, готовились к нему: офицеры - в кают-компании, матросы - по своим боевым постам. Дневальный кормовой орудийной башни, получив алюминиевые судки на всю команду, должен был по открытой палубе пройти почти весь корабль, а в соответствии с походным распорядком все бортовые

леера вдоль палубы убирали, чтобы в случае необходимости торпедные аппараты могли беспрепятственно повернуться на 90 градусов для стрельбы. Качка была мощная, но довольно плавная, и бедолага матрос стал приноравливаться, чтобы под прикрытием палубных надстроек перебежками в такт обрушивающимся на палубу волнам достичь кормового орудия. Но первая же волна схватила его и накрыла с головой. Палуба очистилась от воды, но матроса на ней не было. Вахтенный дал команду: «Человек за бортом!» Тем временем другая набежавшая волна, но уже в другом месте, за торпедным аппаратом, вынесла бедолагу на палубу, где он смог уцепиться за какую-то снасть, потеряв, разумеется, все судки с ужином для команды. Ценой нескольких котелков с кашей, матрос остался жив, став мишенью для множества ядовитых шуток.

Северная встреча

В истории, связанной с арктическими конвоями есть немало героических, а также трагических событий. Самое печальное в том, что есть некоторые обстоятельства, связанные с конвоями, которые наводят на мысль о темных сторонах поведения наших союзников. Наиболее драматической в этом отношении была судьба конвоя «PQ-17». По неизвестным причинам английское адмиралтейство приказало основным силам прикрытия оставить конвой при приближении его к району Северной Норвегии. А командующий силами прикрытия конвоя распорядился всем тихоходным транспортным судам с грузами рассредоточиться и своим ходом идти к Кольскому заливу, и горлу Белого моря. По сути дела, все транспортные суда стали легкой добычей как немецкой авиации, так и мощного отряда подводных лодок. Наше командование приняло все возможные в тех условиях меры, чтобы свести к минимуму потери драгоценных грузов. Но конвой был в значительной мере погублен. Мне приходилось участвовать в операции по обнаружению и проводке уцелевших транспортных судов на борту превращенного в боевой корабль ледокола «Мурман». Наш корабль дошёл до кромки паковых льдов, в районе ледника Норденшельда, где мы обнаружили поврежденный, но на плаву наш танкер, а на острове Новая Земля человек 30 союзных моряков, спасшихся, но сильно обмороженных. Они ока-

зались в море на надувных плотиках. Их прибило к скалистым берегам острова Новая Земля, где весь медицинский персонал состоял из медсестры, а в ее аптечке не было ничего, кроме йода и небольшого запаса бинтов. Моряки были все с различной степенью обморожения. Была опасность гангрены, и наш судовой доктор даже ампутировал часть ноги англичанину, почти мальчику. В проливе Маточкин Шар стояло еще несколько уцелевших транспортных судов конвоя. Наш командир дал шифрограмму в Архангельск, заранее прилетела летающая лодка. А для прикрытия дальнейшего движения к Архангельску прибыло несколько сторожевых кораблей Беломорской флотилии. Между прочим, танкер «Азербайджан», несмотря на серьезное повреждение, своим ходом ушёл в Архангельск.

Расовый конфликт

Наверное, следует упомянуть о расовом конфликте, в который нам пришлось вмешаться в импровизированном лазарете на Новой Земле. Дело в том, что среди раненых союзных моряков был американский негр. Остальные моряки неожиданно для нас потребовали, чтобы негру отвели отдельное помещение, потому что они не хотят терпеть присутствие чернокожего. Наш комиссар с «Мурмана» в категорической форме потребовал, чтобы спасшиеся моряки считались с советскими законами и условиями их пребывания на маленькой полярной станции. Одним словом, расовый инцидент был решительно ликвидирован.

Работа

В промежутках между выходами в море приходилось выполнять большие объемы письменных переводов, относящихся к использованию военной техники и оборудования. Значительным подспорьем мне служили некоторые знания, полученные еще чуть ли не со времени обучения в школе, а также занятия в кружке радиолюбителей при Политехническом музее в Москве. Поэтому мне оказалось сравнительно легко разобраться в новейшей технике подводной связи с помощью кварцевых излучателей, что использовались также для обна-

ружения подводных лодок противника. Переводил я много и с увлечением, потому что каждый раз узнавал над чем работают ученые.

Сокращение штатов и возвращение домой

Однако большие потери при проводке конвоев стали поводом для командования наших союзников ставить вопрос о сокращении этого способа доставки необходимых военных материалов. Тем временем от Персидского залива через Иран ускоренными темпами велась прокладка железнодорожного пути к Каспийскому морю. Одним словом, надобность в большой группе переводчиков английского языка для командования Северного флота поубавилась, и я был откомандирован в Москву в распоряжение военкомата по месту жительства. Проработав некоторое время в Наркомвнешторге, в отделе военных поставок по ленд-лизу, я в октябре 1943 года был принят на первый курс факультета международных отношений МГУ, позднее реорганизованный в Институт международных отношений МИД СССР, который и закончил в 1948 году. Был уволен в запас, дважды проходил военную переподготовку в штабе КБФ в Калининграде, последнее воинское звание капитан.

Ранен не был, но была контузия с временной потерей слуха.

Награды

Орден Отечественной войны 2-й степени, № 3083667, удостоверение А №940067;

медаль «За Оборону Советского Заполярья», Ж №004582;

медаль «За победу над Германией», Г №0269714.

Из моих близких родственников в Великой Отечественной войне погиб в бою под Ржевом рядовым солдатом пулеметного взвода двоюродный брат - Павел Ильич Ситников.

Второй двоюродный брат - Василий Алексеевич Ситников вернулся домой после тяжелого ранения, умер в родном селе Ново-Ракитино, год не помню.

Двоюродный брат - Илья Алексеевич Ситников полковник милиции умер в Москве, отношений мы не поддерживали, поэтому не знаю, когда он умер.

Ноябрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Матвеева Марина Владимировна****, студентка 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Соловьёва Александра Григорьевна

В окружении

Я родилась 22 апреля 1919 года в Тамбовской области, деревне Кирсаново. Моё настоящее имя и отчество - Александра Савельевна. Родной отец умер, когда я ещё была совсем маленькая (видела только на фотокарточках). Отчим меня сразу удочерил, таким образом, я стала Александрой Григорьевной, а девичья моя фамилия - Корчагина.

Окончила среднюю общеобразовательную школу в 1937 году, а затем поступила в медицинское училище и в 1940 году его окончила. Таким образом, накануне войны у меня было среднее медицинское образование. Сразу после окончания училища я устроилась на работу в детский сад в Шульгинском районе на должность медицинского воспитателя.

Я уже была заведующей детским садом, когда 22 июня 1941 года нам объявили о том, что Германия без объявления войны напала на нашу страну. Началась война. Уже 23 июня меня призвали в армию. На войну провожали все, кто оставался. Меня провожали даже дети из детского сада, с которыми я работала. Все плакали, но до конца ещё не понимали, что случилось…

В армии я работала в медсанбате. Сюда нам доставляли солдат прямо с поля боя. Работы было очень много, и всё равно раненых солдат с каждой минутой становилось всё больше и больше.

Здесь в медсанбате был один санитар, которого звали Ваней (фамилию уже не помню). Я ему очень нравилась, поэтому он всегда меня охранял и оберегал, постоянно говорил всем: «Смотрите, не обижайте мою Шурку!» Так нежно ухаживал, даже приносил мне полевые цветы, несмотря на тяжёлое время.

Когда немцы подступали к Подмосковью, они шли по направлению от Смоленска до Вязьмы, мы попали в окружение, где находились 17 дней. В окружении нас было приблизительно человек 15. Первый день мы просидели в лесу, выйти было невозможно, куда бы мы ни направлялись, везде нам встречались вражеские солдаты. Ночью мы решили идти искать деревню. В общем, днём мы скрывались под зелёной листвой деревьев, а ночью продвигались вперёд, надеясь, что за следующим бугром окажется деревня, где можно найти ночлег и узнать, в правильном ли направлении мы идём. Идти было очень трудно и непреодолимо сложно. Всех, кто был болен, слаб, даже тех, кто только кашлял, оставляли одних в лесу. Они продолжали путь в одиночку. Иначе было нельзя. Постепенно все разбрелись, пытаясь найти дорогу к своим войскам самостоятельно. Что стало с каждым из них, я не знаю. Я осталась с подругой Надей (фамилию уже забыла). Мы шли между деревьями, по кочкам, оглядываясь по сторонам, вздрагивая от каждого шороха. И вдруг, мы даже не поняли, откуда он взялся, появился немецкий солдат. Он проверил у нас документы. Потом посмотрел на нас с жалостью и отпустил, даже показал, как пройти к ближайшей деревне. А вообще, к медицинским сёстрам все относились хорошо, даже вражеские солдаты.

Мы постучались в первый попавшийся нам дом. Нам открыла женщина. Она нас впустила в дом. Мы ей рассказали всё, что с нами случилось. Женщина отнеслась к нам очень гуманно. Она накормила нас, дала гражданскую одежду, предупредила, что довольно часто приходят немцы, проверяют, нет ли русских солдат в доме. Мы легли спать. За долгое время это была первая ночь, проведённая в нормальных человеческих условиях. Утром мы проснулись от стука в дверь, это были два немецких солдата, им уже кто-то сообщил, что в этом доме находились русские военные. Немцы забрали нас и повезли в свой лагерь. Мы уже думали, что теперь попали в плен. На пути нам встретился немец на лошади. Он долго и

очень громко, почти кричал на сопровождающих нас солдат, потом посмотрел на нас и отпустил. Почему он это сделал, для меня остаётся загадкой. Уже через несколько минут мы бежали изо всех сил. Сердце трепетало от страха. К вечеру мы добрались до какого-то дома, там жила женщина. Она одела, накормила и уложила нас спать.

Рано утром она нас разбудила и указала дорогу до ближайшей деревни. И мы снова отправились в путь. Приблизительно прошли километра два, когда нам встретился русский солдат, который тоже пытался найти дорогу к своим. Его звали Володей. Он предложил нам идти вместе. Чтобы не вызвать лишних подозрений, Володя сказал, что для немецких солдат я – его жена, а Надя – его сестра и что мы сейчас возвращаемся домой. На пути нам встретились немецкие солдаты, они нам поверили и отпустили без проблем. Так мы дошли до деревни. Володя отправился дальше. Мы попрощались и пошли каждый своей дорогой. С тех пор я больше его никогда не видела. Нам с Надей надо было где-то переночевать. Мы постучались в самый крайний дом, оттуда мы услышали женский голос, который нам сказал, что нас не пустит. Надя попыталась всё объяснить, но эта женщина и слышать нас не хотела. Вдруг проснулся муж этой женщины. Когда он узнал, что с нами случилось, он приказал своей жене накормить нас. Он с нами посидел, поговорил, дал много хороших советов, ему на вид было где-то 70-75 лет, наверное, поэтому всё, что он говорил, впоследствии оказалось очень дельным и нужным. Он отнёсся к нам, как к родным.

Утром мы снова отправились в путь. По дороге мы встретили машину, на которой наши русские ребята (3 человека) ехали в штаб армии. Сначала мы заехали в госпиталь, один из ребят остался там, у него что-то было с ногой. Затем мы двинулись в путь. Ехали мы на двух машинах. В первой осталась Надя с водителем, а я поехала на другой машине со Стёпой - другим водителем. Ехали мы друг за другом, но наша машина внезапно сломалась. Стёпа долго чинил её, и только через полтора часа мы смогли тронуться в путь. Другая машина давно уехала, мы договорились встретиться попозже, но это оказалось невозможным. У меня не было ни одного кармана, поэтому мои документы постоянно находились у Нади, у которой к кофточке был нашит небольшой карманчик. Мы забыли,

что мои документы остались у подруги. Поэтому, когда мы со Стёпой приехали на контрольно-пропускной пункт, меня не пропустили и забрали в милицию. Там меня оставили ночевать до выяснения обстоятельств. От еды я отказалась, так и сказала: «Не буду!», хотя они долго уговаривали. Утром начали допрашивать приблизительно человек пять. Спрашивали имя, фамилию, отчество, где родилась, кто родители, когда призвали, каким образом попала в эти края. Я им всё рассказала, как все было. Они мне поверили, выдали какие-то временные документы. Потом показали, как пройти к штабу армии, предложили довезти на машине. Я отказалась. Пошла пешком. Прошла я семь километров. В назначенном пункте я снова всё рассказала, что со мной произошло. Узнав, что родом я из Тамбовской области, меня распределили в штаб фронта, в Мичуринск. Туда доехала на поезде очень благополучно. Из Мичуринска меня отправили в Тамбов. На этом поезде ехало очень много людей. Была зима. Холод щипал за щёки, нос. Ледяной ветер продувал насквозь. С одеждой у всех было туго. Дети были хорошо укутаны в платки, все жались от холода. Поезд прибыл на платформу. Вагоны моментально заполнились людьми. Я ехала в переходе между вагонами. Поезд, казалось, едет бесконечно, а на самом деле – 2-2,5 часа. За это время я отморозила руки и ноги. Из-за этого меня отправили домой, где пробыла полтора месяца. Потом опять в армию. Меня направили в Воронеж работать медсестрой. Я стала работать в сортировочном отделе по ранениям. Там я осталась до конца войны. Было очень много солдат с различными ранениями. Люди умирали прямо у меня на руках. Было жутко смотреть на умирающих солдат, и все они пытались сражаться до последнего вздоха. Остаётся только восхищаться их подвигами. И мы им помогали, как могли. Кому-то просто не хватало внимания. И всем хотелось помочь. Целый день проходил в суете, не было ни одной минуты покоя. Вечером мы с девчонками, другими медсёстрами, просто валились с ног.

Война закончилась в мае, но меня демобилизовали только в октябре, а домой я приехала лишь в декабре. Я не могла оставить раненых солдат, ведь, несмотря ни на что, медицинских работников катастрофически не хватало.

Дома вышла замуж за парня, с которым была знакома ещё до войны. Родились дети: дочь Света и сын Валера. Сначала

жили в Смоленской области, а сюда, в Тучково, мы приехали в апреле 1951 года. Здесь медсестрой я устроиться так и не смогла, поэтому пошла работать на стройку; работала на железобетонном комбинате табельщицей, рассортировщицей, в основном, больше на управляющих должностях.

В годы войны встречалось очень много людей хороших, отважных, добрых. Сейчас большинство их умерло да и растерялось. Часто вспоминаю Надю, Ваню, начальника взвода Габинова, добродушный был человек, оберегал нас, медсестер, как своих дочерей. Надю я так и не встретила больше, что с ней стало, даже не знаю. Да, в конечном счёте, после войны мало вернулось людей, а кто вернулся…их трудно найти.

Награды

Орден Отечественной войны;
Медаль к 100-летию Георгия Жукова (1896-1996);
Медаль - 40 лет Победы в Великой Отечественной войне;
Медаль - 50 лет Победы в Великой Отечественной войне;
Знак - 70 лет Вооруженных сил СССР;
Знак - Ветеран труда;
Знак - Ветерану труда за долголетний добросовестный труд;
Знак - За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня Рождения Ленина.
Также имеется удостоверение к знаку «Фронтовик 1941-1945».

Родители: отец с фронта так и не вернулся, мать работала в колхозе, умерла в Котовске в 1993 году.

Ноябрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Павлова Наталья Александровна****, студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Стахеев Василий Сергеевич

Без портянок, сапог и казённой лошадки

Родился я 7 апреля 1924 года. По национальности русский. Православный. Член КПСС с 1944 по 1991 год.

В 1940 году окончил семь классов школы №10 города Златоуста. Затем в ноябре поступил на курсы слесарей при заводе №66 г.Златоуста. Окончив их, работал слесарем-инструментальщиком на том же заводе до сентября 1942 года. В сентябре призван в ряды Красной Армии. Сначала проходил службу в полковой школе 2-й запасной бригады Уральского военного округа. По окончании её мне было присвоено звание сержант. Я был направлен в августе 1943 года на 1-й Белорусский фронт, в 269-ю стрелковую Рогачевскую дивизию в 1022-й стрелковый полк командиром отделения связи. В конце сентября 1944 года был направлен в Куйбышевское военно-пехотное училище. В 1945 году его расформировали, и меня направляют в Саратовское военно-пехотное училище. В ноябре 1946 года окончил училище, мне присвоили воинское звание младший лейтенант и направили в Архангельский военный округ в 25-ю отдельную стрелковую бригаду, 203-й отдельный стрелковый батальон на должность командира взвода. С октября 1947 года я служил в 222-м отдельном строительном батальоне, 365-го леспромкомбината (ЛПК) Уральского военного округа - командиром взвода. С 1953 года - командир строительной роты. С 1957 года - заместитель коман-

дира 130-го военно-строительного отряда по материально техническому обеспечению (МТО) 365 ЛПК. С 1960 года - помощник командира 232-го военно-строительного отряда по МТО 441 ЛПК Ленинградского военного округа. С 1963 года - заместитель начальника 441 Леспромкомбината по МТО.

Боевой путь проходил через: р. Сож (октябрь 1943 года), р. Проня (конец октября 1943 года), город Рогачев (февраль 1944 года), р. Днепр (февраль 1944 года), р. Друть (25 июня 1944 года), р. Березина (27 июня 1944 года), город Бобруйск (29 июня 1944 года), город Минск (3 июля 1944 года), город Волковыск (14 июля 1944 года), город Белосток (27 июля 1944 года), город Остроленка (сентябрь 1944 года), город Гомель (ноябрь 1943 года).

Боевые действия закончил в Польше в конце сентября 1944 года в 269-й Рогачевской дивизии, в должности командира отделения связи, в воинском звании старший сержант.

В 1943 году получил легкое слепое осколочное ранение. Пролежал около двух недель прифронтовом госпитале. Потом вернулся в свою часть.

Был демобилизован в марте 1980 года. Место отбытия - город Няндома, Архангельская область. Место прибытия - посёлок городского типа Нахабино. Уволен в запас по возрасту. Тридцать девять лет прослужил в рядах Советской армии.

Награды

Орден Красной Звезды, №2675035. За храбрость, проявленную при форсировании Днепра (октябрь 1944 года), вручена в октябре 1944 года. Форсирование р. Днепр проходило в исключительно тяжелых условиях. Река была покрыта тонким льдом. Чтобы перебраться на другой берег, необходимо было использовать подручные средства: жерди, доски и т.п. Мне пришлось переправиться на другой берег ползком по льду и соединять связь между командирами частей. Противоположный берег был сильно укреплён, поэтому нашим войскам приходилось брать каждую укрепленную точку с большими потерями. Противник оказывал ожесточенное сопротивление.

Медаль «За отвагу», №725466. За освобождение города Бобруйск и населённых пунктов (лето 1944 года).

Медаль «За отвагу», №2212072. За освобождение городов и форсирование рек.

Медаль «За боевые заслуги» б/н.

Орден Отечественной войны (11 марта 1985 г.).

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (4 апреля 1946 г.).

«30 лет Советской армии и флота» (23 декабря 1948 г.).

«40 лет Вооруженных сил СССР» (6 ноября 1958 г.).

«За безупречную службу» (10 июня 1958 г.).

«За безупречную службу» (1 апреля 1963 г.).

«Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне» (15 июня 1966 г.).

«50 лет Вооруженных сил СССР» (22 февраля 1968 г.).

«За воинскую доблесть в ознаменование столетия со дня рождения В.И.Ленина» (9 апреля 1970 г.).

«30 лет Победы в Великой Отечественной войне» (8 мая 1975г.)

«60 лет Вооруженных сил СССР» (10 апреля 1978 г.).

«Ветеран Вооруженных сил СССР» (31 января 1980 г.).

«Сорок лет победы в Великой Отечественной войне» (8 октября 1985 г.).

«70 лет Вооруженных сил СССР» (22 февраля 1988 г.).

«50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (22 марта 1995 г.).

«Медаль Жукова» (19 февраля 1996 г.).

Я был призван в ряды Красной Армии в сентябре 1942 года и направлен на обучение в 13-й стрелковый полк 2-й запасной бригады в город Чебаркуль, Челябинской области. По окончании его мне было присвоено воинское звание сержант. В августе 1943 года мы прибыли на фронт, нас распределили по частям, и я был направлен во 2-й батальон 1022-го полка 269-й стрелковой дивизии на должность командира отделения.

В первую ночь расположились мы около стогов сена. На рассвете пошли в бой. И в первом же бою погиб мой земляк. Впереди была водная преграда, и пришлось преодолевать её вброд. Противник оказывал сильное огневое сопротивление, вел огонь из всех видов орудий. Мы с большими трудностями продвигались вперёд, вели бой за овладение опорными пунктами, но в результате контратаки превосходящих сил против-

ника вынуждены были отступить и окопаться. Была проведена с нашей стороны артподготовка, мы в течение целого дня вели бой с противником. В результате были освобождены опорные пункты. Прорвав оборону и уничтожив на своем пути сопротивляющегося противника, мы в конце сентября 1943 года вошли в пределы Белоруссии. Наши воины-белорусы со слезами на глазах падали на колени, целовали, обнимали родную белорусскую землю. За сутки боёв мы освободили несколько населённых пунктов, уничтожая в них противника. Фашисты оказывали упорное сопротивление, но нам удалось продвинуться вперёд и овладеть штурмом районным центром Краснополье. Потеряв крупный опорный пункт, немцы начали отходить. Мы вышли к р. Сож, заняли оборону на берегу этой реки. К нам присоединились белорусские партизаны. Мы получили передышку и смогли привести себя и оружие в порядок. Стирали белье, устроили баню, писали письма домой, отдыхали, стриглись, брились. В это время меня назначили командиром отделения связи с присвоением воинского звания старший сержант. Перед нами выступил командир дивизии Кубасов и призвал весь личный состав к активным действиям в предстоящих боях.

В октябре 1943 года форсировали р. Сож и в течение дня вели бои. Далее подошли к реке Проня. Ночью, скрытно от противника, по наведенным мостикам форсировали р. Проня и расположились перед траншеей противника для броска в атаку. В проволочных заграждениях противника нашими бойцами были проделаны проходы. Рано утром начался артиллерийский налет и огонь орудий прямой наводкой по противнику. Потом мы пошли в атаку. Овладели первой траншеей и углубились в лес. Мы встретили сильное огневое сопротивление. Ожесточенный бой продолжался в течение всего дня. Противник несколько раз переходил в контратаки. Все контратаки нами были отбиты, противник понес большие потери. Наши бойцы дрались героически. Самоотверженно отбивались пулеметчики. Все бойцы сражались героически, проявляли мужество, храбрость, стойкость и смелость. Мы закрепились на захваченном плацдарме.

В этих боях я получил легкое слепое осколочное ранение бедра и левой груди, перебрался ползком по бревнам на другой берег реки, а там подобрали меня санитары и отнесли в

полевой госпиталь. Недели две находился на лечении. После лечения вернулся в свой батальон.

В боях за плацдарм пал смертью храбрых командир нашего батальона капитан Макагонов.

Наше успешное наступление способствовало освобождению г.Гомель в ноябре 1943 года. За отличные боевые действия в боях за освобождение Гомеля приказом Верховного Главнокомандующего всему личному составу нашей дивизии была объявлена благодарность, в том числе и мне. Дальше мы продвигались к р. Днепр, совместно с танкистами и с артиллерией готовились к наступлению. К рассвету подготовились к наступлению. Утром пошёл сильный мокрый снег, но артподготовка началась. Удар артиллерии был мощным и внезапным. Под прикрытием огня мы подошли вплотную к траншее противника. В воздухе появились красные ракеты, и мы пошли в атаку. Ведя огонь из оружия, мы забросали гранатами траншею противника. Преодолев первую траншею, мы пошли дальше вместе с танками. Мы были посажены на танки, устремились вперед и овладели несколькими населёнными пунктами. Противник не выдержал сильного удара нашей пехоты и танков и вынужден был отходить. В боях отличились многие воины. Командир роты капитан Малхосян показал нам пример личного мужества и храбрости. Наша рота под его командованием умело вела бой, уничтожила большое количество солдат и офицеров противника. Позднее в бою он был тяжело ранен. Мы с бойцами вынесли его с поля боя и передали в руки санитаров. К вечеру снег и дождь прекратились, мы промокли до нитки. В ночь ударил мороз, одежда и обувь превратились в ледовый панцирь. Близость с противником не позволила развести костры и обогреться. На каждый огонек враг отвечал пулеметным огнем.

Преследуя противника, мы вышли на берег Днепра. Мы оборонялись на опушке леса. На занимаемом рубеже мы находились долго, укрепляли участок обороны, занимались боевой подготовкой, готовились к наступлению. Я с бойцами давал проводную связь от командира батальона до командиров рот. Нам предстояло форсировать Днепр. Наши трудности были связаны с преодолением лесисто-болотистой местности. Нам разъясняли особенности действий по соблюдению мер маскировки и тишины.

Местность перед Днепром была открытой. Подступы к реке хорошо просматривались противником и простреливались огнем. Лощин, высоток не было. На пойме реки много озер, незамерзающих ручьев. Мы находились на небольшом расстоянии от проволочного заграждения противника, в зоне перекрестного пулеметного огня. Берег был пологий на всем протяжении нашего наступления. На стороне противника берег был крутой, высота его метров восемь. Мы были подняты рано утром, без шума. Вышли на берег и залегли. Местность непрерывно освещалась противником ракетами, это требовало максимальной осторожности и маскировки. Я совместно с бойцами отделения быстро установил проволочную связь с подразделениями. Все были готовы к атаке. Передний край обороны противника был усиленно укреплен. Перед передним краем было проволочное заграждение в несколько рядов кольев, а на пологих скатах берега – дополнительно спираль, противопехотные мины.

Трудным препятствием для нас являлся крутой берег Днепра. Берег был обрывистым, почти вертикальным. Водная преграда, хорошо организованная оборона противника составляли серьезное препятствие для нас.

Рано утром с началом залпа «Катюш» и артиллерийской подготовки мы стремительно пошли в атаку. Налет нашей артиллерии был настолько неожиданным для противника, что он не смог оказать огневого сопротивления. Преодолевая проволочные заграждения и минные поля противника, мы ворвались в первую траншею и двинулись дальше ко второй и третьей траншеям.

Днепр я с отделением преодолевал ползком на подручных средствах по тонкому льду, неся на своей спине катушку с кабелем. Преодолевая яростное сопротивление противника, мы закрепились на захваченном рубеже.

Чудеса героизма, смелости показали многие наши воины при прорыве обороны противника на берегу Днепра.

Командир пулеметного отделения нашего полка первым успешно форсировал Днепр, огнем своих пулеметов подавил огневые точки противника, мешавших преодолению нашими подразделениями проволочного заграждения, минных полей противника и высокого берега Днепра. Наш батальон, наступающий на этом участке, овладел населенным пунктом. За ге-

ройство и мужество, проявленные при форсировании Днепра, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Бои за Днепр продолжались и днем и ночью. Затем мы перешли в атаку для занятия плацдарма на берегу р. Друть и, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, начали успешно продвигаться вперед.

С утра авиация противника бомбила нас. На следующий день наши бойцы, поддержанные огнем артиллерии, сломили сопротивление противника и вышли на берег р. Друть. На подручных средствах и вброд мы форсировали реку Друть и закрепились на плацдарме. Контратаки противника успеха не имели. За несколько часов наступательных боев мы форсировали Днепр, прорвали оборону противника на противоположном его берегу, освободили несколько населенных пунктов и форсировали р. Друть.

Гитлеровцы на белорусской земле уничтожали местных жителей, взрывали жилые здания, сжигали деревни и села. Мы видели много сожженных человеческих тел. Население Белоруссии радушно встречало нас и оказывало посильную помощь. На белорусской земле действовали партизанские отряды, они помогали нам, захватывали выгодные рубежи и переправы и удерживали до подхода нас.

Мы закрепились на противоположном берегу реки Друть и, отражая сопротивление противника, освободили город Рогачев – сильный опорный пункт врага. За освобождение Рогачева приказом Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина нашей дивизии было присвоено наименование Рогачевская.

Я за своевременное обеспечение связью между подразделениями в тяжелых боевых условиях при форсировании Днепра и освобождении Рогачева был награжден орденом Красной Звезды, а за форсирование р. Друть мне была объявлена благодарность.

Но впереди еще предстояли ожесточенные бои до окончательного разгрома и уничтожения немецко-фашистских захватчиков. С февраля 1944 года по июнь 1944 года наши части оборонялись на восточном берегу р. Друть, около г. Рогачева. Участок обороны менялся. Мы готовились к наступательным боям. В это время я был принят в ряды ВКП(б). В период подготовки к наступлению проводилась большая партийно-политическая работа. Многие бойцы вступали в ряды партии и

на поле боя успешно выполняли боевые задачи. Мы, коммунисты, перед своими товарищами давали слово быть примером в бою, помогать молодым солдатам, впервые прибывшим на фронт. В нашей дивизии выпускались газеты, в которых рассказывалось о героических подвигах бойцов.

Иногда к нам приезжали артисты с концертами. Для нас это было редкое счастье отвлечься от стрельбы, постоянной угрозы и опасности. В свободное время некоторые ребята подшучивали над кем-нибудь. Был у нас один ездовой, он привозил нам обеды и имущество (катушки с проводом). Приедет бывало, почти ничего не привезет, говорит, что он еле уехал от обстрела, все расплескал по дороге. Когда садились обедать, ребята над ним подшучивали: «Эй, Санёк, где был, кого кормил?». Он оправдывался очень забавно и смешно. Однажды я тоже отличился. Мне дали задание провести связь между нашим полком и соседним. Выдали мне лошадь. Выехал, но вскоре понял, что заблудился в лесу. Долго ходил, пока не стемнело, пришлось заночевать. Привязал казённую лошадь, и с винтовкой в руках так и заснул. Прекрасное, нежное солнце пощипывало мои пятки… и тут я понял! Путь мой будет сложен! Без портянок, сапог и казённой лошадки! Но задание выполнил!

Далее мы должны были развивать наступательные действия по р. Припять и освобождать Бобруйск, который был сильно укреплен противником. Нам помогали белорусские партизаны. Они нарушали коммуникации противника, захватывали населенные пункты, переправы через реки. Вокруг сплошные болота. Невдалеке от переднего края мы учились преодолевать болота на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Наступление началось в конце июня 1944 года рано утром. С воздуха нас прикрывала и поддерживала авиация, артподготовка проводилась двойным огневым валом. Развернулось ожесточенное сражение. Противник открыл сильный пулеметный и миномётный огонь, было страшно. В атаку! Вперёд, назад нельзя! Стрельба, огонь, взрывы, кровавый дождь в лицо!

Преодолев заграждения, ворвались в первую траншею противника. Днём пошли танки. Затем мы овладели второй траншеей.

Широкая болотистая пойма реки крайне замедляла переправу. На первой и второй траншеях противника тяжелые и кровопролитные бои длились в течение двух дней. Мы, сопровождаемые двойным огневым валом, освободили несколько населенных пунктов. Все мы сражались, не считаясь ни с чем. В течение дня мы форсировали две водные преграды – реки Друть и Березину, освободили несколько населенных пунктов. Мы вели ожесточенные бои на берегу р. Березина, отражали сильные контратаки противника. За время боя было много убито и ранено солдат и офицеров противника. Мы переправились на противоположный берег р. Березина и освободили Бобруйск от немецко-фашистских захватчиков. Приказом Верховного Главнокомандующего «За отличные действия в боях по окружению и уничтожению бобруйской группы немецких войск и освобождению города Бобруйска» мне и всему личному составу нашей 269-й Рогачевской стрелковой дивизии была объявлена благодарность.

Мы продолжали наступления, форсировали вброд маленькую речку, освободили деревню и закрепились в ней. Наши соседи отражали атаки немцев, нанося им большие потери. Все контратаки противника были отбиты. Продолжая продвижение по лесисто-болотистой местности, мы с боями пошли южнее столицы республики - города Минска, нанося врагу большие потери. Город Минск был освобожден в июле 1944 года. Тяжелая картина открылась перед нашими глазами. Тронутая первыми заморозками земля была изрыта воронками и залита кровью. Между трупами немцев лежали наши убитые бойцы. Некоторые лежали в окопах, зажав в окоченевших руках разбитые винтовки.

Минск лежал в развалинах. Гитлеровцы, отступая, почти полностью разрушили город. Жители его, перенесшие нечеловеческие мучения, восторженно встречали нас. Большинство населенных пунктов было полностью разрушено. Имущество предприятий, совхозов, колхозов, а также жителей разграблено или сожжено.

После освобождения Минска мы вошли на вокзал и расположились на полу, усталые, измученные. И вдруг зазвучала песня. Пел солдат в большом зале душевную песню, которая доходила до самого сердца.

Мы переночевали на вокзале, а утром снова вперед, в наступление.

Правящие круги США и Англии, предвидя возможность разгрома фашистской Германии силами одной Красной Армии, без помощи союзников, вынуждены были открыть второй фронт. 6 июня 1944 года англо-американские войска высадились в Северной Франции.

В конце июня 1944 года немецко-фашистские войска занимали оборону. Наша задача состояла в прорыве обороны противника. Впереди сильный опорный пункт врага – город Волковыск, за ним – территория Польши. В июле 1944 года началась наступательная операция наших войск. Преодолевая с ходу водные преграды и оборонительные рубежи, мы двигались в направлении города Волковыска. Мы встретили сопротивление на оборонительном рубеже на берегу небольшой реки. Этот рубеж не представлял серьезной преграды, но тем не менее оказался серьезным препятствием, которое мы с боем преодолевали. Днем мы вели упорные бои с противником на подступах к реке. Ожесточенные бои в этот день развернулись по всему берегу реки. Немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Мы медленно продвигались вперед, преодолевая труднопроходимую, болотистую пойму реки.

При подходе к реке противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Командир нас вывел из-под обстрела. Потом мы форсировали реку вброд, вплавь и на подручных средствах. Гитлеровцы отошли. Мы ворвались в населенный пункт и заняли его. Противник предпринимал яростные контратаки. За ночь мы отрыли окопы для укрытия, подтянули проводную связь. Утром, как только начало подниматься солнце над лесом, мы услышали рев моторов. Противник яростно ринулся в контратаку. Мы увидели движущиеся чудовища. Было видно несколько десятков фашистских «тигров» и за ними пехоту. С подходом танков противника раздались громовые залпы орудий. Танки загорелись, но двигались вперед. Открыла огонь наша противотанковая артиллерия. Танки противника остановились и остались гореть на поле боя. Во время боёв бывали случаи повреждения связи, и я должен был ползти со своими бойцами и устранять обрыв провода. Мы успешно продвигались вперед и освободили город Волковыск.

За участие в освобождении города Волковыска приказом Верховного Главнокомандующего всем воинам была объявлена благодарность.

В конце июля 1944 года мы вступили в Польшу. Продвигаясь с боями, мы подошли к городу Белостоку, завязались бои за овладение им. Противник предпринимал ожесточенные контратаки.

Однажды, во время наступления около деревни, враг открыл по нам шквальный артиллерийский огонь. Мы вынуждены были окопаться и залечь. Я вырыл глубокий окоп, но вдруг увидел, бежавшую ко мне женщину с двумя маленькими детьми. Я уступил им свой окоп, а сам выпрыгнул и залег в метре от них и стал снова зарываться в землю. Вокруг рвались снаряды, но мы все выстояли.

И еще произошёл подобный случай, но трагический. Я выкопал себе окоп, а в это время приполз ко мне пожилой боец и попросил меня уступить ему окоп. Я уступил ему. Я отполз метра на два, выкопал себе другой и залег. Началась ожесточенная артиллерийская подготовка со стороны противника. И вдруг снаряд прямым попаданием в мой первый окоп.

Широко использовались авиация, танки и пехота. Наступление мы развивали совместно с польскими соединениями и партизанскими отрядами. В боях участвовали польские артиллеристы. Ожесточенные бои за Белосток начались поздно вечером. Мы вошли в город. Разгорелись уличные бои. Захватывая дом за домом, улицу за улицей, мы шли по городу. Так был освобожден город Белосток. Приказом Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении города Белостока всем была объявлена благодарность.

Выпускались газеты, в которых рассказывалось о боевом содружестве, о дружбе нашего и польского народов. Население польских городов и сел встречало нас с чувством глубокой признательности. На дорогах стояли толпы людей. Они встречали нас с букетами цветов, угощали фруктами.

За месяц наступления мы с боями прошли огромный путь - от Днепра до Белостока. Труден был этот путь. Но мы с полным напряжением сил и воли преодолевали трудности, всесокрушающей лавиной сметая препятствия на своем пути.

После короткого отдыха мы продолжали наступление по территории Польши, 5 сентября 1944 года подошли к городу

Остроленка и освободили его. Бои не затихали ни ночью, ни днем.

Наступило, наконец, время, когда враг, развязавший войну, стал испытывать трудности. Мы ни на минуту не теряли веры в победный исход войны.

За нашу победу мы заплатили дорогую цену. В боях за освобождение нашей Родины пали смертью храбрых офицеры, сержанты и солдаты.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Толкач Сергей Иванович****, студент 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Стукалов Алексей Дмитриевич

Борьба за жизнь

Я родился 22 марта 1922 года в Воронежской области, в селе Олень-Колодезь, расположенном в 7 километрах от нынешней Нововоронежской атомной станции. По национальности я русский, был членом ВЛКСМ и КПСС. Отца моего звали Стукалов Дмитрий Сидорович, а мать - Пелагеей Игнатьевной. Я служил на фронте, а родителей эвакуировали в Воронежскую область.

В 1937 году я окончил семь классов сельской школы и поступил учиться в Воронежский строительный техникум. За два дня до начала войны я защитил диплом по специальности техник-строитель. После этого я приехал домой, а узнал о войне 23 июня 1941 года. Мне пришла повестка, в которой было написано: «Ждать и никуда не выезжать до особого распоряжения». Несколько позже меня призвали на службу в армию и направили на учебу в военную радиошколу в городе Воронеж, где я получил специальность радиотелеграфиста. Поскольку город Воронеж начали бомбить немцы, нашу радиошколу перевели в город Новосибирск.

Полгода я учился в радиошколе и, окончив ее в феврале 1942 года, я был направлен на Карельский фронт. Служил я в отдельной радиороте. Она располагалась в деревне Шижня в Карелии. Командиром роты был Сергей Михайлович Толмачев. Радиорота находилась в подчинении 112-го отдельного

полка связи. На этом фронте, командующим которого был генерал армии К.А.Мерецков, я прослужил три года.

Карельский фронт был создан по решению Ставки Верховного Главнокомандования для ведения военных действий на северном направлении. В его состав входили 14-я и 7-я армии, отдельные соединения и части, которые воевали с первых дней Великой Отечественной войны на территории Заполярья и Карелии.

Из всех фронтов Великой Отечественной войны Карельский фронт существовал самое продолжительное время (три с половиной года) и действовал в полосе протяженностью почти 1600 км. На огромной территории было не так уж много населенных пунктов. Природа этого края суровая, долгая зима, в течение суток зимой почти всегда темно. Отсутствие дорог затрудняло связь между военными частями. В таких условиях радиороты были незаменимы. При таких расстояниях для связи с отдельными частями войск, подразделениями, ротами, просто необходимо и очень важно было пользоваться различными радиостанциями, так как других средств связи (спутниковых и др.) еще не было. Я служил три года, то есть с момента его образования до передислокации на Дальний Восток.

Общие заслуги Карельского фронта трудно переоценить. При наступлении наших войск в Карелии в двух операциях (Выборгской, проведённой войсками правого крыла Ленинградского фронта и Балтийским флотом, и Свирско-Петрозаводской, проведённой войсками левого крыла Карельского фронта совместно с Ладожской и Онежской флотилиями) были разбиты финские войска и ликвидирована угроза Ленинграду с севера. Финское правительство вынуждено было начать переговоры о перемирии.

В октябре 1944 года наши войска развернули наступление на Крайнем Севере СССР. Войска правого крыла Карельского фронта и Северный флот освободили Советское Заполярье и северные районы Норвегии. С освобождением Печенегской области улучшилось базирование советского флота в Баренцевом море.

Вместе со всеми мы радовались нашим военным успехам, но служба продолжалась. Будучи в радиороте, я работал на радиостанции средней мощности. Связь держали в основном с Главным штабом Красной Армии, а также с фронтами, армия-

ми и дивизиями. Со мной вместе служили замечательные люди, к сожалению, некоторых я помню только по фамилиям: Ерохин, Петренко, Алещенко, Хвалева О.В., Пантюхина, Фролова, Чернова, Мельников, Яковлев, Борисов, Андреев, Суханевич, Горбунов, Иванов, Сахина, Толмачев С.М., Курочкина, Пупкин, Конанчук, Богомолова, Коримов, Каракозов, Ивчук Василий, Ляпустин, который был у нас шофером, Яцкевич Дуся, Фаитов Валентин, Черников, Игнатьева М., Куликов Василий, Непомнящий Василий, Кузьмин, Илюхин (он был классифицированным радистом, хотя у него было только одно ухо).

В свободное от дежурства и охраны время я повышал свою квалификацию и уже через два года получил звание радист первого класса. Что самое главное для радиста? У хорошего специалиста должны быть быстрая реакция и выносливость. Квалификация радиста при работе с «морзянкой» определяется количеством знаков, которые он может передать за минуту. Для радиста первого класса за минуту нужно передать 20 и более групп таких знаков. Для радиста второго класса необходимо передать 10 групп знаков, для третьего - меньше десяти. Чтобы стать радистом первого класса, мне потребовалось год учебы по основной программе и два года для повышения знаний в области связи. Мне иногда даже снятся сны про то, как я работаю и передаю радиограмму. Если меня сейчас разбудить посреди ночи, то я смогу отправить радиограмму любого содержания в любое место назначения.

При работе на радиостанциях бывали случаи выхода из строя радиопередатчика, с помощью которого осуществлялась связь, но его успевал отремонтировать, почти не прекращая работы, инженер полка.

Я работал также на радиостанции под названием РАФ-КВБИСС средней мощности. Чем больше мощность радиостанции, тем на большее расстояние можно передать радиограмму, а также издалека ее принять. Эта радиостанция была не стационарной, то есть передвижная на автомобиле ГАЗ-3А, на ней работали радисты и механики.

В 1943 году группу радистов, в составе которой был и я, направили в район р. Свирь.

Война в Европе подходила к концу, но наша страна еще не была в безопасности. Советское командование приняло реше-

ние передислоцировать часть войск Карельского фронта на Дальний Восток, где восточным границам угрожала Япония, которая с самого начала вела войну с США и Великобританией. 8 августа, уже после победы над Германией (9 мая 1945 года), началась война СССР с Японией, которая к 20 августа 1945 года в основном закончилась.

В конце 1944 года войска нашего фронта были направлены на Дальний Восток, но мы продолжали держать связь с ранее указанными подразделениями. Когда мы ехали на восток в город Красноярск, мы узнали, что война закончилась. Мы об этом даже не подозревали, 9 мая 1945 года мы попали как раз на празднование Дня Победы. Нас встретили совсем незнакомые люди. Нас угощали пивом, самогоном, хлебом, все были счастливы, никто не мог поверить в случившееся.

В 1945 году меня направили на японский фронт. В конце 1945 года меня, как имеющего среднетехническое образование демобилизовали, и я отправился домой на Родину. Правда, сначала мне предлагали звание младшего лейтенанта, если я буду воевать на Курилах с японцами, но я отказался. Так закончились моя служба в армии и участие в Великой Отечественной войне. Когда я вернулся домой, меня направили строить порт Певек. Там работали заключенные. Так всегда мерзлота и полгода ночь, а из еды были только спирт, селедка и немножко хлеба.

Я работал на разных стройках Советского Союза, в том числе на строительстве Воронежского завода “Синтетический каучук”.

В 1948 году я был направлен работать на Чукотку, в систему Министерства внутренних дел. По окончании контракта на Чукотке меня направили учиться в Уральский политехнический институт, который закончил в 1955 году.

После окончания института работал на строительстве завода на Южном Урале. В 1961 году я был направлен на строительство Нововоронежской атомной станции. По окончании строительства первого блока атомной электростанции в 1971 году был направлен на строительство Конаковской ГРЭС. На ней работал 10 лет, сначала и до полной сдачи в эксплуатацию. После сдачи в эксплуатацию Конаковской ГРЭС меня перевели работать в Москву в ГЛАВАТОМэнергострой (главная инстанция по строительству). В 1974 году по контракту

меня направили на строительство ТЭЦ ФАЛАЙ во Вьетнаме. По окончании контракта был переведен работать в Минсельхозмаш. Когда мне было 65 лет, я вышел на пенсию.

Награды

Медаль «За оборону Советского Заполярья», получил 2 марта 1944 года, №043190.

Медаль «За победу над Германией», получил 6 апреля 1946 года, №403185.

Медаль «За победу над Японией», получил 10 октября 1946 года, №303224.

Орден Отечественной войны, получил 11 марта 1985 года, №2615185.

7 августа 1972 года присуждена премия Совета министров СССР " За разработку и строительство ордена Ленина Конаковской ГРЭС".

Война за еду

Помню случай, произошедший со мной и с моей ротой на Карельском фронте. Три года моей службы на этом фронте были самыми голодными из всех. Голод мучил не только нашу сторону, но и противника. Когда наступало лето, был еще шанс найти и добыть еду, в тех же самых реках поймать рыбу, в лесах найти грибов или ягод. Но как только наступала зима, этот шанс исчезал. Ведь в Карелии, как говорится, полгода - день (то есть светло как днем), а полгода - ночь. Мало того, что зимой темно, как ночью, так еще снежно, холодно и голодно. В зимнее время почти все время темно. Я помню день, когда чувство голода было невыносимым: мы сидели, и оно охватывало нас все больше и больше, мы не могли ни о чем думать, кроме еды. Перед нами были наши противники, которых голод тоже мучил, а между нами были лед и снег. В этот момент кто-то из наших крикнул: "Смотрите, лось!". Все обернулись и замерли, потому что не могли в это поверить. После минутной паузы все сорвались со своих мест, похватали оружие, какое было под рукой, и побежали на лося. Со стороны противника произошло то же самое, люди также, завидев лося, сорвались с мест и побежали на него. На это было

страшно смотреть, как люди, позабыв о своей человечности и морали, превратились в настоящих хищников на охоте. Люди стали стрелять, бить чем попало друг друга за какой-то кусок мяса. В этой борьбе за еду погибло много людей и было много пострадавших. Я не мог подумать, что люди на такое способны. После этого я долго не мог прийти в себя, но вскоре это позабылось, и об этом никто больше не вспоминал.

Сон стоя

Из города Воронеж в город Ртищев шли пешком 600 километров, чтобы нас не смогли разбомбить немцы. Шли все вместе, за спиной у каждого был рюкзак с сухим пайком, который содержал пачку чая, табак, концентрированную кашу в пачках и концентрированный суп. Радиостанцию перевозили вместе с нами на лошадях. Привал делали только на ночь, весь день шли без отдыха, поэтому все очень уставали и не высыпались. Из этой ситуации мы выходили следующим образом: мы шли в ряд очень плотно человек, по 6-7, каждый держал другого, таким образом, через одного человек мог спать, как он только поспит, он сменяет другого, так и выкручивались.

Жизнь на войне

Наша рота располагалась в так называемом блиндаже, который строили следующим образом: в каменном грунте копали яму, похожую на въезд в гараж, в нее помещали радиостанцию, которая была смонтирована на грузовом автомобиле с фургоном. Рядом с работающим блиндажом строили спальный, который строился точно так же, но, чтобы в нем можно было спать, в него клали бревна, засыпали их землей, после этого с деревьев срубали ветки, в основном с елей и сосен, а на них клали, как подстилку, доски, которые брали из близко расположенных сараев. Вот в таких сооружениях мы жили во время нашей службы.

Так как зубных паст и зубных щеток не было, мы разжигали костер, после того, как он прогорал, мы чистили зубы тем, что там осталось, то есть золой. Было не очень удобно, но зато нас это сильно выручало.

Форсирование реки и бомбежка вблизи

Когда мы были в районе реки Свирь, там проводилась подготовка к форсированию. Это означает переход с одной стороны реки на другую. С одной стороны - немцы, с другой - наши войска. Кто-то тонул, кто-то погибал, кто-то доходил до цели и воевал с немцами. Когда боевые действия закончились, мы направились дальше. Эшелон, в котором мы ехали, разбомбили немецкие самолёты. Было 17 человек убитых и большое количество раненых, но, поскольку попадание было не прямым, а бомба взорвалась рядом, то эшелон, простояв короткий промежуток времени, погрузив всех солдат, которые выжили, разбежавшись по лесу, отправился дальше к пункту назначения.

Демобилизация

В товарном эшелоне я и двое других демобилизованных товарищей направлялись к месту жительства. В поезде было не протолкнуться. Спали так, что если кто-то встанет по своим делам, то он уже не сможет лечь обратно. Но мы это все терпели, потому что в нас жила мысль о доме.

Встречи с фронтовиками

У нас были послевоенные встречи с фронтовиками. Они проходили в Парке отдыха пять лет подряд. Здесь я не встречал своих однополчан и никого из знакомых. Но проходила однажды встреча в ресторане “Арбатский” в городе Москве. В нем была встреча всех ветеранов Карельского фронта. Посередине была сцена, на которую выходили по очереди ветераны и разыскивали своих друзей. Назвали и мою фамилию. Это сделал Островский, который командовал ротой до С.М. Толмачева. Мы с ним вспомнили боевую жизнь на Карельском фронте. Мы до сих пор поддерживаем с ним связь.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Стукалова Мария Владимировна,*** *студентка 1-го курса факультета двигателей летательных аппаратов Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Сысоев Иван Егорьевич

Окапываться мы не стали

Жил я до войны в Казахстане. До войны окончил восемь классов, но не полных, восьмой класс я уже заканчивал, когда пришёл с войны в 1946 году. Ни институтов, ни техникумов я не заканчивал, ничего такого тогда не было. Работал я сверловщиком в депо.

О войне узнал по радио, а забрали меня в январе 1943 года, хотя мне не исполнилось тогда ещё и 17 лет. Служил в запасном полку г. Петропавловска, но тогда эта область считалась не казахстанской, а российской, потому что границы между Казахстаном и Россией не было, а сейчас и не знаю, куда она относится. Когда забрали меня служить, то сразу на фронт нас не отправили, сначала мы 3 месяца обучались в Петропавловске. Там были специально сделаны земляные казармы, там же квартировал запасной полк. Готовили там на все возможные квалификации военных, если можно так сказать: автоматчиков, минометчиков, пулеметчиков и так далее, но орудия там не было. Примерно в последних числах апреля нам всем выдали обмундирование, погрузили на станции в эшелоны, а когда мы были уже в Харькове, наш полк переформировали в дивизию. Я и сейчас еще помню названия: 3-я гвардейская армия, 389-й стрелковая дивизия, 545-й стрелковый полк, 76-мм батарея (короткоствольная), где я был командиром связи. В

этой батарее было 3 пушки, 3 взвода по 80 человек (вся «прислуга», которая поддерживала роты и батальоны).

В мае 1945 года я не дошёл до самой Германии всего 60 километров. Вернее, не до Германии, а до Берлина. Я это хорошо помню, так как, когда мы были по пути к Берлину, мы как раз шли по шоссейной дороге, и нам встретился знак - «Берлин 60 км». Поэтому я до сих пор хорошо помню, что мы, а точнее, я дошёл до этого места.

Наш полк остановился в лесочке, так как рядом укрепились немцы, но оставались мы так не долго. Через некоторое время нас обнаружил враг. Но мы хорошо были снаряжены, техника у нас была огромная: «Катюши», танки, также с нами были полки пулеметчиков и минометчиков. Хорошо подготовившись, мы дали залп по немцам. В ответ на нас был осуществлен артналет минами (основным оружием немцев были мины, которыми они оборонялись). В это время меня и ранило в колено.

Начал я с Харькова. Тогда был открыт Воронежский фронт, где командующим был генерал Ф.И.Голиков. В это время я был в 545-м стрелковом полку. Обстановка у нас тогда была совсем другая, ни кому не было интересно, то чему тебя учили, что ты умеешь. В 76-мм батарею я попал после Харькова, куда нас привезли и распределили. Говорили, что будем радистами, а потом дивизия начала пополняться, и нас раскидали по частям («по палатам»). Пришёл целый эшелон нас, солдат, из Петропавловска, ждать было некогда, поэтому всех прибывших сразу распределили по дивизиям, тут же пошло и наступление. Считаю, что мне повезло, потому что с кем служил, я их почти не видел, все время был в боях.

В Чеховскую область приехали с женой в 1989 году. Здесь служил наш старший сын Юрий Иванович, он-то и забрал нас сюда. Первой приехала жена, а я приехал позже, собирал документы, которые были утеряны во время землетрясения. Когда все документы были уже собраны, мне позвонил сын и сказал, что нам с женой дали квартиру. Последнее время я часто выступаю на собраниях, рассказываю много про войну, про те времена. Очень часто задают один и тот же вопрос молодые курсанты: «Там было очень страшно?» А что им ответить, я не знаю, не до этого было, другая цель в жизни была! Прошли, выжили, победили!

Награды

За участие в Великой Отечественной войне были выданы следующие награды:

- полковником Магаузеном 26 мая 1978 года, в соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР, от 28 января 1978 года, выдана медаль «60 лет Вооруженных сил СССР»;
- президентом РФ указом от 22 марта 1995 года присвоена медаль№ 18142836, «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- президентом РФ была присвоена медаль «Жукова» №0350458, указом от 19.02.1996г.;
- орден Славы 3-й степени, №070965, №033450 и №493053
- указом президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года, за храбрость, стойкость, мужество, проявленное в борьбе с немецкими захватчиками, был вручён орден Отечественной войны 1-й степени.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.» вручил Захаров 25 мая 1946 года.

К знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» за доблесть и отвагу Гречко вручил медаль «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне»

Переход через реку Днепр

Самое большое, что я помню с войны, - это переход через Днепр. На Киевском направлении проходили тяжелые бои, не на жизнь, а на смерть. Нужно было переправиться через большую реку. Переправлялась наша батарея из 70 человек, с нами было 3 орудия, каждое с лошадиной тягой, по две лошади на каждое орудие. К каждому орудию прилагалась телега со снарядами. При батарее были командир орудия и 4-5 человек обслуживающего персонала (наводчики орудия, командиры орудия и т.д.). Переплавлялись на плотах, под обстрелом, паромов не было, а ждать, когда наведут мост, было некогда. Тяжело было, страшное это дело слышать звуки пролетающих мимо пуль и снарядов. Если честно признаться, то привыкнуть к

этому невозможно, при каждом взрыве и свисте пули, испытываешь ужас. Много людей в это время утонуло, много пропало без вести. Танки шли с обеих сторон, орудия летели так же.

В августе 1943 года было очень много того, про что даже вспомнить страшно, но нам тогда было не до этого. Когда мы уже переправились через реку, естественно, сразу нужно было закопать орудие. Если сам себе не выкопаешь окоп под орудие, то его моментально могли разбить: соединялся напор с обеих сторон, друг на друга, идут танки, наши стреляют. Конечно, в этой битве многие пали, кто от осколка бомбы. Бывает, разрывается бомба в десяти метрах от тебя, и ничего, а может и волной убить. Ещё тяжело было преодолеть реку, ведь переправлялись же и в одежде, и с винтовками на плечах, а, кроме того, ещё и патроны, гранаты, котелок, продукты, да много чего могло быть. Переправляться нужно быстрее, поэтому бросали вещи, некоторые даже оружие, на крики о помощи никто не обращал внимания, каждый хотел выжить, быстрее переправиться.

На самом-то деле это очень большая нагрузка. Но, не смотря на всё это, мы прорвались. Потери, конечно, были, на войне не без этого. Когда мы продолжали свой путь, везде, где бывало население, в деревнях, оно очень нам помогало. Иной раз, когда освобождали или уводили людей, то даже несколько дней не ели только потому, что не успевали запастись продуктами. А когда заходили в освобождённую деревню, нас с радостью принимают люди и кормят нас тем, что есть, хоть как-то пытались угостить. В основном всех выручала картошка. Иногда было впечатление, что лошади не могут тянуть воз. Не всегда их удавалось накормить. А шли же мы не только по центральным дорогам, фронт же растянут, шли мы и по лесам, и по полям, и шли естественно по слякоти. Поэтому особенно тяжело было в весенний период. Очень сильно в то время нам помогли “Катюши” (миномёты), но это, конечно, со стороны командующего, регулировщика. Например, если мы, батареи из трёх орудий, продвигаемся по какому-то направлению и гоним немцев, а даётся команда “застопорились”, т.е. остановка на какое-то неопределённое время, а затем команда ”дать по ним”, в этот момент, пока там среагируют, наши продвигаются

вперёд, отгоняют немцев. Жертв было много, ничего не скажешь

Как я служил связистом

Связь – это самое основное на переднем крае, без связи не было бы никакой информации. Поэтому какой бы ни была нагрузка, всегда нужна была связь. Любой связист при себе должен иметь каску, противогаз, шиферную лопатку, свой котелок, аппарат - это трубка с элементами и катушка - 500 метров стального изолированного провода. И ты со всем этим бежишь либо к командиру, либо в роту, катушка всё это время разматывается. А здесь и пули летят, и снаряды, и всё это делается в ночное время. После переговоров тем же путём обратно. Это была очень большая нагрузка для меня. А сколько разных случаев бывало! В одном месте был такой случай. На Западной Украине. Дали указание залечь в одном месте, непосредственно в одной роте или батальоне. Показалось командиру батальона, что идёт немецкий танк, он звонит командиру полка и докладывает обстановку, командир полка связывается с командиром батареи и говорит, что надо в определённое место кинуть подкрепление. Приходит батарея, они успевают окапаться, и тут звонит второй батальон, докладывает, что у него тоже появились танки, все снимаются с первого места и переезжают на второе. И ездил я так как-то до того момента, что, когда остановились (где действительно были танки), окапываться уже было некогда. Больших и осознанных жертв в тот раз не было, что для таких ситуаций большая редкость, мы моментально сориентировались, и помощь была артиллерии. Здесь мы никуда не продвинулись, дождались ночи, и вдруг нас снимают с этого места и переправляют на другое место. Ночью заезжаем мы в село. Село большое, и кинулись на одну большую улицу, а там немцы встретили нас пулями, мы повернули в другую сторону, там были наши. На самом деле очень странно и интересно получилось, в одной деревне на одной улице - немецкие солдаты, а на другой – наши, русские. Мы присоединились к нашим войскам, а на рассвете решили продолжить свой путь. Когда мы подошли к перекрёстку, то заметили, что на дороге было какое-то движение, там были и танки, и артиллерия, и повозки, и машины. То ли наши, то ли

немцы? Когда мы начали на бугорок подниматься, сзади-то оно по нас и пальнуло - и все наши бежать, кто куда. Это о чём говорит? О том, что в нашей разведке никто ничего не сделал, никто не посмотрел. А командир сказал, что наши ночью немцев обстреляли, а у немцев, оказывается, связь была, они ночью и вызвали подкрепление. Мы же со своей батареей проскочили спуск, продолжили свой путь, куда он предназначался, и зашли в одну деревню, полностью вооружённым полком. Нам дают указание продолжать наступление, почему-то дождались вечера, а ночью пошли. Конечно, командир батареи знал, куда мы идём, в каком направлении. А наше дело какое? Наше дело шагай и не спрашивай, куда идёшь. И вот не только я, всей батареей смотрим: справа идут ракеты, слева тоже немецкие ракеты и с фронта тоже там где-то ракеты пускают. Все мы смотрим и думаем, что это такое, куда мы идём? Это значит, в какой-то мешок мы идём. Сзади нас могут перерезать, и весь наш полк будет в окружении.

Как мы прорвались через окружение немцев

К утру мы подошли в лесок, окопаться окопались, всё по форме и связь сделали. Рассветало уже, и тут всё началось. Немцы нас ждали, так как разведка у них тоже работала. До вечера кое-как мы просидели. Вечером командир батальона сходил в овраг и узнал что-то, чего мы опасались больше всего. Так и получилось: нас окружили. После мы узнали, конечно, что был окружен не только наш лагерь, но и вся наша дивизия. Деваться нам было уже некуда. Решали, что делать, уже все три батальона, и мы поехали. Заехали мы в какое-то ущелье, на Западной Украине местность вообще овражистая. И вот засели мы все в один овраг, командир нашей батареи пошёл на совещание с командирами других полков. Вопросов на совещании, конечно, было много, но основным вопросом был "как выходить из такого положения?", т. е. выходить из этого окружения. Командир решил пробиваться, полностью своим полком, никого не стал распускать, а пробиваться любыми способами. Один командир свой полк распустил, кто-то пошёл в одном направлении, кто-то в другом. Бросили ли они технику, не знаю. Но впоследствии узнал, что большинство из этого полка погибли, многие попали в плен, в живых не осталось

почти никого. Другой полк прорвался, встретил немецкое подразделение и сражался с ними. Многих, конечно, тоже потеряли. А нашему полку просто повезло. Только мы вышли, дело было ночью, и тут встречается нам враг. Искать его технику времени не было, надо было быстрей его пройти. Вышли мы из своего оврага, откуда ни возьмись, несётся немецкий танк, за ним второй. Это была разведка, потому что танк вдалеке остановился, высунулся немец, что-то спросил, ему кто-то ответил на их языке, что это немецкая часть, и они уехали, видимо поверили, а мы пошли дальше. Спустя некоторое время снова танк, и вот здесь танков шло очень много. Перекрыли нам и эту дорогу, после танков шли машины, на которых прицеплены были орудия. Мы залегли и ждали, когда пройдёт вся колонна, когда она прошла, была команда встать и бегом. Слабых хватали товарищи и тащили их на себе. Бежали мы очень долго без всяких отдыхов и остановок, не до того было, надо было уйти как можно дальше. Здесь перед нами появляется железная дорога, мы сразу же определили, что это наши. Полк наш остановился и залёг, послали на всякий случай разведчиков. Те перешли железнодорожные пути, мы ждём. Оказалось, что там уже стояли наши танки. Разведчики наши с ними поговорили, выбегают на дорогу и кричат: "Здесь наши". Вот так мы вышли из окружения. Как потом выяснилось, командир нашей дивизии ещё днём собрал своих "подданных", своё знамя, группу автоматчиков, всё это посадил на технику. И прорывались они ещё днём, но он свою дивизию не бросил, а знамя спасал. Если знамя целое, то и после этого броска могла организоваться дивизия, лишь бы было знамя. А когда знамя потеряно или же его захватил враг, значит, марка уже этой дивизии больше не используется. Долго там мы не были, нас практически сразу же отправили на фронт, так как, выходя из окружения, мы почти никого не потеряли.

К осени 1944 года почти вся территория Советского Союза была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Висло-Одерская операция

12 января 1945 года мы приступили к проведению Висло-Одерской стратегической наступательной операции. Мы уже вступили на территорию Польши. Чтобы идти дальше, нам

нужно было форсировать Вислу. Самым опасным для нашей дивизии была возвышенность за рекой, где противник сильно закрепился. А нам невыгодно было это. Наша разведка узнала, что к немцам прибыли танки, подкрепление, они этот район уже контролировали, чтобы наши не могли взять эту высотку. Командир полка, а возможно, это указание было дано и свыше, приказал на эту высотку вывести наше орудие. Нам пришлось всю ночь тащить вооружение на эту высотку. Высотка была очень крутой, но, конечно, без пехоты не обошлось. Почему? Да потому что коням пройти там было практически невозможно, только людская сила. Вытащили эти орудия уже к утру, даже окопаться, как следует, не успели. Я в то время был уже командиром отделения, меня взяли как бывшего связиста, протянуть связь успели. Наш командир батареи увидел танки, и сразу даёт команду на обстрел. Только выстрелил снаряд по первому танку, оказалось, что там три танка. Я был в котловане, где у нас была расположена связь. Я узнал от командира батареи, что связь наша прервалась, и что бункеры разбиты, никто не знал, кто там уцелел, и что там случилось. Когда стемнело, мы с командиром батареи спустились, переправились через реку (уже был сделан паром) в город Сандомир и направились к нашему подразделению. Получили новое орудие, прибыло к нам пополнение, новые ребята, и старые пришли в батарею, которые спаслись, т. е. наше подразделение полностью укомплектовалось. В Сандомире мы пробыли долго. Это был период, когда командующим 1-м Украинским фронтом был Маршал Советского Союза И.С.Конев. Львовско-Сандомирская операция была закончена в конце августа 1944 года. Из Москвы пришло указание, чтобы мы попытались опять прорвать оборону немцев. Дан был приказ о наступлении, с этого момента продвинулись мы очень сильно, подготовка была большая, подняты были самолёты, организация была очень большая. Наши пошли вперед, первыми, конечно, пошла пехота, потом танки. С этого Сандомира мы двинулись на границу с Германией, прошли ее. Мы уже прошли много и дошли до таблички, где было написано, что до Берлина осталось шестьдесят километров, и в этом лесочке остановилось наше подразделение, а рядом было большое поле. В общем, за 23 дня вместе со 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронта-

ми мы продвинулись на глубину до 600 километров, расширили прорыв до тысячи километров и с ходу форсировали Одер.

Окапываться мы не стали, вырыли каждый себе по небольшому ровику, только чтобы укрываться от пуль. Командир пару раз отправлял меня проверить, привезли ли снаряды, но их всё не привозили. Мы начинали волноваться. Окоп у меня ещё вырыт не был, и командир приказал мне его всё-таки вырыть. Как только я вырыл себе ров, начальник снова меня отправил смотреть снаряды. И только я вышел из своего окопа, как начался миномётный огонь. Но мы хорошо были снаряжены, техника у нас была огромная: «Катюша», танки, так же с нами были полки пулеметчиков и минометчиков. Хорошо подготовившись, мы дали залп по немцам. В ответ на нас был осуществлен налет минами.

В это время меня и ранило в правую ногу, в колено, поранило осколком. Ко мне подбежали ребята, разрезали брюки, перевязали индивидуальным пакетом и подбежали санитары. А при санитарах в то время были обязательно собаки. Положили меня в лодку (обычно резали пополам брезентовую лодку и укладывали в нее раненого, а волоком тащили её собаки) и понесли меня в санчасть полка. Как раз в той деревне, которую мы проходили, был танковый батальон, сюда меня санитар и занёс. Танкист положил меня на койку, дали покушать и граммов 50 водки.

Дивизия пробыла там недолго. Когда они ушли, мне было больно, но больно, потому что в этой деревни никого не было, все люди разбежались. Это была немецкая деревня. Я думал, что меня забыли, но потом пришёл тот парень-санитар со своими собаками и сказал, чтобы я не боялся, что скоро придёт подмога. И правда, спустя некоторое время они пришли, забрали меня в санчасть. В санчасти сделали перевязку и в санбат, из санбата уже в госпиталь, а там, в город Люблин. Потом во Львов нас перевезли. Там тоже долго не продержали, на поезде специального назначения отправили в город Миргород. Нас выгрузили, наложили мне временный гипс и спустя какое-то время там же его и сняли. Процедур ещё было много, потому что колено не сгибалось. Делали прогревание.

Жили мы в одноэтажных домиках, похожих на казармы, в каждом находилось по десять человек. Печки были буржуйки, топили их дровами, тогда ещё холодно было.

Пусть война уже и закончилась, но немцы в первый день ещё пытались сопротивляться, на их уничтожение были отправлены танковые дивизии.

И вот 9 мая по радио объявили, что война закончилась. Все уже давно ждали окончания войны, всё к этому близилось. Высшее командование объявило об окончании боевых действий и начале обсуждения и подписания акта о капитуляции Германии. Сообщалось о том, что на Эльбе были представители вооруженных сил союзников, от нашей и от американской власти. Наше правительство выехало в Германию, там ещё были главы правительств США и Великобритании. Все три государства участвовали в освобождении Германии от нацистов. Если честно, мне тогда было немного больно, а больно почему, потому что я не смог принимать участие в решающем бою вместе со всеми.

Путь домой

Впоследствии нас выписали из госпиталя, одели в военное, потому что гражданского ничего не было, дали с собой хлеба немного, банки консервов, сахара и других продуктов и отвезли на железнодорожную станцию. Там нам вручили билеты, посадили в вагоны. Я приехал в Москву из Киева, где нас встречали на вокзале для военнослужащих. Выдали нам талоны на продукты и билеты до дома. До поезда было ещё часов семь, поэтому все сразу пошли в магазин за продуктами в дорогу. На талоны нам выдали хлеб, масло сливочное, сахар, короче, все необходимые продуты на первый случай. Мы сложили всё в мешки и сели на поезд. Поезд шёл только до Свердловска (Екатеринбурга), а потом мы ещё сутки ждали следующего до Петропавловска, но ждать никто не хотел, поэтому некоторые ребята ходили договариваться с начальником товарняка, чтобы тот взял нас с собой. Он с радостью согласился, но подвёз только до Кургана, дальше он не ехал. Мы там опять пошли на вокзал, чтобы узнать, как дальше добираться. Опять нашли товарняк, который нас и довёз до конечной станции.

Дома меня никто не ожидал увидеть, у матери кроме меня было ещё четверо детей. Я постучал в окно, отец спросил кто там, а когда открывал дверь, то понял, что это я. Подбежала

мать, а я как раз споткнулся о телёнка, лежащего рядом, и упал, они начали плакать.

Как только пришёл с войны, надо было бы написать хоть какие-то заметки о войне, но не до того было: я был молодой, надо было работать, кормить семью. Жертв было много, ничего не скажешь.

Нас поздравили с окончанием войны, когда пришёл я из военного госпиталя. А пришёл я на костылях. В госпитале лежал между Харьковом и Киевом, потом меня комиссовали, дали справку об инвалидности второй группы. Потом еще два раза был на комиссии. В военкомате выдали орден Славы 3-й степени и медаль «За победу над Германией», а потом вручили орден Великой Отечественной войны 1-й степени. Медалей давали очень много.

Пробыл я на войне два с половиной года без перерывов, все время на передовой в окопах, пока не ранило. 1 февраля 1945 года меня ранило в правую ногу, выше колена, и уже 12 февраля я был выписан.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Касторнов Игорь Викторович****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Таборко Светлана Александровна

Четыре года жизни, которые определила война

Я родилась 27 октября 1924 года в Москве, в доме, в котором располагается гостиница «Балчуг». Половину дома тогда занимали ресторан и гостиница, другую - коммунальные квартиры. По национальности я русская. С 1928 года я и мама, Лидия Федоровна Таборко, жили вместе с братом матери - Александром Федоровичем Таборко. У него было два сына: Владимир (1920 года рождения) и Александр (1928 года рождения). В 1934 году умерла мама. И дядя воспитывал меня в семье как свою дочь. Мы с Володей и Сашей считали друг друга родными братьями и сестрой. Владимир в 1939 году был на советско-финляндской войне. В 1941 году сразу ушёл на фронт.

Закончила 7 классов школы и в 1939 году поступила в медицинский техникум.

В 1941 году закончила второй курс техникума (всего 4), и на лето устроилась работать в детский сад, который выехал на Клязьму. Там я и встретила 22 июня 1941 года. День был для нас самый обычный, причем, мы ничего не слышали и ничего не знали, потому что радио некогда нам было слушать, да мы и мало интересовались политикой. Через два-три дня мы узнали о войне, потому что начали приезжать родители и забирать детей. И я вернулась в Москву.

Началась война. Первые дни мы проводили обыкновенно, ничего не делали, гуляли. Через месяц, 22 июля, в Москве бы-

ла первая бомбежка (бомбежки Москвы окончились только 23 июля 1943 г.). В это время я гуляла со своими друзьями на площади Курского вокзала. Как только началась бомбежка, мы спустились в метро. Метро только по ночам превращалось в бомбоубежище, а днем работало в обычном режиме. А поскольку на этой станции дежурила мама моей соученицы, то она выпустила меня на улицу, и я увидела первые пожары. Тогда сделалось очень страшно. Затем начались уже регулярные бомбежки. Первое время бомбили в основном по ночам. Во время бомбежек мы обязаны были дежурить на крышах своих домов и гасить «зажигалки» - специальные снаряды, которые не взрывались, а создавали пожар. Между бомбежками жили обычной жизнью, ходили гулять, играли в спортивные игры.

В августе 1941 года меня от военкомата отправили в Подмосковье на лесозаготовки. Тогда еще здания отапливались дровами. В каждой квартире была печка-буржуйка. Мы запасали дрова на зиму. Жили там в бараках. Немцы уже приближались, и нас вернули в Москву.

Осенью в Москве я копала траншею для нефтепровода на Шоссе Энтузиастов.

В конце 1941 года меня с младшим братом Сашей эвакуировали в Башкирию, в деревню Миловка, близ Уфы. Вначале на поезде нас довезли до Ярославля, а оттуда на барже, предназначенной для перевозки угля. Сидя в трюме, мы 16 суток добирались до Миловки. По дороге нас неоднократно бомбили. Там мы жили в интернате. Пробыли мы в эвакуации несколько месяцев. Интернат помогал совхозу, и весной 1942 года я работала на тракторе, пахала поля.

Но оттуда я с братом Сашей убежала в Москву. Сразу пошла в военкомат проситься на фронт, так как считала себя почти законченным медиком. Мне шёл тогда 18-й год. 20 августа 1942 года мне дали направление в Местную противовоздушную оборону (МПВО) Куйбышевского района г. Москвы, в медико-санитарную роту в звании рядовой. Мой взвод занимался разбором завалов и извлечением людей из разрушенных бомбежкой домов. Саша потом сбежал на фронт и служил в Красноводске, был там сыном полка.

Весной 1943 года несколько человек, в том числе и меня, направили работать в эвакогоспиталь, который находился тогда у Красных ворот. В госпиталь прибывали раненые с фрон-

тов. Мало кто оставался здесь (судя по ранениям), а тяжелораненых отправляли в тыл. Было, конечно, очень больно видеть солдат с ампутированными руками, ногами. Там я долго проработала. И там я стала донором: отдала кровь какому-то раненому солдату. Кровь сдавала почти до выхода на пенсию и являюсь «Почетным донором». В общей сложности за 41 год донорства сдала более 50 литров крови.

Из госпиталя я сбежала на фронт. В госпитале у меня были знакомства с ранеными, которые получили несерьезные ранения и собирались ехать на фронт. Многие выписывались раньше времени. На Белорусском вокзале они посадили меня в свой поезд.

На территории Белоруссии меня сняли с поезда, так как не было при себе документов, и отправили назад, в Москву, там распределили в роту управления штаба местной противовоздушной обороны. В роте было несколько взводов. Рота размещалась в здании, которое находилось в Хлыновском тупике. Командиром роты был Сергей Федорович Данилин. Я служила во взводе наблюдения, задачей которого было круглосуточное дежурство на крышах высоких домов, сообщения о приближающихся самолётах и возникших пожарах. На крышах домов есть специальные технические этажи, которые были переделаны под наблюдательные пункты. Командиром взвода был старший сержант Ведерников.

В начале 1944 года в здании роты открылись курсы военных фельдшеров, и командир роты направил меня туда учиться. После окончания этих курсов, меня перевели в сокольнический батальон военным фельдшером.

Летом 1944 года я опять убежала на фронт и доехала до деревни Жмеринки в Белоруссии. Там я работала в полевом госпитале. Тут была самая настоящая работа. Но пробыла я в госпитале всего около трех недель, за которые успела получить несколько ранений. Пребывание без документов не могло долго оставаться незамеченным. Девчонки-медсестры меня сколько могли скрывали, но, обнаружив отсутствие документов, меня снова отправили в Москву.

Здесь меня распределили в штаб МПВО, в медико-санитарный отдел. Начальником штаба был полковник Лапиров. Штаб подчинялся непосредственно председателю Моссовета Пронину. В штабе уже была рутина, нужно было выез-

жать в батальоны. В штабе проработала я до Дня Победы. В конце 1944 года я вышла замуж, и мне уже разрешали ночевать дома.

День Победы я встретила дома. 9 мая 1945 года кто-то из родственников сообщил. Тут уж поднялся крик, на улицы выбегали люди, радовались, плакали.

Была несколько раз легко ранена в руку и бедро, когда работала в полевом госпитале в Жмеринке, в Белоруссии.

Награды

1. Орден Отечественной войны 2-й степени; №6709888; № удостоверения - З № 966046; указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.

2. Нагрудной знак «Ветеран МПВО» от 25 апреля 1981 г.

3. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; № удостоверения - Ю № 0254022; указ президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. Вручена 8 апреля 1991 г. Волгоградским районным военным комиссаром г. Москвы Типковым.

4. «Медаль Жукова»; № удостоверения – Г № 0748976; Указ президента РФ Б. Ельцина от 19 февраля 1996 г.

5. Юбилейные медали: «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне», «Двадцать пять лет Победы в Великой Отечественной войне», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной Войне», «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной Войне», знаком «Фронтовик 1941-1945 гг.».

6. Знак «Почетный донор СССР», № удостоверения – 176121. Постановление Президиума Исполкома СОКК и КП СССР (Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР) от 2 октября 1963 г.

На фронте погибли: двоюродный брат Николай – сын маминого брата Георгия Федоровича Таборко и дядя Зиновий Федорович Таборко.

Старший брат Володя вернулся в 1943 году с тяжелым ранением. После окончания университета он работал журналистом в издательстве «Молодая гвардия», писал книги о войне.

У младшего брата Саши ранений не было. Он окончил Институт физкультуры и работал тренером в институтах МИСИ, МАДИ, был судьей по волейболу.

Обо мне были напечатаны статьи в заводской газете «Манометр» от 7 декабря 1969 г., и от 6 апреля 1971 г.

Страшные эпизоды войны

Самыми страшными для меня моментами войны были разбор завалов домов, пострадавших от бомбежек, и работа в госпитале. Тогда пришлось многого насмотреться и испытать. Так, привозит машина раненых к госпиталю, и две 18-19 летние девчонки берут носилки и тащат раненого, а он еще и загипсованный. И так с утра до вечера, иногда целыми сутками напролет.

Первый блин не комом

Когда в 1942 году я работала в эвакогоспитале, хирург назначил мне делать внутривенный укол. А я закончила только 2 курса медицинского техникума и не умела делать внутривенное. У нас лежал партизан по фамилии Змеев – «бандит», матерщинник, каких свет не видывал. Я вхожу в палату, Змеев лежит на столе, и я ему должна была делать укол. Делать нечего, подхожу к нему, накладываю жгут, беру шприц, наклоняюсь над ним, ничего от страха перед собой не вижу, ввожу иглу в вену и думаю, что сейчас он мне даст костылем. Кое-как сделала ему внутривенное, а он орет доктору: «Слушай! Ты скажи, чтобы только она мне делала внутривенное!» Больше внутривенное Змееву я не делала, а оббегала его палату на расстоянии. В дальнейшем, конечно, пришлось делать внутривенное, но ведь тогда это был первый раз.

Январь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Рукавичников Виталий Сергеевич****, студент 1-го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Таиров Константин Дмитриевич

Памяти Ивана Петровича Черенкова

Я родился 15 сентября 1914 года в деревне Аббакумово, Петушинского района, Московской области. Русский. Православный. Член Коммунистической партии с апреля 1943 года по июль 1995 года. В профсоюзе с 1934 года. В комсомоле с 1935 по 1938 год.

Папа, мама – крестьяне. В колхоз вступили 29 марта 1929 года. В 1921 году я пошёл в начальную сельскую Желтухинскую школу. Окончил в апреле 1925. В ноябре 1933 года поступил в школу фабрично-заводского обучения при заводе «Электросталь». Окончил в апреле 1935 года. В 1937 году уехал в Горький. Работал слесарем на заводе «Красная Этна». В 1941 году окончил платные шестимесячные курсы конструкторов-чертежников.

В 1935 году призвали в армию. Но медицинская комиссия признала негодным к службе в армии и дала «белый билет». Только 10 октября 1941 года был признан годным к нестроевой службе Ленинским райвоенкоматом города Москвы.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года. Я работал заведующим инструментальной мастерской в первом доме Совета Народных Комиссаров. Вышел после завтрака и услышал сообщение Молотова о том, что в 4 часа утра Германия напала на Советский Союз. В ночь на 22 июля был в кинотеатре

«Ударник», вдруг фильм остановили и объявили воздушную тревогу, и все спустились в бомбоубежище. Вышли утром в начале пятого часа - Москва уже горела. С тех пор каждый день около девяти часов вечера все спускались в метро «Новокузнецкая», где было бомбоубежище, и выходили только утром. А я работал в пожарной команде – сбрасывал мины с домов.

3 июля выступал Сталин. Обратился ко всем трудящимся Советского Союза. Все тогда запомнили его слова: «Наше дело правое! Мы победим!».

У меня была бронь в артиллерийской академии. 19 октября 1941 года я выехал в Среднюю Азию, в Самарканд. Приехал туда 11 ноября. Я просился на фронт, и 13 декабря мне дали повестку. Так что пошёл я добровольцем. Разгрузились на станции Штормово и пошли пешком в населенный пункт Меловой Яр. С декабря 1941 года по июнь 1942 я служил в 103-й стрелковой дивизии, в штабе артиллерии в звании старшего сержанта под командованием генерал-майора Чанова. Начальником штаба был полковник Яковлев, начальником артиллерии – полковник Внуков. С июня 1942 по декабрь 1945 года я был в составе 5-й гвардейской танковой бригады. Командиром был полковник Морус. После него в марте 1943 года полковник Шуринков. В конце апреля 1945 года он был смертельно ранен. Его сменил полковник Червяков. Я работал в штабе дивизии завделопроизводством в строевой части в звании старшины.

Боевой путь через: город Валуйки (10 марта 1942 года), станция Сватово (март 1942 года), населенный пункт Меловой Яр (март 1942 года), село Алексеевка (конец апреля - май 1942 года), село Берека (май 1942), село Крутояровка (май 1942 года), город Чугуев (июнь 1942 года), город Ворошиловград (15 июля 1942 года), село Тарасовка (июль 1942 года), город Каменск (июль 1942 года), станица Раздорская (июль 1942 года), станица Константиновская (июль 1942 года), город Сальск (июль 1942 года), Красная поляна (август 1942 года), станица Карабулакская (1942 год), город Голомбек (1942 год), станица Крымская (1942 год), станица Славянская (конец 1942 начало 1943 года), город Нальчик (1943 год), город Владикавказ (1943 год), город Беслан (1943 год), станица Гизель (1943 год), город Сумгаит (конец 1942 года), город Баладжары (сентябрь 1942

года), город Поти (1943 год), город Туапсе (1943 год), город Геленджик (1943 год), город Новороссийск (сентябрь 1943 года), город Анапа (1943 год), город Харьков (конец 1943 года), город Красноармейск (1944 год), город Бельск (1944 год), город Ужгород, город Дербент (1945 год), город Кошица (1945 год), город Быстрица (1945 год), градец Кралева (1945 год), город Прага (9 мая 1945 года).

Освобождал:

- село Алексеевка. 14 апреля 1942 года в составе 103-ей стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Чанова.
- село Березка. 103-я стрелковая дивизия. Командир дивизии - генерал-майор Чанов.
- Город Новороссийск. Февраль 1943 года. 5-я гвардейская танковая бригада. Под командованием Шуринкова. Бригаде было присвоено звание Новороссийской ордена Богдана Хмельницкого.
- Город Дербент (Венгрия). Весна 1945 года. 5-я гвардейская танковая бригада. Командир – полковник Шуринков.
- Город Кошица (Чехословакия). Конец апреля - начало мая 1945 года. 5-я гвардейская танковая бригада. Командир – полковник Шуринков.
- Город Будапешт (Венгрия). 1945 год. Под командованием полковника Шуринкова.

***

На фронт мы отправились 2 марта 1942 года из Самарканда. Боевые действия начали 14 апреля. Когда наступали на Харьков, там были ракетчики. Они освещали, чтобы было видно, где немцы. С 14 по 25 мая 1942 года мы были в окружении. Не хватало орудий, боеприпасов, довольствия. В ночь на 25 мая предприняли попытку выйти из окружения. Вышло очень мало, мало вынесли оружия и техники. 25 километров до села Чепель от Лазовеньки пешком шли. 25 мая 1942 года в Чепеле после обеда я спустился к речке. Я лег на берегу на мягкий песочек и заснул. Это было утром, в начале 9-го. Когда проснулся вечером, было холодно. Я пошёл в село и спросил у первого встречного, не знает ли он, где собирается 103-я стрелковая дивизия. Это оказался майор Ковальский, замести-

тель командира 5-й гвардейской танковой бригады. Он ответил, что не знает. Но, поскольку была уже ночь, он пристроил меня переночевать, а утром приехал. Позвал меня в свою танковую часть. Я все-таки хотел разыскать свою дивизию, узнал, где она собирается, и Ковальский повез меня туда. Там собралось очень мало людей. Ковальский пообещал привезти меня туда еще раз. Приехали в другой раз. Оказалось, из окружения вышло всего около сотни человек, но начальства не было. Тогда Ковальский снова позвал меня к себе в часть. Приехали в третий раз. Было зарегистрировано 137 человек, но ни одного из офицерского состава. «Ну что, решай! Здесь останешься?». И я поехал с ним. Мы поехали на Украинский фронт с 5-й гвардейской танковой бригадой. Я был писарем в штабе.

Июль 1942 года. Войска на юго-западе отступали, так как немцы прорвали фронт. От Лисичанска мы вынуждены были вернуться в село Борисовка (сейчас село Роскошное), откуда выходили на передовую. В ночь на 10 июля наш автобус вышел из строя. Все уехали, а нас с водителем автобуса Иваном Петровичем Черенковым и младшим лейтенантом Андрюшей оставили, пообещав приехать за нами на летучке. 11 июля офицер связи капитан Вишневский приехал на мотоцикле и забрал документы. Через пару дней приехали на летучке и велели забрать все оставшиеся документы, снять с автобуса резину и сжечь его. Но Иван заявил: «Пока я своими собственными глазами не увижу немцев в Борисовке, я автобус не брошу!». Летучка уехала, забрав Андрюшу, а я остался с Иваном за компанию. 15 июля Иван отремонтировал автобус, и мы выехали из Борисовки в Тарасовку через Ворошиловград. В Ворошиловграде военных не было. Иван сказал мне побыть в автобусе, а сам пошёл за хлебом на хлебозавод. Когда он ушёл, началась бомбежка. Я выскочил из автобуса и укрылся в траншее. Меня засыпало землей. Когда бомбежка закончилась, я еле-еле выбрался. Провел рукой по лицу, увидел кровь на руке и понял, что со мной не все в порядке, но я совершенно не чувствовал боли. Когда ударная волна стала отходить, пропал слух... У автобуса выбило все стекла, лобовое стекло было в трех местах пробито пулей, колеса все были повреждены, из 10 баллонов осталось 5. Я пошёл куда-то, сам не знаю, куда и зачем пошёл. В это время Иван уже вылез (он прятался в канализационном колодце), увидел меня, стал звать, а я уже ничего

не слышу. Вдруг чувствую, кто-то меня трясет. Поворачиваюсь, а это Иван. Спрашивает: "Ты куда пошёл?". Повел меня к автобусу. Он, как ни странно, завелся. Поехали искать своих. Ехали на дисках, резины уже не было. Все показывали: смотри, мол, что с автобусом.

Когда от контузии стал отходить, появилась страшная боль. Ваня остановил автобус на лужайке, чтобы я походил, подышал свежим воздухом. Но ничего не помогало. Я стоял, крутился то взад, то вперед, кричал беспомощно, уговаривал: «Ванюша, оставь меня, уезжай, а меня оставь». А он затащил меня в автобус, положил под голову подушки, и мы поехали.

Недалеко от Ворошиловграда стояла наша брошенная полуторка с вещевым имуществом. Ваня пошёл к ней, приказав мне никуда не уходить, снял 6 баллонов и поставил на автобус. В следующем населенном пункте спросил, как проехать в Большую Тарасовку. Нам сказали, что там уже немцы, а наши пошли под Сталинград. Тогда мы поехали дальше, туда, куда шла Красная Армия, надеясь найти нашу бригаду.

Мы пошли на Дон. Перед Каменском стояла санитарная машина. Иван подошёл, сказал, что его товарища сильно контузило. Женщина, капитан медслужбы, обмыла мне лицо, закапала капли в уши, дала таблетки, и сказала, что я буду слышать недели через 2-4. А Ване дала указания, как меня лечить дальше. Пока она меня приводила в порядок, ее шофер уговаривал: «Поехали, немцы рядом». А она ему: «Не поеду, пока не вылечу раненого». Мы спросили: «Куда дальше ехать?» - «Сама не знаю»...

Доехали до города Каменска. Ваня пошёл за едой. Принес три связки баранок и хлеб. Мы узнали, что в станице Раздольской есть переправа. Приехали туда. На переправе было много скота. Ванюша просил молока. Потом пошли сами коров доить. Корова не давалась. Ванюша сказал:

- Держи корову за рога!
- Нет у этой коровы рогов!
- Тогда за уши держи!

А она все равно пятилась. Тут две женщины и подсказали, что к корове нужно справа подходить, а мы слева… Благодаря их совету два котелка надоили.

Переправляли только ночью. Дня три мы стояли, а потом переправу разбомбили. Нам сказали, что ниже, в станице Кон-

стантиновка, есть паром. Там то же самое: дня два стояли. Ванюша уговаривал контролеров: «У меня штабной автобус, мы под бомбежкой были, стекол нет…». В итоге пропустили нас без очереди. Перебрались в Сальские степи. Еду нам давали то военные, то мирные жители. В Сальских степях увидели трех мужчин, которые пасли стадо барашков. Иван попросил одного барашка, а ему не дали: требовали расписку, сказали: «Мы отвечаем за каждого барашка». Я написал расписку, чтобы воинская часть расплатилась. Дали нам барашка. В Сальске один хозяин помог барашка разделать, поварили, часть засолили...

На наших штабных машинах для опознавания справа на стекле, на дверях и заднем борту были эмблемки в виде льва, на танках и боевых машинах - большие трафареты льва. Ваня вышел из дома, где мы остановились, к дороге, видит, идет машина 5-й бригады со львом на лобовом стекле. Он выбежал на дорогу, руки раскинул, автомобиль остановился, оттуда вышел заместитель командира бригады по технической части подполковник Понасенко: «Черенков, это ты! А на вас уже, наверное, послали «похоронки» как на без вести пропавших!». Потом в штабе все говорили:

- Ну, Иван, ты с того света явился!
- Ничего подобного, я не хотел дезертиром быть, в плен сдаваться. Старшину оберегал, кормил, лечил.

За то, что не бросили автобус, нам дали награды: мне – медаль «За боевые заслуги», Ивану – медаль «За отвагу».

Смотрели все на наш автобус и удивлялись, как это он еще ездит, а Ваня говорил: «Я проеду на этом автобусе по улицам Берлина, а потом сдам в музей Красной Армии!»… В Сумгаите мы получили новые машины: «форды», «доджи», «шевроле». «Додж» приспособили под штабной автобус. Там были столы, откидные койки. А тот автобус оставили в народном хозяйстве.

В селе Берека был случай: мы уезжали из села, возле одного дома собралось много людей, такие рыдания! Мы остановились узнать, что случилось. Оказалось, в этом доме жил дед с двумя внуками. Их любили в селе. Его сыновья были в колхозе уважаемыми бригадирами. Но они ушли на фронт, а жен их немцы забрали в Германию, так дети остались одни с дедом. В августе 1941 года недалеко отсюда был ранен красноармеец. Он дополз до ближайшего дома, забрался в картошку

и лежал там. Один из ребят услышал стон, позвал деда. Нашли они раненого, подобрали, спустили его в погребок, и дед побежал за фельдшером. Она его забинтовала, привел в порядок. Красноармеец стал поправляться. Выздоровел и ушёл в партизаны в декабре 1941 года. Староста села узнал, что дед спас красноармейца. Когда немцы отступали, он им об этом доложил. Немцы заскочили в дом, расстреляли деда и внуков. Староста с ними ушёл.

Мы зашли в дом: дед и внуки втроем лежали рядом на полу, прикрытые простыней. Много крови на соломке было.

Там же, в селе Берека, я в первый раз увидел, как лошадь плакала. Лошадь везла пушку, рядом разорвался снаряд. Она была ранена. Мы мимо проходили, она подняла голову, а слезы прямо ручьями текут, а изо рта кровавая пена.

Боевые действия я закончил в Праге 9 мая 1945 года около 7-8 часов утра. Там началось всенародное ликование, наши танки забрасывали цветами, везде стояло угощение.

Демобилизован был около границы Чехословакии с Германией. Там 11 ноября 1945 года погрузили нас, москвичей, кто подлежал демобилизации, в эшелон, и мы выехал в Россию. 19 декабря 1945 года я прибыл на Казанский вокзал города Москвы. Я вернулся в Электросталь. В январе 1946 года приступил к работе. Был трудоустроен в Военно-инженерную академию имени Куйбышева завделопроизводством продовольственной службы. В 1950 году поступил на сверхсрочную службу в 5-й отдельный механизированный батальон по обслуживанию учебного процесса в Военно-инженерной академии. В 1977 году получил квартиру в Красногорске. Лет 30 уже там живу.

Когда мы приехали в Москву, мы с Ванюшей в суматохе забыли обменяться адресами. Не виделись с ним 34 года. Когда праздновали 30 лет со дня Победы, я решил разыскать его. Нашли его адрес, оказалось, он живет в Лобне. У меня там жил один друг, и я попросил его найти Ванин дом, но никто в Лобне указанную улицу не знал. Нашли ее только в 1979 году. На этой улице было всего два дома. Ваня уже переехал из этого дома, но сосед подсказал, где он теперь живет. 3 августа 1979 года мы с Иваном наконец встретились. У него было трое де-

тей: старший сын и две дочери. Очень были рады встрече, наговорились вдоволь. Но Ваня был болен, кашлял, жаловался: "Я, наверное, скоро умру". В апреле 1979 года у него умерла мама, он очень переживал. Чтобы все с похоронами уладить, надо было далеко ходить. У него оказалось двухстороннее воспаление легких... Я обещал еще раз приехать, но 2 октября 1979 года я получил известие о его смерти. 4 октября я ездил его хоронить. 59 лет я живу благодаря Ивану. Его дети и сейчас живут в Лобне.

Ранения

Когда мы выходили из окружения, я дважды был ранен в ногу. Ранения были легкие, одно - в мякоть левой ноги выше колена, а другое - в пятку (осколком отбило каблук у сапога и порезало пятку). Мне посоветовали пойти в сад, где стояла брошенная немецкая машина с вещами. Я подобрал себе немецкие сапоги.

Контузия, тяжелая. Получил 15 июля 1942 года в Ворошиловграде часов в 11 утра. Период лечения: с 15 июля до конца июля.

Закончил войну в звании старшины, на должности завделопроизводством строевой части 5-й гвардейской отдельной танковой бригады.

Мне запомнился ещё один случай: в Будапеште один подбитый самолёт «Як» врезался в дом. Нос его был внутри дома, а хвост торчал наружу. Он еще долго там оставался в качестве памятника, но сейчас его, кажется, убрали.

В войне погиб мой дядя. Участвовал также брат.

Наша бригада получила звание гвардейской за успехи в боях на Дону, под Ростовом, в 1941 году.

Награды

Орден Красной Звезды (№ 963448).
Медаль «За Боевые Заслуги» (№ 268661).
Медаль «За Боевые Заслуги» (без номера).

Медали: «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За воинскую доблесть» (две медали), «За безупречную службу 1-й и 2-й степени», «За отличие в воинской службе 2-й степени», «800-летия Москвы», «850-летия Москвы», «20 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет со дня победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Советской армии и Военно-морскому флоту», «50-летие Вооруженных сил СССР», «60-летие Вооруженных сил СССР», «70-летие Вооруженных сил СССР», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Орден Отечественной войны (№3040604, указом президиума Верховного Совета СССР 11 марта 1985 года в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне).

Знаки: «25-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Фронтовик 1941-1945».

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала ***помощь Толбацкая Нина Михайловна****, студентка 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Уланов Василий Григорьевич

Я добровольно согласился произвести разведку

Родился я 10 февраля 1922 года в селе Смородино Донского района, Тульской области.

Национальность - русский, православный, член городского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.

В 1937 году окончил смородинскую неполную среднюю школу, а в 1938 году поступил учиться в Тульский механический техникум НКПС (народного комиссариата путей сообщения), который окончил в мае 1942 года.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, находясь на производственной практике после окончания третьего курса техникума, на станции Морская, Ростовской области. Там производился капитальный ремонт железнодорожных путей.

С тревогой за судьбу Родины люди, среди которых был и я, слушали по радио заявление советского правительства о нападении фашистской Германии.

После окончания техникума в мае 1942 года по призыву Тульского городского военного комиссариата был направлен в Московское военно-инженерное училище. В августе 1942 года из курсантов училища был создан 27-й отдельный сапёрный батальон, который вошёл в состав 21-й гвардейской стрелко-

вой дивизии, прибывшей под Москву с фронта за пополнением.

Дивизия формировалась в Подмосковье, в районе города Загорска. 26 сентября 1942 года соединения дивизии были отправлены на Калининский фронт. Я был рядовым сапёром в сапёрном взводе лейтенанта Мещерякова, командир роты - старший лейтенант Волков М.И. Командиром дивизии был полковник Михайлов Д.В.

24 ноября 1942 года в составе 3-й ударной армии (командующий генерал-лейтенант Галицкий К.Н.) дивизия начала боевые действия в Великолукской операции с целью окружения и разгрома противника и освобождения города Великие Луки. 17 января 1943 года железнодорожный узел и город Великие Луки были освобождены. За время наступления дивизия освободила 69 населенных пунктов. После этого дивизия перешла к активной обороне.

23 августа 1943 года началась Невельская наступательная операция. Город Невель был освобожден нашими войсками 6 октября 1943 года.

После освобождения Невельского района дивизия начала военные действия по освобождению Белоруссии на полоцком направлении. Город Полоцк был освобожден 4 июня 1944 года.

Командир дивизии гвардии генерал-майор Михайлов Д.В., командир роты капитан Волков М.И., командир сапёрного взвода Кузнецов Н.И.

Боевые действия закончил 9 мая 1945 года в Прибалтике в составе 46-й стрелковой дивизии имени Кутузова, которая входила во 2-й Прибалтийский фронт. Моя воинская должность - мастер оптических приборов, а звание - рядовой красноармеец. Командир - старший техник-лейтенант Коц Л. Походными дивизионными мастерскими руководил капитан Мачазинский.

Был ранен 4 июля 1944 года, в Белоруссии, в день освобождения города Полоцка. В этот же день убыл из своего соединения.

Характер ранения – осколочное ранение левого плеча и повреждение взрывной волной голеней правой и левой ног. Тяжесть ранения – средняя. Место лечения 138-й полевой под-

вижный госпиталь. Период лечения с 6 июля 1944 года по 21 декабря 1944 года.

После излечения в госпитале был направлен через запасный полк в 46-ю артиллерийско-зенитную дивизию на сержантскую должность в качестве мастера оптических приборов.

Демобилизовался в октябре 1945 года согласно указу президиума Верховного Совета СССР как специалист народного хозяйства.

Возвращался с войны поездом Рига – Москва.

После демобилизации в октябре 1945 года прибыл к родителям по месту жительства в село Смородино, Донского района, Тульской области.

Трудоустроен на Донской механический завод комбината "Новомосковскуголь" в механический отдел в должности механика-конструктора.

Награды

Медаль "За отвагу" за номером №790333. Орденская книжка – А №284858. Вручена в декабре 1943 года в штабе 21-ой гвардейской стрелковой дивизии генерал-майором Михайловским Денисом Васильевичем – командиром 21-й гвардейской стрелковой дивизии. Награждён за создание минного поля на нейтральной полосе под сильным огнём противника, на том месте, где предполагалось его наступление. Причём из четырёх минёров двое были тяжело ранены. У старшины Канатова взорвалась в руках противопехотная мина, а у Алексеева взорвался минный взрыватель. При ещё более усилившемся огне противника, мы вынесли в полосу нашей обороны раненых и полностью выполнили задание.

Орден Славы 3-й степени, №16734. Орденская книжка А №284858. Вручён в январе 1944 года в штабе 21-й гвардейской стрелковой дивизии командиром дивизии генерал-майором Михайловым Денисом Васильевичем. Орден получил за добровольно проведённую разведку.

Наше командование решило овладеть безымянной высотой, с которой противник просматривал передвижение наших войск. На подобные операции всегда направляли группами солдат войсковых подразделений пехоты и нас, сапёров. Перед штурмом высоты заместитель командира полка приказал на-

шему командиру сапёрного взвода старшему лейтенанту Григоряну срочно разведать, не взорван ли мост через речку, протекавшую в нейтральной полосе.

Во время артподготовки, когда пехота и автоматчики находились в ожидании боя в траншеях, противник вёл по нашей обороне сильный пулемётный и миномётный огонь.

В это время я добровольно согласился произвести разведку, позвав с собой своего друга - Подзолкова Степана.

И вот среди белого дня под сильным огнём противника мы преодолели нейтральную полосу и обнаружили мост, который оказался исправным.

Каким-то чудом нам удалось вернуться невредимыми, мы доложили командиру и успели вместе с ожидавшими в траншеях воинами пойти на штурм высоты.

Орден Славы 2-ой степени, №12229. Орденская книжка А №284858. Награда была мне вручена после госпиталя, через восемь месяцев, в марте 1945 года, когда я находился уже в другой части, в 46-й артиллерийской зенитной дивизии, в Латвии, дивизия входила в состав 2-го Прибалтийского фронта. Награду получил за укрепление обороны на одном из участков полка 21-й гвардейской дивизии. Освобождая Белоруссию, дивизия вела боевые действия на полоцком направлении.

Командир сапёрной роты капитан Волков И.И. дал задание группе сапёров, куда входили Подзолков, Филиппов и я (старший группы), заминировать участок обороны одного из полков дивизии, где предполагалось наступление противника с целью вернуть высоту, недавно занятую нашими частями. Этот участок обороны усиленно обстреливался противником. Командир пехотной роты выделил одного разведчика с целью указать место создания минного поля, но тот был убит в начале операции. Под непрерывным огнем противника мы с Подзолковым устанавливали мины-сюрпризы, а Филиппов подносил мины. Выполнив задание, мы стали отходить, хотя был туман, противник нас обнаружил и обстрелял. Филиппов был тяжело ранен в голову разрывной пулей. Когда мы его выносили, он на наших руках скончался.

На другие сутки противник пошёл в наступление с целью вернуть высоту. Но, нарвавшись на минное поле, понес большие потери.

Орден Отечественной войны 1-й степени, № 602010. Этим орденом награждали в честь 40-летия Победы над фашисткой Германией тех участников Великой Отечественной войны, которые имели боевые награды и ранения. Вручил награду на торжественном собрании военный комиссар города Донского, Тульской области Фролов

Юбилейные медали и нагрудные знаки:
медаль за «Победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годах»,
медаль «20 лет Победы над Германией»,
медаль «25 лет Победы над Германией»,
медаль «30 лет Победы над Германией»,
медаль «40 лет Победы над Германией»,
медаль «50 лет Вооруженных сил СССР»,
медаль «60 лет Вооруженных сил СССР»,
медаль «70 лет Вооруженных сил СССР»,
медаль «50 лет Победы»,
медаль «Жукова»,
нагрудный знак «25 лет Победы»,
знак «Фронтовик» к 50-летию Победы.

В войне без вести пропал мой брат рядовой Уланов Иван Григорьевич в марте месяце 1942 года, который сообщил в письме, что запасной полк, в котором он находился в Йошкар-Оле, Марийской АССР, отправляется на фронт.

Остался в живых мой дядя Колеров Семён Никонорович, который в звании старшего лейтенанта был командирован на Карельский фронт. В боях под Москвой был ранен.

До этого награждён:
орденом Красной Звезды,
орденом Отечественной войны 1-й степени,
медалью «За оборону Москвы» и юбилейными медалями.

Собственных публикаций не имею за исключением нескольких небольших статей в городской газете с воспоминаниями о Великой Отечественной войне.

Освобождение мирных граждан

6 октября 1943 года наши танковые и стрелковые батальоны на машинах внезапно ворвались в город Невель, Псковской области. Танкисты быстро захватили мост через реку Ененку, а после, и телеграф. В это время на железнодорожной станции Невель стояли два, готовых к отправке, эшелона. В них находились юноши и девушки, которых фашисты насильно хотели увезти в Германию на работы. Танкисты быстро разогнали охранявших эшелоны. Около тысячи шестисот невельчан были спасены от угона в фашистскую неволю.

***

В конце декабря 1942 года я с группой сапёров поздней ночью возвращался с боевого задания в расположение своей роты, которая расположилась в лесу под Великими Луками. На великолукском направлении шли в это время очень тяжёлые бои.

Придя в расположение роты, мы, уставшие, быстро наломав еловых веток для «постели», уснули.

Охраняя наше спокойствие, на посту стоял вооружённый карабином рядовой Ульянов, недавно прибывший в роту с пополнением.

Часа в три-четыре утра мы услышали выстрел и буквально душераздирающий крик: «Немцы, немцы! Пробежали немцы, они меня ранили».

Командир сапёрной роты старший лейтенант Волков М.И. скомандовал: «В ружьё». Мы быстро обследовали окружающую нас местность и никаких немцев не обнаружили.

Довольно скоро удалось установить, что, находясь на посту, часовой Ульянов из карабина выстрелил себе в руку. Под охраной он был направлен в штаб дивизии. Дальнейшая его судьба нам неизвестна. Но законы военного времени были суровыми.

Но на моей памяти, почти за три года пребывания в батальоне это был единственный случай; подобного рода событий мне больше не приходилось видеть.

***

Город Невель, Псковской области был освобождён нашими войсками 6 октября 1943 года. Но противник любой ценой хотел вернуть его. Атаки продолжались ежедневно. Утром 10 октября, наши разведчики захватили в плен гитлеровца. Он сообщил, что части пехотной дивизии готовятся наступать на Невель в два часа дня. Нашему сапёрному взводу лейтенанта Кузнецова было приказано срочно заминировать участок, где вероятнее всего будут наступать немцы.

Среди белого дня, под огнём противника сапёр Берестнев поставил сто двадцать противотанковых и шестьдесят противопехотных мин.

Противник действительно пошёл в наступление в этот день и на этом направлении, но успеха не имел, напоровшись на наши мины и понеся большие потери. За мужество и умелые действия Аркадий Берестнев был награждён орденом Славы 3-й степени. К сожалению, в одном из последующих боёв Аркадий Берестнев был тяжело ранен.

***

14 декабря 1943 года на переднем крае 64-го гвардейского полка нашей, 21-й гвардейской стрелковой дивизии, в районе деревни Долыссица северо-западнее города Невеля погиб депутат Верховного Совета СССР, писатель Владимир Петрович Ситавский.

После беседы на переднем крае с девушками-снайперами, Ситавский и сопровождавший его майор Круглов направились на командный пункт полка. По предложению Ситавского они приблизились к двум немецким «тиграм», к которым он проявлял большой интерес. «Тигры», которые были подбиты нашими артиллеристами, от переднего края обороны противника находились в 400-500 метрах. Ситавский не дошёл до танков полсотни метров, пулемётной очередью противника он был мгновенно убит, а майор Круглов – тяжело ранен.

Ситавский не только писал о воинах, но и участвовал вместе с нами в походах и боях. Так, в период Невельской операции он находился в подвижной группе прорыва. В.П.Ситавский с почестями был похоронен в Великих Луках.

В промежутке между боями фронтовиками исполнялось много русских народных песен. Однажды, находясь в госпитале, от соседа по койке я услышал слова такой песни:

Был я ранен, лежал в лазарете,
Поправлялся, готовился в бой.
Вдруг приносят мне в сером пакете
Замечательный шарф голубой.
Ты меня никогда не любила
И не видела даже во сне,
Ты мне шарф голубой подарила
И не знала, что именно мне.
Шелковистую тонкую пряжу
Невозможно создать, не любя,
На груди своей нежу и глажу,
Словно нежу и глажу тебя.

Откуда взялись слова этой песни, я до сих пор не знаю. Но фронтовики иногда получали скромные подарки из тыла от незнакомых девушек. Например, кисеты перчатки, возможно, и шарфики.

Так что, слова этой песни справедливы, потому что они взяты из жизни фронта и тыла того тяжелейшего для народа времени.

Трудовая деятельность

Лекабрь 1945 года - Донской механический завод – техник-конструктор, инженер-конструктор, начальник механического цеха.

1955–1959 годы – председатель колхоза «Россия» в Вологодской области; направлен согласно постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР на подъем сельского хозяйства.

1959–1990 годы – Донской механический завод – начальник цеха. Далее работал директором Донского городского профтехучилища № 19, директором Донского горбыткомбината, заместителем директора Донского завода железобетонных изделий.

Будучи на пенсии, работал завхозом-комендантом в Донском ГК КПСС. В 1990 году вышел на заслуженный отдых. Был персональным пенсионером.

В начале октября 2003 года группа ветеранов 3-й ударной армии (в их числе был и я) приняла участие в мероприятиях, посвященных 60-летию освобождения города Невеля, Псковской области от немецко-фашистских захватчиков. За два дня мы проехали по памятным местам, посетили захоронения павших в боях друзей-однополчан, музей боевой славы, школы.

Декабрь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Фирсов Павел Николаевич****, студент 1 -го курса аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Фёдоров Борис Михайлович

На Морзе без обеих кистей рук

Я родился 19 июля 1925 года в Москве. Русский. Христианин. До войны окончил 6 классов. Осенью 1940 года объявили, что открываются ремесленные училища (РУ). Я поговорил с отцом, что хочу пойти туда учиться. Он был не против. Меня направили в 17 ремесленное училище, находившееся на улице Малые кочки. Нас учили работать на фрезерных и строгальных станках. Прошло четыре месяца, и многих ребят, в том числе и меня, направили на курсы противовоздушной химической обороны (ПВХО). После окончания курсов, нам дали путевки на 15 июня 1941 года в однодневный дом отдыха, который находился в конце ЦПКиО им. Горького. Вечером мы еще погуляли в парке и, перед тем как разойтись, договорились встретиться в следующее воскресенье.

В воскресное утро 22 июня я проснулся в хорошем настроении. Отец пошёл в сад, который находился возле нашего дома, полил цветы, поставил самовар к завтраку. Мама позвала всех к столу. Когда все сели за стол (нас было четверо - я, два брата и сестра), все было весело и хорошо, как вдруг! Вбегает соседская девчонка вся в слезах. Мама подбежала к ней и спросила: «Что случилось?». Она в ответ просто вскрикнула: «Включите скорей радио, говорят, что началась война!». Отец тут же включил приемник, и мы услышали последние слова

Молотова: "…враг будет разбит. Победа будет за нами!" Отец сразу пошёл на улицу, где уже собрались все жильцы нашего дома.

По улице бежали разносчики и, заходя в дома, вручали повестки тем, кому срочно нужно было явиться с вещами в райвоенкомат. Так мы встретили начало войны.

Прошло несколько дней, нас из ремесленных училищ стали переводить работать на заводы. Я попал на завод не далеко от дома (сейчас этот завод называется "Наука"). Работали по 12 часов. Отец иногда не приходил домой по двое суток. Он работал печатником в 5-й литографии.

В начале июля 1941 года в Москве прозвучали первые воздушные учебные тревоги, и все родители брали своих маленьких детей и бежали в бомбоубежища. В конце июля из Москвы стали эвакуировать матерей с детьми. Моя мама уехала с братьями и сестрой куда-то под Казань. Так начались тревожные дни.

Первая боевая воздушная тревога. Это, кажется, было в конце июля. Я отработал всю смену. К 19 часов 30 минут мой станок был убран, пришёл мой сменщик, и я передал ему рабочее место. В этот момент по всему заводу завыли сирены – объявили воздушную тревогу. Мы все остолбенели. Гудки были слышны по всей Москве. С завода нас не выпустили, а всех отправили в бомбоубежище. Там мы просидели до тех пор, пока не дали отбой. Пришёл домой, немного отдохнул с отцом, потом кое-чего перекусили и ушли на работу.

Опишу один эпизод в ночь на 11 августа. Мы с ребятами любили залезать на чердак дома. Тут объявили воздушную тревогу. Сидим, затаив дыхание. Прожектора гуляют по всему небу. Бьют зенитные батареи, от них кучами летят осколки, пробивая крыши домов. В этот момент мы услышали звук приближающегося самолёта, но впотьмах его не было видно. Тут же услышали какой-то странный свист. Я повернул голову в сторону своего крыльца и увидел яркий свет. Не помню, как слез с чердака, сбежал по лестнице, открыл дверь, а на ступеньках крыльца горит зажигательная бомба. Отец плещет на нее водой из бочки. Не знаю, откуда у меня взялась смелость, я схватил снаряд за стабилизатор, окунул его в бочку и стал крутить его, что было сил. Так и оставил его там лежать. Рядом с нашим домом был частный дом, где жили две семьи с

детьми. Выбежав на улицу, мы с другом услышали женские и детские крики. Мы подбежали к калитке, попытались ее открыть, но она оказалась запертой. Посмотрев через забор, мы увидели во дворе горящие зажигательные бомбы, вокруг которых в суете, с криками бегали женщины с детьми. Мы крикнули, чтобы нам открыли калитку, но нас не услышали. Тогда мы с другом разбежались и ударили плечами в калитку. Та открылась вместе с крючком. В трех метрах от крыльца горели две "зажигалки". Я увидел большой чугун с водой, поднял его и накрыл им огненные снаряды. На следующий день мы зашли во двор этого дома, нашли этот чугун, налили в него воды, и я попытался поднять его, но не смог. И никто другой не смог этого сделать. Нам было по 15 лет. Вот и говорят: "откуда берется вторая сила?"

Так потянулись дни опасности и тревоги. В конце октября или начале ноября наш завод стали эвакуировать. Нас, ремесленников, не взяли, и мы остались без работы. Хорошо, что у меня еще работал отец, и нам было на что жить.

Москва, 1941 год. 7 ноября на Красной площади был Военный парад. Перед его участниками выступил И.В.Сталин. После этого войска отправились на фронт. В это время немецкие войска уже стояли под Москвой. Из столицы бежали все, кто мог. В один ноябрьский день мой отец пошёл на работу в ночную смену. Я остался один, собрался ложиться спать. Тут кто-то постучал в дверь. Я открыл. На пороге стоял отец. Он вошёл в комнату, сел за стол и сказал, что всех отпустили домой, выдали зарплату за два месяца вперед, что будет завтра не известно. Проснувшись утром, мы подошли к окну. Смотрим на улицах тишина, значит, немец не прорвал оборону. Через день за отцом приехали на машине и срочно увезли на работу. В декабре ему пришла повестка из райвоенкомата. Отец ушёл на фронт. В 1942 году он погиб под Калининградом. Так я остался один и без работы.

Я решил поехать в 5-ю литографию, где работал мой отец. Меня взяли учеником. Так я жил один несколько месяцев. В 1942 году моя мать приехала из эвакуации с ребятами. Мне стало легче. Но работать было тяжело. Нас с мастером не отпускали с работы по пять суток. Поспим два часа в сутки и опять готовим переводы для печати. В декабре мне из первого

отдела дали конверт, чтобы я его отвез в райвоенкомат для получения брони. Но вместо этого я получил повестку в армию.

13 января 1943 года нас отправили в запасной полк для учебы во Владимир. Там мы учились пять месяцев, и оттуда нас отправили на фронт.

Прибыли под город Спас-Деменск (Калужская область) в 4-ю мотострелковую бригаду. Нас распределили по ротам. Я попал в расчет 120-мм миномета на 2-м Белорусском фронте под командованием Константина Константиновича Рокоссовского. Так началась фронтовая жизнь.

Продвигаясь вперед, мы шли на город Ельня, который был освобожден. Наша позиция была недалеко от города. Нам дали отбой, чтобы двигаться дальше. Сняли маскировку, прицепили минометы к машинам. И вдруг все услышали звуки приближающихся немецких бомбардировщиков. Они летели прямо на нас. Все укрылись, кто где мог. Я лег под куст и лежал не шевелясь. Бомбы рвались все ближе и ближе. И тут одна бомба разорвалась прямо сзади меня. Сработала мысль, что остальные улетят дальше. Когда кончилась бомбежка, мы встали, и минут 20 ничего не было видно. Когда все рассеялось, стали видны раненые и убитые. Некоторые машины вместе с минометами были повреждены. Дальше двинулись на Смоленск. Установили минометы, замаскировали машины, вырыли себе окопы (у каждого из нас был свой окоп). Только я в него залез, слышу голос: "Уйди!" Не знаю, как я оттуда выпрыгнул, и в этот момент в окоп попадает немецкий снаряд. Так я опять остался жив – Бог спас.

И так, продвигаясь вперед, мы шли на Оршу. Заняли позицию, было затишье, стояли несколько дней. Утром 3 декабря 1943 года я вышел из блиндажа. Отошёл в сторону, и около меня произошёл взрыв. Я лишился кистей обеих рук и ранение в ногу. Меня привезли в медсанбат. Затем меня отправили в полевой госпиталь. Прошло пять дней. После очередного осмотра врачи попросили пошевелить пальцами на ноге, но они не шевелились. Врач сказал, что у меня гангрена. Нужно было срочно оперировать. У меня отняли ногу выше колена. Из полевого госпиталя нас перевезли в Смоленск. Там мы провели два или три дня, после чего нас погрузили в эшелон и отправили в Москву. Когда прибыли на Белорусский вокзал, было уже темно. Нас выносили из вагонов на носилках и переноси-

ли в зал. Каждому раненому клали на грудь записку, на которой было написано, в какой госпиталь его отправлять на лечение. Ко мне также подошла сестра с запиской. Я спросил: "Куда меня направляют?" Она ответила: "В МОНИКИ". Потом спросил у нее, где это находится, она ответила: "На 3-й Мещанской улице". МОНИКИ находились как раз недалеко от моего дома. Ночью меня перевезли в эту больницу. Это было под новый год. В палате, куда меня поселили, было 9 человек. Началось мое лечение в этой больнице. Приятели по палате написали открытку домой моей матери. В ней они указали, где я лежу, но какое получил ранение не написали.

Прошла неделя. Ко мне так никто и не приходил. Я стал волноваться: не случилось ли чего дома? Уже хотел попросить послать еще одну открытку, но вдруг открывается дверь, и в палату входит моя мама. При входе она осмотрела всех взглядом, и, увидев меня в самом углу, направилась ко мне. В этот момент в палате наступила гробовая тишина. Все, затаив дыхание, думали: "Что сейчас будет с его матерью, когда она увидит его ранение?" За дверью стояли врач, медсестра со шприцом и санитарка. Мама подошла к моей кровати, поцеловала и стала поднимать одеяло. Я замер, и затаив дыхание, жду ее реакции. Она, осмотрев мое ранение, опустила одеяло и сказала: "Не волнуйся, ты будешь счастливым человеком. Тебе еще будут завидовать, ведь ты родился в рубашке". После слов матери в палате все выдохнули и зашевелились. Мама села рядом со мной. Она принесла мне обед. После того как я поел, мы еще немного поговорили, и она ушла домой. Когда мама уходила из больницы, к ней подошёл врач и сказал, что с таким ранением, как у меня, он может отправить меня в дом для инвалидов. На что мама ответила, что скорее отправит его самого туда, чем сына. Этот разговор передал мне один из раненых ребят, который случайно услышал его.

Прошло три месяца. Я стал сидеть на постели. Утром принесли завтрак, и я решил поесть самостоятельно. Попросил рядом лежащего соседа воткнуть мне ложку между бинтами. Так я начал есть сам. Затем я встал на одну ногу около тумбочки, почувствовал жесткость и попросил у одного из раненых костыли. Все стали смеяться и говорить: "Ты получше ничего не смог придумать?" Но все равно поставили мне подмышки костыли. Я постоял немного, потом, прижав их по-

сильнее, сделал один шаг, затем второй, третий и сел на кровать. Вздохнул с облегчением и сказал: "Я смогу ходить на костылях". На следующий день, после завтрака, я опять попросил костыли. Один из приятелей сказал, чтобы я немного подождал, пока он что-нибудь не придумает для того, чтобы мне было легче ходить. Он ушёл. Пришёл с бинтом, взял костыли и сделал перемычки немного ниже подмышек. Потом протянул их мне со словами: "На, попробуй". Я взял костыли и пошёл по палате. Из медперсонала еще никто не знал, что я хожу.

Наступил апрель. На улице хорошая погода, тепло. Врач сделал очередной обход и ушёл в другие палаты. Я попросил двух ребят сходить со мной погулять на улицу. Они согласились. Мы вышли на улицу и, вдыхая чистый апрельский воздух, потихоньку пошли вдоль аллеи. Через полчаса мы вернулись в палату. Ребята из соседней палаты рассказали, что, когда врач делал у них обход, он случайно посмотрел в окно и увидел меня на костылях. Он буквально замер и молча стоял. Они тоже подошли к окну и, увидев ту же картину, тоже встали, как вкопанные. В этот момент врач и сказал, что сорок лет он работает хирургом, но ни разу не встречал людей с такой силой воли.

29 апреля 1944 года я пришёл к лечащему врачу, хотел на майские праздники съездить домой, но он отказал, сказав, что не хочет отвечать за меня, если со мной что-нибудь случится. Утром начался обход, стали проверять койки. У меня уже были приготовлены гимнастерка, брюки и сапог. Медсестра все забрала и унесла в свою комнату, а ключ оставила в двери. Когда в коридоре никого не было, один из моих соседей отпер ее дверь и взял все, что мне было нужно. С мамой назначил свидание около проходной. После обеда ребята помогли мне одеться, проводили до проходной, и я на два дня поехал домой. Утром 3 мая я приехал в больницу. После обхода врач вызвала меня на перевязку. Перевязав все раны, она сказала, что все почти зажило. Так я пролежал до середины мая в МОНИКИ.

После этого меня перевезли в институт протезирования, который находится во втором Донском переулке. Осмотрев меня, мне сказали, что через неделю будет операция. Мне сделали операцию на левой культи. Операция прошла успешно, и

уже через семь дней мне сняли швы. Прошло еще полмесяца, и меня вызвал к себе в кабинет хирург. Он предложил сделать операцию на правом предплечии. Операция заключалась в том, чтобы сделать мне два пальца, так называемые Крукенберг. Я согласился. Через десять дней после операции сняли швы. И эти пальцы сыграли большую роль в моей жизни. На протезном заводе мне сделали протез на левую ногу. Когда я его получил, ребята в палате помогли мне его надеть и заставляли ходить. В конце августа меня выписали домой, выписали документ, подтверждающий, что я являюсь инвалидом Отечественной войны 1-й группы. Это говорило о том, что я нетрудоспособен. Так закончилось мое лечение в госпиталях. За мной приехала мама, и мы с ней поехали домой. Кто-то говорит, что Бог есть, кто-то наоборот, но я убежден - нас ведет какая-то сила.

Так началась моя инвалидная жизнь. Однажды, когда мы с друзьями, тоже инвалидами, проходили мимо райсобеса, они предложили: "Пойдем, зайдем туда". Но я был против этой идеи. В итоге они уговорили меня, и мы пошли. Поднялись на второй этаж, зашли в зал. Народу было очень много, и я отошёл в сторону и стал ждать ребят. В этот момент открывается дверь кабинета заместителя райсобеса по трудоустройству инвалидов. Увидев меня, он тут же подошёл и предложил зайти к нему в кабинет. Мы сели напротив друг друга. Он начал разговор: "Ты хочешь работать?" Я ответил, что с таким ранением, как у меня, кому я нужен. Он достал из стола журнал "Вестник связи". На обложке была фотография, на которой был изображен работающий инвалид. Я, посмотрев на фотографию, назвал имя, фамилию, отчество этого человека. Заместитель райсобеса был удивлен и, естественно, поинтересовался, откуда я его знаю. Я ответил, что нам с ним в один день делали операцию на руке. Он лежал на одном столе, я на другом. Заместитель рассказал, что тот окончил курсы по работе на аппарате Морзе и работает теперь на Центральном телеграфе, а потом поинтересовался, не хочу ли я там же работать. Я был в шоке: неужели я буду работать? Пришёл домой, рассказал все матери. Мама ответила, что мне будет тяжело ездить в транспорте на протезе. Я сказал: "Привыкну, но тебе придется помогать одевать мне его". Она согласилась, сказав, что я - ее сын, и она сделает все, что мне будет нужно. На следующий день я по-

ехал на Центральный телеграф. Зашёл в отдел кадров, на меня все бросили взгляд и спросили, что мне нужно. Я ответил: "Начальник отдела кадров". Мне показали кабинет. Я зашёл. Начальник спросил, по какому вопросу я пришёл. Я ответил, что хочу у них работать. Также я сказал, что у них на должности морзиста работает человек с таким же ранением, как и у меня. Начальник попросил у меня документы. Так я устроился на работу.

Прошёл месяц. Я сдал экзамен на телеграфиста-морзиста. Когда я вошёл в цех, на меня все посмотрели и, наверное, подумали: "Еще один инвалид без рук". Меня познакомили с начальником цеха, показали рабочее место. Тут мы встретились с другом. Он сидел, передавал телеграммы. Ко мне подошла бригадир и сказала, чтобы я не волновался, вызывал город и передавал телеграммы. Я вызвал город, мне ответили, что к приему готовы. Я стал нервничать, но, взяв ключ к морзянке, своими двумя пальцами стал передавать телеграммы. Когда я закончил, бригадир взяла телеграммы и контрольную ленту и стала проверять мою работу. После проверки подошла ко мне и сказала: "Молодец, ни одной ошибки". Так началась моя рабочая жизнь. В аппаратной работали морзисты с большим опытом, они-то мне во всем и помогали. Я очень им благодарен по сегодняшний день.

***

Хочу описать один эпизод. Когда девчонки из области узнали, что мы работаем на Морзе без обеих кистей рук, они не поверили и предложили встретиться в Москве (сами они были из города Красноармейск, который сейчас называется Путилово). Когда мы встретились, они были в шоке. Мы сходили с ними в кино, а потом разошлись по домам. Так мы с ними проработали пять лет. В 1950 году морзянку закрыли. Но мы без работы не остались.

***

Теперь я хочу рассказать о девушке. Ее судьба тесно переплелась с моей судьбой. Во время войны она была в эвакуации в городе Орске, Оренбургской области. Работала в больнице, помогала медсестрам. Там научилась делать уколы. У нее появилась мечта: как приедет в Москву, пойти учиться в меди-

цинское училище. В 1946 году она собрала документы и поехала в училище. Там ей сказали, что не хватает одной справки. На следующий день она достала нужную бумагу и снова поехала в медучилище. Из ее рассказа: "Иду по улице Горького, дохожу до Центрального телеграфа, а там висит доска объявлений. Я подошла к ней и прочитала: "Срочно требуются в школу телеграфистки". Не знаю, почему, но я тут же пошла в отдел кадров". После окончания школы ее перевели в нашу аппаратную, но мы работали в разных цехах. В 1949 году ее перевели в наш цех. Я сижу на своем рабочем месте, в тот момент работы у меня не было, поворачиваю голову назад и вижу: сидит девушка в голубенькой кофточке и передает телеграммы. Я смотрю на нее, и вдруг она поднимает голову, и наши взгляды встретились. Мы смотрели друг на друга буквально пять-шесть секунд. Затем она опустила голову и стала работать дальше. Этот взгляд остался у меня на всю жизнь. Прошло полмесяца, ее перевели в нашу бригаду. Однажды ко мне подходит бригадир и говорит: "У тебя сейчас нет работы, сходи и проверь ее работу по контрольной ленте", и показала на эту девушку. Я подошёл, сел рядом с ней. Мы познакомились. Она стала переводить телеграммы, а я в то же время, проверял ее работу по контрольной ленте. Работала она прекрасно. Пошло месяца полтора, и она ушла в отпуск. Через два дня я увидел ее в цеху разговаривающей с подругами. Она подошла к моему рабочему месту и говорит: "Я приехала к тебе, но не знаю, пойдешь со мной или нет". Я спросил: "Куда?". Она ответила: "В Театр оперетты на "Сильву"". Я был в шоке. Так начались наши встречи.

В конце 1950 года при очередной встрече она мне сказала: "Я хочу выйти за тебя замуж, пойдешь за меня?" Я был шокирован, но ответил: "За мной требуется уход". Она сказала, что это ее не волнует, она все знает и свою любовь ко мне ни на что не променяет.

В 1950 году ее повысили в должности. Она стала бригадиром. Через некоторое время ее бригада получила переходящее Красное знамя. На 7 января 1951 года мы назначили свадьбу. Когда об этом узнали ее подруги, они все были в шоке. Начали всячески ее отговаривать. На что она ответила: "Выхожу я, а не вы". Новость о нашей свадьбе разлетелась по всему телеграфу. В наш цех бегали все, чтобы узнать, какая девчонка вы-

ходит за такого инвалида замуж. Я пришёл к директору телеграфа с заявлением о материальной помощи. Сказал ему, что женюсь. Он поинтересовался, кто невеста. Я ответил, что невеста из краснознаменной бригады и назвал ее фамилию. Он тут же подписал месячный оклад. Итак, мы сыграли свадьбу. В 1951 году родилась дочь. На телеграфе я отработал 33 года. После морзянки меня перевели на сортировку телеграмм Московской области. Когда я хорошо освоил свою работу, меня посадили разбираться с телеграммами, которые поступали с неточными адресами.

Через три года меня перевели работать на центральную сортировку, где я проработал до 1978 года. За эти годы я получал благодарности, премии, обо мне была статья в газете "Вечерняя Москва", внес десять рационализаторских предложений, которые все были приняты и внедрены. Так закончилась моя работа на Центральном телеграфе. Жена ушла с работы в 1981 году. Я благодарен руководству Центрального телеграфа, которое дало работу таким инвалидам, как я, а так же своей жене, которая не послушала своих подруг и вышла за меня замуж. Мы вырастили дочь. Она получила высшее образование, тоже вышла замуж и родила двух дочерей, которые так же получили высшее образование. Сейчас растет правнучка, которая учится в третьем классе и занимается плаванием. Растет и правнук, которому десять месяцев. Надеюсь, молодое поколение будет достойно своих родителей.

***

А вот один эпизод, который оставил глубокий след в моей памяти. Хотите верьте – хотите нет, нами ведает какая-то сила сверху. Человек родился, и ему расписана вся жизнь: сколько ему прожить и как прожить. А вот можно ли верить кукушке?

1938 год. Отец снял нам дачу под Москвой. Мне было 13 лет. Я любил уходить рано утром за грибами.

Однажды, проснувшись в шесть часов утра, пока все спали, я оделся, взял небольшую корзинку и ушёл. Проходя мимо пруда, - там сидели рыбаки, - я помахал им рукой и пошёл к ржаному полю. Это было мое любимое место.

Около поля остановился и стал слушать песнь жаворонка. Как они поют! А для кого? Для своей самки, которая в гнезде высиживает птенцов.

Потом прошёл по опушке леса, набрал немного грибов. В кустах перекликались птицы на разные голоса. И вдруг прокуковала кукушка.

Как мы в детстве кричали, так и я крикнул: "Кукушка! Кукушка, сколько мне осталось лет жить?" И кукушка начала куковать. Я начал считать. Вы не поверите, она прокуковала 75 раз. Тогда я крикнул: "Кукушка! Я устал считать". Но она еще два раза прокуковала и улетела.

Я набрал еще грибов и пошёл на дачу. Когда сели завтракать, я рассказал о кукушке. Все засмеялись и сказали: "Да, долго тебе придется жить".

Началась война. Меня позвали на фронт, где я получил тяжелое ранение.

В 1950 году отдыхал после тяжелой болезни в санатории. Профессор, осматривающий меня, сказал: "Жить Вам осталось недолго: два или три года. Обязательно надо сделать операцию". Я решил – пусть три года, но без операции, и отказался.

Сейчас мне 78 лет. Вот так кукушка!

Награды

Орден Отечественной войны 1-й степени, № 1423385 (11.03.1985).

Медали:

- «За оборону Москвы», № 016695 (14.08.1945).
- «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» (17.09.1945).
- «За боевые заслуги», № 2604773 (22.07.1946).
- «В память 800 лет Москвы 1147-1947», (26.12.1948).
- «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." (16.02.1966).
- «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».
- «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (06.05.1975).
- «50 лет Вооруженных сил СССР» (25.04.1969).
- «За доблестный труд 100 лет В. И. Ленина» (10.04.1970).

- «Победитель соц. соревнования 1973 г.» (17.01.1974).
- «60 лет Вооруженных сил СССР» (20.10.1978).
- «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (12.04.1985).
- «70 лет Вооруженных сил СССР» (02.1988).
- «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (22.03.1995)
- «Жукова» (19.02.1996).
- «Маршала Советского Союза – Жукова» (20.02.1997).
- «В Память 850 лет Москвы» (26.021997).
- «60 лет битвы за Москву» (01.03.1979).

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Силов Владимир Геннадьевич****, студент 1 –го курса факультета авиационной техники Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Хорошилов Яков Фёдорович

Каждый день на каждый квадратный метр падало до четырёх снарядов

Я родился 22 октября 1922 года в селе Рогозцы, Тимского района, Курской области. По национальности русский, не вероующий. Член ВКП(б) с 1942 года. В 1937 году окончил 7 классов. В 1940 году окончил Курскую зубоврачебную школу. В 1958 году закончил Военно-медицинскую академию имени М. С. Кирова.

На службу в армию был призван в сентябре 1940 года. Службу проходил красноармейцем в пулемётной роте 503-го стрелкового полка 91-й стрелковой дивизии в городе Ачинске, Сибирского военного округа. Командиром полка был полковник Фуражов.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в городе Москве. Я возвращался поездом из командировки к месту службы и, выходя из своего купе, чтобы умыться, заметил на двери объявление, в котором сообщалось о начале войны с Германией, а, выглянув в окно, увидел на станции плакаты, содержащие различные лозунги и призывы, из которых не трудно было понять, что началась война. Эти плакаты призывали к войне, к победе, поднимали патриотический дух. Начинало казаться, что русские люди способны на многое, в том числе и оказать достойный отпор нашим врагам. Народ проявил величайший нравственный взлёт, могучую силу патриотизма.

«Что же это? Как же это?»- спрашивали люди друг друга и не находили ответа на эти мучительные, жгучие, испепеляющие вопросы. Сколько людских судеб пошло сразу же не по тому руслу, по которому им суждено было идти в условиях мира. Сколько жизней оборвалось либо в самом их начале, либо в полном расцвете, а сколько разбросало по белому свету. И всё-таки уже в трагически суровом 41-м были заложены истоки нашей победы. Это было самое страшное и тяжкое испытание, из которого мы вышли не побеждёнными, а победителями.

26 июня 1941 года наш полк выехал на фронт. В бой вступили в конце июня 1941 года в деревне Пиченичено, Смоленской области (район города Ярцево).

8 августа 1941 года, во время эвакуации раненых с передовой через реку Вопь, я был тяжело ранен. Проникающее осколочное слепое ранение левого плечевого сустава и левой подглазничной области с проникновением осколка в решётчатую кость. Находился на излечении в эвакогоспитале № 1081 в городе Калуге. Эвакогоспиталь размещался в помещении школы № 14. Когда меня ранили, я сначала даже не понял, что произошло. Только почувствовал удар в левое плечо, но боли никакой. Я оглянулся на своих боевых товарищей, и вдруг один из них сказал, что ранен в ногу. Тогда я подумал, что, наверное, тоже ранен, но боли всё-таки совсем не чувствовал. Я попросил своего товарища осмотреть меня. Он разорвал мою рубашку и увидел, что из моего плеча струйкой течет кровь. Затем нас повезли в госпиталь, только минут через 10-15 езды я почувствовал боль. Наверное, когда меня ранили, я, боясь попасть под обстрел, был в напряжении, это и не давало боли взять верх. Лишь расслабившись, я не только понял, что ранен, но и почувствовал это всем своим телом. В госпитале у меня жутко болела голова. Позже у меня начался гайморит, стал выходить гной, и голова перестала болеть. Осколок мне не удалили, и долгие годы он прожил вместе со мной. Через несколько лет, неожиданно для меня, вышел осколок, попавший в левую подглазничную область. Однажды я сидел, наклонившись, и занимался своими делами, как вдруг пошла какая-то непонятная смесь из гноя, и крови. Это сильно напугало и меня, и моих близких, находившихся в тот момент рядом. А поз-

же, сделав рентген, я узнал, что осколка на прежнем месте нет. Поэтому мне кажется, что он вышел вместе с той слизью.

Затем лечился в госпитале в городе Курске (здание пединститута) и в городе Воронеже в эвакогоспитале № 398 до сентября 1941 года. По выздоровлении был направлен в резерв медицинского состава, где получил назначение в 151 медицинский санитарный взвод 151-й мотострелковой бригады 5-й армии на должность зубного врача. Бои шли в районе города Верея, Московской области. В ноябре месяце 1941 года 151-я мотострелковая бригада была расформирована, и я получил назначение на должность зубного врача в 601-й мотострелковый полк 82-й мотострелковой дивизии 5-й армии Западного фронта. В это время мне было присвоено звание военфельдшера.

В марте 1942 года я был переведён в 51-й гвардейский артиллерийский полк 3-й гвардейской мотострелковой дивизии 5-й армии Западного фронта.

В августе 1942 года наша дивизия в составе 33-й армии вела наступление в районе города Сычёвка. В это время жителей прифронтовых населённых районов эвакуировали в тыл, среди которых был распространён сыпной тиф. Перед эвакуацией имущество жителей обрабатывали в дезинфекционных камерах, чтобы уменьшить распространение тифа в других районах страны. Занимаясь этой работой, заболел и я. С 11 ноября по 25 декабря 1942 года лечился в инфекционном госпитале № 4249 33-й армии с диагнозом: сыпной тиф и крупозная двухсторонняя пневмония. Госпиталь находился в деревне Середа, Шаховского района, Московской области. Если бы не пневмония, я перенёс бы сыпной тиф не так болезненно, но из-за неё и нехватки необходимых лекарственных средств моё состояние стало ухудшаться, я был несколько дней без сознания, даже наступала клиническая смерть. Но всё в конце концов обошлось.

В июле 1943 года 3-я гвардейская мотострелковая дивизия была снята с Западного фронта и переформирована в городе Загорске в корпус, который был отправлен под город Орёл. Я оказался за штатом, меня направили в резерв, где я получил назначение на должность зубного врача в 56-й полк резерва отдела кадров Московского военного округа.

На войне вообще было много страшного. Каждый день мы видели смерть. На войне, если не убьют, значит, ранят. До сих пор стоят эти ребята перед глазами, больно вспоминать. Я помню случай, когда солдату оторвало обе ноги, хрящи светились, глядеть страшно. Разговаривал он спокойно, даже не скажешь, что ему больно, а ведь он постоянно с каждой минутой терял все больше крови. А тут самолёты налетели. Он в шоке. Начинает двигаться, а окровавленные хрящи светятся. С самолёта сразу видно, что человек лежит. И нас сейчас вместе с ним расстреляют. Обидно. А он и говорит так спокойно: «Я умираю». И умер. Стоишь, а сделать уже ничего не можешь. Такие вещи и не опишешь, а перед глазами они воскресают все вновь и вновь.

Около воронки от разорвавшейся мины мы находили в среднем по пять-шесть погибших. Все они были сильно изуродованы. Хоронили на месте. Помню случай, когда одному из солдат не могли найти голову. Так и закопали без головы.

А героизм. Что такое героизм? Самым тяжёлым было встать и пойти в атаку.

Мы привыкли к известным героям, а рядовые просто выполняли свой долг. Пока ты несёшь раненого, ты не обращаешь внимания на пролетающие мимо пули, тебе главное доставить его в медпункт, а на обратном пути в случае обстрела, можно и упасть на землю, чтобы тебя не задело. Ты должен выполнять свой долг, даже если это будет стоить тебе жизни.

***

А ещё был случай. Это было летом. Жара стояла в июле до 30 градусов. Сточные канавы были заполнены пылью, как пух с тополей заполняет их, но это была пыль. Когда пошли в наступление, одному перебило большеберцовую кость. Наши отступают, а он идти не может, и немцы идут. Чтобы как-то спастись, зарылся он в эту канаву, на себя эту пыль набросал, так сутки и пролежал, пока наши не отбили эту деревушку назад. Если бы не отбили, то он бы погиб, наверное. А человек, когда ранен, пить хочет из-за кровопотери. Ну, и я его спросил: «Как же вы пролежали?» Во-первых, в любое время могли его обнаружить, немцы ходят рядом, каждую минуту одно

движение или стон могли выдать, да ещё пить страшно хочется. Вот так и пролежал. Ну, и как считать, героический это поступок или борьба за жизнь? А таких поступков во время войны было много. Кто-то спасался, а кто-то нет.

***

Когда наступала зима, было холодно перевязывать раненых на улице, и мы снимали в каком-нибудь доме маленькую комнату. Однажды мы сняли совсем комнатушку. В дом входишь, а он разделён печкой на два помещения, и вот за печкой было помещение с окном, мы его и снимали. Там могли находиться всего лишь два человека, не больше. Там мы делали перевязку раненым и оказывали первую медицинскую помощь. Вдруг приехал какой-то командир, и мы пустили его погреться к нам, но так как больше двух человек там находиться не могли, то я вышел на улицу. И в этот момент в дымоход печки попал снаряд. Все, находившиеся в доме люди погибли. Вот так мне чудом удалось спастись. Такие случаи были постоянно. Каждый день на каждый квадратный метр падало до четырёх снарядов.

***

Под Сычёвкой в августе 1942 года наша армия начала наступление, так как нужно было отвлечь внимание немцев от Сталинграда. Во время боя раненые поступали один за другим. Когда накапливалось несколько тяжелораненых, приходила машина, на которой их можно было доставить в медсанбат. И вот, когда больных было достаточно, меня попросили отвезти их в медсанбат. Погрузили их на грузовую машину, и мы поехали. Дорога туда шла через лес. Сделана она была из брёвен, связанных между собой, но была она не очень хорошей. И мы застряли посередине дороги. Мы не знали, что нам делать. Недалеко был штаб. Я отправился туда и попросил дать нам людей, чтобы мы могли вытолкать машину и поехать дальше. Мне дали в помощь около тридцати человек. Но машина села довольно крепко и не поддавалась. На наше счастье, мимо проезжал трактор, который отправился за снарядами. Но тракторист никак не соглашался нам помочь. Мы долго спорили и

не могли договориться. Он не шёл на компромисс. Тогда я попросил его заглянуть в кабину. Там лежали тяжелораненые, кто-то был ранен в живот. Им необходима была срочная медицинская помощь, и нельзя было медлить. Вдруг налетели немецкие самолёты и начали обстрел. Мы, наконец, нашли общий язык, и тракторист вытянул нашу машину. Но после этого наш путь не стал легче. Не доехав совсем немного до медсанбата, наша машина опять завязла, дождю всячески хотелось нам помешать. Пришлось идти в медсанбат и просить, чтобы нам помогли перенести раненых в палаты. Нам выделили человек десять. Мы перенесли их. Но палаты были уже забиты до отказа. Но дальше везти их не представлялось возможным.

***

Иногда во время боёв раненых поступало столько, что мы не успевали даже делать перевязку, оказывать первую помощь. Тогда мы разбивались на группы по два человека. Один приподнимал немножко ту часть, которую следовало перевязать, а другой в это время быстро перебинтовывал. Все руки по локоть были в крови, которая стекала, как вода, если в неё окунуть руки. Мы видели реки крови, которые текли от боя к бою.

***

Я человек не верующий. Но в судьбу верю. Каждому человеку предначертана своя судьба. Её нельзя изменить.

***

Для поднятия боевого духа солдат на фронте выпускался журнал. В перерывах между боями иногда к нам приезжал джаз, но таких перерывов было крайне мало. На фронте были и патефоны. Мы тогда часто слушали такие песни, как «Печурка» Суркова или «Синий платочек», в общем, песни военных лет. Были и фильмы, но очень мало.

Во время войны на фронт приезжали и военные корреспонденты. Они брали у солдат интервью, фотографировали, а потом в различных журналах и газетах их статьи появлялись. Однажды зимой к нам тоже приехал корреспондент, который

фотографировал наши палатки для оказания помощи раненым. Готовясь к этому, одна женщина, служившая с нами в то время, позвала меня посмотреть её палатку. Сердцем чувствовал я, что не надо туда ходить, внутренний голос говорил мне, что там ожидает опасность. Но я не мог не проводить девушку, пришлось пойти. По дороге к палатке мы увидели её возлюбленного, она направилась к нему. Мы совсем немного не дошли до палатки. И тут у нас на глазах в эту палатку попал снаряд. Все, кто были в палатке, погибли.

***

Кончилась война. Кругом разруха. 1946 год – засуха. Я думал: «Сколько лет понадобится для восстановления страны, чтобы она пришла к нормальной жизни?» «Не менее 15 лет»,- отвечал я сам себе. И когда 7 ноября 1947 года объявили об отмене карточной системы, то сначала трудно было в это поверить. Но это факт. Я получил ответ. Какой невероятный потенциал имеет наша Родина!

В октябре 1946 года 56-й офицерский полк был расформирован, и я был переведён в 5-й аэродромно-строительный полк Московского военного округа, который строил аэродромы в Саваслейке, Горьковской области, в деревне Дягилево, Рязанской области и деревне Хвалынка, в районе города Спасска-Дальнего, Приморского края.

Что представляет собой аэродромно-строительный полк? Приезжаешь в чистое поле, идёт дождь, кругом непролазная грязь. И не знаешь, куда ты приехал. Зачастую приезжали с маленькими детьми. Жить было негде, приходилось снимать комнатки у жителей окрестных деревень. Там не было ничего, кроме чистого поля, на котором нам предстояло возводить новый аэродром. Всё приходилось начинать с нуля. В Саваслейке стояли маленькие домики, рукой достанешь до крыши. Раньше мы не боялись спать даже под деревом, грохочет гром, да ещё и каска на голове железная, а ты, не обращая внимания, лежишь себе и лежишь. Но в местах, где мы были, постоянно были грозы, и часто молния убивала людей. Вот, например, один из таких ужасных случаев. Идёт дождь, не просто идёт, а льёт, как из ведра, по улице бежит поток, сантиметров десять, парень забегает в дом. И тут разряд бьёт в верхнее брёвнышко

и по диагонали двоих убивает. Даже так погибали. Часто получали ожоги. Сначала мы провели электричество в деревушку, но местные жители все провода обрывали, так как они притягивали разряды. Это создавало дополнительную угрозу получить удар молнии. Мы не стали сопротивляться и заново проводить электричество.

После войны всех женщин сразу демобилизовали, а мужчин нет. Поэтому я остался в армии. Несколько раз пытался демобилизоваться, но у меня ничего не получилось, пришлось смириться. Поскольку я был врач со средним образованием, и меня не хотели демобилизовывать, то я решил продолжить своё обучение.

В июле 1952 года поступил в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова, которую окончил в 1958 году. Распределение получил в Московский округ ПВО, где прослужил до 1977 года, начав работать в должности старшего врача военной части и закончив в должности начальника лабораторного отделения 114-го Окружного военного госпиталя. Был главным лаборантом Московского округа ПВО. А сначала жутко не хотел идти работать в лабораторию, был готов идти почти в любое другое отделение. Я недавно закончил академию, и знания у меня были ещё свежие. Я мог применять полученные знания в любой области, и они были бы очень полезны. Не был готов я идти только в хирургию, так как там нужен хороший опыт. Чтобы оперировать человека, надо понимать, какую ответственность ты несёшь. Этот человек доверил тебе свою жизнь, и только от тебя зависит, выживет ли он или нет.

Последнее воинское звание – полковник медицинской службы.

В августе 1977 года ушёл в отставку. Работать продолжал заведующим лабораторным отделением станции заготовки и переливания крови 114 ОВГ, который в дальнейшем стал 5-м Центральным военным клиническим госпиталем ВВС. Уволился по собственному желанию 30 ноября 2002 года. Сейчас людям переливают ту же группу крови, какая и у них. На войне же не было возможности определять группу крови раненого бойца, да и некогда было порой, нужно было срочно действовать. А чтобы определить группу крови, нужно сделать анализ,

на это времени не было. Поэтому переливали только первую группу крови. Это часто спасало бойцам жизнь.

Я – инвалид Отечественной войны 2-й группы.

Годы идут и делают своё дело. Родившиеся после войны дети давно стали отцами, а их отцы, участники былых походов, не только дедами, но и прадедами. Военные лета остались где-то далеко позади, но сама война не отстаёт, могучей силой человеческой памяти и глубокими следами, оставленными ею на челе земли, крепко держит нас, не отпуская ни на минуту, обжигая горячим своим дыханием, и это вопреки отчаянным усилиям тех, кому очень хотелось бы как можно скорее и навсегда погасить эту память, остановить её на рубеже, где её уже не могли бы подхватить как эстафету новые поколения. Но память о Великой Отечественной войне постоянно бьёт по сердцу, взывая: «Не забудь! Не забудь! Не забудь!»

Всю войну я и мои товарищи видели кровь. Часто ты не можешь уже ничем помочь раненому бойцу и видишь, как он умирает у тебя на глазах. Тяжело об этом вспоминать. Не каждый сможет об этом рассказать. Каждый раз, вспоминая о тех, кто умер у тебя на руках, кого ты не смог спасти, становится ещё тяжелее на душе.

***

В семье нас было четыре брата. Все, кроме меня, были рядовые, средний был пограничник, самый старший в пехоте, и только передо мной брат прослужил в Кронштадте, он и Финскую войну там провоевал. Но все мы вернулись. У моей жены было два брата, и оба пропали без вести. Что означает, пропали без вести? Фельдшера у убитых собирали капсулки, в которых были записаны фамилия, имя, отчество и личный номер, чтобы можно было установить личность убитого, их нужно было отдать в штаб. А если вдруг фельдшера самого убивали, то часто эти капсулки терялись, вот так и появлялись без вести пропавшие.

***

Сейчас не модно рассказывать о войне. Но я верю, что священная память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе поможет нам одержать новую победу в духовном воз-

рождении России. И трудно переоценить её значение в воспитании нового поколения. Это не просто история нашего отечества. Эта одна из выдающихся страниц – Победа в Великой Отечественной войне. Народ встречает День Победы с надеждой на новую победу, теперь уже не на войне, а в кропотливой работе по возрождению страны, но добиться успеха можно тогда, когда каждый воспримет дело возрождения России как Великое и Отечественное. Свет победы 45-го года помогает очищению наших душ.

Награды

Ордена:

1. Орден Красной Звезды, № 3399139. Указ президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1956 года.
2. Орден Отечественной войны 2-й степени, № 3040881. Указ президиума Верховного совета СССР от 14 марта 1985 года.

Медали:

1. «За боевые заслуги», Г № 659827, 1943 год.
2. «За оборону Москвы», Р № 003132, от 15 августа 1944 года.
3. «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
4. «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», министр обороны СССР – А. Гречко.
5. «XXX лет Советской армии и флота», от 19 сентября 1948 года.
6. «40 лет Вооружённых сил СССР», от 14 мая 1958 года.
7. «50 лет Вооружённых сил СССР», от 21 февраля 1968 года.
8. «60 лет Вооружённых сил СССР», от 22 февраля 1978 года.
9. «70 лет Вооружённых сил СССР».
10. «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.», от 1 декабря 1965 года.
11. «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.», от 7 мая 1975 года.
12. «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.», от 29 апреля 1985 года.

13. «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», от 22 марта 1995 года.

14. «За безупречную службу в Вооружённых силах СССР», от 17 января 1962 года.

15. «За воинскую доблесть и в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», от 11 апреля 1970 года.

16. «В память 850-летия Москвы», от 26 февраля 1997 года.

17. «60 лет битвы за Москву 1941-2001 гг.».

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Жуковская Марина Валентиновна**, студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Чуденков Александр Васильевич

Нас ведь мало осталось в живых

Я родился 20 июня 1925 года в Орловской области, Краснозоринского района, в деревне Лески. По национальности я русский. Партийности некогда не имел.

С седьмого класса ушёл учиться в ремесленное училище города Долгопрудный. Мое образование 6 классов. Шестнадцатилетним юношей я пришёл работать на завод №6 «Строительство дворца Советов». Это было 23 января 1942 года. Там проработал шесть месяцев, и меня призвали в ряды Красной Армии. Это событие произошло 20 августа 1942 года.

Меня отправили в Краснополянский райком партии, в отдел НКВД по проверке паспортного режима (в военкомат).

Я узнал о войне 22 июня 1945 г. В это время я еще учился в ремесленном училище. Выступал Молотов. С его слов мы поняли, что началась война. До конца 1942 г. мы выполняли те обязанности, которые нам прикажут в милиции или в НКВД, а в 1943 г. я уже служил во 2-м запасном воздушно-десантном полку. Наше место формирования находилось в Саратовских степях. А когда я служил в 4-й воздушно-десантной бригаде, то мы формировались под Москвой в городе Раменское.

Учились и тренировались очень скрупулёзно. Каждый день было 14 прыжков с самолёта и 3 прыжка ознакомительных с аэростата. Мы тренировались до декабря 1944 г. В конце

декабря нас погрузили в вагоны, и мы поехали на фронт. 4-ю воздушно-десантную бригаду расформировали, и я уже служил в 347-м гвардейском полку. Именно в этом полку я воевал под командованием командира полка полковника Кереева. 6 марта мы вступили непосредственно в бой. Особенно ожесточенные бои были у озера Болотон, в городе Секешфехерваре и на подступах к столице Австрии – город Вена. Вену мы освободили 13 апреля 1945 г. за что получил письменную благодарность от Верховного главнокомандующего товарища Сталина. А в последствии был награжден медалью «За взятие Вены», а также орденом Отечественной войны 2-й степени и многими медалями, о которых расскажу в конце своего повествования. Я - участник парада 1948 г. на Красной площади, за что получил устную благодарность от министра обороны.

Я принимал участие в боях на территории Венгрии, Австрии, под Прагой (Чехословакия). Закончил войну 9 мая в районе реки Влтава в окопах. Это было непередаваемое зрелище. Когда нам объявили, что война закончилась, солдаты плакали, смеялись, плясали, целовались. Вверх летели шапки, пилотки, фуражки. В сторону немцев было выпущено столько пуль, снарядов, мин, как будто мы собирались идти в наступление!

В конце марта 1945 года мы освободили территорию Венгрии. Вся венгерская армия сдалась нам в плен. Тут я воевал в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов. Воевал в составе 9-й ударной армии. Нами командовал генерал-полковник Глаголев. Командир дивизии – полковник Виндушев.

Даже после окончания войны происходили стычки с немцами. Они продолжались до конца мая. Все немцы разбежались кто куда. Они боялись сдаваться в плен русским. Тогда я был солдат-стрелок. Когда закончилась война, я занимал должность младшего сержанта. После войны я еще служил четыре года в воздушно-десантных войсках. В марте 1949 года я был демобилизован из рядов Советской армии и пришёл на завод «МКК»- Московский камнеобрабатывающий комбинат города Долгопрудный. Проработал на нем 39 лет в должности слесаря-ремонтника технологического оборудования.

Во время войны я получил легкую контузию. Именно из-за неё я сейчас плохо слышу. По молодости она быстро прошла. Не помню точно, но быстро. Мне медсестры давали какие-то таблетки, и все быстро рассосалось.

Мой боевой путь проходил от Будапешта и почти до самой Праги. Населенных пунктов не помню, так как была не своя территория. Если бы я воевал на русской территории, то непременно бы запомнил все названия пунктов, через которые проходил мой боевой путь.

После войны я служил до 1946 г. на территории Венгрии в 57-й гвардейской артиллерийской бригаде. А в январе того же года я вернулся в Россию. Попал я в Московский военный округ. Потом я проходил службу в отделении истребительной противотанковой дивизии в должности заместителя наводчика. В марте 1949 г. я демобилизовался, так как шло сокращение армии.

В этой войне погибли два моих дяди и один двоюродный брат; я не знаю, где они похоронены и где это узнать.

Мою фотографию печатали в газете «Долгопрудненские странички».

Награды

«За отвагу», № 2794713, дата вручения 31 октября 1947 г.
«За взятие Вены», дата вручения 1 июля 1946 г.
«За Победу над Германией», дата вручения 30 марта 1946г
«30 лет Советской армии и флота», дата вручения 30 апреля 1948 г.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Юбилейные медали:
«20 лет Победы» - 7 мая 1965 г.
«30 лет Победы» - 17 декабря 1975 г.
«40 лет Победы» - 7 мая 1985 г.
«50 лет Победы» - 22 марта 1995 г.
«50 лет Вооруженных сил» - 10 апреля 1969 г.
«60 лет Вооруженных сил» - 8 мая 1979 г.
«70 лет Вооруженных сил» - 21 октября 1988 г.
«Медаль Жукова».
«850-летие Москвы».

Мой военный билет

2-й запасной воздушно-десантный полк – стрелок – март-апрель 1943 года.

4-я воздушно-десантная бригада – стрелок – апрель-декабрь 1944 года.

347-й гвардейский стрелковый полк – стрелок - декабрь 1944 - декабрь 1945 года.

57-я гвардейская артиллерийская бригада – слесарь – декабрь 1945 - июнь 1946 года.

123-е отделение истребительной противотанковой дивизии - июнь 1946 - март 1949 года.

Воевали мы по-гвардейски. Каждый метр проходили с боем. Делали короткие перебежки и искали укрытие. С немцами мы в рукопашную не сходились, так как мы были вооружены автоматами. На войне был закон: если товарищ перебегает, то другой его страхует. Существовал такой лозунг: “Сам погибай, а товарища выручай”. Вот так друг за другом и смотрели.

Хорошо, что нам помогали минометчики и “Катюши” (гвардейские минометы). Когда гвардейские минометы делают залп, то километра четыре идешь без всякого сопротивления. Иногда приходилось немцев “выкуривать” из блиндажей. Мы, конечно, в лоб не лезли, а делали отвлекающие маневры. Отвлекали с одной стороны, а с другой - товарищи гранатами немцев и подбивали.

Видел, как “штрафники” шли в бой. Помню на войне солдаты всегда пели песню: “Эх ты, мама! Зачем ты меня родила?”

Старожилы (солдаты, которые воюют с начала войны) рассказывали, что немец в последнее время стал не тот. Они очень боялись русского плена и боялись Сибири.

Конечно, без артиллерии и минометов пехота была бы очень слаба. Но всё-таки не зря пехоту прозвали - “царицей полей”.

У нас была очень большая взаимовыручка. Друг друга мы поддерживали и оберегали. И это было самое главное на войне. После боя мы собирались все вместе и узнавали всё о своих товарищах: кто погиб, кто ранен. Мы обо всех всё знали.

Мы не мародёрничали. Если заходили в дом и там висели иконы, то в доме никто никогда ничего не брал. Среди солдат не было мародёров!

Эпизоды

Как-то нашего командира, не помню, как его зовут, ранило в ноги. Он горько-горько плакал, из его глаз текли крупные слёзы. Он плакал и все приговаривал: «Эх, попа-попа, не вынесли нас ноги. Подвели они нас».

Как-то захотелось одному солдату блинов. Ну, пошли, кто муку принёс, кто противень, кто ещё чего-то. В общем, собрали всё необходимое. Развели небольшой костёр. Это было на заре. Дым и искры стали подниматься вверх. А немец оказался поблизости. Только первая мина ударила, и мы тут же разбежались кто куда. На фронте всегда прислушиваешься, где упадёт мина: то ли недолет, то ли перелёт. Так получилось, что третья мина попала прямо в костёр. Из нас никого не ранило. Потом мы долго смеялись: «Вот блинов наелись!»

Помню, когда мы были в Чехословакии, нас очень приветливо встретило население этой страны. Они звали нас к себе домой. Угощали разными припасами: молоком, кофе, всякими сладостями и прочими продуктами. В то время это нас очень удивляло, что народ чужой страны приветствовал солдат от всей души.

Во время войны были пушки-сотки. Они обычно располагались метров на 400-500 сзади пехоты. Это событие происходило под городом Вена. По переднему краю противника ходили два «тигра». Немцы сразу передавали им по рации, если заметят какое-либо движение с нашей стороны. И танки сразу открывали огонь. Возле нашей пушки дежурил наводчик. И когда «тигр» стал разворачиваться, этот наводчик выстрелил и попал прямо в борт танка. Взрыв был невероятный. Языки пламени были видны на многие километры. Этот момент остался в моей памяти навсегда.

Самым тяжёлым для нас было, когда немец засядет где-нибудь в доме. А эти дома были предназначены для боёв. Там имелись и специальные отверстия, и отверстия для стрельбы. Нам приходилось хитростью брать эти дома и выкуривать оттуда немцев. Мы обходили эти дома и заходили где-нибудь сбоку. Забрасывали их гранатами до тех пор, пока всех немцев не переубиваем или в плен не возьмём. Бывало так, что некоторые наши взводы уходили далеко вперёд, а нам приходилось

выкуривать немцев из этих злосчастных домов. Если была такая возможность, немцы старались убежать, а не попадать в плен. Но мало кто из них выживал в этих боях.

Один раз мы догнали отступающих немцев. Они шли вразвалочку, а мы пошли им наперерез и тем самым сократили путь. Шли прямо по болоту. Сколько мы там их поубивали, только Господь Бог знает. Кто остался в живых, как мячики, летели под гору в надежде спрятаться от наших смертоносных пуль. Вот чего стоит расхлябанность на войне.

Когда мы взяли Вену, нам дали три дня отдыху и сделали пополнение, так как у нас было очень много раненых и убитых.

После войны мы стояли на берегу Влтавы. Не знаю, сколько дней мы стояли. Это был отдых. Потом в полном боевом снаряжении и своим ходом пошли в Венгрию. Шли больше месяца. Пришли на берега Дуная. Там мы простояли до нового года, а потом приехали в Россию.

В то время пели песню: «Хороша страна моя Болгария, а Россия лучше всех!». Очень тянуло на Родину, в Россию. Только и говорили: «Командир! Когда поедем в Россию? Ну, когда же?». Душа прямо-таки рвалась на Родину. У всего командования про это спрашивали.

Мы встречали фаустпатронщиков. Им было всего то лет по 11-12. Правда, было это всего лишь раз, но зато надолго осталось в моей памяти. На них было то же снаряжение, что и на всех взрослых немцах. Они очень сильно плакали, когда мы их взяли в плен.

Когда шли к фронту, мы спали прямо на ходу, потому что передвигались только ночью. Если повезёт, можешь поспать в водосточной канаве или яме. Вот так мы и воевали.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Нарбеков Андрей Николаевич****, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Оргкомитет по изданию 7-го тома мемуаров
«От солдата до генерала. Воспоминания о войне»
в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Фёдоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича;
членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Фёдоровича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

сотрудникам кафедры истории Московского авиационного института (государственного технического унивеситета) - заведующему кафедрой Порохне Виктору Сидоровичу, профессорам Батениной Виолетте Семёновне и Боечину Владимиру Петровичу, доцентам Айрапетяну Роберту Мелитоновичу, Ан-

дреевой Ирине Николаевне, Балышу Андрею Николаевичу, Барминой Анне Валентиновне, Вельможко Ирине Николаевне, Рузской Светлане Борисовне, Султыговой Лайле Ахмедовне, Тетюшевой Светлане Анатольевне, Чириковой Ольге Борисовне и Шлыковой Людмиле Анатольевне, старшим преподавателям Михееву Владимиру Викторовичу и Юрченко Ивану Юрьевичу, учебно-вспомогательному персоналу кафедры - Серебряковой Ирине Николаевне и Архиповой Наталье Владимировне;

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:
редакторам Саксонову Олегу Викторовичу, Лидяевой Наталье Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне;

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:
Читипаховяну Петру Степановичу.

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 7

Редакторы: Саксонов О.В., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Компьютерная вёрстка Кирсанова В.Н.

ИБ №424

Подписано в печать 19.04.2006. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 33,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6052.

Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. ЛюберцыМосковскойобл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел.554-21-86

ISBN 5-903076-03-3

9 785903 076031

533